

Эрик Гарсия Ящер-2 [Casual Rex]

Частный детектив Винсент Рубио и его коллега Эрни Ватсон вынуждены противостоять чарам прекрасной самки велоцираптора, лидеру движения прогрессистов. Кто сказал, что динозавры должны скрывать свое «я» под слоями латекса? Еще одна книга из саги о динозаврах — увлекательная детективная головоломка от автора бестселлера «Anonymous Rex».

Посвящается моей замечательной доченьке Бэйли Джордан, которая прижимается ко мне и на ушко нашептывает все действительно хорошие строки

«Два листика базилика, пожалуйста. Свернуть, но не рвать».
Винсент Рубио

1

В работе с Эрни Ватсоном импровизация — это обычное дело, наш модус операнди, так сказать.

— Ты как там, малыш? — спросил Эрни, но я в ответ смог лишь промычать что-то невразумительное, в рот и нос забивались всякие мерзкие ворсинки, меня обдало запахом шести тысяч пар обуви и «ароматами» одного невоспитанного домашнего любимца, явно

страдающего недержанием мочи. — Не дергайся. Я уже почти закончил с этой хреновиной.

В заднем дворе не прекращала выть охранная сигнализация, а Эрни ковырялся с пластиковой клавиатурой, изо всех сил стараясь заткнуть это чудо инженерной мысли или, по крайней мере, разломать его и отправить в мир иной. Прошло десять секунд. Еще двадцать, и мы станем лакомым кусочком для местного патруля. К счастью, у патрульных нет оружия. Ну, я так думаю...

— Код, — прошипел я. — Введи же, наконец, чертов код!

— Уже...

— Ни фиги! Эта штуковина все еще воет!

— Да ввел я, ввел! Этот код не подходит!

Я вскочил на ноги. Сегодня на мне были дорогие ботинки от Бруно Мальи, не самая подходящая обувь, чтобы забираться в чужие дома и шастать там, но в восемь утра я предполагал, что мы проведем рабочий день, как добропорядочные граждане, а не как парочка преступников. Одним прыжком я оказался рядом с напарником и стал вводить код заново, несмотря на его протесты. Эрни — отличный детектив, но тем не менее его зрение постепенно ухудшается, и он уже не видит даже последнюю строчку в соответствующей таблице. В прошлый раз он убеждал окулиста (ей-богу, не шучу), что проблемы не с его зрением, а с таблицей. Так что весьма вероятно, что Эрни просто нажимает не те кнопки.

Так... 6-2-7-1-4-9-2. Именно так было написано в телефонной книжке нового муженька мадам, в дом которой мы лезли. Этот номер был нацарапан около имени Элвин Сигнал. И можно поклясться чем угодно, что только тираннозавр — ти-рекс — с его «выдающимися» мозгами мог придумать столь заковыристую головоломку. Не торопясь, я аккуратно набрал на клавиатуре цифры в правильной последовательности.

Но вой не прекратился. Двадцать секунд на исходе. Ничего хорошего.

— Эй, — сказал я, — а код-то и впрямь не подходит.

Эрни одарил меня знакомым холодным взглядом. Я широко улыбнулся в ответ.

— Черт, — проворчал Эрни. — Должно быть, этот гад поменял код.

— Возможно, это она...

— Нет.

Сказал как отрезал, а я не стал спорить.

Пятнадцать секунд. Я бросил взгляд на дверь, через которую мы попали в дом, затем посмотрел на дорогу и соседние улицы. Пока что патрульных не было видно, но они могут появиться в любую минуту. Пора подавать сигнал к отступлению, покидать этот чертов дом и прекращать выполнение задания. Во всяком случае, я уже проголодался.

Но не успел я схватить Эрни за ворот синей футболки на пуговицах и отволочь его в закусочную «Пинк», чтобы насладиться хот-догом с соусом «Чили» и дополнительной порцией лука, как он каким-то макаром сумел оторвать переднюю панель клавиатуры. Перед нашими глазами предстало нутро охранной системы. По внешнему виду она казалась сложной, но внутри все было просто. Провода болтались как спагетти, кое-где отошли контакты и потрескивало электричество. Эрни посмотрел в мою сторону, его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ложись на пол, малыш, — сказал он. — И не вставай!

Тут уже было не до споров. Я работал в паре с Эрни больше десяти лет и за это время выучил, что если Эрни болезненно морщится и у него становится такое лицо, словно он только что лизнул человеческую особь, значит надо наострить уши и прислушаться к его словам. И я шлепнулся на пол.

Внезапно показалась подлинная лапа Эрни с корявыми когтями, а латексная перчатка, имитирующая человеческую руку, теперь свободно болталась на запястье. Он резко выпрямил предплечье, рассекая воздух, и четыре острых, как бритвы, когтя принялись кромсать все это высокотехнологичное великолепие, привинченное к стене. Посыпались искры, окатив Эрни потоком миниатюрных фейерверков, но он не сдавался и упорно продолжал расправляться с проводами, несмотря на ожоги, остававшиеся на его костюме.

А сигнализация тем временем взывала пуще прежнего.

Теперь Эрни уже по-настоящему торопился. Он схватил один из оборванных проводов обеими руками и закрутил оголенные концы друг вокруг друга в один блестящий жгут.

Вспышка. Шипение. Возможно даже небольшой взрыв.

И тишина. В воздухе явственно запахло серой. Обрывки проводов, кнопочки, лампочки и обломки компьютерных чипов небольшой горкой возвышались на коврик в прихожей. А мне во избежание пожара пришлось тушить тлеющие островки непонятно чего подошвой дорожных дизайнерских ботинок. Господи, чего только не сделаешь ради этой чертовой работы...

Зато Эрни торжествовал. Он поднял руки, латексными пальцами левой ухватился за свои когти на правой и подпрыгивал, как боксер, отправивший соперника в нокаут в одном из первых раундов. Это приплясывание выражало ликование, как и улыбка, расплывающаяся по его лицу. Я хорошо знаю эту улыбку, не заметить ее нельзя. В ней весь Эрни.

— Отличная работа, — сказал я. — Ты починишь эту штуку перед тем, как мы уйдем?

Эрни пожал плечами.

— Чтобы я еще знал как...

— Хм, то есть можно расценивать это как несанкционированное проникновение в систему безопасности?

— Типа того.

— Но ты ведь получил удовольствие, справляясь с несчастной сигнализацией, да?

Раздался короткий смешок, можно даже сказать, хихиканье. Эрни повернулся, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Ну уж точно, черт побери, плакать не буду, малыш.

И мы двинулись дальше.

Узкие коридоры и маленькие комнатки, разделенные на секции, — это нормальная планировка в подобных домиках, обшитых деревянными панелями, словно мы перенеслись в семидесятые, когда в моде были стены, декорированные булыжником, и модульная мебель. Казалось, в этих комнатах пульсируют ритмы диско. Сводчатый потолок возвышался над гостиной, в которой стоял без дела рояль знаменитой марки «Стейнвей», а на его клавишах покоился тонкий слой пыли.

— Она по-прежнему играет? — спросил я.

— А я, черт возьми, откуда знаю?

— Я подумал, возможно, вы...

— Нет.

В главном коридоре на стене рядом висели фотографии в рамках, некоторые давнишние, но большинство было сделано в последнее время, и на всех — динозавры в человеческих масках. На заднем плане одного группового снимка (я пришел к выводу, что эта фотография с какого-то семейного сборища, поскольку все персонажи похожи друг на друга) мне, по-моему, удалось разглядеть знакомое лицо в маске, знакомую коренастую фигуру. Но у меня не было времени проверить эту догадку, поскольку Эрни уже миновал коридор и зашел в спальню.

— А что мы ищем? — спросил я.

Эрни уже шмякнулся на колени рядом с двуспальной регулируемой кроватью и начал торопливо рыться в ободранной дубовой тумбочке. Книжки и старые квитанции летели на пол, пока мой напарник копался в ящике. Его настойчивость граничила с неистовством. Да... Могу сказать только, что это не напоминало аккуратную работу археолога.

Эрни так мне и не ответил. Я легонько постучал его по плечу, но он и ухом не повел.

— Так что же мы...

— Узнаю, когда увижу.

Я присел на краешек кровати, и она под моим небольшим весом провалилась чуть ли не до пола. Я даже не слышал скрипа пружин, поскольку они, должно быть, некоторое время

назад проиграли долгую тяжелую битву. Вероятно, на этой стороне спит наш новый муж. Ти-рексы, несмотря на свой внешний вид, не самые легкие существа в мире.

Эрни успешно переместил все содержимое верхнего ящика на пол и начал ту же операцию с нижним ящиком, но теперь действовал с какой-то непонятной мне медлительностью, которая вызывала у меня беспокойство, поскольку я понял, что мне придется проторчать тут весь вечер. Уж если мой напарник поставит перед собой какую-то цель, то остановить его может только небольшой пушечный выстрел или аппетитный кусок бараньей грудинки.

— Я пойду постою на стреме, — предложил я.

— На фигу?

— Ну вдруг они вернутся.

— Они же в опере.

— Ну, мало ли, может, они уйдут после третьего акта, — сказал я, а Эрни просто махнул рукой в моем направлении. Я расценил этот жест как намек на то, что мне неплохо бы свалить куда-нибудь и не мешаться, что и сделал, но пошел не «куда-нибудь», а в определенное место. Эскадрон чертенят, расквартированный в моем животе, с шумом требовал ужина, царапая стенки желудка своими вилами. Я больше не мог игнорировать этих маленьких демонов, так что, сами понимаете, первую остановку пришлось сделать на кухне.

На кухне чисто. Все сверкало. И под рукой все необходимое. Лично я — тоже поклонник холодильников «Саб-Зиро»: их легко открывать и благодаря идеальной планировке на них легко осуществлять «набеги». Аккуратно, чтобы не нарушить порядок, я вытащил с нижней полки недоеденную баранью ногу, подцепил баночку острой горчицы и пошел к столу. Чертенята принялись колоть меня вилами с еще большей силой, а желудок в знак протеста заурчал.

Я успел откусить всего раз, ну или два, но тут на оранжевых занавесках на кухонном окне, выходящем на дорогу, вспыхнули и качнулись два огонька. Времени закончить трапезу у меня уже не было. Это были фары, я даже не сомневался, а вдоваков послышалось урчание импортного автомобиля, которое ни с чем не спутаешь.

— Эрни! — крикнул я, бегом миновав коридор и развив при этом скорость, доселе недоступную динозаврам. — У нас проблема...

Но он был поглощен тем же занятием, что и раньше, только в этот раз шарил уже в старом комод, стоящем у дальней стены. С тех пор, как я оставил его наедине с его поисками, прошло всего несколько минут, но было ощущение, будто по спальне пронесся небольшой смерч. Весь пол был усеян какими-то безделушками, листьями бумаги, разбросанными во всех направлениях.

— Думаю, я уже почти нашел, — сказал Эрни, не обращая внимания на масштабы беспорядка, который он после себя оставил.

— Никаких «почти», — возразил я. — Они уже тут.

— Знаю, — с тоской кивнул он. — Я учуял ее запах еще две минуты назад.

И хотя две минуты назад пассажиры той машины были еще в десяти кварталах отсюда, у меня не было оснований сомневаться в нюхе Эрни, когда дело касалось подобных вещей. Но все равно нужно сматываться. Я схватил Эрни за плечо, но он стряхнул мою руку и продолжил копаться в комод.

Я уже слышал шаги двух пар ног на дорожке, ведущей прямо к дому, и теперь тоже мог чувствовать их запах. Один сильный, мускусный, насыщенный и тяжелый, как дешевый одеколон. А во втором аромате чувствовались нотки сирени и приятный запах теплой овсянки.

И вот уже ключ повернулся в замке входной двери, вот-вот законные владельцы дома войдут в прихожую и попадут прямоком в кошмар, первым признаком которого будет кучка обуглившегося пластика и силикона, которые некогда были основным средством защиты от незваных гостей, больших и малых.

— Эрни, мы не можем тут прохлаждаться, пока...

Скрипнула входная дверь, остались доли секунды...

— ...ты найдешь хрен знает что, что бы это ни было!

— Уже нашел, — сказал Эрни спокойным, почти печальным голосом.

Я попытался рассмотреть маленькую желтую бумажку в его руке, но он уже открыл раздвижные застекленные двери и оставил меня пробираться через бардак, устроенный им в спальне. Я едва успел выскочить во дворик, как услышал хор охов-ахов и возмущенных голосов из прихожей. Но я уже сломя голову несясь подальше от места преступления, быстро набирая скорость. Я буквально пролетел мимо бассейна, затем по газону, перескочил через забор одним прыжком (должен признаться, в этот раз это далось мне чуть сложнее, чем обычно) и ползком преодолел соседский дворик. А Эрни тем временем опередил меня на добрый десяток метров.

Через две минуты мы уже сидели в моем любимом «линкольне», пыхтели как паровозы и пытались перевести дух, но при этом посматривали, не видел ли нас кто, не преследуют ли нас. Но единственное движение в полумраке создавали типичные элементы пригородного пейзажа: сети баскетбольных корзин слегка покачивались на ветру, фигуры фламинго, украшавшие лужайки, заваливались со своих проржавевших металлических ног, соседские коты рыскали в поисках приключений. На какое-то мгновение показалось, что нам удалось смыться незамеченными.

Мои желудочные демоны были недовольны неожиданной пробежкой по пересеченной местности и грозили вернуть обратно два небольших куска баранины, которые я успел запихнуть себе в рот. Я с трудом сглотнул, пытаюсь сохранить остатки профессионализма. Меньше всего мне хотелось завершить вечер, очищая переднее сиденье «линкольна».

Эрни был поглощен содержанием украденной им бумажки. Через некоторое время я спросил:

— Может, и мне покажешь, что это такое?

Он сложил листок пополам, потом еще раз и засунул в нагрудный карман.

— Давай-ка выбираться отсюда.

— Самая лучшая идея за сегодняшний день, — я повернул ключ, старый добрый американский мотор проснулся и затарахтел, нарушив тишину ночи.

Когда я включил фары, Эрни протянул руку и выключил их снова.

— Вообще-то я бы предпочел их включить.

— Проедь по ее улице, — велел Эрни.

Я покачал головой.

— Это плохая идея, Эрн, — я снова включил фары в знак протеста. — Нам и так уже один раз повезло. И мы найдем себе приключений на...

— Выключи фары. Это безопасно. Ну же, малыш. Ради меня!

Я рад был бы поспорить с ним, честное слово, но мог заранее предвидеть свое поражение. Ради того, чтобы сэкономить пару часов, я мысленно заблокировал каменной стеной тот отдел мозга, который отвечает за любовь к спорам, выключил фары и поехал по улице, как и просил Эрни.

Входная дверь была открыта, в доме горели все лампы, какие только можно. Хозяева врубили даже галогенные лампы во дворе, так что дом светился с интенсивностью ядерной вспышки. В полумраке я неторопливо ехал под уклон, едва касаясь педали газа.

Из дома до нас донеслись обрывки разговора: «...украшения... проверь, не взяли ли они... где твои кольца... посмотри, все ли в сейфе...». Вместе со словами долетал и запах, густой аромат злобы. Воздух в пределах квартала постепенно наполнялся запахом каштанов, запеченных в костре, но для динозавров это запах страха и злости, а противоположные эмоции будут сопровождаться пощипыванием носа, как в морозный день.

Хозяйка дома, возможно, почуяв наше присутствие или просто нуждаясь в передышке, поскольку ей трудно было смириться с самим фактом вторжения в ее гнездышко, вышла на крыльцо и уставилась в ночное небо. Видела ли она нас? Вероятно. Узнала ли? Вряд ли.

Да, давненько она не была у специалиста по состариванию масок. Я смог понять это

даже на таком расстоянии, поскольку на ее маску еще не был нанесен набор морщинок, который положено иметь дамам после пятидесяти. В целом она выглядела точно так же, как в последний раз, когда мы виделись, то есть больше трех лет назад. Копоткие белокурые волосы были туго завязаны в аккуратный небольшой пучок, на тонких изящных запястьях набор не слишком дорогих украшений. Глаза окружены голубыми тенями, а губы скорее розовые, чем красные. Даже сейчас, когда она боялась и была расстроена, видно было, что эти губы умеют улыбаться, ее доброжелательный нрав не давал уголкам губ опускаться.

— Она все так же пахнет, да? — сказал Эрни. Его печальный тон и меня заставил погрузиться в задумчивость. Я легонько похлопал напарника по спине, но в этот раз он не убрал мою руку. И мы хором вздохнули.

— Она такая милая, — протянул я.

— Не сыпь соль на рану.

— А что я такого сделал? Ты сам сказал, что она хорошо пахнет, а я сказал, что она милая. Разве не так?

Эрни поскреб подбородок, потирая щетину, которую аккуратно наносил раз в неделю. Он подумывал о том, чтобы купить себе комплект растительности на лице у Нанджутцу, тогда волосы действительно прорастали бы сквозь кожу с заданной скоростью, но решил, что наборы сменных бород (которые надо обновлять хотя бы раз в две недели) не стоят тех денег, которые за них просят.

— Так, малыш. Она и впрямь очень мила, — сказал он.

Быстрым движением Эрни залез в карман, вынул листок бумаги, похищенный им из дома, и бросил мне на колени. Я медленно развернул его, при этом потеряв бумага зашуршала под моими пальцами, и поднес к слабому лучику света от циферблата часов.

Свидетельство о браке. Если быть точным, свидетельство о браке между Луизой и Эрни. Я сложил листок как можно осторожней и протянул его напарнику, который все еще не мог оторвать взгляд от своей бывшей жены, стоявшей в дверях их бывшего дома.

В какой-то момент мне показалось, что она смотрит прямо на нас и ее глаза встретились с глазами Эрни, мне даже казалось, что я слышу ее голос. «Ничего страшного. Я же все понимаю». Но тут она повернулась, вошла в дом и закрыла дверь. Еще через минуту фонарь на крыльце погас.

— Едем домой, малыш, — сказал Эрни. — И не останавливайся на заправках.

* * *

Когда Эрни сказал «домой», то он имел в виду офис, угловой кабинет на третьем этаже здания в Вествуде, где и почта толком не работает, и напор воды в кранах оставляет желать лучшего. Раз в два дня я занимался тем, что вытаскивал конверты из грязи прямо из-под нашего почтового ящика, а когда возвращался в офис, то с трудом мог отмыть руки, поскольку вода текла со скоростью шесть капель в минуту.

На дверях нашего офиса висит табличка: **«Ватсон и Рубио. Частные детективы»**. И хотя я никогда не устраивал разборок, почему это мое имя на втором месте — на самом деле мне было вообще плевать, в каком порядке написаны наши имена, — тем не менее в конце каждого года Эрни предлагал мне поменять их местами.

— Это твой шанс, малыш, — всегда подшучивал он. — Рубио и Ватсон! Чертовски хорошо звучит!

Но мне это неинтересно.

В этот вечер почтовый ящик был порядком набит, и хотя как минимум десять конвертов и посылка валялись в грязи, но адресованных нам среди них не было. А вот с мистером Тогглем из 215-го офиса непременно случится припадок, и хотя он — человек, но реветь умеет, как стегозавр при виде заусеницы.

Лифт снова не работал, так что добро пожаловать на лестницу, ребята. Два пролета, оба короткие, но у Эрни уже началась одышка. Это все потому, что он выкуривает в день по

пачке сигарет, и я не понимаю, почему он не бросит, ведь не никотиновая же зависимость удерживает его, черт возьми.

Дверь в наш офис была приоткрыта, и тонкая полоска света ползла по темному коридору. Изнутри доносился еле слышный металлический скрежет, словно диск какого-то большого джазового оркестра проигрывали на нашей плохонькой стереосистеме с поврежденными динамиками. Мы с Эрни под прикрытием темноты аккуратно приближались к двери, прижимаясь спинами к шершавым бетонным стенам, на которые забыли положить штукатурку.

— Мне казалось, я просил тебя запереть дверь, — прошептал Эрни.

— Ага, а я тебя — выключить свет, — шепнул я в ответ. Если бы у меня был с собой пистолет, то я бы сейчас уже полез за ним. За неимением оружия я нащупал пальцами левой руки перчатку на правой, приготовившись обнажить когти и растерзать врага на куски.

Эрни, стоявший ближе к двери, кивнул мне, чтобы я атаковал с другого края. Я поднял три пальца, затем два, один... Пора начистить непрошеным гостям морды.

— Здорово, парни. Какими судьбами?

За моим столом сидел круглолицый коротышка, покачивая коротенькими ножками в воздухе в такт музыке. При этом он шуршал бумажками, разбросанными по моему столу, скользя пухлым указательным пальчиком по строчкам во время чтения. Ноготки наманикюрены. Костюмчик сшит на заказ. И черные-черные волосы. Сальные черные волосы. Слипшиеся сосульками сальные черные волосы. Дверь распахнулась и с грохотом стукнулась об стену. Коротышка одарил нас широкой улыбкой, которая должны была выражать смущение, но попытка была безуспешной.

Я захлопнул за собой дверь и подбежал к наглому карликовому грабителю.

— Что ты себе позволяешь, Минский?

— А что такое? — спросил он. — Что я такого сделал? В чем проблема?

Эрни помахал своими когтями прямо перед носом Минского, притворившегося ангелом во плоти, и сердито сказал:

— Проблема в том, что от встречи с твоими предками тебя отделяло пять секунд!

— Вы что, собирались убить меня?

— Не собирались, а собираемся.

— Эй, погодите-ка, но я же не вламывался к вам, — сказал Минский. — Какое может быть незаконное проникновение, если вообще-то я — владелец этого здания?

Сейчас у меня уже не было желания вступать в спор о правах арендодателя и арендаторов, поэтому я слегка приподнял бровь и поглядел на Эрни — это один из наших условных сигналов к отступлению, который мы применяем во время допроса свидетелей. Эрни медленно сделал шаг назад и втянул когти. Минский заулыбался.

— Как дела? — спросил он. — Бизнес идет?

— Чего тебе надо? — рявкнул я. Светские беседы с этим козлом, как уже известно, могут омрачить все выходные, а мне еще надо хорошенько выспаться.

— Что же, арендодатель уже не может навестить своих любимым арендаторов?

— Нет.

Я крепко схватил Минского под мышки, поднял этого гадрозавра-недоростка с моего стула и бросил на пол. Теперь его голова находилась на уровне моего пояса, и смириться с его присутствием стало чуть-чуть полегче. Странно в наши дни видеть столь низкорослого динозавра, но сорок пять лет назад, когда Минский был маленьким, многие динозавры пренебрегали правильным питанием. Гамбургерами и мексиканскими маисовыми лепешками можно выкормить человеческого детеныша, но чтобы вырастить здорового гадрозавра нужно кое-что еще.

— Ребята, вы же платите арендную плату? — спросил Минский.

— Арендную плату нам платить еще только через две недели, — сказал Эрни. — У меня в календаре все отмечено, — он начал упорно подталкивать нашего арендодателя к выходу. — Вот тогда и приходи нас «навещать». А еще лучше я опущу чек в твой почтовый

ящик, чтобы ты вообще сюда носа не показывал, ладошки?

Я распахнул дверь, а Эрни схватил Минского сзади за пояс брюк и приготовился выкинуть его в коридор.

— Стойте, стойте, — пронзительно завопил Минский, — у меня вопрос... Я к вам по делу...

— Прости, — сказал Эрни, — но мы уже закрыты.

Но Минский извивался в его руках, как рыба на крючке, тщетно пытаясь просочиться обратно в наш кабинет. Он напоминал полузащитника из лиги юниоров, который пытается прорваться через оборону команды профессионалов. Я видел, что Эрни изо всех сил старается не рассмеяться.

— Что за черт, — сказал я. — Ну ладно, пусти его.

Эрни сделал бросок в противоположном направлении, и Минский влетел обратно в наш офис. Он четким, неторопливым движением поправил свой галстук в «огурцах», который не совсем подходил к отличному, сшитому на заказ костюму, и, вновь обретя чувство собственного достоинства, с важным видом уверенными шагами двинулся к столу. В этот момент мне пришло в голову, что маска Минского стоит целое состояние, поскольку ее по причине нестандартно малого размера, наверняка, приходится изготавливать на заказ. Может, мы слишком много платим за этот офис? Или лее стоматологический кабинет приносит такую кучу бабок?

— У меня новая подружка, — начал Минский, а мы с Эрни дружно вздохнули. Я отодвинулся от стола и встал.

— Спокойной ночи, Минский, — сказал я, подготовившись продолжить с того места, где закончил Эрни, и напрягая те мускулы, которые лучше всего подойдут для швыряния коротышек в коридор.

— На этот раз все совсем по-другому.

— Ты всегда так говоришь, но, черт возьми, всегда одна и та же фигня, — сказал я, постепенно повышая голос, одновременно во мне поднималась волна злости. — Ты впутался в какой-то блудняк с очередной шлюшкой и теперь хочешь, чтобы мы отмазали тебя перед твоей женошкой.

— Нет, пожалуйста, выслушайте... вы не понимаете... Ее зовут Стар, она — аллозавриха. Мы познакомились с ней на бульваре Сансет. Она просто фантастическая девушка.

— Какая-нибудь малявка, сбежавшая из дома? — спросил я.

— Не совсем. Ну... ей девятнадцать. То есть с юридической точки зрения она несовершеннолетняя, но она вовсе не беглянка, даже можно сказать, что у нее свое дело...

Эрни, который вычищал грязь из-под ногтей ножом для вскрытия конвертов, встрепенулся:

— Проститутка, значит.

Лицо Минского исказилось от боли, словно Эрни со всего размаха влепил ему пощечину.

— Ни в коем случае! Почему ты так говоришь?

— Ну, ты же сам сказал, что вы повстречались на бульваре Сансет,¹ но она не какая-нибудь там мелкая сопля, убежавшая из дома, а у нее свое дело. Пораскинь мозгами, Минский, какой напрашивается вывод?

— Уверяю вас, Стар — не проститутка. Она торгует картами.

— Картами? — переспросил я.

— Ну, картами, на которых обозначены дома звезд Голливуда.

Мы с Эрни заржали и какое-то время не могли остановиться.

— Я рад, что вас так развеселила ее работа, — сказал Минский, когда наша истерика

¹ Бульвар Сансет известен как место сбора лос-анджелесских проституток.

сократилась до размеров отдельных смешков. — Но Стар неплохо зарабатывает на жизнь, она добрая, и вообще самая милая девушка из всех, кого я знаю.

— Отлично, — прервал я эту любовную песнь. — Но если она такая милашка, и ты чертовски счастлив, то к нам-то зачем приперся?

Минский повесил голову, и голос его стал тихим даже для такого коротышки.

— Мне кажется, она крадет у меня закись азота, ну, знаете, «веселящий газ»...

— Милая девочка.

— И эфир.

— Просто супермилая девочка.

Минский, вероятно, один из самых известных и высокооплачиваемых дантистов-динозавров в Лос-Анджелесе. Он замечательно умеет спиливать зубы, делать их похожими на человеческие, и занимает определенную нишу на рынке подобных услуг. Но когда дело касается женщин, то знаний у него недостаточно, еще нужно учиться и учиться. Это уже четвертая его любовница, о которой он нам поведал за последние два года, но я на все сто уверен, что было еще много других, о которых он просто не упоминает. Но, с другой стороны, может, это мне стоит поучиться — как-никак Минский, черт его побери, выполняет свой «мужской» долг намного чаще меня.

И все же, как мне кажется, эти девицы каждый раз обдирают его как липку.

— Ну и что ты от нас хочешь? — спросил я.

— Найдите ее.

— Ты что не знаешь, где твоя подружка?

— Нет... не совсем.

— Возможно, это и есть идеальные отношения между мужчиной и женщиной, — хихикнул я.

— И я хочу, чтобы вы выяснили, действительно ли она ворует у меня.

— А если это так?

— Помешайте ей. Или просто остановите. Верните мне мое имущество.

— А почему бы тебе просто не поговорить с ней, попросить по-хорошему? — спросил Эрни. — Разве не на этом основаны отношения? Доверие, честность и весь прочий бред.

Минский пожал своими тощими детскими плечиками. Он что, стал еще меньше, чем был минуту назад?

— Я боюсь, что если я спрошу... если я попрошу ее остановиться, то она меня бросит... или...

— Или расскажет Шарлин про ваши шуры-муры.

Шарлин — это его жена. Очень ревнивая. Ревнивая жена, которая в шесть раз больше по размеру, чем наш незадачливый герой-любовник.

Минский кивнул.

— Да, — с каждой секундой он становился все меньше, я уже было заподозрил, что сейчас он съжится до размеров горошины и вообще исчезнет из виду.

Мы с Эрни переглянулись, при этом наши взгляды встретились не более чем на полсекунды. За это время мы уже можем прочесть мысли друг друга, так что вопрос решается еще до того, как клиент осознает, что он был задан.

— Мы займемся этим, — вздохнул я, а Минский поднял глаза и заулыбался, всем своим видом выражая, как он нам благодарен.

— Правда?

— Дай нам недельку или чуть побольше, — сказал Эрни.

— Сколько? — спросил Минский, нащупывая бумажник.

Мы снова переглянулись, и я сказал:

— Три месяца без арендной платы.

— По рукам! — воскликнул Минский.

— И еще два бесплатных визита в стоматологический кабинет, — добавил Эрни. — Мне нужно поставить коронки на левые нижние зубы, ну и возможно, обновить мост.

Внезапно Минский прыгнул с дивана и вразвалочку пошел к моему столу. Без особых усилий он запрыгнул на него, по дороге свалил на пол несколько бумажек, навис над Эрни, который послушно открыл рот и отдался в маленькие опытные руки доктора. Минский заурчал, обнаружив в пасти Эрни износившиеся коронки.

— Я вставлю тебе коронки фирмы «Импресарио», — сообщил он. — Отличная вставная челюсть. Модель «Джордж Гамильтон». Без проблем.

Внезапно внимание Минского обратилось на меня, и он с сопением пошлепал по столу, в ходе своего решительного наступления сбрасывая на пол все больше бумаг.

Я отпрянул.

— Спасибо, но... спасибо, мне и так хорошо.

— Ну же, Винсент, поддержание ротовой полости в порядке должно у тебя стоять на следующем месте после походов в церковь, — заявил Минский, потянувшись толстенькими ручками к моим стиснутым челюстям.

— В этом смысле я зубной атеист. Так что отвали, шмакодявка.

Минский пожал плечами и прыгнул со стола.

— Я ценю то, что вы делаете для меня, парни.

— Но нам понадобится информация, — сказал Эрни.

Я нацарапал на задней стороне конверта список того, что нам понадобится:

— Полное имя, дата рождения, откуда родом, ну если есть возможность, парочку фоток.

— Откровенных? — спросил Минский.

— Подойдут и обычные.

После этого Минский отчалил. Я стал приводить в порядок свой стол, поднимать бумаги с пола, а Эрни снял пальто и повесил его на металлический крюк, прибитый на дверь.

— Ты веришь этому парню? — спросил он.

— Несчастный сукин сын.

— Раз в полгода он тут как тут с очередной слезливой историей о своей новой даме сердца.

— Некоторые мужики... — начал я. — Некоторые мужики просто не могут совладать с собой. Они не понимают, где та грань, через которую не стоит переходить.

— Я тебе скажу, в чем причина. Он считает, что его ответ жизни заключен в бабах. Минский думает, что он не будет самим собой, пока он не с бабой.

— Ну нельзя же так жить.

— Но нормальный мужик может существовать сам по себе, — настаивал мой напарник. — И даже должен.

— Ты прав, Эрн. Ты прав.

Мы молча прибрались в офисе и пожелали друг другу спокойной ночи. Я прошел по коридору и умылся в туалете, потом вернулся. Мое лицо все еще было влажным, капельки воды скатывались с фальшивого латексного носа и образовывали на полу маленькие лужицы. А Эрни тем временем, свернувшись калачиком, спал на диване. Ботинки валялись на полу рядом. Кусачее шерстяное одеяло натянуто до подбородка. Обеими руками Эрни крепко обхватил маленькую диванную подушку, и с его толстых губ срывался легкий храп.

И я поехал домой в гордом одиночестве.

2

Утром я опоздал на работу, а все из-за митинга в поддержку легализации марихуаны, проходившего перед монолитным зданием правительственных учреждений, которое возвышается над бульваром Уилшир неподалеку от Калифорнийского университета. Движение автотранспорта было заблокировано во всех направлениях на несколько миль. Для Лос-Анджелеса пробки — обычное дело, но поскольку мой кондиционер не работал в полную силу, то мне приходилось все время держать окна открытыми, чтобы хоть какой-то

свежий воздух проникал внутрь. Постоянно играла какая-то фольклорная музыка, и раздавался сильный запах травки, которую покуривали митингующие. Довольно быстро у меня совершенно испортилось настроение.

Эрни не оказалось на месте. Одеяло было сложено и убрано. Диван приведен в надлежащий вид. Уже как минимум полгода Эрни ночует в офисе, и я больше не пристаю к нему по этому поводу.

Если потерянная обстановка нового холостяцкого логова в Голливуде мешает ему хорошо выспаться, то разве я имею право лезть со своими советами и настаивать, что это не так?

На моем столе меня ждала записка. Крупные, но аккуратные буквы поперек желтого листа бумаги. «Ушел к зубному.» Но я не думаю, что Эрни пошел на осмотр к Минскому по их вчерашней договоренности. Скорее всего, он сейчас осматривает офис клиента, возможно, его дом, или то любовное гнездышко, где Минский кувырчался со своей юной подружкой-аллозаврихой. На это у него уйдет как минимум час или даже больше. Значит, у меня есть время, чтобы сразу перейти к бумажной работе, которая нарастает, словно снежный ком, и грозит обрушиться на меня лавиной и окончательно похоронить мой стол под грудой исков и свидетельских показаний.

В приоткрытую дверь постучали. Я повернулся и увидел знакомое лицо (на самом деле я видел его не далее как вчера), заглядывающее из коридора.

— А Эрни здесь?

В кабинет проник запах теплой овсянки и сирени. На мгновение мой мозг оцепенел, и верх взяли инстинкты. Внезапно я обнаружил, что качаю головой, присев при этом на краешек стола, а руки сами по себе скрестились на груди.

— Его нет.

— Ох. Рада тебя видеть, Винсент, — она зашла в кабинет. На ее плече болталась сумочка а la «коллекция Шанель». Морщинки в положенных местах по-прежнему отсутствовали.

— И я рад тебя видеть, Луиза.

Мы натянуто улыбнулись друг другу.

— Как твой новый муж? Терренс, его так, кажется, зовут?

— Террелл.

— Ой, прости. Террелл. Ну и как у него дела?

— Ну, учитывая сложившиеся обстоятельства, дела у него неплохо. Вот только с дыханием проблемы.

— У ти-рекссов частенько такое бывает.

— Да, к сожалению, мы этим страдаем, — кивнула она.

На минуту воцарилось молчание, и я попытался понять, не нарушаем ли мы какие-то нормы поведения или моральные установки, просто находясь в одной комнате в отсутствие Эрни.

Луиза первой прервала тишину.

— Мы ведь... то есть ты ведь...

— Не сержусь ли я на тебя?

— Да. Ты ведь не сердишься на меня?

— Нет-нет, что ты, конечно, нет, — я широко улыбнулся в подтверждение собственной искренности. По крайней мере, я надеялся, что она примет мои слова за чистую монету.

— Спасибо. Может быть, ты хочешь...

— Нет. Это только ваше дело. Я имею в виду твой развод с Эрни. Я здесь ни при чем.

Казалось, Луизу удовлетворил мой ответ, и отсутствие негатива с моей стороны послужило сигналом к дальнейшему проникновению в наш кабинет. Через минуту она уже уселась на диван, поерзала и вдруг засунула себе руку под ягодицы, словно собиралась почесать их, хотя дамам такое поведение определенно не свойственно, и выудила ночную маску, обеспечивающую спящему комфортную темноту.

— Похоже, это маска Эрни.

— Похоже, да.

— Он что... Он здесь ночует?

— Ну, раз или два в месяц. Когда задерживается на работе допоздна.

Этот разговор мог бы продолжаться вечно. Луиза сидела бы на диване, а я — на краешке стола, и мы говорили бы об Эрни, или, скорее, молчали бы о нем несколько дней, тренируя те участки мозга, которые отвечают за пустую светскую болтовню. Но мне еще нужно было быстренько перекусить и заняться бумажной работой, так что я выдал стандартный вопрос, от которого посетители либо поспешно заходят внутрь, либо так же поспешно уходят прочь.

— Луиза, чем я могу тебе помочь?

Из уголка ее левого глаза потек ручеек слез, заполняя узенькую полоску, где настоящая чешуйчатая кожа соприкасалась с полистироловой маской. Если бы я не знал Луизу так хорошо — мы знакомы уже восемь, нет, девять лет — то решил бы, что она по-настоящему плачет. Возможно, из-за того, что она расстроена, или же по той причине, которая привела ее ко мне, или из-за их с Эрни отношений. Но Луиза — одна из тех несчастных особей динозавров, у которых до сих пор слезные железы вырабатывают больше слез, чем требуется, хотя остальные наши сородичи за миллионы лет эволюции избавились от этого дефекта. Это всего лишь иллюстрация к известному выражению «крокодиловы слезы», практически в буквальном смысле, за годы нашего знакомства я столько раз протягивал этой женщине носовой платок, и могу распознать, что это вовсе не проявление печали, а просто соленая водичка.

— Прости, — сказала Луиза, промокая салфеточкой уголок глаза. — Иногда я такая рёва.

— Знаю. Ты хочешь дождаться Эрни? Он должен вернуться...

— Нет, — резко сказала она. — Я бы предпочла поговорить с тобой наедине. Только ты и я. А потом ты передал бы Эрни содержание нашей беседы, хорошо?

Я кивнул и уселся за стол, пытаюсь собрать все бумаги в некое подобие стопки.

— Начни с самого начала, Луиза. Это лучший совет, который я могу тебе дать.

Луиза сделала глубокий вдох, плечи быстро поднялись, а затем опустились обратно. Теперь она была готова изложить суть дела.

— Вчера вечером кто-то вломился в наш дом.

Ага, а то я не знаю. Потребовалось особое усилие и тактика, которую с успехом применяют сержанты-инструкторы, чтобы убедить мышцы лица сохранять нейтральное положение.

— Мне очень жаль, — сказал я совершенно спокойно. — Взломщики что-нибудь украли?

Луиза покачала головой.

— Насколько я понимаю, нет. Они раскурочили охранную сигнализацию, обшарили нашу спальню и оставили после себя ужасный беспорядок на кухне.

Вообще-то я думал, что на кухне после меня было относительно чисто, если не считать бараньей ноги, забытой на столе, но я всегда был чуть более неряшливым, чем мои сородичи.

— Вас, значит, не было дома.

— Слава Богу, не было. Не могу даже представить, что эти чудовища сделали бы с нами.

— Да в мире полно всяких отморожков, — сказал я, кивая в надежде, что это будет расценено как смирение, как-никак, мне ведь тоже приходится жить в этом страшном мире. — Вы вызвали полицию?

— Разумеется, — сказала она, и у меня все внутри оборвалось. — Но они не нашли ничего полезного. Это были динозавры, как мы думаем, по-видимому, их маски не оставляют отчетливых отпечатков.

— Понятно. Но чем же мы можем тебе помочь? Ты хочешь, чтобы мы взглянули на ваш дом, попробовали учуять какие-то запахи и понять, не сможем ли мы выяснить, кто это

сделал?

— Мне кажется, мы и так знаем, кто это сделал, — сказала Луиза, и мне вдруг подумалось, что идея иметь в офисе дефибриллятор не была такой уж плохой. А что если цель ее визита и разговора с глазу на глаз — припереть меня к стенке и заставить признаться в преступлении? Обычно я не испытываю угрызений совести по поводу взломов, несанкционированных проникновений, «одалживаний» улик и прочих противозаконных деяний, с которыми я познакомился благодаря Эрни, но в данном случае меня бесило, что я предал нашу с Луизой дружбу, пусть и прошлую.

— И как же вы узнали? — спросил я, невольно отодвигаясь от стола. — Если полиция ничего не нашла...

Луиза помрачнела и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я знаю, потому что... Просто знаю и все.

Я выдержал этот взгляд, не дрогнув. Что ж, будем играть до конца.

— Почему бы тебе не сказать мне? — предложил я в надежде, что она сделает обратное — вскочит и уйдет из офиса. — Скажи мне, кто же влез в ваш дом.

— Прогрессисты, — ответила Луиза, и моя кровь снова побежала по жилам.

— Прогрессисты?

— Ну... это секта. Как я понимаю, культ.

— Зато я не понимаю. Что еще за культ?

— Толком не знаю. Все члены этой организации — динозавры. Это культ динозавров.

— А зачем им было лезть в твой дом?

— Может, за деньгами?

— Но ведь воры не взяли денег!

— Потому что я не храню их дома. Вероятно, поэтому в доме такой разгром.

— Но зачем им вламываться именно в твой дом? Почему они не проникли ко мне? Или к Эрни?

— Потому что я их знаю. Вернее они меня знают. Руперт — один из них. Он — прогрессист.

— Твой брат? Луиза кивнула.

— Уже около двух лет. Я никому не рассказывала, когда он во все это втянулся, частично из-за того, что сама боялась, но... Честно говоря, я надеялась, что у него это пройдет.

— Типа переходного этапа?

— Да. У него уже столько было этих этапов. Помнишь, как он учился управлять дельтапланом?

Я не смог сдержать смех и был рад, что и Луиза засмеялась тоже.

— Разумеется, помню. А еще прыжки с «тарзанки», путешествие в Индию, вступление в «Корпус мира», спелеология. Руперт — хороший парень, но он не совсем знает, чего хочет от жизни.

— Пару лет назад он начал распродавать все, что у него осталось — велосипед, его долю в мамином доме. Он и у меня просил денег, но не говорил зачем. А теперь ему кажется, что он нашел себя, — сказала Луиза. — По его словам, он узнал, что такое прогресс.

— И что это значит?

— Без понятия. Мне тоже хотелось бы знать, — Луиза порылась в своей волшебной сумочке (я никогда не понимал, как в такое маленькое отделение влезает что-то, кроме тюбика губной помады) и вытащила сложенный листок бумага. — Две недели назад я получила вот это письмо и с тех пор сама не своя.

Она протянула мне письмо, я развернул листок и взглянул на него.

Почерк решительный, твердый. В письме говорилось следующее:

Дорогая сестра!

В ходе нашего существования некоторым из семьи Рааля было необходимо избрать иное место среди всех существ, живущих на земле, чем было доселе, а

именно то, что завещали нам отцы наши и отцы отцов наших. В последнее время мнение динозавров учитывается все меньше, и пора нам заявить о причинах, которые подтолкнули нас избрать эту дорогу.

Я почитаю само собой разумеющимися следующие истины: я не такой, как все остальные существа на планете; я обладаю естественной красотой, присущей всем в семье Рааля; у меня есть моральные и кровные обязательства перед своими предками; я способен осознать мое подлинное «я».

Придет наше время, остались какие-то недели, и мы вернем наше наследство, утерянное в толще времен. Я нашел Прогресс, и Прогресс нашел меня. Моя кровь очищается по мере того, как я впитываю в себя мудрость рода Рааля и наших великих предков. И пока ты не осознаешь, что ты — лишь семя от семени предков наших, мы не увидимся.

С любовью, твой брат Гранаах.

— Гранаах? — спросил я.

— Я тоже не поняла, о чем это. Предки, кровные обязательства, какой-то непонятный Рааль, и этот пассаж про возвращение наследства — мне совершенно непонятно, о чем речь. Когда я получила письмо, то ужасно заволновалась. Я уже несколько месяцев от него ничего не слышала, но это...

Она снова разрыдалась, но в этот раз из ее огромных карих глаз текли настоящие слезы. Я разрывался — то ли остаться сидеть, где сижу, то ли сесть рядом с ней. Но я выбрал первое.

— Последние две недели я только и делала, что искала брата. Я побывала всюду. Звонила, слала письма, факсы... Но никто не знает, где он, даже его старые друзья — волонтеры из «Корпуса мира». Они получили такие же письма.

— А копы что говорят?

— Я сообщила в полицию, но они сказали, что ничего не могут сделать. Религия — это... религия. И они не могут и пальцем тронуть секту, пока ее члены не нарушили закон. Руперту уже исполнилось двадцать, он достаточно взрослый мальчик, чтобы самому принимать решения.

— Мне очень жаль, что твой брат пропал, — сказал я. — Он хороший парень. В голове у него черт-те что, но он хороший парень. Если я могу чем-то помочь...

Это было сказано лишь из вежливости, но, увы, мой язык имеет дурную привычку говорить, не посоветовавшись с мозгами.

— Я хочу, чтобы вы нашли его, — сказала Луиза. — Нашли и вернули домой.

— Стоп-стоп-стоп! Погоди-ка!

— Ты сказал, что поможешь...

— Да, но... Притормози-ка на секундочку. Скажем, я действительно смогу найти его и что дальше? Судя по письму, он сейчас не самый здравомыслящий динозавр на свете, мозги плоховато его слушаются. Так какого черта он со мной пойдет?

Дежурная пауза. Достаточно долгая, чтобы могло показаться, что она обдумывает мой вопрос, но и короткая настолько, чтобы я понял, она все обдумала еще до того, как переступила порог офиса, и это настоящая цель ее сегодняшнего визита.

— Тогда я попрошу вас похитить его.

В течение двух секунд я пытался сформулировать пристойный вежливый отказ, придумать, как же сказать, что ни за что на свете я не соглашусь совершить тяжкое преступление, чтобы вытащить взрослого парня из ситуации, которую, по-видимому, он выбрал для себя сам. Мы с Эрни не возьмемся за такое дело — если обвинения против нас выдвинут плохие парни, то нас либо упекут за решетку, либо дело кончится огромным штрафом. Я не мог придумать обстоятельств, при которых похищение даже в столь странной ситуации, как эта, могло бы быть оправдано. И тут Эрни распахнул дверь и влетел в офис.

— Она обчистила беднягу Минского по полной! — сообщил он, с топотом направляясь к своему столу, даже не взглянув в сторону дивана. Он бросил папку на стул и принялся

рыться в ней.

Я откашлялся.

— Эрни!

— Она стирала эфир, веселящий газ, еще бланки рецептов. Я обыскал его кабинет и расспросил секретаршу, чтобы составить список того, что обычно хранилось внутри.

— Эрни, — попытался перебить его я. Тщетно. Я взглянул на Луизу, а она на меня, а потом мы оба посмотрели на моего напарника, который все еще стоял к нам спиной.

— Она дала мне полный перечень. И угадай, чего еще не хватало? Эта сумасшедшая сучка вдобавок стибрила набор стоматологических сверл! Просто абсурд, да? Ну, ты понимаешь, о чем я... Что эта деваха собирается делать с пятнадцатью толстенными металлическими иголками?

— Эй, Эрни...

— погоди секунду, Винсент, ты должен посмотреть на этот список. Ты глазам своим не по...

— Привет, Эрни, — на этот раз это была Луиза. Тихий, мягкий, неторопливый голос.

Эрни замолк и медленно повернулся на пятках. Я практически видел тот комок, который застрял в его горле, на светло-коричневой папке образовались морщины, поскольку он изо всех сил сжал руки, аж костяшки пальцев побелели.

— Луиза.

— Ты хорошо пахнешь, — сказала она, а я заволновался, не придется ли мне присутствовать при повторении нашего разговора с Луизой.

Эрни кивнул в ответ на комплимент, но Луизе комплиментов говорить не стал.

— Как Терренс?

— Террелл, — сказали мы хором, и Эрни испепелил меня взглядом. Я отпрянул и позволил им самим строить свою беседу, куда бы ни повернулось ее русло.

— Все проектирует?

— Да, это его работа, — Луиза явно заняла оборону.

Эрни посмотрел на меня.

— Вы что решили вместе пообедать? Я помешал свиданию?

Я так и знал, в конце концов дело дойдет и до обвинений, и чувство вины, которое я испытывал ранее, усилилось.

— Нет, Эрн... Она пришла попросить...

— Мне нужно, чтобы вы расследовали одно дельце, — пришла мне на выручку. Луиза.

Ага, теперь Эрни выслушает свою бывшую жену, внимательно и терпеливо, не пропуская ни одного слова, а затем отбросит эту идею, поскольку она обречена на провал, и мы сможем спокойно продолжить заниматься проблемами Минского.

Эрни вышел из-за своего стола. Каждый шаг он делал медленно, осознанно.

— Если мы можем чем-то помочь.

Со своего места я видел, как раздуваются его ноздри, он пытается уловить ее запах, столь любимый им аромат.

— Руперт присоединился к какому-то культу, — Луиза сразу перешла к сути. — Я хочу, чтобы вы нашли его и, если он не захочет вернуться домой по доброй воле, похитили его.

Эрни не раздумывал ни секунды.

— Разумеется, мы этим займемся.

Разумеется? Разумеется?! Должно быть, мой организм стал выделять неестественно большое количество феромонов (некоторые динозавры могут учуять свой собственный запах, но у меня никогда не было таких способностей), поскольку Эрни поднял руку в моем направлении — верный знак того, что мне стоит заткнуться и успокоиться.

— Луиза, нам с Эрни действительно нужно обсудить этот вопрос, — сказал я. — Но если ты зайдешь к нам завтра...

— Не нужно, — перебил меня Эрни, придвигаясь ближе к бывшей жене. Теперь их

отделяло несколько метров, и определенно, они сейчас вдыхали запахи друг друга. — Мы беремся за дело.

— Спасибо, — сказала Луиза. — Все детали я уже сообщила Винсенту.

— Хорошо. Посмотрим, что можно сделать...

Я подскочил и вклинился между двумя заговорщиками.

— А теперь погодите-ка секундочку, — сказал я, но тут Эрни обошел меня и открыл дверь кабинета.

— ... и позвоним тебе, как только появится что-то конкретное.

Из правого глаза Луизы выкатилась очередная порция слез, в этот раз я не был уверен, являются ли они результатом химических процессов или ее эмоционального состояния.

— Я даже не знаю, как вас благодарить, — начала она, — сколько бы это ни стоило...

— Нисколько, — сказал Эрни, в этот момент мне пришлось собрать все силы в кулак, чтобы мои глаза не вылезли из орбит, как у мультяшного персонажа, который нечаянно проглотил полтонны молотого перца. Я схватился за ручку двери, чтобы не улететь в стратосферу.

Луиза поцеловала Эрни в щеку, затем вежливо сказала «пока, Винсент», вышла из офиса и удалилась по коридору, а Эрни вернулся на свое рабочее место. Когда красная пелена злобы спала с моих глаз, а значение давления уменьшилось до трехзначного числа, я обнаружил, что Эрни спокойнехонько сидит за своим столом и что-то подчеркивает в описи, принесенной из кабинета Минского.

— Вообще-то мы — партнеры, — начал я, стараясь говорить медленно, чтобы выбрать каждое слово осознанно и ясно выразить свою мысль. — И если ты не понимаешь саму концепцию партнерских отношений, то, вероятно, я мог бы тебе объяснить. Ну что, заглянем в словарь?

Эрни оторвал взгляд от списка. Белки глаз (единственная часть его подлинной сущности, поскольку коричневые линзы скрывали изумрудные, как у всех карнотавров, радужки) были испещрены сеточкой красных прожилок, волнами расходящихся во всех направлениях, как на рисунке у первоклассника. И даже через толстую маску его щеки казались впалыми и ввалившимися, тело отказывалось распрямляться, и плечи опустились, нацелившись в пол.

— Это ради Луизы, — были его единственные слова, но и этого достаточно, чтобы остановить последние струи пара, валившего из моих ушей.

«Ради Луизы». Эти слова стоит сделать девизом Эрни, выгравировать их у него на лбу, сделать его товарным знаком, типа ушей Микки-Мауса у Диснея. И хотя я не могу полностью проникнуться чувствами Эрни, но понимаю силу этих слов, просто у меня никогда не было такой Луизы, чтобы сделать что-то ради нее.

— Но ведь речь идет о преступлении, — заметил я. — Похищение — это уже посерьезнее того, что ты совершал раньше.

— Возможно, мы его и не найдем, Винсент.

— А если найдем, тогда что?

Эрни пожал плечами.

— Тогда мы скажем ему, что сестра любит его и скучает, а мы хотим помочь. Есть вероятность, что Руперт пойдет с нами добровольно.

— Ага, и каковы же шансы подобного исхода?

— Ну, есть много определений слова «добровольно», — сказал Эрни, и в его поникшее тело вновь вернулась искорка энергии. — И много способов заставить парня думать, что он сам хочет того, к чему мы его принуждаем. Слушай, мне, как и тебе, не хочется больше нарушать закон...

— Да что ты говоришь?

— Так что сперва мы попытаемся вразумить парня, а если не выйдет, то отстанем от него и обсудим, что делать дальше, — глаза Эрни широко раскрылись, это отработанный прием — сейчас его лицо выражало «поверь мне, я честен».

— Итак, значит, мы обсудим, что делать дальше. И это будет серьезное обсуждение. Обсуждение с большой буквы О. С глазу на глаз. Перед тем, как вписываться в какой-нибудь блудняк. Обещаешь?

— Обещаю, — кивнул Эрни.

Я протянул ему руку, и мы обменялись рукопожатиями. Это просто формальность, но мы с напарником нечасто заключаем подобные сделки, так что нам показалось, что нужно отметить ее таким традиционным жестом.

Я пошел к своему столу, ощущая себя победителем. Хотя раз мне удалось надавить на Эрни, заставить его заключить обязывающее соглашение. Но затем я мысленно воспроизвел всю сцену и быстро осознал, во что вляпался.

— Ты что уболтал меня на эту аферу?!

— Ага, развел как туриста в сувенирной лавке, — сказал Эрни и вернулся к списку.

3

Есть очень много способов добраться до Голливудского бульвара, но чтобы получить максимальный культурный шок, следует проникнуть в самое его сердце, туда, где перед вашими глазами предстанут все «прелести» Голливуда — это место пересечения Голливудского бульвара с Хайленд-авеню. Сначала, ребятки, придется проехать по Лимбургер Централ, воняющему как одноименный сыр, затем вы минуете бульвары Санта Моника и Сансет, лавки с уцененным киношным реквизитом и конторы, занимающиеся видеомонтажом, потихоньку сменяются магазинчиками, где все продается за один доллар. К тому времени, когда вы доедете, наконец, до Голливудского бульвара, вы ощутите себя главным участником урбанистического кошмара имени Уорхола и Эшера.² Конечно, вокруг полно традиционных мест скопления туристов, но платить бешеные деньги за парковку в этом городе греха стоит ради того, чтобы посмотреть на местных жителей.

Сейчас все изменилось, хотя меня это не очень-то интересует. Давно уже миновали восьмидесятые, когда на Голливудском бульваре «ирокез» был столь же популярен, как ёжик среди моряков, однако и сейчас здесь можно увидеть целый калейдоскоп разнообразных объемных причесок. Многие обитатели этого района нашли новые впечатляющие способы самовыражения — они делают пирсинг в таких частях тела, о возможности прокалывания которых медики раньше и не подозревали. Насмешка, обозначающая «ненавижу всех и вся», столь популярная пять лет назад, сейчас сменилась самодовольной ухмылочкой «я все в этой жизни уже видел(а)», она не настолько явно смущает вас, однако не перестает беспокоить. Одеваются все по-прежнему «прости, Господи»... Рваные джинсы уступили место рваным кожаным штанам, но результат тот же: потрепанный видок, не слишком чистое тело, и аура, окрашенная в темно-коричневые тона, которая замещает наклейку на бампере:³**НЕ ТРОНЬ МЕНЯ, Я ОПАСЕН.** Чертов город ангелов!

Динозавры, как правило, не слишком часто появляются в этой части города. Довольно сложно вести двойную жизнь, если не дистанцироваться от остального мира по своему собственному выбору. Хотя есть и исключения из правила. И я учуял запах нескольких сородичей среди всяких сомнительных личностей и шлюшек, тусовавшихся на позолоченных улицах. Кстати, это не просто красивое словцо. Несколько лет назад Голливудская торговая палата вынесла решение включить золотые вкрапления в асфальт самого бульвара, так что теперь действительно можно сказать, что улицы здесь позлащены. Бредовая идея, по правде говоря, но именно поэтому я и люблю здесь бывать.

² Голландский график, известный своими концептуальными работами.

³ Наклейки с надписью вошли в Америке в моду в 70-е годы XX в., это надпись в виде афоризма или лозунга, которая может носить политический, шуточный, угрожающий характер.

— Ненавижу здесь бывать, — сказал мне Эрни, когда мы ехали. Было где-то около трех часов, и мы только что закончили предварительное расследование по делу Стар, также известной под именем Кристины Джозефсон, шлюшки нашего дорогого Минского. Она и правда милашка — из тех милашек, которые обчистят вас подчистую. Три раза побывала в тюрьме для малолетних, дважды во взрослой. Неплохой послужной список для девятнадцатилетней девчонки.

— Да мы мигом. Раз, два и уедем, — сказал я. — Я всего лишь хочу переброситься парой слов с Джул и все. Если кто и в курсе про этих прогрессистов, так это она.

— У меня от нее мурашки по коже.

— У всех от нее мурашки по коже. Прикуси язык и постарайся не лезть к ней с поцелуями.

Мы прошли по выцветшим позолоченным звездам, на которых были высечены имена так называемых знаменитостей. Некоторые и впрямь были знамениты, другие — чуть меньше, а имена третьих можно отыскать только в Энциклопедии Никому Не Известных Личностей, но все эти звездищи, звезды и звездульки заплатили за право получить здесь уголок. Самый постыдный секрет Аллеи Славы состоит в том, что нет ничего исключительного в том, чтобы обзавестись бронзовой финтифлюшкой, кроме чести знать, что твоя студия заплатила Голливуду десять штук баксов. Все, что нужно, — это портрет финансиста Сэлмона Чейза⁴ на зеленой бумажке, и на вас тоже сможет помочиться кое-кто из самых эрудированных лодырей во всей вселенной.

Мы прошли мимо звезд Дэнни Кея (он, между прочим, орнитомим) и Боба Хоупа (тоже из наших — компсогнат — единственный случай, когда я смеялся с кем-то за компанию, а не над кем-то), а также кучи других динознаменитостей, и наконец пришли к известному Голливудскому музею восковых фигур, где в режиме нон-стоп вы можете наблюдать, как воск тает при свете ультрафиолетовых ламп. Но звучит намного более захватывающе, чем есть на самом деле.

Я заплатил здоровенной бабище на входе восемь долларов.

— Разбой на большой дороге, — проворчал себе под нос Эрни.

Когда эта тетка повернулась, чтобы выдать нам билеты, я сделал глубокий вдох, обнюхивая ее шею. В результате был вознагражден мускусным ароматом забродивших дрожжей и скорлупок арахиса. Ну да, эта красotka — просто бейсболист в юбке, но, по крайней мере, я теперь знаю, что она — динозавриха.

— А Джул сегодня здесь? — спросил я, покрутившись на месте, чтобы она имела доступ к моим пахучим железам.

— Да не хочу я тебя нюхать, — рявкнула она. — И так нюхаю всех придурков, которые шляются тут день-деньской, хватит с меня!

— Просто скажите нам, на месте ли Джул, — сказал Эрни.

— Угу, тут она.

Сердитая тетка нажала маленькую кнопочку под стойкой, и дверь в музей с жужжаньем отворилась:

— В глубине.

— Я знаю, куда идти, — сказал я и повел Эрни в темноту.

Мы прошли через комнату ужаса, где обычно становится жутко, но как только мы преодолели шок от того, как же с течением времени скульптура Майкла Джексона стала похожа на изображение его сестры Латойи, то зашли в настоящий Зал Ужасов, заполненный огромными фигурами Франкенштейна, человека-оборотня и нескольких реально существовавших серийных убийц.

Мы шли вглубь музея. По дороге попала пара-тройка туристов (все — человеческие

⁴ Портрет Чейза украшает банкноту номиналом 10 000 долларов. В настоящее время банкноты крупных номиналов уже не выпускаются и по мере износа изымаются из обращения.

особи). Наконец, мы добрались до гвоздя программы — диорамного павильона, в котором располагались военные медики из войсковой части 4077 — приятная компашка из сериала «Военно-полевой госпиталь» (M.A.S.H.). Ну, вы помните: никакого сюжета и корейская война в три раза длиннее, чем нужно. Ястребиный Глаз Пирс и Радар, а также остальные члены этой чудакватой команды теперь каждый день оккупировали наш мир с помощью почти трех тонн воска и парочки пластиковых армейских палаток, с виду не слишком надежных.

— Когда я в последний раз с ней виделся, она перебралась в мастерскую за этим павильоном, — сказал я, проводя Эрни мимо частично растаявшего капитана Биджея Ханникатта к маленькой палатке. Я несколько раз стукнул в дверь, и через несколько секунд внутри пластикового сооружения раздалось приглушенное шарканье.

— Повернитесь, — раздался скрипучий голос, в котором слышались похотливые нотки.

— Джул, это я. Винсент.

— Тогда ты знаешь правила, красавчик. Повернитесь.

Около глазка в двери открылось маленькое окошко, и я с готовностью подставил шею, прислонившись к проволочной сетке, предоставив пахучие железы для проверки. За защитным экраном раздался глубокий вдох, через мгновение я ощутил запах нашей собеседницы — он выражал удовлетворение, и еще через секунду раздался щелчок замка.

Когда дверь отворилась, то я обратил внимание, что в помещении густо разлит запах искусственного человеческого парфюма, которые практически перебивал естественный аромат Джул — аромат лимонного десерта. Должно быть, она снова выливает на себя по полбутылке «Obsession». Дурная привычка людей, от которой, по-видимому, Джул никак не избавится. Мы вошли и увидели, как Джул с важным видом возвращается в свою мастерскую, покачивая при ходьбе упругой попкой. Сегодня на ней были джинсы в обтяжку и блузка без рукавов, застегнутая всего на две пуговички. Длинные вьющиеся черные локоны доходили до тонкой талии, а ноги были идеальной формы. Для женщины она была бы просто секс-бомбой.

Увы, она — велоцираптор, а что еще хуже — самец.

— Закройте дверь, мальчики, — промурлыкал самый мой любимый динозавр-трансвестит. — Так мило снова увидеть вас.

— Меня сейчас стошнит, — проворчал мне на ухо Эрни, но я сурово посмотрел на него. Динозавры нередко бывают гомосексуалистами, но вид самца динозавра в костюме человеческой самки — двойной обман, и для большинства динозавров это уж слишком. Да, существует такая вещь, как травля гомосексуалистов, но травля травлей, однако остракизм не знает границ, когда речь заходит о динозавре, страдающем кроссгендерным расстройством, то есть, проще говоря, трансвестите. В результате Джул большую часть времени проводит в этой тесной пыльной комнатенке, подальше от общественного мнения, занимаясь восстановлением масок с помощью запатентованной методики.

Мы последовали за нашей хозяйкой, быстро миновали короткий коридор и оказались в мастерской. На деревянном полу рядом стояли большие разноцветные восковые шары. Обстановка в студии была скромной, можно сказать, спартанской: бетонные стены безо всяких украшений, сверху свисала сложная система стеллажей, прикрепленная к потолку толстыми железными зажимами. В ящиках, шкафчиках и ячейках лежали орудия труда Джул: скальпели, шприцы, шпатели, деревянные молотки. Тут же можно было увидеть и несколько образцов готовых изделий, чтобы клиенты заранее могли посмотреть, как они будут выглядеть после выполнения заказанной процедуры. На стенах висели фотографии крупным планом, демонстрирующие в деталях, как выглядел объект «до» и «после».

— Ты пришел обновить свои губки, Винсент-душка? — спросила Джул, заняв место за своим широким дубовым столом. — Ммм, мы можем сделать их чуть более пухленькими, гладенькими, чтобы их приятно было целовать.

Я улыбнулся и сказал:

— Нет, мы здесь не поэтому.

— Разумеется, вы здесь не поэтому, но ведь провести небольшую процедуру еще никому не повредило. Не только нам, девочкам, необходимы подтяжки. Десятиминутная операция, и ты в ажуре, — Джул поманила меня к себе, как всегда ее кривлянья казались мне забавными, и я покорно шагнул навстречу ее объятьям. Она слегка потянула за верхнюю губу моей маски, проведя по ней длинным красным ноготком. — Один разрез по основной линии, затем вводим имплантант, двадцать кубиков воска, снова зашиваем, разравниваем, и внезапно Винсент становится не мальчиком, а картинкой.

— Отстань от нас со своими губами. Нам нужна кое-какая информация, — выпалил Эрни.

Джул снова уселась за стол, тяжело плюхнувшись на простой деревянный стул. Ее глаза встретились с моими, в них застыли удивление и легкая обида.

— Это вовсе не потому, что мы не считаем тебя самым классным пластическим хирургом, — оправдывался я. — Мы думаем, что ты самый лучший специалист. Но у нас назначена встреча. Скоро. Просто нет времени.

— Я очень даже хороший специалист, — надула губки Джул.

— Не сомневаюсь.

Она повернулась к Эрни, слегка прищурилась, ее ресницы порхали со скоростью света, нижняя губка выпячена. Джул явно включила все свои чары.

— А ты, здоровяк, что думаешь?

Эрни посмотрел на меня, но я специально отвел глаза. Пусть не ждет от меня помощи. Эрни никогда не отличался терпимостью к представителям сексуальных меньшинств, и хотя он определенно старый пес, придется ему все-таки выучить пару новых трюков.

— Отлично, — вздохнул он. — Ты — хорошая. Самая лучшая. Может, покончим с этим?

Джул расплылась в улыбке, протянула руку и ущипнула Эрни за щеку.

— Хорошо, красавчик.

— Ты когда-нибудь слышала о прогрессистах? — спросил я.

Мокрый плевок шлепнулся на бетонный пол, я несколько обалдел и не сразу понял, что это Джул.

— А зачем вам? — проворчала она.

— Думаю, ты о них слышала, — сказал Эрни. — Что можешь рассказать?

— Вся информация не из первых рук. Я слышала кое-что от своих подруг, которые тусуются на бульваре, но они не всегда самые надежные источники в мире.

— А что может сделать их более надежными? — поинтересовался я.

— Небольшая порция базилика, небольшая понюшка львиного зева, — пропела Джул, улыбаясь. — К несчастью, наркобизнес сейчас не тот, что был пять лет назад. Ты знаешь, что в следующую секунду закрывается «Шангри-Ла»? Что самое ужасное, из этого чудного местечка сделают обычную кофейню. Да, для моих несчастных подружек настали тяжелые времена.

— Ну, они же клевые, они найдут работу.

— Они самые лучшие, а самые лучшие за спасибо не работают, дорогуша.

Джул уклонялась от темы, так она обычно делает, если ей не хочется продолжать говорить о чем-то. Но вскоре две двадцатидолларовые банкноты перекочевали из бумажника Эрни на дубовый стол, и, после того как я легонько ткнул его в бок, он положил еще одну до кучи. Джул взяла деньги, сложила банкноты пополам, и спрятала в вырез рубашки, вероятно, в лифчик, который был нам не виден.

— Вы не захотите иметь с ними дело, — начала она. — Эти ребята испортили много хороших динозавров...

— Вот поэтому мы их и ищем. Дальше.

Она вздохнула, но истинные леди знают: раз схапала деньги, придется говорить.

— Эту кашу заварил лет тридцать назад какой-то чокнутый торговец пылесосами, — начала Джул без особых формальностей. — Сначала эта организация размещалась в задней

комнатке в его крошечном магазинчике в Пасадене, но за годы существования в нее вступали все новые и новые члены. Бизнесмены. Финансисты. Представители шоу-бизнеса. Все, у кого были деньги или доступ к деньгам. Все, кто искал способ вырваться из своей обыденной жизни. Насколько я слышала, сейчас у них уже отделения по всему городу.

— А как звали того парня?

— Не помню. Да это и неважно, дорогуша, потому что он уже помер. Подхватил какой-то вирус и откинул копыта около десяти лет назад.

— Вот блин, а то можно было бы начать с него.

— Если хочешь начать с чего-то, сладенький, то пойд и запишись к ним. У прогрессистов есть отделение здесь неподалеку, на углу Голливудского бульвара и Вайн-стрит, — сообщила Джул. — Как мне говорили друзья, они все дела ведут именно оттуда.

Я покачал головой.

— Не может быть. Я проезжал мимо этого места десятки раз, но никогда не видел их штаб-квартиры.

— Ну, если ты скажешь людям, что тут никакой не музей восковых фигур, а только прикрытое для нелегальных мастерских по ремонту и обновлению масок, как ты думаешь, как скоро они вызовут за твоей сладкой задницей бригаду из психушки?

— Продолжай.

— Снаружи их офис замаскирован под магазин, торгующий всякой фигней для туристов. Три футболки за десять долларов, пластиковые значки с видами Голливуда, фальшивые калифорнийские номерные знаки с твоим именем. Эта белиберда продается вдоль всего бульвара, но в этом магазинчике есть и еще кое-что, чего там быть не должно.

Эрни не смог удержаться.

— Клянусь, ты это и сама отлично знаешь, а не только по рассказам подружек.

Но Джул была не прочь пустить шпильку в его адрес. Она послала ему смачный воздушный поцелуй, ее язычок качнулся в воздухе, как у тяжело дышащей собаки.

— А твой приятель сегодня не в духе, Винсент, — сказала она. — Это мне нравится в мужчинах.

Я пропустил ее замечание мимо ушей, незачем было усугублять обстановку, и без того напряженную.

— Представим, что нам нужно поговорить с кем-то из этих прогрессистов и выяснить побольше об их организации. Мы заходим в сувенирную лавку и... что? Есть какой-то пароль?

— Ой, ты слишком долго проработал сыщиком, Винсент. Нету никакого пароля. На самом деле тебе даже не нужно туда входить. Эти кошки все время подкарауливают новых мышек. Они дежурят перед магазином и нюхают прохожих, нет ли среди них кого-то из наших. Как только учуют в вас динозавра, то пригласят войти, вот тут-то и начинается самое веселое.

— Веселое, говоришь?

— Лучше если у вас будет потерянный вид.

— Может, нам стоит купить карту?

— Да нет же. Духовно потерянный. Эмоционально потерянный. Притворитесь, что у вас нет работы и вы лишились дома. Или любимая собачка сбежала и пропала. Или жена вас бросила.

При этих словах Эрни повернулся и потопал к двери.

— Пошли, Винсент. Мы узнали то, за чем приходили.

— Эрни, постой, она... она же не хотела...

— Проехали, — рявкнул он. — Я уже сыт по горло этим дерьмом. Пошли.

— Встретимся снаружи, — крикнул я ему вслед в надежде, что он меня услышит, хотя он уже был за дверью, в помещении музея, и направлялся к выходу.

— Я что-то не то сказала? — спросила Джул.

— Ну ты же не знала... Просто его жена... Он сейчас очень раздражительный. Не обижайся на него.

— Не буду. Ну... как дела, милый? Занес каких-нибудь горячих цыпочек в свой послужной список?

Я покачал головой:

— Тебе никто и в подметки не годится, Джул. Слушай, я говорил с твоим отцом, как ты меня просила.

— Ох.

Она принялась вертеть в руках инструменты, лежащие на столе, рассеянно катать шарик воска по его поверхности, отводя глаза, как будто таким образом сможет спрятаться от правды.

— И что?

— И... то же самое.

— Он не хочет меня видеть, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Не хочет.

Джул игриво пожала плечиками и перекинула роскошные волосы за спину.

— Ему же хуже, правильно?

— Правильно.

Я не слишком хорошо умею утешать. Наверное, мне стоило сейчас взять ее за руку. Или приобнять за плечи. По крайней мере, я должен был принести извинения за то, что не смог убедить ее сурового отца в том, что его единственный сын не ошибка природы, а просто делает то, что считает нужным в этом странном мире, где не только мужики переодеваются в баб, но и мы, динозавры, не можем ходить, высунув хвост. Но, увы, я стоял молча и ждал, когда Джул позволит мне выйти из этой неловкой ситуации.

— Иди, Винсент, — тихо сказала она. — Иди, вступай в свою секту.

4

Место, в которое мы направлялись, располагалось всего в шести кварталах от музея восковых фигур, но в городе, где все передвигаются только на машинах, это практически марафон. Единственный случай, когда большинство жителей Лос-Анджелеса ходит пешком на такие расстояния — когда у них в машине кончился бензин за шесть кварталов от заправки. Да и то те, кто побогаче, находят способ заказать бензин с доставкой прямо туда, где они застряли.

Знаменитой аптеки братьев Шваб уже нет. Ресторан «Браун дерби», построенный в форме шляпы-котелка? Исчез. Закусочные и места тусовок знаменитостей, где можно было себя показать и людей посмотреть? Стерты с лица Голливуда. Сейчас перекресток Голливудского бульвара и Вайн-стрит уже перестал быть развлекательным центром, как раньше, теперь это место может похвастаться только четырьмя достопримечательностями: магазином ликеров, пустырем, заправкой и сувенирной лавкой, о которой говорила Джул.

— Тебе не нужно было срываться на Джул, — проворчал я, когда мы прошли мимо очередной таблички «СДАЕТСЯ В АРЕНДУ».

— Угу, но она, то есть он... короче не нужно было напоминать о том, что Луиза меня бросила.

— Да она знать не знала про Луизу. Просто привела пример.

— Ох, — Эрни замолк.

— А теперь давай-ка сотри это надменное выражение со своей морды, ага?

— Не дави на меня, малыш!

— Простите, братья, — сзади нас раздался голос, сопровождавшийся отчетливым запахом сосновой хвои. — Братья, не хотели бы вы потратить минутку на обсуждение наших общих интересов?

Мы с Эрни завершили нашу перепалку и как один повернулись, оказавшись лицом к

лицу с воплощением чистоты. Без сомнения, это самый аккуратный экземпляр, какой я только видел к западу от бульвара Ла Съенег. Коротко подстриженные волосы, голубая спецовка, брюки защитного цвета. В его глазах плясали веселые искорки, которые подсказывали нам, что у нас с этим энергичным психом нет ничего общего.

— Наших общих интересов? — спокойно поинтересовался я. По дороге сюда мы с Эрни решили, что позволим заманить себя в их логово, но пусть они нас поугovarивают, разрекламируют свое общество.

— Мы — одинаковые, все трое, — сказал динозавр, и хотя я знаю, что это невозможно, но возникло ощущение, что он послал мне небольшое облачко феромонов, дополнительный выброс запаха хвои и детского масла.

Эрни вышел из себя:

— Да вокруг полно динозавров. Мы тебе не туристы, нам твои финтифлюшки не нужны!

— Брат, это бесплатная услуга, — сказал динозавр. — Нам не нужны ваши деньги. Обещаю вам, что за тридцать минут вы узнаете о своей сущности больше, чем могли себе представить. Здесь не только безделушки и футболки. Уверяю тебя, брат мой. Пройдемте внутрь, и мы сможем нормально поговорить.

— О чем?

— О нас с вами. О наших общих предках.

Ага, вот мы и подошли к делу. Письмо Руперта к Луизе пестрило туманными упоминаниями о предках и прародителях.

— Эрни, тебе это интересно? — спросил я. Мы специально решили использовать наши настоящие имена, хотя бы имена, без фамилий, поскольку последний раз, когда мы пытались работать под чужими именами, то сразу поплыли. Эрни должен был быть Пэтчем, а я — Джимми, но мы десятки раз обращались друг к другу неправильно. К счастью, это был весьма заурядный арест дельцов, производивших низкопробные поддельные ногти, так что, несмотря на наши промахи, у плохих парней не было времени их заметить.

— А что, черт побери, — ответил Эрни. — Нам же нужно убить время.

Аккуратненький динозавр улыбнулся, при этом его губы растянулись не слишком широко, ровно так, чтоб выглядело благопристойно, и сказал:

— Следуйте за мной.

Что мы и сделали.

Джул оказалась права. Ветхая сувенирная лавчонка была только прикрытием. Из складских помещений мы попали в кабинет, а потом по лестнице спустились к ржавой металлической двери, прорубленной в стене.

— Куда, черт возьми, мы идем? — спросил Эрни.

— В тоннель метро, — ответил динозавр, и дверь распахнулась, не издав ни скрипа.

Я горжусь родным городом, но только не метро. Лос-анджелесское метро во всем мире считается самым нечестным, пустым и потенциально опасным расходом государственных налогов со времен старых добрых вакханалий в Римской империи. По крайней мере, во времена Нерона вы могли напиться или переспать непонятно с кем, или и то и другое, а в лос-анджелесской подземке вам скорее всего стоит ожидать, что вы отправитесь на тот свет. Гениальные инженеры, которые придумали такой радикальный вид общественного транспорта, не приняли во внимание, что почвы здесь имеют дурную привычку двигаться, не присылая оповещения за две недели, а тоннели не слишком умно прорывать в подвижных тектонических платформах. В результате практически все жители города посмеиваются над самой идеей передвижения на метро, оставив некоторым отдельным индивидуумам приспособливать подземку под свои нужды. Поэтому вас не должно удивлять, что это место стало раем для быстро растущей популяции динозавров в Лос-Анджелесе. В Нью-Йорке крокодилы плавают по канализационным трубам прямо под городом, а у нас стегозавры.

— Я уловил твое имя, Эрни, — сказал наш гид, когда вывел нас на платформу,

смежную с тоннелем, — но я не слышал, как зовут твоего друга.

— Это Винсент. А тебя как зовут?

— Зовите меня Бобом, — ответил динозавр. — Пока что.

Я не мог пропустить это «пока что».

— А что мы можем звать тебя и как-то по-другому?

— Нет, — ответил он. — Боб — самое то.

Мы спрыгнули вниз в тоннель, потом резко взяли влево и взобрались на тропку, идущую параллельно рельсам. Тусклый верхний свет освещал нашу дорогу еще метров шесть, а потом наступила полная темнота.

— Это безопасно? — спросил я, поглядывая на рельсы внизу.

— Да, тут с нами все будет в порядке, — сказал Боб, — не волнуйтесь о рельсах.

— Да черт с ними с рельсами. Поезда-то тут ходят?

— Нет, в Голливуде метро еще не работает. Они всё еще трудятся над выравниваем тоннелей под деловой частью города.

Ага, значит, мы можем не беспокоиться еще как минимум пару десятков лет.

Вдалеке какой-то силуэт отделился от стены во мраке тоннеля и направился к нам. Мои мускулы инстинктивно напряглись, поскольку я почувствовал, что на нас с большой долей вероятности могут напасть из засады. Никто не знает, что мы здесь, и не так уж много народу бросится на наши поиски, если мы не покажемся на свет божий еще несколько лет. Я ощутил, как напрягся и Эрни, идущий рядом.

— Добрый день, Зриээл, — сказал Боб, помахав рукой темной фигуре. Последнее слово прозвучало пронзительно, словно сдавленный рев, а не просто последовательность букв. Как я понял, так звали второго джентльмена.

— Добрый день, братья.

Оказалось, что это еще один прогрессист в синей рубашке и штанах цвета хаки, как у портового докера. Теперь я видел, что вокруг его холеного тела витала та же благотворная аура. Во мне клокотало желание провести руками по грязным стенам, а потом хорошенько обляпать двух этих чистеньких динозавров, но я понимал, что это быстро положит конец нашему внедрению.

— Наши друзья интересуются своими предками?

— Я интересуюсь, как бы мне убрать свою задницу из чертова тоннеля, — сказал Эрни, а прогрессисты хором рассмеялись. Хохотали они слишком громко и слишком долго.

— У тебя сильный дух, брат мой, — сказал новоприбывший прогрессист Эрни, в ответ Эрни весьма громко хрюкнул. Затем он обратился к Бобу: — Мир тебе, Байналь.

Это имя опять же было гортанным рыком. Не успел наш проводник ответить на приветствие, как второй динозавр прошмыгнул мимо нас и снова растворился во тьме.

— Он назвал тебя не Бобом, а другим именем.

— Да.

— Не хочешь объяснить нам, в чем дело?

— Байналь — мое настоящее имя. А Боб — это рабское имя.

— Рабское? — не слишком ли слышен сарказм в моем голосе?

— Это имя, которое мне пришлось принять, притворяясь человеком. Все мы лишь рабы наших человеческих масок. И Прогресс показывает нам это.

— Уверен, так оно и есть, — поддакнул я.

— Неужели вы никогда не чувствовали? — спросил Боб-Байналь. — Что вы граждане второго сорта? Что каждый день вам приходится прятать свою естественную красоту, и, имитируя людей, вы постепенно в них превращаетесь? Они просто по природе своей контролируют нас: как мы себя ведем, как одеваемся, как думаем.

— Никогда не задумывался над этим, — сказал Эрни.

— Так значит... ты Байналь, — уточнил я, стараясь подстроить свои голосовые связки под непроницаемое имя.

— Верно. Но зови меня Бобом, если тебе так удобнее.

— Пожалуй, так и сделаю.

Я решил, что наступил удобный момент, чтобы закинуть удочку.

— Мне нравится твой прикид, — сказал я Бобу. — У меня один знакомый так одевался. Как его звали, Эрн?

— Ты имеешь в виду Руперта?

— Точно. Руперт Симмонс. Он стильный парень, и одевается так же, как ты и твой друг.

Если Боб как-то и отреагировал на мои слова, то я не мог разглядеть этого в темноте туннеля.

Наконец, мы покинули подземный мир через другую железную дверь без опознавательных знаков, поднялись по лестнице и вышли в продолговатую хорошо освещенную комнату, которая была разделена рядами массивных серых перегородок. Это помещение напоминало современный офис, и я был полностью уверен, что увижу на голых стенах картинки с котом Гарфильдом и семейные фото. Но в этих отсеках никого не было, кроме динозавров в человеческом обличье. Каждый из них говорил по отдельному телефону, неторопливо бормоча что-то тихим голосом. Запахи разных динозавров просачивались в импровизированный коридор, перемешивались друг с другом, образуя густую смесь из хвойных ароматов соснового бора.

— У вас тут просторно, — сказал я. — А чей это офис?

— Да так, одних друзей.

Мы прошли в маленькую комнатку со стеклянными стенами.

— Садитесь, пожалуйста. На столике пирожные и печенье — угощайтесь.

На шатком столике в углу комнаты действительно были расставлены разнообразные вкусы. Я чуть было не проглотил симпатичную корзиночку с фруктами и стакан пунша, но вовремя вспомнил, что хоть и изображаю эдакого рубаху-парня, но не нужно слишком уж вживаться в роль. Мне ничего неизвестно ни об этом месте, ни об этих людях, например, нет ли у них привычки накачивать неофитов наркотой.

— Знаете, я очень плотно пообедал, — сказал я, — и не слишком голоден.

Эрни эхом повторил мои оправдания.

— Ну хорошо, — сказал Боб, выражение его лица ни на йоту не изменилось. — Тогда давайте начнем. Уверен, вы будете поражены: я знаю, кто я такой!

Мы с Эрни утонули в мягких кожаных креслах вокруг деревянного стола, всем своим видом показывая, что мы устроились как можно удобнее. Боб блестящим медным ключиком открыл дверцу массивного шкафа у дальней стены комнаты, а Эрни наклонился и шепнул мне: «Ты только глянь на это место. Здесь прямо пахнет деньгами».

Ворча и охая, Боб достал из шкафа коробку, представлявшую собой небольшой квадрат со стороной не более шестидесяти сантиметров, и перетащил ее на стол. Она стукнулась об его поверхность с довольно громким глухим звуком.

— Маленькая, — сказал Боб, — но тяжелая.

Через минуту Боб снова запер шкаф и сел напротив нас.

— С кого начнем? — спросил он.

Эрни поерзал на своем кресле.

— А что нам нужно делать?

— Во-первых, снять перчатки. Тест необходимо провести с вашей настоящей плотью, а латекс, не будем уж преувеличивать, плохой проводник.

— Давайте я, — вызвался я.

Мои когти уже какое-то время зудели. В последний раз я полностью снимал свою латексную личину три дня назад, и если вскоре не вымоюсь, то обзаведусь собственной колонией грибков и плесени, а этого допустить нельзя, поскольку с сыпью я выгляжу отвратительно.

Нашупывая пуговицы, спрятанные под моей фальшивой человеческой кожей, я расстегивал их до тех пор, пока перчатки, казалось бы по собственному желанию, не

сползли. Теперь осталось лишь легонечко потянуть другой рукой, и я высвободил свою когтистую лапу. Когти слегка приклеились к коже, я выпустил их, и раздался звук, напоминающий поскрипывание несмазанной телеги. Вероятно, мне стоит в ближайшее время показаться доктору.

— У тебя от природы красивая кожа, — сказал Боб. — Стыдно, что тебе приходится прятать ее целыми днями.

— Ну, выбирать не приходится, — ответил я. — Вряд ли Городской совет одобрит, если раптор будет шляться по бульвару Уилшир, не так ли? Да я своим хвостом кучу витрин поразбиваю.

— А что если бы ты мог ходить без маски? — спросил Боб. — Что тогда?

— Бессмысленный вопрос.

— Ну, гипотетически. Если бы ты мог сорвать ее и ходить в своем естественном обличье?

— Что, весь день что ли? Если бы я мог...

Должен признаться, это интригующее предложение, свобода показать собственную кожу, чтобы она пребывала на воздухе, и отогнать все тревоги по поводу завязок, ремешков и пряжек, которые стягивали и вонзались в мое тело, затрудняя естественные движения. Использовать хвост, ноги и все тело так, как его задумала природа.

— Если бы я мог, я бы так ходил, — признался я. — Но не могу, поэтому хожу в маске.

Улыбка Боба была заразной, я вдруг понял, что и сам улыбаюсь.

— Хорошо, — сказал он. — Начнем.

Он торжественно открыл крышку металлической коробки, и внутри обнаружилось какое-то забавное приспособление, словно залетевшее сюда из какой-то космической саги 50-х годов. Это была оторванная голова робота Робби, но сбоку к ней были присобачены многочисленные лампочки, кнопки и выключатели, сейчас все они бездействовали, кроме одной пульсирующей кнопки.

— Это родограф, — объяснил Боб, протянув руку. — Пожалуйста, дай мне руку.

Мой первый порыв был отказаться, но я уже прошел по тоннелю и теперь сижу черт-те где с этим странным парнем, если он хотел бы убить меня, чтобы я не мучился, расхаживая в маске, то это уже произошло бы. Я дал ему руку, Боб сжал ее крепко, настойчиво, но ничуть не больно. Затем он потянул мой указательный палец с выпущенным когтем к маленькому темному отверстию на крышке коробки.

— Втяни коготь, если можно, — я послушался. — Хорошо. Обычно это не проблема, но известны случаи, когда когти застревали внутри. Как говорится, береженого Бог бережет.

Я с радостью выполнил и эту просьбу. Скорее всего, мне не так хорошо удавалось бы снимать девушек в барах для одиноких сердец, если бы я расхаживал с этой штуkenцией, навсегда прикрепленной к руке.

Мой палец исчез в дыре, и машина издала ворчание. Дальше несколько раз вспыхнули зеленые лампочки, и стрелки приборов начали подергиваться. Тем временем металл вокруг моего пальца стал заметно холоднее, а через тридцать секунд мой некогда теплый пальчик стал превращаться в замороженную рыбную палочку. Я взглянул на Эрни и задорно улыбнулся.

— Это первая фаза, — объяснил Боб. — Машина тестирует твои феромоны.

— Она меня нюхает?

— Не совсем. Легкое ощущение холода, которое ты сейчас чувствуешь, — это начало процесса конденсации. Гормоны, которые источают поры твоей кожи, превращаются в жидкость из-за низкой температуры, а затем эта жидкость и будет протестирована.

— Протестирована на что? — спросил я.

— На чистоту, — вот и весь ответ.

Уточнять я не стал.

Прошла минута. Мой палец начал неметь. Неужели это и есть их хитрый замысел — заморозить меня до смерти, кусочек за кусочком? Если он попросит меня засунуть еще

какую-то часть тела в эту дырку, то я буду бить его до следующего вторника.

Я уже собирался выразить недовольство, чтобы через минуту выдернуть палец из этой хреновины и приступить к старомодной технике допроса — с запугиваниями и кровопролитиями — как в кончик пальца что-то больно кольнуло.

— Эй! — закричал я. Моя рука непроизвольно дернулась. Палец сильно болел, и по нему что-то текло. Я осмотрел руку — так и есть — по пальцу бежал тоненький ручеек крови. — А это еще, черт побери, зачем?

Боб лишь улыбнулся (Боже, эта улыбочка меня просто бесит!) и сказал:

— Всего лишь взяли образец крови, Винсент. Без этого мы не можем использовать родограф.

— Понятное дело, — протянул Эрни, сдерживая смех.

— Могли бы мне и раньше сказать.

— Тогда бы ты не стал делать эту процедуру. Как бы то ни было, теперь мне будет намного сложнее уломать и твоего друга.

— Чертовски верно, — согласился Эрни. Но Эрни довольно быстро позволил уговорить себя сделать то, что делают все клевые ребята. Боб вытащил мои образцы из аппарата. Я попытался заглянуть внутрь, но не смог разглядеть ничего, кроме нескольких проводков и каких-то диодов. Затем Боб перезапустил машину. Эрни оголил лапу и повторил процедуру, но поскольку он уже был готов к уколу, то выдержал боль с каменным лицом. Да, мое возмущение на этом фоне выглядит глупым, но клянусь, если бы мы поменялись местами, то он плакал бы как компсогнат — эти мелкие динозавры всегда были нытиками.

— Закончили? — спросил Эрни.

— Почти что, — Боб снял чехол с другого устройства, привинченного к стене. Как он объяснил, это был феромонитор. Выглядела эта штука как помесь аппарата по продаже презервативов и прибора для измерения давления. Боб поместил в приемный отсек пузырек с образцами гормонов и крови.

— Посмотрим, что у нас получится, — сказал он и нажал на рычажок сбоку.

Замигали лампочки, раздалось жужжание мотора, и сильная струя воздуха втянула пузырек внутрь. Я смотрел, как темная жидкость втягивается в пузырьковую камеру, и стрелки приборов начинают подрагивать.

Боб щелкнул языком и сказал:

— Ах, как...интересно.

И тут я понял, что наклонился вперед, пытаюсь расшифровать эти отрывистые пиканья, скачки стрелок, и понять этот странный механический язык.

— Ну и что эта штука говорит обо мне?

— Она определяет вашу родовую чистоту, — объяснил Боб. — С течением времени каждый из нас удалялся все дальше и дальше от нашего истинного рода. Мы стали полукровками.

— Не понимаю, почему так, — сказал я. — Мои родители были рапторами, и их родители тоже. Мы можем скрещиваться только с себе подобными для произведения потомства, так что я так же чист, как и мои родители.

— Я имел в виду не твою конкретную родословную, а твою чистоту в принципе. Чистоту динозавра. Каждый день мы напяливаем на себя эти костюмы и теряем еще крупицу себя. Вот посмотри, что ты из себя представляешь.

На дне машины лежал свернутый рулон бумаги, которая обычно используется для бухгалтерских книг. На ней четко отпечатались черные цифры, ровненький шрифт заполнял всю страницу. Это были данные, числа и математические выкладки, в которых черт ногу сломит, но на самом верху виднелась надпись, утверждающая, что как член самого выдающегося сообщества на земле я не соответствую норме: **ДИНОЗАВР НА 32 %**.

— Тридцать два процента? Что, черт побери, это значит?

Боб сказал:

— Многие из нас расстраиваются, когда узнают, как низко мы пали...

— Да, блин, чертовски верно! Я расстроен. Эта идиотская машина...

— Но для любой проблемы есть решение. Я открою вам маленький секрет. Когда я впервые проверился на родографе, то мой результат был всего двадцать девять процентов.

— Да ты что!

От его слов мне не стало лучше, если честно. Я-то надеялся, что обгоню Боба процентов на двадцать при проведении любого стандартного теста.

— Но сейчас, по мере Прогресса, мой последний тест показал результат шестьдесят семь процентов, — Боб просиял от гордости.

Я, сам того не желая, был заинтригован самой возможностью роста показателя, казавшегося произвольным числом, выданным нечестной машиной.

— И как тебе это удалось? — поинтересовался я.

— Ох, путь не был легок, — заверил меня Боб. — Но это вполне возможно, и в конце вас ждет самая большая награда в вашей жизни. Так, давай посмотрим на результаты твоего друга, а потом продолжим наш разговор.

— Я весь в нетерпении, — с невозмутимым видом сообщил Эрни.

Образцы его гормонов и крови проделали тот же путь, что и мои, а когда все шумы и яростное потрескивание утихли, то машина выдала результат — 27 %. Да, сомнений быть не может, и я позволил себе позлорадствовать. «Я обошел тебя на пять пунктов, приятель».

— И что все это значит? — спросил я, давая Бобу возможность развернуть свою рекламную кампанию.

— Это значит, что мы можем вам помочь, — сказал он. — И несмотря на то, что в вашем случае процент примесей велик, надежда есть.

Я сделал вид, что киваю, обдумывая его слова.

— Ты все время говоришь «мы». Это бизнес?

— Нет-нет, — запротестовал Боб, который начал расставлять аппаратуру по своим местам. — Считайте, что это клуб.

— Клуб, значит.

— Ну общественный клуб. Членство в нем дает вам ряд преимуществ, — Боб открыл еще один ящик и вытащил два пригласительных, напечатанных на бумаге приглушенно-зеленого цвета. — Вот, это вам обоим.

На пригласительном жирным некрасивым шрифтом было напечатано: «Вы приглашены на наше специальное собрание».

— Это короткое сообщение, я понимаю. Собрание состоится завтра вечером, и думаю, вы узнаете много нового для себя.

— А что это за собрание? — спросил Эрни.

— Мы встречаемся время от времени, чтобы обсудить некоторые вопросы, касающиеся динозавров. Это напоминает обычную вечеринку. Бесплатная еда и напитки, музыка, приятная компания. Будет очень весело, правда-правда. Кроме того, завтра вечером Цирцея прочтет специальную лекцию.

— Цирцея? — я знал это имя, поскольку несколько недель изучал мифологию для дела Теракрополиса, — даже не спрашивайте меня об этом! — но я не понимал, что же за существо может носить такое имя?

— Цирцея чиста на девяносто девять процентов, — сказал Боб.

— Не может быть!

— Она стала кем-то типа председателя нашего клуба. Восхитительная женщина. Если захотите, я могу вас представить ей.

— Это было бы замечательно.

Боб горячо пожал нам руки и сказал:

— Как видно из приглашения, вечеринка состоится в Голливудских Холмах. На обороте вы найдете инструкцию, как добраться до места.

Я внимательно прочел приглашение. Да, все в порядке.

— Судя по всему, это будет крутая вечеринка!

— И так... — сказал Боб, — могу ли я рассчитывать, что вы придете?

В этот раз нам даже не понадобилось обмениваться условными сигналами. Мы с Эрни понимали, что мы уже на полпути туда, куда хотели попасть, и намного быстрее, чем могли себе представить. Чтобы найти Руперта и покончить с этим делом нам осталось сделать всего-навсего пару шагов по мощеной дорожке.

— Мы с удовольствием придем, — сказал Эрни, и вопрос был решен.

* * *

Позже, когда Боб снова вывел нас на улицу через отдельный выход и тоннель, мы с Эрни запрыгнули в машину и покатали по Хайленд-стрит. До вечеринки нам нужно сделать кое-какую «грязную работенку». И хотя я ненавижу обманывать своего напарника, порой это необходимо. Он не всегда понимает, что для него лучше, старый ворчун, и часто именно я вынужден таскать его по магазинам с пинками и воплями.

Так что я подождал, пока мы минуем бульвар Санта Моника, а затем резко перестроил машину в правый ряд. И тут мой напарник обо всем догадался, ну, на самом деле, намного раньше, чем я предполагал. Оставалось только надеяться, что он не выпрыгнет из автомобиля на ходу и не попытается нажать на тормоз. Эрни отлично знал, куда я везу его, и одарил меня своим лучшим испепеляющим взглядом, словно пропел строки библейского псалма «для чего Ты оставил меня?».

— Да ладно тебе, малыш, ты не можешь так поступить со мной.

— Мы завтра собираемся на вечеринку на Голливудских Холмах...

— Это не вечеринка, — сказал Эрни, его голос становился все громче по мере приближения паники. — Это встреча сектантов. У меня до хрена всяких тряпок, Винсент.

— Я не могу позволить тебе пойти на вечеринку, даже на собрание сектантов, если ты будешь выглядеть как иллюстрация из каталога универмага «Сирс» 70-х годов. По крайней мере, если ты собираешься стоять рядом со мной.

И мы покатали на Мелроуз.

5

Место действия: Голливудские Холмы, одна миля от бульвара вверх. Время: около семи часов вечера. Настроение: возбужденно-напряженное. Одежда: настолько же стильная, насколько и неудобная. Я веду машину, а Эрни жалуется. Обычная ситуация.

— Мы придем, послушаем их рассказы, найдем Руперта и уберемся оттуда.

— Идет, Эрни.

— И тогда я сниму, наконец, эти чертовы шелковые штаны.

Я покачал головой:

— Это не шелк, а лен. Писк моды.

Но Эрни было плевать, он недовольно теребил рубашку от Кельвина Кляйна и брюки от Армани, как пятилетний мальчик, которого нарядили для воскресного похода в церковь. А я ехал дальше, не обращая внимания на его нытье.

За двадцать четыре часа между марафоном по Мелроуз-авеню, где Эрни познакомился со всеми диковинками из мира одежды, сшитой дизайнерами, имена которых не встретишь в дешевых магазинчиках «Кеймарт», причем из тканей, не являющихся наследниками семейств Поли и Эстр, и нашим «собранием клуба» на Голливудских Холмах, мы еще поработали чуть-чуть по делу подружки Минского. Мы нередко занимаемся одновременно несколькими делами. Тарелка частного детектива никогда не бывает полной, но если мы и нахапаем на нее слишком много всего, то просто возьмем еще одну.

Первый наш шаг заключался в том, чтобы узнать домашний адрес этой девицы. Это было достаточно просто благодаря помощи моего приятеля-бронтозавра Дэна Паттерсона из полицейского управления Лос-Анджелеса. Вход в крысиную нору, где проживала недавно

наша Стар Джозефсон, был перетянут красной предупредительной ленточкой и опечатан департаментом здравоохранения. Думаю, можно было бы проникнуть внутрь и осмотреть помещение, но огромные трещины разбегались по внешним стенам и крыше здания, как расселины в леднике, и было впечатление, что все это сооружение вот-вот рухнет под собственным весом. К несчастью для нас, даже самые бесшабашные люди и динозавры покинули это здание, а тараканы дать нового адреса нашей малютки, увы, не смогли, так что надеяться можно было только на себя.

У нас было несколько ее фотографий. В основном снимки, сделанные похотливым Минским на «Полароиде» в минуту, когда его гормоны играли. Мы показывали их жителям окрестных домов со всей энергией, какую только могли вложить в это дело, в ответ пожилые дамы в ужасе охали, а молодые парни бросали плотоядные взгляды.

— Я знаю эту шлюшку, — сообщил нам один особенно вонючий компсогнат. Его звали Милашкой, и он был сутенером, торговавшим девочками на бульваре Сансет. Я уже и раньше пользовался услугами Милашки, в основном когда дело касалось пропавших девчонок. Он из числа тех сутенеров, по чьей вине в первую очередь эти девчонки и пропадают без вести. Милашка не из тех парней, которые ведут размеренную жизнь и попивают чаек в середине дня, но какой уж есть, кроме того, ему все время нужны бабки. Бедняга крепко подсел на шафран, а этот изысканный токсин стоит недешево. — Я видел, как она прохаживается по бульвару.

— И ты попытался взять ее в оборот, — подсказал я.

— Взять в оборот, укротить — таковы правила игры, — проворковал Милашка.

— Ну, ты ж у нас просто святой. А теперь скажи-ка, где мы можем ее найти? — последнюю фразу я усилил двумя свернутыми в трубочку двадцатидолларовыми бумажками. Милашка схватил их зубами и стал весело трясти головой, как щенок, которому дали специальную игрушку для жевания.

Сутенер облизал губы и спрятал деньги в карман.

— Последний раз я видел ее в отеле «Сент-Регис». Сладенькая девочка...

— «Сент-Регис»?

— Ну да, на Франклин-авеню, — сказал Милашка. — Там можно снять номер на короткое время.

Менеджер в «Сент-Регис» отказался выдать нам данные о постояльцах, но одной десятидолларовой бумажки хватило, чтобы изменить политику отеля. Да, она останавливалась здесь. Да, жила на третьем этаже. Нет, он не видел ее уже больше недели. Но из-за двери не доносится никаких подозрительных запахов, поэтому он не считал необходимым обратиться в полицию, тем более, девчонка оплатила номер на месяц вперед.

К тому моменту, как мы с Эрни решили прокрасться с тыльной стороны здания и проникнуть в комнату шлюшки, было уже почти пять, и пришлось поехать обратно в офис, чтобы переодеться для вечеринки прогрессистов.

— Стар подождет, — сказал Эрни. — Телки, типа этой, могут вертеться то там то сям, но никуда не денутся.

И вот по прошествии двух часов Эрни скорее всего жалеет, что мы все еще не ищем пропавшую любовницу, ведь это можно было делать в рабочей рубашке и хлопчатобумажных штанах. Только не здесь, не сейчас, не лицом к лицу с экстравагантной роскошью, увидев которую даже шейх Саудовской Аравии кинется к своему дизайнеру, чтобы переделать обстановку во дворце.

Перед нами был не дом. Я бы без колебаний назвал это дворцом. Колоссальное по своим размерам здание, все из белоснежного мрамора. Столбы, колонны и все основные характеристики греческой архитектуры объединились в чудовищную пародию на афинский Акрополь.

— Ты это видишь? — спросил я Эрни, но он только глазел по сторонам, разинув рот на эту махину, перебор даже по лос-анджелесским стандартам.

Мы подъехали к массивным кованым воротам, расположенным с одной стороны дома,

и из большой белой двери появился охранник в униформе. Заходящее солнце отражалось в мраморных плитах, пуская солнечных зайчиков прямо мне в глаза, отчего я различал лишь силуэт охранника.

— Могу ли я взглянуть на ваши приглашения? — вежливо спросил он, и хотя я был ослеплен солнечным светом, но все же смог уловить исходящий от него запах попкорна и клея, которым обычно склеивают модельки самолетов.

Эрни достал приглашения и протянул их охраннику, который скользнул по ним глазами и нажал на кнопку позади. — Вход свободен. Проходите прямо в главное здание.

Главное здание.

— То есть это... вы хотите сказать, что это не...

— Это караульное помещение, — пояснил охранник. — Иногда оно используется как бальный зал. — Но в основном это просто караулка.

Достаточно сказать, что главное здание по сравнению с этой самой караулкой все равно что планета Юпитер с моей задницей. Охватить все сооружение взглядом — то же самое, что пытаться осмыслить концепцию бесконечности, никакого толку, зато мигрень заработает. Очень мило, что и в данном случае выдержан стиль архитектурной пародии, и этот дом-Голиаф был бы к месту в древних Афинах, разумеется, при условии, что его хозяева не потратили бы все свое состояние на борьбу со спартанцами.

Мы с Эрни припарковались посреди изобилия марок и моделей автомобилей. Здесь было машин двести, но этого совершенно не ощущалось, как будто речь шла о десятке-другом, стоянка все еще была наполовину пуста. Мы с трудом взобрались по лестнице, поднимающейся по склону холма.

— Хотел бы я знать, где они надыбали столько бабок, — сказал Эрни, слегка запыхавшись.

— Где они надыбали бабок? — переспросил я. — Черт возьми, мне больше хотелось бы знать, где я могу надыбать хоть немного.

Еще до того, как мы добрались до входной двери метров шести в высоту из белоснежного алебаstra с латунными дверными ручками, каждая величиной с мою башку, до того как дверь сама по себе распахнулась без скрипа и треска, ровным скользящим движением, до того как мы вошли в коридор, набитый археологическими ценностями и произведениями искусства, которые, уверен, раньше не видел никто из людей (все знаменитые мастера-динозавры: Модильяни, Рубенс, Поллок), мы с Эрни учуяли смесь ароматов. Запахи перемешивались друг с другом, представляя удар для органов обоняния, они вытекали из дома, вырываясь из-под дверей, через окна, просачиваясь густыми волнами сквозь изоляционные материалы. Эта гремучая смесь налетела на нас с огромной силой, сметая все на своем пути, словно внутри здания произошел взрыв.

— Добро пожаловать, братья, — раздался тихий голос, когда мы с Эрни оказались в коридоре, и наши каблуки звонко зацокали по паркетному полу. — Могу я взять ваши вещи?

Стройная самка орнитомима протянула руку, знаком показав, чтобы мы приблизились.

— Мы пришли с пустыми руками, — извинился я. — Надо было принести подарок, да? Я полный профан в том, что касается этикета.

Она засмеялась, при этом ее щеки мило подпрыгивали.

— Под «вещами» я подразумевала ваши костюмы. Можно я их заберу? — она указала на табличку над головой: **«НА ВХОДЕ ПРОСИМ ВАС СДАТЬ КОСТЮМЫ»**.

Я издал флигельный смешок, но моему напарнику было не до смеха.

— Не могу поверить, что ты заставил меня купить все это дерьмо, — проворчал Эрни, пока мы раздевались в закрытой маленькой комнатке рядом с «контрольно-пропускным пунктом». — Ты меня нарядил в эти шелка, кожу и модные башмаки, а оказалось, что тут нам вообще не нужно носить костюмы, не говоря уж об этой модной фигне. Почти штука баксов за один только прикид, и считай, выбросил бабки на ветер.

— Ну, сможешь надеть его в следующий раз.

— Следующего раза не будет, это я тебе обещаю. После сегодняшнего вечера я этот

мусор на костре спалю.

Мы сняли с себя одежду, и настала очередь личин. Мы с Эрни помогали друг другу справиться с зажимами серии «Г», а с остальными пряжками и застежками разобрались самостоятельно.

Маска слегка прилипла, поскольку вчера утром я нанес слишком сильнодействующую эпоксидную смолу. Так что когда я отрывал ее от лица, то она прихватила с собой и тонюсенький слой моей собственной кожи.

Рядом со мной приводил себя в порядок Эрни. И хотя он никогда не признавался, сколько же ему лет, я готов поспорить, он как минимум на пятнадцать лет старше меня, однако когда он в своем натуральном виде, то вы не ощущаете, что он стар. Мускулы карнотавра четко очерчены под его коричневой кожей, и я-то знаю, он не гнушается воспользоваться ими, когда дело пахнет керосином.

Мы протянули наши человеческие причиндалы орнитомимихе. Она аккуратно повесила их на вешалки: по одной для каждой серии, снабдив каждую из вешалок одним и тем же номером, присвоенным «костюму» в целом. Я получил номерок 313, а Эрни — 314.

Затем она осторожно переместила все вешалки на длинную палку, как это делают в химчистке, и нажала голубенькую кнопочку в стене. Две тонкие длинные дверцы разъехались в стороны, и палка начала двигаться, увозя все вешалки в комнату за стеной. На долю секунды я увидел многочисленные ряды человеческих масок, развешанных в определенном порядке. Это напоминало кошмарные эксперименты военного времени. Конечности безвольно свисали на землю. Затем дверцы закрылись. Самка орнитомима снова уселась на свое место, а нам было велено пройти по коридору прямо, а затем направо.

Бальный зал как бальный зал, ничего особенного, кроме того, что он располагался внутри здания, и при этом был больше всех вместе взятых квартир, в которых я когда-либо жил. Внутри кружили около трех сотен динозавров, и все в собственном естестве. Мириады липких феромонов выбрасывались в воздух, оседая на стенах и на потолке. Придется пригласить целую армию домработниц, чтобы отчистить это местечко к утру понедельника.

Я видел рапторов, стегозавров, бронтозавров, анкилозавров, гадрозавров — были представлены почти все из шестнадцати видов, выжившие шестьдесят пять миллионов лет назад во время сплошного дождя метеоритов. И хотя я не смог пока что найти ни одного компсогната, уверен, я наткнусь на кого-то из них в тот момент, когда меньше всего этого ожидаю.

А посреди всего этого великолепия стояло отлично сохранившееся, мастерски смонтированное из отдельных костей, окаменелое тело древнего предка в натуральную величину, минимум четыре с половиной метра высотой. Это была центральная деталь всего окружающего, из-за чего другие элементы декора, казалось, не знают куда деваться от стыда. Ти-рекс — настоящий любитель ходить по гостям, который слишком рано притащился на вечеринку шестьдесят миллионов лет назад и не мог столько времени выдержать на легких закусках. Современные динозавры кружили по залу вокруг этого гиганта, словно его и не было вовсе, не обращая на скелет ни малейшего внимания. Странно, подумалось мне, ведь эти придурки поклоняются предкам. Разве они не должны кланяться ему? Исполнять ритуальные песнопения? Принести ему в жертву парочку аппетитных девственниц?

Я протискивался сквозь удушающую толпу и тут заметил, что кое-что отсутствует, хотя понял это и не сразу — тарелки. На таких мероприятиях обычно подаются закуски, чаще всего мне приходилось вести изысканную светскую беседу с бокалом воды (или вина, если вечеринку устраивали люди) и тарелкой, наполненной тостами и паштетом. А здесь, у динозавров, были напитки, но не было закусок. На другом конце зала я заметил гадрозавра, который нес серебряный поднос, закрытый крышкой. Я подошел к нему.

— Вас интересуют закуски, сэр? — вежливо спросил гадрозавр, и я с голодным видом кивнул.

Я думал, что официант сейчас торжественно снимет крышку, но он открыл лишь небольшую щелку и выжидающе посмотрел на меня.

— Возможно, я не очень четко выразился, — сказал я. — Я был бы не прочь чего-нибудь перекусить.

— Да, сэр, — протянул официант. — Вот почему я и открыл щелочку.

— Не проще ли просто снять крышку?

На его лице отразилось удивление, пополам с замешательством, иногда такой взгляд я видел у свидетелей, когда они считали, что у меня не все дома.

— Господи, конечно же нет, сэр. Они же разбегутся!

Разбегутся? Раньше я не слыхал, чтобы на вечеринках подавали сосиски с ногами. Ладно, хватит с меня. Я протянул руку и засунул ее в щель под крышкой...

И попал в кучу извивающихся спагетти.

Я отдернул руку, и этого было достаточно, чтобы поднос шлепнулся на землю, а крышка с громким лязгом упала рядом. Под ней оказался комок маленьких темных змеек, каждая не толще монетки в пятьдесят центов, их длины варьировались от пятнадцати до тридцати сантиметров. Они выскользнули за пределы своей серебряной темницы и быстро расползлись по залу во всех направлениях, из-за чего раздался хор криков и визгов. Официант одарил меня недобрый взглядом.

— Зачем вы это сделали, сэр? Теперь все будут неистово пожирать это угощение.

Ну да. И если несколько присутствующих динозавров вели себя также, как я — они отпрыгивали, стараясь во что бы то ни стало увернуться от этих тварей, то большинство ловили этих гадов голыми лапами и засовывали себе в пасть, а если не терпелось, то глотали их целиком, не жуя.

Воздух из-за этого кулинарного экстаза наполнился смехом и воплями, и мне стало стыдно, что я перепугался при виде этих змей, даже не гремучих. Это были какие-то садовые змейки, ничего страшного, и несмотря на наше отдаленное генетическое родство, никто из моих сородичей не испытывал угрызений совести по поводу того, что в их желудках сейчас переваривалась целая куча этих мерзких тварей.

Эрни подошел ко мне сзади и пробормотал сквозь зубы:

— Хорошая вечеринка!

Я повернулся и увидел, что у него изо рта торчит маленький зеленый хвостик. Господи, он все еще извивался! Я едва сдержал желание трусливо съежиться.

— Это змея?

— Тритон, — буркнул Эрни и проглотил несчастного в одну секунду. — Я уже сто лет не ел свежего мяса.

Как только остатки закусок были схвачены и съедены, мы с Эрни сделали круг почета по залу, выискивая знакомые лица и запахи.

— Его здесь нет, — сказал Эрни.

— А ты помнишь, как он пахнет?

Я был удивлен. Насколько я знаю, Эрни виделся с Рупертом в последний раз более пяти лет назад.

— Может, кофе... или десертами... Не могу сказать, чтобы я точно помнил, но уверен, что узнал бы парня, как только учую его запах. Блин, да он же полгода жил у нас после возвращения из этого дурацкого паломничества в Индию. Несколько месяцев он пах как карри, это я точно помню, так что я смог бы признать его запах.

Трое динозавров выскочили из двух вращающихся дверей и начали налаживать звуковую аппаратуру в задней части бального зала. Микрофон, колонки и куча электрических кабелей, тянувшихся из-под полуметровых платформ, из которых в мгновение ока собрали импровизированную сцену. Все это очень напоминало фестиваль в Вудстоке, и я почувствовал сильнейшее желание щелкнуть зажигалкой и заорать, требуя исполнения любимой песни. Прошло несколько минут. Эрни пошел поискать еще что-нибудь съестное. А я тем временем наблюдал, как эти рапторы в темпе сооружают сцену, и тут вдруг ощутил легких удар по шершавой коже на плече.

— За этой территорией слежу я, Рубио. Ты перешагнул дозволенную черту.

Голос не был мне знаком, но интонации я уже определенно где-то слышал. Слизь поверх сала, одобренная большой дозой лести. Я повернулся, пытаюсь прилепить на лицо подобие улыбки. Именно этого и ждет от меня мой собеседник, и хотя мне вообще-то плевать на его симпатии, но очень нужно угодить этому нытику.

— Сатерленд! — воскликнул я, уловив сильный неприятный запах убежавшего молока и стухших яиц, который, к несчастью, сопровождал нашего конкурента. — А ты, черт возьми, что здесь делаешь?

— Я здесь по делу, — сказал он, подражая ужасной интонации Джеймса Кэгни в амплу полицейского. — Мне нужно выполнить свою работу и сделать это прямо сейчас.

— Можешь устроить тут шоу, — предложил я. — А потом вернешься к своей обычной работе.

Он спросил уже нормальным голосом:

— А твой напарник здесь?

Я показал в сторону Эрни, который небрежно кивнул Сатерленду и в знак приветствия поднял руку с очередным тритончиком, но в этот раз пища без боя не сдавалась: тритон пинался, извивался и не был готов отправиться к Творцу.

— Итак, что у тебя тут за история? — спросил я. — Ты тут на задании...

— Да, под прикрытием, — прошептал Сатерленд. — Сверхсекретное задание. Знаешь, я теперь берусь только за крупные дела.

Ага, он трахает родную сестренку своего босса, и ему, разумеется, перепадают самые лакомые дела, несмотря на то, что это самый бездарный частный детектив из всех, кого я видел. Этот парень не смог бы найти даже отметку «Старт» на доске для игры в «Монополию».

— Так что мистер Тейтельбаум считает меня классным детективом, — сбивчиво продолжал Сатерленд, — и уже готов начать разговор о том, чтобы мне, нет, ты только послушай, стать его *партнером!* — чтобы усилить последнюю часть фразы он наморщил лоб. Это довольно сложно сделать, когда область над глазами это не более чем несколько костных пластин, сплавленных в одну практически неподвижную зону. У анкилозавров вообще большие проблемы с наглядным выражением своих эмоций. Вспомните Альберта Гора. — Как только я покончу с этим дельцем!

— Так вот, зачем ты тут. Ради этого «дельца».

— Ну да. Но это большой секрет, так что держи язык за зубами, лады?

— А что я могу выболтать? Ты же мне ничего не сказал.

— Точно, — на его морде мелькнуло облегчение.

— Ну, тут ведь не замешан парень, который связался с этими прогрессистами, свихнулся и разорвал связи с внешним миром, а его родственники пришли в вашу контору и попросили, чтобы кто-то проник в логово...

Внезапно Сатерленд приуныл, щеки его побелели, а плечи резко обвисли. Он стукнул кулаком по ладони:

— Черт бы вас побрал! Блин! Блин! Блин! Я так и знал, что Тейтельбаум пошлет еще кого-то, я, черт возьми, знал это!

— Нет, что ты, он не...

— И теперь нам придется поделить вознаграждение пополам, да? Ты возьмешь половину, а твой партнер — другую, мать вашу...

— Эй...

Извините, но сейчас мистер Сатерленд вне пределов досягаемости. Он затерялся в глубинах жалости к себе любимому. Пожалуйста, оставьте сообщение.

— Слушай, Рубио, забирай это дело себе. Мне оно не нужно. Я не достаточно хорош...

— Говори потише и прекрати ныть.

— Мне следовало стать врачом. Моя мама так хотела этого.

— Сатерленд, а Сатерленд, заткни пасть и слушай сюда!

Удивительно, но он послушался. Я заметил, что мы привлекаем к себе внимание толпы,

так что потащил этого недоделанного детектива в сторонку и понизил голос до громкого шепота. — Мы не работаем на Тейтельбаума.

Ага, начал расслабляться.

— Нет?

— Нет. И не занимаемся твоим делом. Мы здесь по личному вопросу, но наше дело очень похоже на твое. Так что оставь себе твое чертово вознаграждение.

— Мне надо платить по закладной за дом, — сообщил Сатерленд, а его морда тем временем приобретала нормальный оттенок — смесь коричневого с зеленым.

— Знаю.

— У меня дети.

— Знаю, — еще бы не знать этих отвратительных гаденышей. — Очаровательные ребяташки!

— Ох, ну тогда хорошо, спасибо тебе.

— Да не за что вообще-то. Налей себе стакан воды и сядь. Затем опусти голову между коленей и глубоко дыши, — я похлопал Сатерленда по спине и подтолкнул его к официанту, стоявшему неподалеку. — Скушай тритончика, я слышал, они восхитительны.

Сатерленд ускакал, следуя моим рекомендациям, а я не сдержался и рассмеялся.

Тут подошел Эрни, и я рассказал ему эту хохму, а он лишь покачал головой:

— Видишь, малыш, мы не такие уж особенные. Готов поспорить, тут каждый второй — это сыщик на задании. Если дело касается запутавшихся детей, то всегда найдутся и родители, которые раскошелятся на их поиски.

Работяги в углу заканчивали монтировать и подключать звуковое оборудование, которое они рассредоточили по всему залу, и вскоре на сцену вышел высокий мускулистый игуанодон. Его длинная шея поблескивала в лучах прожекторов, а деревянные платформы, из которых была собрана сцена, поскрипывали под внушительным весом. Его кожа была равномерного насыщенно-изумрудного оттенка, ни одного пятнышка другого цвета. И хотя я обычно не завидую чужой внешности, сейчас я с благоговением уставился на совершенную естественную красоту таких масштабов.

Игуанодон слегка постучал по микрофону, из-за чего раздался ужасный скрежет, и сказал зычным громким голосом:

— Добро пожаловать, братья и сестры!

— Приветствуем! — раздались оглушительные вопли отовсюду, эти крики били по моим барабанным перепонкам со всех сторон. Я обратил внимание, что многие динозавры молчали, переминаясь с ноги на ноги и не зная, что делать. Как я понял, это были новообращенные и потенциальные неофиты.

— И если сейчас все вы присядете...

Услышав эти слова, большинство динозавров просто бесцеремонно шлепнулись на пол, и я был крайне удивлен, даже шокирован, что мрамор не пошел трещинами от этой внезапной атаки тяжелых задниц.

— Прошу вас, — сказал игуанодон, обращаясь к нам, жалкой кучке, оставшейся стоять. — Садитесь где угодно, здесь не нужны стулья.

Мы с Эрни пожали плечами и уселись на пол. Его поверхность была сравнительно прохладной, но ощущение не в новинку, поскольку у моего офисного стула сломан один из подлокотников, так что раз в несколько дней я регулярно оказываюсь на твердом деревянном полу. В большинстве случаев мне слишком лениво снова подниматься и усаживаться на стул, так что остаток рабочего дня я провожу, сидя на полу.

— Перед тем, как мы начнем, — продолжил игуанодон, — я бы хотел поприветствовать и поздравить всех тех, кто был на нашем собрании на прошлой неделе и решил прийти еще раз и побольше узнать о себе и о своих предках. Кроме того, я приветствую и тех, кто присоединился к нам впервые. Это длинное путешествие, которое приведет вас от вашей сегодняшней жизни туда, где вы могли бы оказаться, но за это будете щедро вознаграждены, и это будет самое прекрасное путешествие из всех, в которых вы

побывали.

Кажется, я это уже где-то слышал.

— Меня зовут, — тут он издал длинный неестественный звуковой ряд, эквивалента которому в человеческой речи просто нет, — но пока вы не натренируетесь, можете звать меня Сэмюелем. После мы с вами еще выпьем и закусим, так что никуда не уходите и познакомьтесь с другими динозаврами. Понимаете, мы как миллион — ничто, но каждый — это все.

Тут мне захотелось попросить разъяснения, но Эрни силой опустил мою руку, когда она начала подниматься сама по себе.

Игуанодон спустился со сцены, и прожектора осветили трио велосирапторов на другом конце зала. У них были инструменты, подобных которым я никогда в своей жизни не видел. Музыканты начали играть, и тут я понял, что не только не видел таких инструментов, но и не слышал ничего подобного. Среди прочих был длинный струнный инструмент, который можно было бы принять за бас-гитару, но струны были натянуты просто на палку, из-за чего вся конструкция походила на удлиненное сухожилие или лигамент.⁵ Еще была ракушка, только в десять раз больше обычной, использовавшаяся как горн, и набор плоских камней, которыми стучал самый крупный из велосирапторов, создавая при этом определенный ритм. Музыканты вполголоса напевали какую-то песню, в качестве слов выступала последовательная смена рычания и воплей. И хотя это, бесспорно, была самая ужасная какофония, которую я когда-либо слышал, и толпа собравшихся не качалась в такт «песне», но я почувствовал, как внутри них поднималась волна энергии. Им нравилась эта чушь. Да, у молодого поколения совсем плохо со вкусом, кто-то должен познакомить их с блюзом.

Другое пятно света, на этот раз зеленого, скользнуло вверх по стене и остановилось на двустворчатых дверях высоко над сценой. Никакого балкона не наблюдалось, просто дверь, прорубленная в стене. Странно, что я не заметил ее раньше, но мое внимание после инцидента со змеями в основном было приковано к полу, вдруг какой-то из закусок все-таки удалось смыться и она ищет случая поселиться на мне. Тем временем музыканты играли все быстрее и громче: булыжники стучали сильнее, горн гудел пронзительнее. Напряжение в толпе росло. Слева кто-то прошептал:

— Она идет...

Тут двери распахнулись, стукнув по стене с огромной силой. Темный коридор за ними внезапно наполнился зеленоватым светом, и еще через секунду на краешке появилась очаровательная самка раптора, весьма рискованно балансируя на высоте десяти метров над полом. Отсюда я мог разглядеть удлиненные изящные линии ее гибкого тела, красивый изгиб шеи, резко очерченные когти, сексуальный хвост и переливающуюся чуть ли не всеми цветами радуги кожу, на которую падал свет прожекторов и отражался, опускаясь волнами на толпу собравшихся, ослепших от этого сияния.

Не успел я и пикнуть от удивления, как рапторша подняла свой лик (иначе и не скажешь) в небо и издала стон, от которого кровь стыла в жилах. Уголки ее пасти поползли вверх, выше и выше, она лязгала зубами, при этом ее язычок выписывал пируэты в воздухе. Толпа, вся как один, вскочила на ноги и начала неистово аплодировать, когда она оттолкнулась сильными, красивыми ногами и прыгнула вниз. Я не мог вынести такого зрелища.

Но за прыжком последовало идеальное приземление, поскольку она использовала хвост, чтобы смягчить удар о землю, и еще через мгновение красавица уже стояла перед микрофоном, впитывая похвалы собравшихся.

— Приветствую вас, — сказала она. Голос у нее был женственным, но, как ни странно, низким, причем в нем смешались разные нотки. — Добро пожаловать, братья и сестры.

— Эффектное появление, — пробормотал Эрни, обращаясь ко мне.

⁵ Эластичная перемычка между створками раковины моллюска.

— Для тех, кто не знаком со мной, — сказала рапторша, когда толпа уgomонилась, и все снова расселись по своим местам. — Меня зовут Цирцея. Я уже много лет иду к Прогрессу. Это был трудный, но плодотворный путь. И я верю, что теперь я ближе к своим предкам, чем когда-либо раньше. И считаю, что все мы теперь можем приблизиться к предкам, стоит лишь уверовать в себя и в нашу общую историю. Все мы можем научиться идти по пути Прогресса с той точки, где мы находимся сейчас.

Цирцея кивнула Сэмюелю, игуанодону, которого мы уже видели, и тот прикатил большой телевизор, присоединенный к знакомой машине.

— Родограф, — прошептал я Эрни, и он кивнул.

Толпа начала ворчать, выражая то ли одобрение, то ли удивление, я так и не смог понять. Цирцея втянула когти и поместила свой большой палец правой руки в маленькую темную дырку. Игуанодон нажал нужные кнопки, и хитрая штуковина ожила, колдуя над тем, чтобы выдать некое удивительное число. Вскоре образцы крови и феромонов Цирцеи были перемещены в вакуумную трубку, и тогда лампочки и стрелочки начали свою дикуую пляску.

Воцарилась тишина. Все задержали дыхание. Если они сейчас грохнутся в обморок, то, возможно, я успею пробежаться до кухни и найти какую-нибудь нормальную еду.

На экране тридцатishестидюймового телевизора сначала шла рябь, а потом он зажегся и продемонстрировал чистоту красавицы Цирцеи: **ДИНОЗАВР НА 96,8 %**.

Зал снова наполнился оглушительными криками и воем. Остается только надеяться, либо здесь звуконепроницаемые стены, либо у соседей в радиусе нескольких километров вокруг сложится впечатление, что это кинокомпания MGN снимает продолжение фильма «Из Африки».

— Тише, тише, пожалуйста, — сказала Цирцея. Она явно купалась во всеобщем восхищении, хотя и старалась выглядеть скромной. — Займите свои места, прошу вас. Я хочу рассказать вам одну историю. Историю о том, как же мы дошли до того, что имеем сейчас.

— Должно быть, классная история! — ухмыльнулся Эрни, и мы устроились поудобнее и приготовились внимательно слушать.

6

— Эта история началась не так уж давно, — сказала Цирцея. — Хотя для тех из вас, чья чистота была запятнана миазмами человечества, она может показаться древней. Но помните, древняя история человеческой расы для нас, куда более древних существ, все равно, что вчерашний день. Впервые я услышала ее от нашего великого основателя Раалья, — по крайней мере на мой взгляд, ее гортанное ворчание было более всего похоже на слово «Рааль», — он в свою очередь слышал ее от родителей, а те — от своих родителей и так далее. История эта передавалась на протяжении веков, и вот настала моя очередь поведать ее вам.

— Должно быть, Рааль — это тот продавец пылесосов, — пробормотал Эрни мне на ухо, и я был впечатлен, как четко ему удалось произнести это сложное имя. — Ну, тот, который заварил всю эту кашу с культом, а потом сыграл в ящик.

— Менее миллиона лет назад, — продолжала Цирцея, — наши предки столкнулись с проблемой. Определенная ветвь гоминидов, за которыми наши предки постоянно наблюдали вот уже какое-то время, вдруг пошла по другому пути развития, чем их ближайшие родственники, высшие приматы. В последние несколько сот тысяч лет изменения стали более значительными, ярко выраженными, и члены Великого Совета обеспокоились, что эволюция ускориалась, и гоминиды, черепная коробка которых быстро увеличивалась, вскоре смогут научиться общаться, а далее создать собственное общество. Такого в нашей истории никогда не было. У нас появился потенциальный соперник. Члены Совета сочли необходимым отнестись к приматам с большей осторожностью. Разумеется, эти... обезьяны

не могли угрожать нашему благополучию. Они были неуклюжие, тупые, и по большей мере предпочитали действовать в одиночку. Кроме того они были мелкие, намного меньше нас по размеру. Конечно же, мы и тогда не достигали размеров наших Великих предков, однако миллион лет назад наши праотцы были выше и крупнее, чем сегодняшние динозавры. Их рост составлял минимум три — три с половиной метра.

— Откуда, блин, она это знает? — проворчал Эрни мне на ухо.

— Это байка. Ты же слышал об этом?

Цирцея продолжала:

— Но вскоре выяснилось, что одна группа приматов организовала сообщество, они вели кочевой образ жизни в той части земного шара, которая теперь является государством Гана. Динозавры забеспокоились, не пойдут ли по этому пути и другие гоминиды в течение следующих пары десятков тысяч лет. С этим нужно было что-то делать.

Громче всех о такой необходимости кричали трое братьев, чьи имена и раса, к сожалению, не дошли до нас. Но широко известно, что они были самыми сильными и смелыми среди своего рода, доблестно и умело сражались с хищниками, истреблявшими нас, поэтому и было решено, что именно они и должны предпринять попытку контакта с первой группой гоминидов.

Старший брат был замечательным парнем: добрый, щедрый, и всегда умел приободрить других. Средний брат был необычно крупный и мощный, некоторые рассказывают, что он возвышался над деревьями в лесу. А младший брат был очень умен, он мог найти решение любой проблемы. Это был идеальный выбор.

Братья хотели отправиться в путь вместе, как всегда. На самом деле именно так их предки подавили попытку восстания, предпринятую ранее группой динозавров. Но Совет обязал их ехать к месту поселения гоминидов поодиночке, вы же знаете, когда дело касается Совета, то правила превыше всего. Возможно, мы и развивались на протяжении прошедших миллионов лет, но Совет стагнировал.

В аудитории раздался смех, и я вдруг понял, что и сам хихикаю, увлекшись рассказом Цирцеи.

— Старший брат отправился в долину, где жили гоминиды, и после долгого и тяжелого путешествия прибыл к границам их лагеря. Тогда предки современных людей жили под открытым небом, им не хватало мозгов даже, чтобы соорудить для себя какой-нибудь сарайчик или хижину. Несколько лет старший брат жил в лесу и следил за людьми, размышляя, как же лучше всего установить контакт с этими новыми созданиями. Через некоторое время он решил, что лучше всего действовать прямо и просто, возможно, используя язык жестов.

Как-то раз рано утром он спустился в долину, высоко держа голову и пытаясь покорить гоминидов своей самой лучшей улыбкой. Он хотел поприветствовать их от имени расы разумных существ, чтобы узнать, какие у них планы в отношении этой долины и динозавров в принципе, не откажутся ли установить с ними дружественные отношения.

И был растерзан на месте.

Толпу словно ударило током, все мы начали как один раскачиваться взад-вперед. Последнюю фразу Цирцеи произнесла с особым ударением, едва слышный сарказм в слове «растерзан» сделал свое дело.

— Прошло несколько дней. Двое оставшихся братьев так и не дождались новостей от старшего, и тогда средний брат был отправлен посмотреть, что же с ним случилось. Он быстро добрался до долины и поступил так же, как и его брат — спрятался в лесу поблизости и следил за новыми существами, прежде чем двинуться дальше. Но в тот вечер он издалека видел, как все племя гоминидов празднует вокруг тела его брата, засовывая обглаживаемые кости и окровавленные кишки в свои отвратительные жадные рты.

Не раздумывая ни минуты, не подготовившись, разъяренный динозавр вбежал на лужайку, где происходило пиршество. Клыки и когти его были обнажены, когда он напал на ничего не подозревавших тварей. В тот момент он не думал ни об опасности, ни о

последствиях, им овладела только жажда мщения.

Двенадцать гоминидов растерзал он, прежде чем людишки убили его.

Прошло еще какое-то время, и ни один из братьев так и не вернулся. У Совета не было выбора кроме как послать младшего, и он с готовностью отправился в путь, желая узнать, что же случилось с его родными. Но третий брат был самым умным и осторожным, и не торопился подходить к долине. Он изучил каждый их след, каждую тропку, чтобы понять, как же гоминиды себя ведут, как они живут и чем питаются.

Так что к тому времени, когда он приблизился к долине, как его братья, и спрятался в лесу, чтобы наблюдать за людьми издали, его братьев уже съели, а косточки их обглодали. От них остались только крупные кости, которые были раскиданы по всей долине.

Возможно, из-за того, что останки братьев были неузнаваемы, или же просто в силу своего характера, младший брат в ярость приходить не стал. Он не бросился сию минуту уничтожать людей, но и не пошел в долину в надежде, что заключит между двумя расами мирный договор.

Вместо этого он разработал план.

Он спрятал хвост между ног, подогнув его и привязав мягким гибким побегом, закрепив концы на поясе. Затем он измазлся в грязи, обмазав всю свою чешую, чтобы его естественная кожа напоминала кожу гоминида, не мывшегося долгое время. Он втянул когти, затем выломал два зуба, которые выпирали, когда рот был закрыт, прижал уши и подкрасил глаза, а морду прикрыл самодельной маской из прутиков и веточек, после чего обмазался фекалиями, чтобы перебить свой естественный запах.

На следующее утро он в первом в истории маскировочном костюме вышел из леса и отправился в самое сердце лагеря гоминидов, уселся среди них и беседовал с самыми главными членами их племени. Костюм у него был весьма убогий, и сейчас он показался бы нам чертовски смешным, но тогда люди были чуть тупее, чем сегодня, поэтому они приняли динозавра за своего. В тот вечер он зашел настолько далеко, что вкусил костный мозг одного из своих братьев, чтобы не вызывать подозрений. Он выглядел как гоминид, вел себя как гоминид и пах как гоминид.

В ту ночь, когда эти прямоходящие млекопитающие заснули, младший брат потихоньку подкрался к каждому из них и растерзал всех. Тихо, аккуратно и четко.

Из зала раздались громкие возгласы одобрения, как будто это мы приветствуем великого героя, вернувшегося с поля битвы. Цирцея подняла руки, требуя тишины.

— А теперь может ли кто-то из вас сказать мне, был ли этот динозавр, который обманул людей, замаскировавшись под них, героем?

Несколько рук взметнулись вверх. Без сомнения, это подхалимы, которые уже слышали эту историю и знают правильный ответ. Меня рассмешило их рвение угодить любимой учительнице, произвести на нее впечатление, но мой смех утих, как только я увидел, что длинный изумрудный палец показывает на меня.

— Ты, — сказала Цирцея. Нет сомнений, что она обратила внимание на единственного раптора-частного детектива, которому не интересно было играть в двадцать вопросов. — Скажи мне, был ли он героем?

Я, слегка заикаясь и запинаясь, начал:

— Я н-н-не...

— А что говорит твой инстинкт? Герой он или нет?

— Герой, — ответил я. — Он поквитался с убийцами своих братьев. Факт мести налицо.

Я решил, что это и есть правильный ответ, учитывая, что вся эта история главным образом о превосходстве динозавров.

— Верно, — сказала Цирцея, и местные умники посмотрели на меня с завистью. — Но поступив таким образом, не посрамил ли он собственное «я»? Разве он не загнал самого себя в противоестественные рамки?

— Ну да, — сказал я. — Но это ничем не отличается от того, что мы делаем в наше

время.

В толпе заохали, включая и Эрни (вот ведь засранец!). Я быстро понял, что только что сказал именно то, что было нужно Цирцею. Но улыбка, которой меня одарила красавица, сгладила возможные ощущения неприязни, и я понял, что меня тянет навстречу этим заостренным очаровательным зубкам и сияющей изумрудной коже.

— То, что один динозавр начал миллион лет назад, чтобы отомстить за смерть родных, стало нашим образом жизни. Некоторые могут сказать, что он герой, но мы полагаем, что он выступил лишь катализатором процесса нашего последующего падения.

По залу прокатился шепот, выражавший согласие, и местные отличники — подлизы снова задрали носы и вернулись в обычное свое состояние превосходства.

— Я рассказываю вам все это не для того, чтобы вы разозлились, — сказала Цирцея залу. — На самом деле моя цель вовсе не ваши чувства. Что бы там ни говорили, это не мое дело учить вас, как вы должны чувствовать и вести пропаганду. Но для каждого из вас важно знать, кто мы, откуда мы произошли, и почему сегодняшние динозавры настолько отличаются от их предков — настоящих динозавров.

Ну, я вообще-то и так это понял, но ей необязательно было выставлять меня двоечником.

— Хорошо она тебя поимела, малыш, — пошутил Эрни, но я не отреагировал.

— Вот здесь и встает вопрос о чистоте, — продолжила Цирцея. — Насколько мы остались динозаврами? Насколько удалились от наших предков? Существуют предания о том, что некогда наши феромоны могли распространяться на мили вокруг, и мы могли учуять большие сообщества сородичей через целые моря. А теперь нам еще повезло, если мы учуем друг друга через обеденный стол.

Здесь она развернулась в полную силу и прочла целую лекцию о чистоте и натурализме, и тех мучениях, которым мы, динозавры, подвергаем себя каждый божий день как физических, так и эмоциональных, ради того чтобы смешаться с так называемым правящим большинством. Говорила она больше часа, и за это время я узнал, что личины, которые мы надеваем, впитывают некоторые химические вещества, ослабляющие наши натуральные феромоны, а наука показала, что за длительную историю ношения человеческого облачения волны, излучаемые мозгом динозавров, стали больше похожими на волны человеческого мозга; и наша вынужденная двойная жизнь привела к тому, что мы считаем себя шестнадцатью разными расами, а не одним видом. Да, все это казалось чертовски осмысленным, особенно когда эти сентенции исходили из чувственного и красивого ротика Цирцеи, который пастью даже язык не поворачивается назвать.

На Эрни это создание не произвело такого впечатления, как на меня. Он чистил когтями одной лапы когти на другой, изредка поднимал голову и кивал, прикидываясь, что и к нему нисходит просветление.

Прошло еще около тридцати минут, и лекция подошла к концу, а потом еще десять минут слушатели рукоплескали Цирцею и не могли успокоиться. Как только оркестр снова начал исполнять свои странные мелодии, хотя в этот раз они были более приятны для слуха, и уши уже в трубочку не сворачивались, Цирцея покинула сцену и растворилась в толпе доброжелателей.

— Только до хрена времени потеряли, — буркнул Эрни, — я так и не почуял его запах за все это время.

— Чей запах?

— Руперта.

— Какого еще Руперта?

Тут Эрни вlepил мне подзатыльник, и я снова быстро вернулся к реальности: его бывшая жена, брат, а сам я стою посреди главного зала какой-то секты. Туман, которым заволокло мои несчастные мозги во время лекции Цирцеи, рассеялся, и я потряс головой, чтобы очистить себя от остатков ее паутины.

Эрни положил мне руку на плечо и заглянул в глаза:

— Ты в порядке?

— Лучше не бывает. Давай-ка уносить ноги.

Но это было не так легко. Около двери нас ждали сами хозяева приема. Цирцея приветствовала гостей и прощалась с уходящими. Рядом с ней стояли три мускулистых динозавра, среди которых был и наш старый знакомый игуанодон Сэмюель. Они пристально следили за толпой, и их взгляд не сулил ничего хорошего, при этом громылы настаивали, чтобы все желающие уйти сначала засвидетельствовали свое почтение драгоценной хозяйке. В их глазах светилась паранойя, и мы с Эрни поняли, что лучше всего будет слиться с общим потоком. Мы заняли очередь и стали медленно продвигаться вперед, к выходу.

— Чувешь? — спросил меня Эрни после нескольких минут, когда мы двигались вперед крошечными шажками.

— Что именно?

— Запах, запах каппучино!

Я раздул ноздри насколько мог и глубоко вдохнул. Целый поток феромонов устремился к моим обонятельным нервам. Мне пришлось закрыть глаза, заткнуть уши, чтобы выключить остальные органы чувств и сконцентрироваться на разделении различных запахов. Да... Где-то среди смеси ароматов сосновых шишек, апельсинов и легкого океанского бриза притаился запах послеобеденного кофе, в него добавлено чуть-чуть сливок и намек на шоколад.

— Это он? — спросил я. — Мокко — это он?

— Не могу сказать точно, но мне так кажется.

Мы быстро оглядели комнату, пытаясь так располагать носы по отношению к разным динозаврам, стоявшим вокруг, чтобы выделить их индивидуальные запахи. Это не так-то просто. Вынюхивание запаха по прямой линии — это скорее искусство, чем наука, а некоторые и вовсе утверждают, что это фокус. Очередь по-прежнему двигалась вперед, и мы приближались к короткой аудиенции у самой Цирцеи.

— Быстро проскочим мимо дамочки, пожмем ручки, скажем спасибо и побежим по следу. Прочисти нос, ради всего святого, он тебе еще пригодится.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем мы подошли к концу очереди. Эрни стоял передо мной. Мне ужасно захотелось, чтобы все поскорее кончилось. Эх, найти бы Руперта, отвести его домой и закрыть это дело, и завтра утром хорошенечко потренироваться. Давненько я не ставил кассету «Худеем вместе со стегозавром» и ощущал, что ляжки слегка поправились.

Эрни уже подошел к Цирцее и говорил ей какие-то слова, как я понимаю, это были вежливые благодарности и неискренние комплименты. Я был полностью уверен, что сейчас то же самое представление повторится, но уже с моим участием.

Но когда я оказался непосредственно перед ней, один на один с ее чувственным телом и полными губками, мне было трудно даже выдавить из себя простое «спасибо».

— Надеюсь, я вас не смутила, — сказала она. — Своим вопросом.

— Нет, что вы... Я узнал много нового, — тут я превратился в слабоумного, у которого проблемы с речью, и повторил как заезженная пластинка: — Узнал много нового.

Из пор на коже красавицы Цирцеи исходил опьяняющий аромат, это был не просто сильный запах самки раптора, отравивший меня. На таком близком расстоянии у меня кружилась голова от волшебного аромата ее тела. Она пахла смесью природных интоксикантов: базиликом, орегано, кинзой. Мне никогда не встречались динозавры с таким набором феромонов и вряд ли еще встретятся. Комната вдруг накренилась влево, я попытался наклонить голову, чтобы удержать равновесие. Но это, увы, не сработало.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Винсент. Меня зовут Винсент, — и поскольку я еще не выставил себя круглым идиотом, то решил наверстать упущенное: — Я — Винсент.

Внезапно меня стало каким-то образом притягивать к ней. Сначала мы стояли на расстоянии метра друг от друга, потом осталось шестьдесят сантиметров, а потом и вовсе

тридцать. Я ничего не видел кроме этих глаз и этого чувственного лица, а аромат ее становился все сильнее. Теперь среди густого запаха базилика и других наркотических веществ я ощущал еще и нотки тимьяна, розмарина и фенхеля. Это самые сильнодействующие травы, какие только мне известны. Запахи проникли в меня через две широко раздутые ноздри, проделав длинный путь по носовым пазухам и поднимаясь выше, в мой мозг. Все печали и заботы тут же перешли в жидкое состояние и вылились через уши...

— Винсент, очень приятно познакомиться с тобой, — сказала Цирцея и я почувствовал, как мои губы растянулись в идиотской улыбочке. Часть меня полностью осознавала эту трансформацию невозмутимого частного детектива в придурка-молокососа, пускающего слюни при виде красивой бабы, но другая моя половина с радостью подняла предохранительный шлагбаум и унеслась прочь на американских горках.

Я почувствовал руку на своей спине. Цирцея притянула меня ближе к себе, почти вплотную. Она что, хочет меня поцеловать? Я заволновался в предвкушении этого сладкого ощущения, когда губы прикасаются к губам, но голова под ее руководством проскочила мимо губ, мимо совершенной левой щеки — прямо к основанию ее шеи. И тут я все понял. Понял и приготовился задержать дыхание. Этого я не могу сделать.

Но времени не хватило. Не успел я приготовиться к восхитительному аромату феромонов Цирцеи, как меня уже сбила с ног волна пряных запахов, окатившая водопадом все мое тело, пропитав насквозь все мои чувства. Это была настоящая биологическая атака.

И я уже не был больше в доме на Голливудских Холмах. Я не стоял на выходе, странно и, наверное, неприлично прильнув к хозяйке, прижав нос к ее шейке. На самом деле я вообще унесся прочь из города ангелов и его окрестностей, и даже из этого тысячелетия.

Вместо этого я бежал через бесконечный лес, где верхушки деревьев касались неба. Их листья достигали размеров «крайслера». Я несся все дальше и дальше, разбрызгивая грязь, и теплый ветер обдувал мою кожу. Сладостные крики наполнили ночное небо, и вдруг я понял, что тоже кричу на языке рапторов, отвечая моим собратьям, хотя я никогда не слышал этого языка раньше, но звуки сами слетали с моего языка.

Рядом бежала Цирцея. Очень быстро.

Вдалеке показались скалы, мы ускорили наш бег. Нами двигало какое-то первобытное желание, именно оно заставляло бежать на бешеной скорости. Скалы вырастали до огромных размеров, и теперь уже нельзя было замедлять ход, нельзя было останавливаться. Внезапно мы оказались на краю уступа, а под нами простиралась бездна. Я повернул голову, взглянул на Цирцею, а она зажала мою лапу в своей, мы высоко подпрыгнули и оторвались от скал, поднимаясь все выше и выше, пока сила притяжения не взяла свое и мы камнем упали вниз...

И во время падения мы занимались любовью...

7

— Винсент! Винсент! — голос раздавался откуда-то из леса. Мои глаза оставались закрытыми. Мне было так хорошо и спокойно. Птицы пели, ящерицы высывали свои тонкие язычки. Как прекрасен этот мир!

— Не заставляй меня бить тебя по морде, чтобы ты пришел в себя! Давай же, малыш, очнись, нам нужно работать.

Это был голос Эрни. Но что делает Эрни в лесу? И куда делась Цирцея? Я с неохотой открыл глаза и зажмурился, поскольку в лицо брызнул яркий свет. Неужели солнце уже вошло?

Это был всего лишь яркий свет люстры в коридоре. Произведения искусства в мастерски подобранных рамках. За моей спиной остался балльный зал, и Цирцея продолжала общаться с гостями.

— Я зачуял, что Руперт пошел сюда, — сказал Эрни. — Мы должны идти по его следу.

— Эрни, — с трудом проговорил я. Мой рот все еще был полон этого пьянящего

воздуха доисторического мира. — Я что?... То есть... ты... Когда ты успел попрощаться с Цирцеей?

— Довольно миленькая девчонка, — сказал Эрни. — Для лидера секты.

— Нет, я хотел спросить, ты ее нюхал?

— Ну конечно нюхал. Пахнет травкой, да?

Я знаю, что динозавр не может регулировать силу своего запаха, поскольку продукт наших пахучих желез — всего лишь результат обмена веществ, и он выделяется с постоянной скоростью. Нельзя напрячь железу как мускулы, чтобы она работала быстрее, по крайней мере, мне всегда так говорили. Но последний выброс феромонов Цирцеи, который «накрыл» меня и унес куда-то прочь из нашего пространственно-временного бытия, — это, как ни крути, не могло быть результатом обычной деятельности пахучих желез. Если бы это все-таки было нечто обыденное, то Эрни ощутил бы то же, что и я, но, судя по его невозмутимому виду, с ним ничего сверхъестественного не произошло, он просто пожал Цирцее ручку и буркнул «увидимся». Но она что-то сделала, что-то странное, необычное и неестественное, но при этом определенно правильное.

Я решил не заводить об этом разговор прямо сейчас. Эрни прав. Нам нужно идти по следу Руперта.

Мы чуть было не выбежали из дома, но тут знакомый голос окликнул нас в фойе:

— Джентльмены, а как же ваше облачение?

Блин, точно. Мы рысью побежали к орнитомимихе, а Эрни шепнул мне:

— Надо поторапливаться. Мне кажется, я все еще чую его запах, но он становится слабее.

Мы швырнули номерки гардеробщице и нетерпеливо ждали, пока многочисленные личины проедут по кругу. Я постукивал когтями по мраморной стойке, имитируя звук движущихся вешалок. У нас совсем нет времени, совершенно.

— Номер триста тринадцать и триста четырнадцать, — сказала девица, и мы, не глядя, схватили свое добро, напялили и со всех ног выбежали из здания. Как только мы выскочили на воздух, то я к своему ужасу понял, что воздух Лос-Анджелеса все такой же сухой, так что выявить феромоновый след затруднительно. Чем душнее погода, чем больше влаги в атмосфере, тем дольше по запаху можно брать след. Вот почему в Майами Бич никто никогда не пропадал.

Но тем не менее легкий аромат кофеен «Старбакс» долетел до нас из-за здания, и мы пошли по его следу, насколько хватало наших носов. Дорожка, по бокам которой росли симпатичные кустики и деревца, обогнула вокруг одного из многочисленных углов здания, и мы вышли на дорогу, идущую со склона холма, выложенную большими плитами. Кое-где между ними пробивались кустики травы, и даже местами виднелась марихуана. Вероятно, вкусно, но у нас не было времени пробовать.

Пока мы шли по запаху нескольких динозавров, дорога стала почти спиральной, она хаотично закручивалась в какой-то клубок, словно пытаясь обмануть идущего. Теперь мы шли уже между деревьев, трава стала гуще, видно было, что этот участок не ухожен. Вскоре плиты сменились потрескавшимся асфальтом, затем раскрошившимися кирпичами, которые тоже вскоре исчезли, осталась только грязь. Запах сосны, к которому примешивалась капелька каппучино, усилился.

Когда мы прошли по лесу около ста метров, то я увидел заграждение. Оно уже все проржавело, но все еще использовалось по назначению. Вдоль площадки были расставлены десять старых покрышек, словно здесь проходили тренировки по футболу. Еще имелся канат и глухой забор высотой шесть метров, один из атрибутов полосы препятствий. Площадка была испещрена следами лап динозавров. Некоторые были трехпалыми, а другие четырехпалыми.

— Это спортивная площадка? — спросил Эрни. Я пожал плечами.

— Ведь всем нужно выпускать пар, правда?

— Ты думаешь, у них здесь и дети есть?

— Возможно. Ну, ты же слышал о таких сектах, в которые вступают целыми семьями.

Эрни покачал головой, его верхняя губа слегка выгнулась кверху, в этой гримасе читалось отвращение.

— Нельзя держать детей в таких местах, — проворчал он.

— Нельзя держать детей в доме на Голливудских Холмах? Да, ты прав, такое убожество!

Но до нас вновь долетел запах сосны и кофе. Не успели мы пройти и тридцати метров, как заметили три больших бунгало, построенных между деревьями. Как братья в истории, рассказанной Цирцеей, мы спрятались за дубами и несколько минут наблюдали, как местные жители занимались своими обычными делами. Динозавры разгуливали в своем естественном обличье. Их укрывал лишь полог из листьев над головами. Как и на балу, здесь были представлены все виды. В этот раз я увидел даже компсогнатов, которые сновали туда-сюда по территории, как крысы в поисках кусочка сыра.

— Ты его видишь? — спросил я.

Эрни покачал головой.

— Я не помню, как он выглядит без личины. Нам нужно подобраться поближе и понюхать.

— И они сию секунду распознают в нас чужаков.

— Необязательно. Сюда каждый день неофиты пачками приходят. Ну и кто скажет, что мы не новообращенные?

Да, с этим не поспоришь. Мы выскочили из-за деревьев и с важным видом направились к лагерю, каждый наш шаг говорил о том, что мы местные, принадлежим этому братству.

— Добрый вечер, братья, — сказал целофизис, занимавшийся обдиранием коры с соседнего дерева.

— Видишь, — сказал Эрни. — Это просто.

Мы пробежались по лагерю, держа носы по ветру, но вскоре стало очевидно, что скопление разнообразных ароматов на небольшом участке, пусть мы и находимся в непосредственной близости от их источников, затрудняет выявление отдельных запахов. По крайней мере, теперь количество «подозреваемых» сузилось, но в поле зрения, без сомнения, было с десятков ти-рексов, и любой из них мог быть Рупертом. К несчастью, они все, как казалось, тусовались поблизости друг от друга, поэтому чтобы идентифицировать Руперта, нам сначала нужно рассмотреть их поближе.

— Мы могли бы просто подойти и спросить, кто из них Руперт, — предложил Эрни.

— Ага, он нас заметит, или, по крайней мере, тебя, и в ужасе убежит. Догадываюсь, мы увидим только, как его пятки сверкают.

Мы помахали еще одному проходившему «брату», и Эрни снова бросил взгляд на группу ти-рексов, расположившихся в третьем бунгало.

— Уверен, Руперт — один из них, — сказал он. — Должен же быть какой-то способ.

Через минуту мимо нас неслась мелкая самка компсогната, что-то бормоча себе под нос. Я протянул лапу и схватил ее за плечо.

— Простите, сестра, — сказал я. — Я хотел спросить, не окажите ли вы мне любезность. Пожалуйста.

— Я тороплюсь, брат, — ответила она и попыталась смыться. Но я слегка усилил давление, и она осталась на месте.

— Пожалуйста, — повторил я. — Это очень важно для вашего личного Прогресса.

Ага, зацепило. Уверен, что мои слова не имели ни малейшего смысла, особенно если учесть, что я сам выдумал подобный набор слов, имитирующий местный жаргон, и эту фразу, которая сразу должна была бить не в бровь, а в глаз, но тем не менее завладеть вниманием сестры мне удалось.

— Хорошо — сказал я. — Не могли бы вы найти...

Я порывлся в памяти, вспоминая встречу с Луизой. Вот она читает то ужасное письмо от своего младшего братца. Так пропустим всю эту туфту про родственников. Какая же там

была подпись... Ага. *Твой брат Гранаах.*

— Не могли бы вы найти брата Гранааха? — проскрипел я в надежде, что это сойдет за правильное прогрессистское произношение.

— Он вон там, — сказала мерзкая упрямая сестра, указав на толпу ти-рексв неподалеку. — Видите...

— Да, но мы очень спешим. Пожалуйста, передайте ему, что Цирцея будет ждать его около заграждения.

— Заграждения?

— Ну там, где спортплощадка, а вокруг сетка.

— Ах сетка, — сказала сестра. А затем со всей подозрительностью, на которую только способен ее крошечный мозг, спросила: — Вы сказали, что его хочет видеть Цирцея?

— Она так сказала моему другу.

Сестра обдумала мои слова, колесики и шестеренки в ее мозгу начали вращаться со скоростью десять тысяч оборотов в минуту, и наконец сказала:

— Хорошо, я ему передам.

— Он нас узнает сразу же, как придет сюда, — сказал я, когда мы подошли к спортплощадке.

— Разумеется. А дальше мы его убедим пойти с нами.

— Неужели благоразумие — это то качество, которое ты приписываешь большинству этих прогрессистов, Эрн?

Напарник покачал головой, громко щелкнул языком.

— Блин, не стоило мне позволять тебе покупать этот идиотский отрывной календарь, где каждый день объяснялось новое слово. «Приписываешь». Что это за слово такое «приписываешь»?

Я не успел защитить собственный словарный запас, как вдруг за деревьями раздалось какое-то шебуршание, листья раздвинулись и вышел ти-рекс-недоросток. Ну, рост у него был сто восемьдесят два или сто восемьдесят пять, все равно крупнее, чем я, но отнюдь не дотягивал, чтобы называться Королем среди рептилий. Он стал вглядываться в темноту, сложив руки наподобие бинокля.

— Мисс Цирцея?

Мисс Цирцея. Мило, не правда ли?

— Добрый вечер, младший брат, — сказал Эрни и вышел из тени под тусклые лучи лунного света, с трудом пробивавшиеся через туман, окутавший Лос-Анджелес.

Руперт не убежал. Не закричал. Он даже не изменился в лице. Ну может, слегка нахмурился и съежился, и все.

— Добрый вечер, брат Эрни, — сказал он. — Подозреваю, тебе послала моя сестра.

Легкая улыбка озарила его лицо, и теперь передо мной был тот Руперт, которого я помнил. Он из тех парней, которые по природе своей очень неплохие, но все время заставляют о себе беспокоиться.

— Привет, Руп. Прости, что пришлось пойти на обман.

— Не стоит извиняться. Верю, что вы получили удовольствие от лекции.

— Ты знал, что мы были там? — спросил я.

Руперт торжественно кивнул, и снова на его лице появилась знакомая заразительная улыбка.

— Я выучил запах Эрни с того самого дня, когда он впервые приударил за моей сестрицей. Ну и твой тоже, Винсент, когда ты приходил к нам пообедать на халяву.

— Луиза... Она действительно беспокоится за тебя, — Эрни сделал несколько шажков к бывшему шурину, но ти-рекс не шелохнулся. — Она засыпает в слезах с того дня, как получила письмо, и не знает, где тебя черти носят.

— Тогда ты можешь передать ей, что я в надежных руках. Скажи, что обо мне заботятся и я больше узнал о самом себе. Если я ей дорог, пусть она прекратит плакать.

Положа руку на сердце, скажу, что Руперт сейчас выглядел намного лучше, чем когда

бы то ни было. Раньше он был тощим бледным динозавром, а сейчас, несмотря на недостаток веса, он умудрился изменить свое неуклюжее тело так, что оно выглядело сильным и мускулистым. Его кожа, как и у всех прогрессистов, была чистой и сияющей, хвост длинным и твердым, а острые когти поблескивали в лунном свете. Он был иллюстрацией к понятию «здоровый ти-рекс».

— Все не так просто... Подтверди, Винни.

— Он прав, — сказал я, тоже приближаясь к Руперту и не сводя при этом глаз с его когтей. — Я с ней довольно долго беседовал. И хотя мы поняли, что тебе тут хорошо, более того, мы поняли, что прогрессисты помогли тебе (правда-правда), но это не значит, что ты не можешь продолжить дальнейшее обучение дома. Сестра приготовила для тебя комнату, отличную уютную постельку и много любви...

— Всю любовь, которая мне только необходима, я получаю здесь, — сказал Руперт. — У меня есть, где спать. И дело не в том, где жить. Дело в моем личном прогрессе. Мне нужно быть здесь.

Руперт склонил голову на один бок, потом на другой, и повторил это движение несколько раз, словно он слышал что-то в лесу, но не может расслышать, что именно.

— Мне нужно возвращаться в лагерь, — сказал он. — Рад был с вами повидаться. Надеюсь, вы останетесь и узнаете больше о своих предках.

Он потопал обратно через кусты, а я повернулся к Эрни.

— Отлично. Как я и говорил, его наше предложение не заинтересовало. Что теперь?

— Без понятия.

— Но мы не можем же просто так уйти. Нужно что-то сделать!

Эрни посмотрел на Руперта, подошедшего к краю полянки, и крикнул:

— Подожди секундочку! Прошу тебя, брат!

И снова слово «брат» сделало свое дело. Настоящее волшебное слово, если такие вообще бывают, просто заклинание, черт побери. Руперт остановился, повернулся на пятках и медленно пошел обратно к нам. Его голос был спокоен, но под этим спокойствием он прятал растущее нетерпение.

— Да, брат.

В этот раз чувствовался легкий привкус сарказма.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Эрни.

Разрази меня гром, я представления не имел, что он там придумал.

Руперт начал:

— Я не пойду с вами...

Но Эрни перебил его:

— Нет, нет. Ты вообще можешь смотреть прямо оттуда. Смотри.

Эрни показал пальцем вдаль, на маленькую дубовую рощицу за металлическим ограждением и покрывками. Руперт повернулся, прищурился и стал вглядываться в темноту.

— Я ничего не ви...

Следующее, что я увидел: Руперт валяется без сознания на земле, а Эрни нависает над ним с толстой палкой. Я был не менее растерян, чем утконос на конкурсе красоты.

— Хватай его за ноги, — велел мне Эрни. — А я возьмусь за руки.

В моем горле кружился целый хоровод слов, но они отказывались выходить за пределы рта. В результате я какое-то время задышался, издавая легкие хрипы и пялясь на Руперта, по-прежнему не подававшего признаков жизни.

— Прекрати пыхтеть, малыш, — сказал Эрни. — Я не хочу, чтобы ты тоже брякнулся в обморок. Руперт скоро очнется, а нам еще нужно отволочь его в машину.

— Ты не будешь... ты не можешь, — начал я, а потом остановился на следующей формулировке: — Мы же этого не обсудили.

— Очень даже обсудили, — спокойно сказал Эрни. В этот момент я подумал, что из него вышел бы отличный антисоциальный элемент. — Мы как раз пришли именно к этому

сценарию.

— Мы сказали, что есть шанс, что он откажется идти с нами по доброй воле.

— Так и вышло, — подтвердил Эрни.

— Ну да. И тогда договорились, что обсудим дальнейшие действия.

— А мы и обсудили. Ты спросил: «Что теперь?», я ответил, что понятия не имею, в ты сказал: «Нужно что-то сделать!». Так и сказал, слово в слово, малыш. Это и было обсуждение, а потом я придумал этот план.

— Ах, твой план, — сказал я. — Шандарахнуть Руперта по башке дубиной, чтобы он отключился, и похитить его.

— Ага. Ну, дубина — это уже чистая импровизация, но в остальном более или менее...

Наш клиент начал приходить в себя, насколько я видел. Веки дрогнули, лапы сжались, а из горла вырвался какой-то мяукающий звук, словно стайка потерявшихся маленьких котят зовет маму. И мне пришлось принять решение. Причем быстро.

Ясно, что позлиться придется в другой раз. Настанет момент, и я взбрыкну и обругаю напарника последними словами за то, что он нарушил свой священный долг, но так или иначе, я сделаю все возможное, чтобы разъяриться на Эрни за этот финт ушами. Раньше ему удавалось отделаться извинениями или улыбкой, но в этот раз он надолго окажется в черном списке Винсента Рубио. Не отмажешься, напарничек!

— Ты бери за ноги, — сказал я, поднимая руки Руперта. — Это ты втянул нас в эту передрыгу, тебе и нюхать его расчудесные ножки всю дорогу.

8

Стены небольшой однокомнатной квартирki, расположенной прямо над нашим офисом в Вествуде, никак нельзя назвать звуконепроницаемыми. На самом деле мы обратили на это внимание только в последнее время, убедившись на личном опыте. Последние два дня, пока там заточен Руперт, мы слышали все виды стуков, криков и довольно много всяких бранных слов, многие из которых, однако, не были лишены смысла. По крайней мере, я выучил несколько хороших выражений, которые можно бурчать себе под нос во время следующей налоговой проверки.

По правде говоря, я не совсем понимаю, что он там так нервничает. Ну да, мы его заперли против воли, предварительно стукнули по башке, проволокли по грязному лесу и засунули в багажник «линкольна-Марк 8» и везли по всяким кочкам и колдобинам, но у него же есть вода, кровать и любая жрачка из ресторанов, какую только попросит. Один раз мы даже заказали ужин в ресторане «Драконы-близнецы», а глутамат натрия, столь любимый в китайской кухне, стоит недорого.

— Ты должен поесть, — сказал Эрни Руперту.

— Ты должен попить, — подпевал я.

— Спасибо, не буду. — Это был единственный ответ.

В первый же день он от нас словно стеной отгородился. На все предложения поесть он кривил морду и отвечал вежливым отказом. Наш план состоял в том, чтобы он смирился и успокоился, а затем вбить ему в башку, что никакой он не прогрессист, а просто парень, которому нужна помощь и которого любит сестра. Но сейчас с этими своими постоянными «спасибо, не буду» он ставил нам палки в колеса.

— Может, нам нужна профессиональная помощь? — предложил я Эрни в первое же утро.

— И что же психотерапевт может сделать такого, что нам не под силу?

— Заставить его поесть, например.

— Да я могу все, что могут эти докторишки, малыш. Смотри и внемли.

Но такой самоуверенный ответ ничем не помог Руперту. Все заявления и часовые лекции Эрни влетели в одно ухо, а вылетели в другое. Это было похоже на звездный час гипнотизера в исполнении Тони Роббинса в фильме «Любовь зла» (кстати, Тони Роббинс

наверняка анкилозавр, как и Джон Тэш и Роза Грайер, человек просто не может быть таким здоровым и тяжелым). И все пошло вкривь и вкось, как и в том фильме. Руперт просто сидел и пялился на нас, а мы — на него.

— Это что, поможет твоему прогрессу? — спросил Эрн. — Если ты не будешь есть, пить и разговаривать, то сыграешь в ящик. Как ты думаешь, если ты подохнешь, то от тебя будет больше проку?

Ответа не последовало. Либо парень просто не понимал этого риторического вопроса и сарказма, содержащегося в нем, либо просто считал ниже своего достоинства отвечать. Руперт просто сидел, скрестив ноги, на полу или на раскладном диване, приготовившись, если понадобится, уйти в мир иной, только бы разозлить нас.

Луизе мы ничего не сказали. Ей не нужно видеть своего брата таким.

Когда второй день заточения подошел к середине, то, должно быть, приступ голода пересилил ту зависимость от философии прогрессистов, которая заставляла Руперта придерживаться прежних убеждений, и он более чем охотно доел то, что осталось со вчерашнего дня, а осталось, прямо скажем, немало. Он с жадностью заглотил две тарелки тайской жареной лапши, огромную порцию острых цыплят из KFC, а потом побежал в ванную, из чего я полагаю, что его желудок взбунтовался против такого неестественного сочетания продуктов.

— А теперь ты с нами поговоришь? — спросил Эрн. Но он хотел слишком многого.

— По крайней мере, мы заставили его поесть, Эрн, — заметил я. — А попозже, возможно, он и заговорит.

Затем мы попытались провести еще один любительский сеанс коррекции личности Руперта. В основном он сводился к тому, что мы стучали в дверь, говорили Руперту, что он спятил, а он посылал нас в ответ куда подальше.

Мы по-прежнему считали, что лучше Луизе ничего не говорить. Пока что.

В ту ночь мы с Эрн остались ночевать в офисе, поскольку волновались, что Руперт попытается сбежать из своей темницы, хотя мы и постарались на славу, чтобы сделать побег невозможным. Мы заколотили окна досками, навесили замки на двери, выдернули телефонный шнур, то есть наш пленник был лишен всех способов общения с внешним миром. Я чувствовал себя преступником, когда запирали Руперта в четырех стенах (хотя фактически мы с Эрн и были преступниками), но, честно сказать, наша затея казалась мне делом хорошим и правильным, так что я и думать забыл о том, что совершаю преступление, и выполнял намеченный план.

Мы с Эрн были на месте, когда на следующее утро Руперт решил покончить с пассивным сопротивлением похитителям и начал вести себя просто отвратительно. Он принялся колотить по полу, стенам и дверям, орать наши имена во всю свою осипшую глотку (подумать только, он еще и простудился), угрожая нам судом и физической расправой. Ясное дело, так долго продолжаться не могло, поскольку вскоре на работу пришли бы обладатели остальных офисов, и было бы странным, что у нас тут ти-рекс орет на всю улицу, что два динозавра с третьего этажа похитили двадцатидвухлетнего парня и в настоящее время удерживают его против воли. Такие вещи привлекают внимание даже в Лос-Анджелесе.

И тогда мы позвонили Луизе.

Она пришла через двадцать минут. Ее щеки пылали от предвкушения встречи с братом или из-за того, что ей пришлось срочно натянуть на себя личину и примчаться в Вествуд.

— Он сейчас не очень-то слушает, что ему говорят, — предупредил я. — Возможно, у тебя и не получится наладить с ним контакт.

Но Луиза сказала, что все равно должна попробовать, и мы с уважением отнеслись к ее решению. Итак, она пробыла с Рупертом вот уже три часа, вероятно, успокаивая его и, надеюсь, достучавшись до его мозгов.

Мы с Эрн били баклуши в нашем кабинете на третьем этаже. Мы не могли ничем помочь Луизе и не могли заняться расследованием других неотложных дел.

— Эй, — предложил я. — Может я сбегаю и проверю, нет ли новостей о подружке Минского. Обернусь за полчаса.

— Ты мне нужен здесь, — сказал Эрни. — На тот случай, если он задумает удрать.

И я остался сидеть. Почистил когти. Почитал газетку. Снова почистил когти. Спустился вниз и поковырялся вычищенными когтями в грязи, поскольку мне нужно было чем-то занять себя. Затем почистил когти в третий раз.

Наконец, раздался стук в дверь, и вошла Луиза. Человеческий макияж, который она так умело наносила поверх своей маски, полосами растекся по щекам, из-за чего латекс стал темно-фиолетовым. Мы с Эрни рванули к ней на помощь, но я притормозил на старте и позволил Эрни принять на себя главный удар.

Между всхлипываниями Луиза объяснила, что Руперт не произнес ни звука, и она даже не понимает, слышал ли он хоть слово из того, что она сказала. Он даже почти не обращал внимания на ее присутствие, пока она была там.

— Это не он, — сказала Луиза. — Я не узнаю собственного брата.

Я взглянул на Эрни, и он пожал плечами. Я так и не устроил ему разнос за то, что мы ввязались в эту аферу, так что он понимал, что задолжал мне. Пришло время расставить все по местам, раз и навсегда.

— Луиза, — сказал я. — Как ты относишься к тому, чтобы привести к нему специалиста?

* * *

— Да, я слышал об этих ребятах, — сказал мне сержант Дэн Паттерсон по телефону, когда я позвонил ему менее чем через десять минут после сакраментального вопроса. Дэн — мое контактное лицо в полицейском управлении Лос-Анджелеса. Раньше он тоже занимался частным сыском, но затем перешел работать в полицию, когда устал от вольных хлебов. Возможно, это самый замечательный бронтозавр из всех моих знакомых. Иногда мы с ним ездим порыбачить, когда появляется окошко в расписании и какое-то свободное время (ага, за последние два года такое было всего один раз). Дэн не только отважный офицер полиции, он вдобавок и отличный рыбак. Для него окунь весом под семьдесят килограммов — это просто смех, но он достаточно добр, чтобы не ворчать из-за того, что я наловил только мальков, которых впору сажать в аквариум. — Они обосновались в Голливуде, да?

— Да. Но сейчас мне от тебя нужно кое-что другое. Имя. Ты наверняка имел дело с такими сектами и раньше и можешь назвать кого-нибудь, кто может депрограммировать парня.

— Рискованное дельце.

— Так ты знаешь кого-нибудь или нет?

— С ходу не назову, но могу поспрашивать. На самом деле, когда берешься за такое... ну, это другая история. Обычно сначала надо похитить несчастного, попавшего в секту, а это не всегда легально.

Я молчал. Боялся, что выдам себя.

— Винсент, ты меня слушаешь?

— Хм. Да-да... похищение — это незаконно, я знаю. Но можем ли мы сию секунду не обсуждать этот вопрос?

— Я что, должен об этом забыть?

— Ага, — сказал я. К моему величайшему облегчению, мой приятель из управления полиции Лос-Анджелеса соображает очень быстро. Когда дело касается его друзей, то он предпочитает политику «ничего не вижу, ничего не слышу», и это спасало мою зеленую задницу бесчисленное количество раз.

— Ну что сделано, то сделано. Дай мне немного времени, возможно, я смогу подыскать тебе кого-то. Есть какие-то особые предпочтения? Ну, мужик или тетка?

— Кто-нибудь пошустрее, — сказал я, поскольку меня беспокоило будущее мебели в

квартирке, где заперт Руперт. Если что-то будет покорежено настолько, что не поддается ремонту, то Минский вычтет это из нашего и так постоянно уменьшающегося залога. На самом деле он имеет весьма отдаленное представление о том, что творится наверху. Мы сказали, что бесплатная аренда пустующей квартиры будет зачтена вместо расходов по его делу, и он с неохотой согласился.

Я закончил разговор с Дэном и поделился хорошей новостью с Эрни и Луизой.

— Он найдет нам кого-нибудь, — сообщил я. — Это лишь вопрос времени.

Сверху раздался громкий треск. Я подумал, что это могут быть ножки дивана, сломанные пополам.

— Это лишь вопрос времени, — оптимистично повторил я и сел за стол, чтобы заказать что-нибудь на обед.

Через шесть часов телефон пробудил меня от дремоты, вырвав из сна о побегах лакричника и лифтах без дна. Дьявольский аппарат звонил уже три раза за последние несколько часов, но каждый раз это не относилось к нашему делу. Два раза кто-то ошибся номером, а в третий раз мы получили новости по поводу любовницы Минского от сутенера Милашки. Он утверждал, что видел Стар, которая шла обратно в «Сент-Регис», но поскольку я был привязан к нашему офису и телефону, то не мог тут же броситься проверять информацию. Милашка поныл чуток, чтобы я передал ему часть вознаграждения за информаторские услуги, но правила есть правила: я не делаю денежных переводов и не выписываю чеков. Для меня система «Вестерн Юнион» не существует, и не просите, так что ему придется подождать наличку. Я, все еще разомлевший ото сна, поднял трубку:

— Рубио.

— Вам нужна была помощь в одном дельце, насколько я слышал, — мой собеседник произносил слова не так четко, они лились из его рта словно струя патоки, одно плавно перетекало в другое, как если бы скорость работы голосового аппарата снизилась с 45 оборотов в минуту до 33,3. Но после непродолжительных размышлений, я смог соединить достаточное количество звуков, чтобы понять, о чем собственно речь.

— Это Винсент Рубио, — повторил я. — Я могу вам помочь, сэр?

— Я сказал, что это вам нужна профессиональная помощь. И, возможно, я смогу вам ее оказать.

И тут значение его слов пробило броню моего ступора, и я выпалил:

— Вы спец по сектам?

— Если предпочитаете так меня называть, то да. Я — спец по сектам.

Я тут же взял свои слова обратно, чтобы не обидеть собеседника.

— Нет, что вы. Я не хотел... Мы можем называть вас, как вы пожелаете...

— Спец по сектам — замечательное прозвище, сынок, меня называли и похуже, поверь. Но если решишь обратиться ко мне по имени, то я доктор Бомонт Борежар.

Я бы предпочел звать его «Спец по сектам», как минимум, от этого имени меня не одолевает дикое желание заржать. Я сжал губы, чтобы подавить улыбку, а потом повторил его имя вслух, пытаясь унять предательскую дрожь в голосе.

— Доктор Бомонт Борежар, спасибо, что вы позвонили. Я — Винсент Рубио.

— Я уже понял. Кстати, сынок, я знаю, что мое имя кажется забавным, так что смейся, не стесняйся. Если тебя зовут Бомонт Борежар, то еще в начальной школе ты понимаешь, что это смешно. Чтобы тебе было проще, можешь звать меня просто Бо.

Я кивнул и только потом понял, что он меня не видит.

— Хорошо, Бо, — я тут же почувствовал симпатию к этому доктору, ему даже не пришлось переступать порог моего офиса. — Откуда вы знаете Дэна?

— Кого?

— Сержанта Паттерсона, — исправился я. Многие люди называют копов только по фамилии, указывая при этом их звание. Это признак уважения. Мысленно я сделал заметку поступать так же в будущем. — Это он дал вам мой номер?

— Разумеется, — сказал Бо. — Поработай с мое, и тогда не останется в стране ни

одного полицейского, которого бы ты не знал. Это грязная работенка, но нет лучшей награды, чем вернуть счастливых детей в их семьи. Опиши мне вашу ситуацию.

Когда я вкратце рассказал, что мы имеем, то Бо спросил, с какой именно сектой связался Руперт.

— Прогрессисты, — сказал я. — У них штаб-квартира в Голливуде и...

— В Голливуде, говоришь, черта с два, эти ребята распространились по всему миру.

— Значит, вы о них слышали.

— Сынок, я практически эксперт по этой секте.

— Я не уверен, что мы говорим об одних и тех же прогрессистах, — сказал я. — Я сомневаюсь, что они действуют по всей стране. Ну, понимаете, я раньше о них ничего не слышал.

— Они поклоняются предкам, правильно?

— Да.

Но ведь культ предков практикуется во многих так называемых «подлинных» религиях динозавров. По правде говоря, стандартная человеческая Библия — Исход, Книга Чисел и остальные — не считается в нашем обществе святейшей из книг. Конечно, некоторые динозавры ходят в человеческую церковь, и часть из них действительно втягивалась во все это, но по большей мере это происходит по культурным и этическим соображениям. Мы, динозавры, уже так давно населяем землю, что понимаем, если Адам и Ева действительно существовали, то это было через много лет после того, как наши предки превратились в окаменелости, так что в Библии пропущено как минимум шесть тысяч глав перед Книгой Бытия.

— У прогрессистов, о которых ты говоришь, — продолжил доктор Борежар, — столько денег, что они могут заткнуть за пояс одного из арабских шейхов, я и тут прав?

Я признался, что это так.

— Тогда мы с тобой говорим об одной и той же секте, сынок.

Он меня уговорил. Осталось только спросить о размере его вознаграждения. Оно оказалось равным выкупу за отпрыска королевских кровей, но у Луизы есть деньги, чтобы покрыть эти расходы. И еще один вопрос — как скоро он может прилететь в Лос-Анджелес. Чем быстрее, тем лучше, поскольку за последние несколько часов звуки дерева, разбиваемого в щепки, усилились.

— Следующий самолет из Мемфиса вылетает завтра утром, — сказал мне Бо.

— Из Мемфиса? Что, лечили Элвиса?

— Не подшучивай над Королем, сынок. У него такое большое сердце и он столько добра сделал для людей... Не его вина, что ему требуется помощь, чтобы выбраться оттуда, где ему не следует быть.

И снова Бо удивил меня.

— Элвис — один из ваших пациентов? — спросил я.

Доктор Борежар фыркнул, и я практически почувствовал, как из моей трубки вытекает слюна.

— Не будь идиотом, мой мальчик, — сказал он. — Элвис умер.

Каким-то шестым чувством я понял, что на расстоянии две тысячи миль отсюда доктор Бо озорно подмигнул мне.

* * *

Через некоторое время я снова оказался на Франклин-авеню, приготовившись к лобовой атаке на отель «Сент-Регис». Эрни согласился вечером приглядеть за нашим «особым гостем», освободив меня для проведения расследования по делу Минского, чтобы мне не нужно было беспокоиться, торчит ли наша птичка в клетке, пока меня нет на месте. В тот момент это казалось великодушным жестом со стороны моего напарника, но по прошествии времени я понял, что он просто хотел пару лишних часов провести наедине с

Луизой. Они снова стали общаться, как старые друзья, и мне не стоит спускать глаз с этой парочки.

Я пробежал три лестничных пролета и почувствовал, что мне тяжело дышать. После четвертого я уже пыхтел как паровоз. А после пятого задумался, не стоило ли мне сделать ЭКГ, когда я в последний раз был у доктора Залазника. И с каких это пор в дешевых ночлежках стали делать такие высокие потолки.

Когда я поднялся на шестой этаж, мне пришлось остановиться на секунду и передохнуть. И я подумал, что Эрни сейчас был бы совсем не в форме. Затем я протащился по коридору и несколько секунд слушал, что происходит за дверью номера 619. Скрип кровати. Приглушенные стоны. Музыка секса. Будет весело.

Выверенный удар ногой по тому месту, где язычок замка входит в дверную коробку, и тонкая дверь распахнулась, громко ударившись о стену. Мужчина на кровати (это человек, мерзкий паскудный человечиска) скатился с проститутки-аллозаврихи в человеческом обличье, лежащей под ним, дрожащей рукой натягивая на себя комок грязных простыней.

— Что за... кто...

Я не стал утруждать себя ответом, по крайней мере, вербальным. Быстрым прыжком я оказался внутри номера и начал сбрасывать все, что можно, с тумбочки и туалетного столика в надежде создать грохот и дезориентировать противника.

Одного только вида этой свиньи, трахавшей нашу самку, пусть и такую бесстыжую, мерзкую дешевку, как эта проститутка, достаточно, чтобы привести меня в бешенство.

— Пять секунд, — сказал я, стараясь чтобы мой голос оставался на уровне приглушенного рева. Мои зубы просто чесались, чтобы я выпустил их наружу, а когти подрагивали под перчатками, то слегка выдвигаясь вперед, то опять втягиваясь.

Человечиска был растерян. Его пенис быстро обмяк, повис между двух белых ляжек как бесполезный маленький червяк. Никакая «Виагра» не поможет, когда сталкиваешься с разъяренным велосипедистом.

— Ч-что?

— Хорошо, ноль секунд.

Я сделал шаг вперед и снял массивную золотую печатку со среднего пальца правой руки. Это верный признак, что я собираюсь в ближайшем будущем прибегнуть к кулакам.

Скорее всего этот козел видел достаточно боевиков, чтобы понять сигнал. Честно сказать, в этот момент я приободрился. Он не стал даже одеваться, просто схватил свое шмотье под мышку и понесся прочь из номера, вниз по лестнице. Дряблая задница подпрыгивала при каждом шаге.

Я сосредоточил все внимание на Стар, которая так и не сдвинулась с кровати. Ее обнаженный костюм поблескивал от какого-то вещества, которое она в данный момент выдавала за пот. Я предпочитаю использовать баллончики с потом, но слышал о малоимущих грязнулях, использующий воду из Тихого океана или в крайнем случае, собственную мочу. Отвратительно, до чего доходят некоторые динозавры, чтобы сэкономить пару баксов.

— Это был хороший клиент, — протянула Стар. Слюна тоненькой струйкой свисала изо рта прямо на грудь. И мне пришлось приложить усилия, чтобы снова сфокусироваться на ее бледном лице. Видно было, что она под кайфом. — Но он вернется.

Ее запах, смесь жвачки и свежескопанной земли, то становился интенсивнее, то пропадал. Снова и снова.

— Это что? — спросил я, подошел и стал бить ее по щекам, чтобы попытаться вернуть нормальный цвет лица. — Ты что, накачалась базиликом?

Она засмеялась. Типичное гоготанье проститутки. Затем оттолкнула меня.

— Да базилика сейчас днем с огнем не сыщешь, придурок. В этом году все сидят на красном кайенском перце. Пе-е-е-р-е-е-е.

Я влепил ей еще одну пощечину. На этот раз скорее для удовольствия, чем для пользы дела.

— Куда ты дела причиндалы Минского? Продала?

Ответа не последовало. Вместо этого она перегнулась через край кровати и высунула свой длиннющий язык (интересно, этот похотливый козел заметил, что он слишком длинный и быстрый) и слизнула что-то с туалетного столика. Это была дорожка красного перца, но она тут же исчезла, растаяв на ее язычке.

Я выдвинул ящик ночного столика и обнаружил целый склад пластиковых мешочков с кайенским перцем и какой-то наркотической травой, которую я не сразу опознал. Может, розмарин? Я открыл окно. Пришлось попотеть, поскольку чертово окно было накрепко закрыто аж со времен палеолита. В номер влетел теплый ветерок, унося дурные запахи в другие, более интересные места. Я открыл пластиковые пакеты и пустил остатки наркоты по ветру, высыпав содержимое в переулок под окнами. Водопад травки оросил мусорку и потрескавшийся асфальт.

Стар заскулила и попыталась подняться с постели.

— Это мои запасы, ублюдок.

— Небольшая поправочка. Были твои, — я легонько толкнул ее назад. Ее кожа напоминала салфетку, а мускулы были слабы и бесполезны, поэтому она со всего маху упала назад. — Я хочу знать, что ты сделала с имуществом Минского?

— А это еще кто?

— Ты отлично знаешь, кто это. Минский. Парень, с которым ты встречаешься.

— Я со многими встречаюсь, — сказала она и попыталась затащить меня на кровать. — И с тобой могла бы. Прямо сейчас.

С этими словами она потянула за угол своей маски на шее, приоткрывая кожу, которая оказалась болезненно бледной.

Я подавил в себе отвращение, с легкостью отпрянул от нее и уселся на расшатанное кресло.

— Минский. Эфир. Инструменты. Говори.

— Ах, коротышка!

— Ага, мы поняли друг друга!

Она хитренько посмотрела на меня.

— Давай-ка разберемся. Ты что думаешь... Ты думаешь, что он печется об этом дерьме?

— Леди, думать не входит в мои профессиональные обязанности. Просто скажи, что ты сделала с его инструментами, и мы избежим неприятностей, — я устроил целое представление: снял перчатку, продемонстрировал готовые причинить эти самые «неприятности» когти, растягивая удовольствие, чтобы мои намерения стали очевидными.

Но Стар не повелась на мой спектакль под названием «Винсент — головорез».

— Коротышке плевать на свои препараты и инструменты, — сказала она, подпрыгивая на кровати, человеческие груди соблазнительно выделялись на бледном теле. — Поверь мне. Подожди секундочку и сам его спросишь.

О чем, черт побери, она говорит?

— О чем, черт побери, ты говоришь?

Ровно через секунду раздался стук в приоткрытую дверь номера, и знакомая коротенькая ручка с букетом роз просунулась в дверной проем.

— Дорогая, — пропищал тоненький голосок. Словно его обладатель подышал гелием. — Я пришел слишком рано?

Я рванул дверь, схватил эту ручонку как можно крепче и дернул на себя, сбив Минского с ног, затащил его в номер и подтянул к себе.

— Приведи хоть одну причину, по которой я не должен вставить этот букетик роз тебе в задницу, — рывкнул я.

Маленькое тельце задрожало в моих руках, но я не намерен был отступать. Минский, одетый в шикарный шерстяной костюм и нелепый галстук в полоску, смотрел то на меня, то на свою подружку, словно кто-то из нас сейчас загадочным образом испарится и оставит его

в тишине и покое.

— Я... я... она не...

— Ты какого хрена тут делаешь?

— Она... я не хотел...

— Ты велел мне отыскать ее и вернуть тебе твои причиндалы.

— Пожалуйста, — тихо взмолился Минский. — Не при Стар...

— Ты знаешь, что она тут вытворяла с человеком, когда я сюда пришел?

Дантист даже не поежился. Вероятно, он знал, что она вот уже какое-то время занимается межвидовым сексом. Может быть, его это даже возбуждало. Да, порочность некоторых динозавров не знает границ.

— Пожалуйста, — повторил он. — Ты не понимаешь.

— Так объясни.

Минский снова взглянул на Стар. Полагаю, если бы ее не было в номере, он был бы более откровенен.

— Проваливай, — велел я, бросив к ее ногам долларовую бумажку. — Купи себе содовой.

Шлюшка подняла банкноту, скатала из нее шарик и швырнула его мне в лицо. Я постарался не вздрогнуть, когда грубая бумага царапнула мою щеку. Затем, все еще в личине, но по людским меркам абсолютно голая, она пошла к двери, по дороге проведя рукой по груди Минского, вышла в коридор и скрылась из вида.

Я швырнул Минского на кровать, он тяжело плюхнулся на нее, и заржавевшие пружины закричали.

— Из-за тебя я только зря тратил время, — прорычал я. — И Эрни тоже. Ты думаешь, у нас только одно дело? Ты думаешь, что мы этим занялись только потому, что мы — душки?

— Я не... Я сказал вам правду, ребята... Она действительно украла мои инструменты...

— И?

— И... и все. Она украла, я взбесился и хотел, чтобы вы все вернули.

— Но теперь у вас все в порядке. И с кражей. И с враньем.

— Нет, это...

— Но ведь ты все еще трахаешь ее.

Минский посмотрел куда-то вдаль. Я схватил его за пухлые щечки и развернул к себе.

На секунду наши глаза встретились. Во взгляде Минского читались стыд, боль и похоть. Но он быстро отвел глаза в сторону.

— Я ничего не мог с собой поделать, — признался он. — Просто не смог держаться от нее подальше.

Всего лишь легкий удар моего запястья, и Минский отлетел назад, свалился с кровати и шлепнулся на пол. Я уже и так потратил на этого козла достаточно времени, нечего с ним возиться.

— Я тебе скажу, от чего ты *сможешь* держаться подальше, — сказал я. — От моего офиса!

Я хлопнул дверью и ушел, не оглядываясь. Через два лестничных пролета я проходил мимо открытых дверей какого-то номера, и изнутри доносился знакомый набор криков и стонов. Снова наша Стар. Я это понял, даже не заглядывая внутрь. И мне стало чуть веселее, оттого что Минскому приходится бить баклуши наверху, пока его «девушка месяца» двумя этажами ниже трахается с незнакомцем за вшивые пятьдесят баксов.

Нет, вычеркиваем. Мне стало *намного* веселее.

* * *

Спустя одну неделю все в офисе Ватсона и Рубио в значительной степени устаканилось. Луиза прекратила дежурить у нас в кабинете и отправилась домой. Мы пообещали позвонить ей, как только произойдет какой-то прорыв. Эрни ее не хватает, скажу

я вам, и он находит как минимум два предлога в день, чтобы набрать Луизин номер и посвятить ее в какие-нибудь незначительные детали расследования. Интересно, знает ли ее муж о звонках Эрни, а если знает, то не тревожит ли его сей факт.

Последние двадцать четыре часа царила блаженная тишина, но до этого мы все время слушали какофонию из визгов, рева, проклятий, доносившуюся из квартиры наверху. Руперт не слишком хорошо воспринял идею депрограммирования.

Доктор Бомонт Борежар или Бо, как я называю его после того, как неделю бегал ему за фаст-фудом и диетическим персиковым чаем со льдом, появился на пороге нашего офиса на следующее утро после моего возвращения из отеля «Сент-Регис». Он оказался пухлым милым старичком, похожим на плантаторов из учебников истории. Нас потрясла его белоснежная седина и такого же цвета усы и борода. Производство компании «Никитара», модель «Полковник Сандерс № 3». Пах он в основном как плитка шоколада в фольге, но мне кажется, я учуял и легкие нотки пырея.

— Рубио? — спросил он, когда я подошел и предложил донести багаж.

— Доктор Борежар?

Он широко улыбнулся, схватил сам свои тяжеленные сумки, с легкостью подняв их, лишь слегка крякнул.

— Не стоит тратить времени, сынок. Это всего лишь книги. Вся моя одежда на мне.

Тогда я впервые уловил запах доктора и сказал, что его аромат кажется мне приятным.

— Не понимаю, о чем это ты.

— О том, как вы пахнете, — сказал я. — О вашем запахе. Думаю, вы анкилозавр, но я не слишком хорошо умею определять такие вещи.

Снова непонимание. Неужели я допустил фатальную ошибку и каким-то образом связался с врачом — не динозавром? Неужели Дэн настолько глуп, что дал мне имя *человека*?!

Я попытался еще раз:

— Ну ладно. Мы все тут... свои. Чужих ушей нет. Я просто сказал, что мне нравится ваш запах.

Бо сердито посмотрел на меня, но потом смягчился, и в его взгляде читалось лишь легкое раздражение. Он понизил голос, хотя вокруг нас на расстоянии ста метров не было ни души, и прошептал:

— Слушай, если мне нужно убедить пациента вернуться к обычной жизни, и я собираюсь внушить ему, что он не такой, как его предки, то просто не могу быть говорящим динозавром. Пока я в маскарade, я такой же человек, как и все. Понятно?

Мы с Эрни и Луизой разбили лагерь в нашем офисе, пока Бо и Руперт наверху издавали звуки, напоминавшие профессиональный матч по борьбе без правил. Если я раньше думал, что знаю, что такое стуки и вопли... Скажем, то была камерная музыка по сравнению с борьбой (и физической, и эмоциональной), которая последние несколько дней проходила наверху.

Каждый день в час дня и в шесть вечера Бо выходил из квартиры. Под костюмом он весь был потный и скользкий, хотя нам, разумеется, вообще ни при каких обстоятельствах нельзя было упоминать, что он в костюме. Бо сообщал нам, что ему заказать поесть. Гамбургеры, хот-доги и вдобавок лепешку с начинкой или даже две. С другой стороны, Руперта кормили как на званом обеде, все блюда готовила Луиза, которая в течение нескольких часов не вылезала из маленькой кухоньки, совмещенной с нашим офисом. Но чаще всего вечером все это великолепие возвращалось нетронутым.

Луиза худела. Лишилась сна. Теряла постепенно рассудок. И когда она, наконец, уехала домой два дня назад, мы испытали облегчение.

Так что лишь мы с Эрни оказались на месте, как в шоке увидели, что в дверях появился Руперт. Хорошо одетый, слегка похудевший, но, кажется, вменяемый.

— Мне лучше, — сказал он.

Бо, стоящий за его спиной, сиял от гордости.

— Это было непросто. Нет, ребятаки. Но самое тяжелое уже позади. Теперь уже начинается путь по ровной дорожке.

— Вы уверены? — спросил я. — Ну, что... что тебе лучше?

— Я понимаю, что со мной произошло, — сказал Руперт. — Понимаю, что прогрессисты пытались со мной сделать, и рад, что вы меня вытащили оттуда. И это уже шаг вперед.

— А еще что? — подсказал ему Бо.

— Ах да.

Руперт подошел к нам с Эрни, затем постарался максимально широко расставить руки и заключил нас в объятия. Мое лицо оказалось прижатым к его плечу, но отодвинуться было бы невежливо, поэтому я стерпел боль.

— Спасибо, что спасли меня.

— Не за что, малыш, — сказал Эрни, и я поддакнул, высвобождаясь из рук Руперта. Хватит с меня групповых объятий.

— Не могли бы вы позвонить сестре? — спросил Руперт. — Не хочу, чтобы она волновалась.

— Разумеется, — сказал я, но Эрни уже висел на телефоне и говорил Луизе, чтобы она поскорее приехала в офис.

В этот вечер мы все отправились на праздничный ужин в «Треjder Вик», полинезийский ресторанчик неподалеку от нашей конторы. Полинезийские факелы и огромные фруктовые коктейли, украшенные небывало крупными зонтиками, полностью соответствовали нашему приподнятому настроению. Оказалось, что доктор Бо — великолепный рассказчик, и мы узнали, как он излечивал сектантов по всему миру. Нам роздали несколько веточек базилика, чтобы улучшить наше настроение еще больше, но Бо запретил Руперту прибегать к наркотику. Возможно, это было мудрое решение.

Я понял, что не могу не поднять тост. Взял веточку базилика со своей тарелки, поднял ее и сказал:

— За Руперта, вернувшегося к нам.

— За Руперта, — эхом раздался хор голосов, и остальные тоже подняли свою любимую травку.

— И Бо, показавшего ему путь!

— И Бо!

Мы принялись разжевывать базилик. Сразу стало хорошо. Какой счастливый день!

Итак, вечером 19 марта в восемь часов сорок пять минут Руперт Симмонс был успешно выведен из секты, известной под названием «Прогрессисты», и вернулся к друзьям и семье. Счастливый, здоровый и психически нормальный.

А еще через три дня Руперт Симмонс был мертв.

9

Похороны были очень красивыми. Все сделано со вкусом. В дело пошел весь черный бархат, который Симмонсы смогли раздобыть за такой короткий срок. Открытый гроб из красного дерева с инкрустацией золотом. В нем лежал Руперт, который выглядел так, словно он просто сладко спит и видит десятый сон. Священник что-то бубнил о молодежи, о том, что они многое принимают как должное, и так неохотно обращаются за помощью. На похоронах присутствовали Луиза, ее старенький отец и кое-кто из ее тетюшек и дядюшек. Все они были бледны, удручены, раздавлены горем, но более всего растеряны.

Его обнаружила Луиза. По крайней мере, так сказал Эрни, и у меня нет причин сомневаться в их словах. Последние несколько дней Луиза ни с кем не общалась, поскольку ей пришлось заниматься всякими мелочами, которые обычно обрушиваются на вас, когда умирает кто-то из близких. Звонки в похоронное бюро, священнику, заказ еды для поминок. Подобные обязанности лучше всего переложить на кого-то другого, все равно на кого, но, к

несчастьем, этим всегда занимаются именно те, кто только что лишился родственника, в результате я едва ли успел сказать хоть слово сочувствия бывшей жене моего напарника.

Кроме того, меня терзало и чувство вины. Ну, может быть, не море вины, но вероятно речка.

Руперт оставил записку. Моя жизнь не имеет смысла. Вот и все. Пять слов, и каждое словно крошечная свинцовая пулька, выпущенная прямо мне в сердце. Я винил себя, и обычно мои мысли шли по такому кругу: если бы мы не стали его депрограммировать, если бы не запирали его, если бы не увозили из лагеря прогрессистов в багажнике моей машины, то Руперт Симмонс все еще был бы сегодня жив и здоров. Ну поклонялся бы предкам и нес всякую чушь про правду, которую открывает Прогресс, но по крайней мере подавал бы признаки жизни и от него исходил бы запах здорового динозавра. А сейчас труп в деревянном ящике передо мной не пах ничем, я с трудом смог заставить себя остановиться и прекратить попытки учуять каппутино со сливками.

— Мы видим, — сказал священник, — что жизнь это не дар. Это наша привилегия...

Секобарбитал. Одно из немногих человеческих лекарств, которое оказывает то же действие и на динозавров. Когда Руперта Симмонса нашли, то в правой руке он сжимал бутылочку из-под секобарбитала. Он даже не стал снимать личину перед тем, как принять около 2000 миллиграммов, примерно в двадцать раз больше рекомендованной дозы снотворного. Так что в мир мертвых он отправился все еще в латексном облачении, в плену у застежек, поясков и молний. Может быть, это было послание всем нам. *Видите, что вы натворили? Видите, какой невыносимой вы сделали мою жизнь?* А может, и нет. Теперь уже этого не узнаешь, поскольку записка «Моя жизнь не имеет смысла» оставляет обширное поле для толкования. Думаю, так оно и лучше.

Слева от меня стоял пожилой джентльмен, от которого пахло черствыми пшеничными крекерами и треской. Он потихоньку передал мне небольшую дозу базилика, словно фанат на рок-концерте, пускающий по кругу косяк. Я отщипнул кусочек и тут же почувствовал, как сладостная волна побежала по моим венам, согревая изнутри, и сунул базилик Эрни, который тоже взял себе чуть-чуть и передал по цепочке дальше. Вот так мы и боремся с горем. Берешь травку, разжевываешь, и вот уже все готовы продолжать эту ужасную церемонию. А священник (думаю, это человек, поскольку он не затыкается) в эту картину не слишком вписывался.

— ... так случилось с молодым Рупертом, который умер и не может теперь рассказать, почему же он чувствовал, что жизнь его не имеет смысла...

А ведь все шло хорошо. Ну или мы так думали. Руперт вернулся в свою старую квартиру, встретился с друзьями, от которых до этого отдалился, и даже заговорил о том, чтобы пойти работать в какую-нибудь некоммерческую организацию.

— Например, в фонд по охране окружающей среды, — сказал нам Руперт на следующий день после ужина в «Трейдера Вик». — Буду спасать тропические леса.

Поскольку некоторые из моих родственников все еще перебиваются с хлеба на воду в Южной Америке и живут под пологом тропического леса, то я подумал, что идея просто замечательная. Бо сказал нам, что поиски работы — это первая стадия возвращения к нормальной жизни, и это указывает, что пациент, т. е. Руперт, заинтересован в том, чтобы снова стать полноценным членом общества. Он, кстати, даже выразил готовность на добровольных началах работать в так называемой группе осведомления о культах, которая информирует молодых динозавров из группы риска об опасности промывания мозгов, и все мы восприняли эту идею с большим энтузиазмом.

Более того, он даже впервые за последние несколько лет поговорил с девушкой, с которой встречался в старших классах школы, и они уже условились встретиться в испанском ресторанчике неподалеку. Подразумевалось, что это не романтическое свиданье, но возможности развития отношений никто из них не отрицал. И снова Бо был настроен оптимистично:

— Немного секса еще никому не мешало.

А еще Луиза сказала нам, что он снова стал играть на гитаре и готовить, и на его угрюмую молодую мордочку снова вернулся нормальный здоровый румянец. Короче, по всем пунктам оценка «отлично».

По-моему, совсем не похоже, что он утратил смысл жизни. Хотя многие обладают талантом делать хорошую мину тогда, как внутри все балки и перекрытия прогнили и осыпаются. Должно быть, Руперт один из них.

Вечером 21 марта Руперт пригласил сестру с мужем прийти на следующее утро на фирменный завтрак. Друзья и родные ти-рекса знали, что на «фирменный завтрак» Руперт подает что-то из тех блюд, которые он освоил во время путешествия по всему свету. На этих своеобразных презентациях можно было попробовать национальные кухни чуть ли не всех стран: перепелиные яйца, корейские блинчики с зеленым луком, суши, креветки, приготовленные в индийской печи тандори. Каким-то образом Руперту удавалось скомбинировать несопоставимые вкусы в одном блюде, от которого сам Вольфганг Пак⁶ позеленел бы от зависти, утратив привычный коричневый окрас.

Террелл, здоровый как дом и тупой как пробка, не смог пойти к Руперту в то утро, так что Луиза отправилась в гости к брату одна. Она совершенно не была готова к дальнейшим событиям и очень растерялась, когда на звуки дверного звонка брат не отозвался. И именно Луиза колотила в дверь, когда ответа не последовало в течение нескольких минут. Именно Луиза в конце концов пошла к владельцу дома, чтобы тот отпер дверь, и она нашла брата мертвым, распростертым на неразобранной постели с пузырьком в одной руке и предсмертной запиской из пяти слов возле головы.

Пока Луиза рыдала, обнимая тело брата, хозяин дома, орнитомим, который постоянно ширялся кинзой, однако еще не безнадежный, сумел воспользоваться современными средствами связи и позвонил в полицию динозавров и в морг. И вскоре комнату заполнили полицейские значки. Они осмотрели место происшествия, взяли образцы, по просьбе Дэна Паттерсона (а он, разумеется, сделал это по моей просьбе) провели быстрое расследование и пришли к выводу, который мы и так знали, — смерть наступила в результате самоубийства.

Доктор Борежар был вне себя из-за чувства вины. Он практически каждый день звонил из Мемфиса, чтобы сказать, как он сожалеет, что Руперт умер.

— Я не могу поверить, что это случилось, — постоянно твердил он. — Мальчик казался таким... Его поведение никогда не указывало... Это так неправильно...

Мы не винили его. По крайней мере, мы с Эрни, ну а Луиза, естественно, притворялась, что не таит зла на доктора. Но все же он присылал венки за венком, некоторые даже были украшены отдельными листиками медицинских трав. Короче, все, чтобы смягчить горе Луизы и унять собственное ощущение провала.

Он даже прислал обратно чек с оплатой за его услуги. Вот такой вот доктор.

— Пожалуйста, следуйте за мной к месту погребения, — сказал священник, завершив отдавать дань динозавру, которого он едва знал, — где мы возвратим юного Руперта земле, из которой он вышел.

Этого я никогда не понимал. Что предполагается, что мы все сделаны из грязи? Я хотел было поднять руку, но священник уже прошел мимо, миновал проход между рядами и вышел навстречу яркому солнечному свету.

— Винсент, — прошипел Эрни. Я взглянул на него. Эрни кивнул туда, где заканчивалась наша небольшая похоронная процессия. Позади рядов американских и импортных автомобилей припарковался вытянутый лимузин с пятью окнами, зеленый как задница у гадрозавра.

— Только что подъехал? — шепотом спросил я у Эрни, и он кивнул.

⁶ Популярный в Голливуде шеф-повар и владелец сети лос-анджелесских точек общественного питания Spago and Chinois.

Шофер, разодетый в изумрудный фрак, прыгнул со своего места, рысцой обогнул машину и подскочил к пассажирской двери. Да, прямо-таки состязания по бегу. Он торжественно распахнул дверцу, и когда я увидел, кто его пассажир, то почти не удивился.

Это была Цирцея. В трауре. Длинное черное пальто, зеленое бархатное платье до совершенных лодыжек, высокие каблуки увязли в мокрой земле.

— А она, черт возьми, что здесь делает? — спросил Эрни громче, чем надо. Кое-кто из родных Руперта повернулся и зашикал на нас, но Эрни удивительным образом проигнорировал их.

— Должно быть, она считает себя его другом, — я вдруг понял, что защищаю лидера прогрессистов. — А друзья приходят на подобные мероприятия.

— Друзья не промывают мозги друг другу.

— Ну, ты с этим поделаться ничего не можешь. Уверен, она хочет лишь отдать дань уважения Руперту, вот и все.

Эрни приподнялся.

— Я ей покажу дань уважения.

Но я смог схватить его за локоть и силой заставить сесть на место, пока ситуация не приняла скверный оборот. Эрни пребывал в хорошем расположении духа из-за того, что наладил отношения с Луизой, и если он станет инициатором скандала на похоронах ее брата, то может навечно стать персоной нон-грата, как какая-нибудь обезьяна.

— Да ладно тебе, — сказал я. — Пусть посмотрит и уйдет.

По-видимому, только это она и собиралась сделать. Цирцея встала позади всех собравшихся, и пока священник продолжал свою бесконечную проповедь, я практически ощущал, как она буравит взглядом мой затылок, словно пытается проникнуть в мой мозг и посмотреть на все происходящее моими глазами, поставить себя на мое место. Но каждый раз, когда я оборачивался, она смотрела куда-то вдаль, казалось, полностью сосредоточившись на священнослужителе и его сомнительных словах мудрости.

— Прах к праху, — нараспев произносил священник, пока шестеренки крутились, и гроб с телом Руперта опускался в землю. — Пыль к пыли.

Это человеческий ритуал, но мы тоже его используем. Времена, когда мы сжигали трупы умерших или давали им возможность найти последний приют под водой, остались в прошлом. Мы совсем как люди. Когда дело касается умерших, мы ведем себя не лучше барахольщиков, которые жалеют выбрасывать старье. Так и мы закапываем их в ящике под землю, словно можем захотеть снова выкопать их, и они пригодятся нам когда-либо в будущем.

Погребение подошло к концу, и похоронная процессия рассеялась. Родственники и друзья Руперта по очереди выражали друг другу сочувствие, словно играли в какую-то замысловатую игру. Я почувствовал чье-то знакомое присутствие за своей спиной. Ее выдал по большей мере запах, концентрированный аромат трав и сосновой хвои, который испарялся из пор. Обычный запах динозавра, каким-то образом поднявшийся на следующую ступеньку.

— Я не ожидал тебя здесь увидеть, — сказал я, даже еще не обернувшись.

— А я — тебя, — ответила Цирцея. Она была, по крайней мере, сантиметров на восемь выше меня (это достижение для дамы), и я понял, что не могу отвести взгляда от этих глаз.

— Ты что простыл? — спросила она.

Она имела в виду тот факт, что я зажал ноздри двумя пальцами правой руки, изо всех сил пытаясь не вдохнуть ее пьянящий аромат. Меньше всего мне сейчас нужно еще одно путешествие в Юрский период. Хотя, может, это как раз нужно мне больше всего. Но в процессе эволюции не все железы, воспринимающие запахи, сосредоточились в носу, частично эту функцию выполняли и вкусовые сосочки языка. И я мог нюхать каждый сантиметр тела главы прогрессистов каждый раз, когда насыщенный феромонами воздух контактировал с моим языком.

— Да, — ответил я. — У меня ужасный насморк. Прошу прощения.

— Ты хорошо его знал?

— Более или менее, — объяснил я. — Он — друг моего друга. В прошлый раз я видел его в тот вечер, когда члены... клуба... встречались у тебя дома.

Ее смех был звонким и беззаботным, и если бы не обстоятельства, то она позволила бы себе расхохотаться в полную силу.

— Ох, это не мой дом, — сказала Цирцея. — Это наш общий дом. Скажи мне, тебе понравилось на той вечеринке?

— Было... познавательно, — ответил я.

— Именно этого мы и добиваемся, как говорится, умей дело делать, умей и позабавиться...

На секунду я был абсолютно уверен, что она ущипнула меня за задницу. Но ее руки были далеко от моей пятой точки, я быстро повернулся вокруг своей оси, но никого не обнаружил, должно быть, у меня глюки. Я сжал ноздри еще сильнее, блокировав остаточные следы запаха этих дьявольских трав.

— Возможно, тебе захочется прийти еще раз. Я был готов дать отрицательный ответ, сказать категоричное и отчаянное «нет», но тут пальцы меня подвели. Мускулы ослабли, наплевав на мои приказы напрячься. Они не подчинились, несмотря на то, что мозг верещал «Отставить! Встать в строй!». Вскоре мои ноздри уже были широко раскрыты и раздувались по своей собственной воле. Мне придется и их занести в черных список непослушных частей тела, а пока что они втягивали сладкий аромат Цирцеи.

— Да, мне хотелось бы прийти еще раз, — я вдруг осознал, что это мои слова. Где-то далеко-далеко Эрни кричал, чтобы я шел к машине, прощался и поторапливался, а я из какого-то другого измерения просил его подождать секундочку. Но здесь и сейчас были только я, изумрудная богиня Цирцея и самые высокие, густые и благоухающие джунгли, которые только бывали после триасового периода.⁷ Деревья вырывались из-под земли и взмывали в небо. Нас окружали лианы, вытянувшие к нам свои пальцы-листья, лаская наши тела, словно втягивая меня и эту совершенную самку-велосираптора в водоворот сочных листьев. В этот раз мы никуда не бежали, но даже стоя спокойно я чувствовал желание, силу природы, растущую внутри моего тела, которая взрывается и наполняет меня чистой энергией. Она касалась моей морды, а я — ее, языки высунуты, мы возбуждены, наши зубы стучат в предвкушении удовольствия, стоны и рев созревают где-то внутри наших глоток, и мы кричим на языке, которого я даже не знаю.

Внезапно я очнулся в своем стареньком «линкольне», который выезжал за главные ворота кладбища.

— ...вот почему я вынужден подозревать, что у нее есть мотив, — сказал Эрни. — Я тебе не говорю, что она плохая или злая или что-то еще, просто хочу, чтобы ты был начеку.

— Правильно, — сказал я, пытаюсь понять, о чем вообще речь. Где я только что был? Кем я только что был? — Что ты там такое говорил про то, что надо быть начеку?

Эрни со всего размаха стукнул по приборной панели.

— Черт, я так и знал, что ты меня не слушаешь!

— Я слушал, правда... Ты хотел, чтобы я был начеку...

— С Цирцеей.

— Но почему?

Эрни даже не попытался подавить вздох. С его губ сорвалось длинное «о-о-о-о-х!», выразившее разочарование.

— Потому что каждый раз, когда ты с ней говоришь, у тебя глаза навывкате.

Больше мы этот вопрос не обсуждали. Остаток пути домой мы преодолели без происшествий. Но когда мы приехали к офису и вылезли из машины, я обнаружил, что со мной творится что-то забавное. Я не мог контролировать собственные губы. Это была не

⁷ Первый период мезозойской эры.

просто беззаботная болтовня Винсента Рубио. Только что родившаяся мысль уже мчалась к выходу, нанося удар исподтишка, у меня даже не было возможности заткнуть себе горло и перекрыть доступ кислорода к голосовым связкам.

— Ты хочешь проверить еще одну сходку прогрессистов? — услышал я свой голос.

Эрни сделал шаг назад и резко склонился ко мне, словно я размахивал дубинкой у него над головой.

— Малыш, с тобой все в порядке?

Мне постоянно нужно было контролировать мой взбунтовавшийся мозг. Я заключил бракованный отдел мозга в ментальную тюрьму, а потом потряс головой, пытаясь отогнать оставшиеся признаки неповиновения в какие-нибудь отдаленные уголки.

— Просто я думал, что мы могли бы еще порыскать там, посмотреть, не попали ли в неприятности другие парнишки, — соврал я. Мне так хотелось бы рассказать Эрни правду, что я не знаю, откуда появилась эта странная мысль и как она переродилась в слова, но я испугался, что это обеспокоит его больше, чем мои небылицы. Определенно, *меня* колотило.

— Забудь об этом, — сказал Эрни. — Забудь об этом чертовом прогрессе. Все кончено. Прогресс остался далеко позади.

— Прогресс остался далеко позади, — повторил я. Я сделаю это своей мантрой на эту неделю, буду повторять раз в час и два раза перед сном. И если после этого, после всех повторений, я все еще учую этот мощный, приятный и привлекательный запах, как сейчас, на своей одежде, в волосах и на коже, под каждым кустом и деревом, в каждом прохожем, то я продолжу повторять эту мантру еще месяц. Или год. Или десять лет, если понадобится. Решено.

* * *

Несколько недель в нашем офисе было все тихо. Минский какое-то время не беспокоил нас, вместо этого он оставлял короткие извинения на нашем автоответчике, которые мы прослушивали, смеялись и стирали их к чертовой матери. Тем временем Луизе удалось справиться со своим горем с помощью Эрни, который несколько раз в неделю ужинает с ней и ее новым мужем. Если вас интересует мое мнение, то это несколько странно, что бывший муж торчит все время с семейной парой, но если Террелл не жалуется, то я уж точно не буду. У меня сложилось впечатление, что его частенько не бывает дома, и возможно, Эрни утешает свою бывшую жену именно в те минуты, когда она отчаянно нуждается в этом. Может, он просто хочет затащить ее в койку. Не спрашивайте меня. Я же не психотерапевт.

Тейтельбаум, который владеет и управляет большим сыскным агентством «Трутель Энтер-прайз», расположенным в нашем районе, был настолько любезен (ха-ха, он наверное даже не знает, как пишется слово «любезный»), что подкинул нам парочку дел. Мне хотелось бы сказать, что мы с Эрни ответили любезностью на любезность, и мы время от времени оказываемся по уши в делах, что просто приходится отдавать клиентов кому-то еще, но это не так. Мы неплохо зарабатываем. У меня есть дом, хорошие тряпки, машина, за которую я выплатил уже почти всю сумму, и я даже иногда что-то откладываю, но мы не можем себе позволить обмениваться делами со всякими крутыми парнями. Если уж на то пошло, то Тейтельбаум и не ждал, что мы принесем ему наших клиентов на блюде с голубой каемочкой. Ему нужны были наши души.

— Плачу две штуки, цена обсуждению не подлежит, — объявил он, бросив папку с делом на стол передо мной. Я пришел по требованию Тейтельбаума в шесть утра и был не в настроении, чтобы меня опускали по ценам прототипа Джаббы Хата из «Звездных войн».

— Но ведь речь идет о поисках пропавшего без вести, правильно? Это может занять несколько месяцев.

— Ну да. И что?

— Две тысячи не покроют наших расходов.

— Делай, что хочешь, — сказал он мне, зная точно, за какую часть тела, или вернее, за какие части тела, он меня сейчас подвесит. — Я могу отдать это дело Сатерленду.

— Он же халтурщик.

— Но он *дешевый* халтурщик. И не ноет в отличие от тебя. Ну, хочешь или нет, Рубио?

И я согласился работать за такие деньги. Эрни меня убьет, но выбора не было. Мы на мели.

Итак, мы разыскивали пропавших без вести, отслеживали нескольких должников и шпионили за парочкой неверных супругов. Но это тоже работа, и есть чем платить по счетам. Пусть даже Тейтельбаум с нас живьем кожу сдерет.

Если этот придурок намерен отхапать половину гонорара, то я удостоверюсь, что ресурсы его конторы используются на все сто, настолько часто, насколько возможно. В результате прекрасный весенний вечер (где-то градусов двадцать с небольшим, на небе ни облачка, смог на неделю оставил Лос-Анджелес в покое) я провел, запершись в фотолаборатории и рассматривая размытые негативы. Меня чуть не выворотило от суперсильного запаха фотографических реактивов.

Парень, которого мы отслеживали, был раптором. Никудышный мошенник, который занимался тем, что охмурял старушек, а затем разъезжал по городу на их машинах и сорил их денежками.

К несчастью для него, он кинул так бабулю Томми Трубадура, местного дамского угодника, известного своими связями с мафией, разумеется, нашей, диномафией, так что остается надеяться, что он с удовольствием будет до конца своей жизни питаться через соломинку.

Вот отличное фото мерзкого раптора. Он выходит из своего «олдсмобил-89» с членом департамента Общественной безопасности под ручку. Его жирные черные волосы неприятно контрастировали с ее голубым чепчиком, и даже на черно-белых фотографиях это было довольно угнетающее зрелище. Контрастность была недостаточной, так что я снова обмакнул снимок в проявитель. Мне следовало бы контролировать процесс проявки с секундомером в руке, но иногда мне нравилось действовать по наитию. Проявка фотографий для своих профессиональных целей для меня была чем-то средним между тонкой духовной интуицией художника и обыденным фотомонтажом, над которым корпит третьекласска, готовя свой проект для научной выставки. Мне нравилось работать не торопясь, нащупывая золотую середину.

Я уже почти получил то, что хотел. Вот она наша картиночка. Четкая и красивая. В центре лицо этого сукиного сына, готовое к опознанию. И тут вдруг занавески распахнулись, и вспышка флуоресцентного света чуть не сбила меня с ног.

— Что за черт, — заорал я, пытаюсь защитить непроявленные негативы. — Закрой сначала дверь, идиот!

— Ой, блин, Винсент, мне так жаль, — из-за яркого света мне было не видно, кто это, но голос я идентифицировал за секунду. Сатерленд. — Так жаль, так жаль.

— Я уже понял. Тебе очень жаль. А теперь закрой гребаную дверь! — я ненавижу ругаться как сапожник, но этот кретин не реагирует на обычные команды.

— Конечно, — сказал он. — Ну, конечно, конечно.

Наконец, источник света был ликвидирован, и мы остались в темноте, слегка подсвеченной красным светом. Сатерленд глуповато улыбнулся и показал на снимок, который я держал в руках. — С фоткой вроде все в порядке.

— Ага, все в порядке, потому что я ее уже проявил, но у меня тут еще три пленки висят, которые ты, возможно, только что засветил.

— Мне так жаль...

— Хватит уже. Тебе что-то нужно, Сатерленд?

У него даже не хватило самоуважения, чтобы отвести взгляд или притвориться пристыженным.

— Пожалуйста, я не слишком умею это делать.

Я схватил из рук Сатерленда катушку с фотопленкой и начал помогать этому олуху проявить ее. Черт, я это сделаю, если это поможет побыстрее его выпроводить.

— Итак, — сказал он, когда я вытащил пленку из кассеты. — И в чем тут хитрость?

— Ну, хитрости никакой нету. Если ты постоишь рядом, то сможешь понаблюдать, что я делаю. Может, научишься чему-нибудь.

— Конечно, разумеется, — Сатерленд изобразил, что внимательно следит за всеми моими движениями, бормоча «да-да» себе под нос, но я-то знал, что это показуха. Он ничего не запомнит, его мозг покрыт тефлоном, знания к нему не прилипают. Но он все время торчал рядом, его прогорклое дыхание и запах протухших яиц просто убивали мой чувствительный нос.

— Слушай, — выпалил я после того, как прошли невыносимые пять минут. — Может, я просто проявлю для тебя эти пленки? И оставляю фотки здесь, а ты их попозже заберешь?

— Да? — невинно спросил Сатерленд, и я понял, что он считает меня простофилей. Но это ничтожная цена за то, чтобы снова побыть одному и без посторонних запахов. — Это... так мило с твоей стороны, Рубио. Вот что, я сегодня свожу тебя в одно местечко на Франклин-авеню, где продают отличную траву. Я угощаю.

— Не нужно, — сказал я. — Я по таким местам не хожу.

Я знал, о каком заведении идет речь. Это маленький занюханный подвальчик, где расположен бар, специализирующийся на базилике, и официантки сидят там на той же наркоте, которую втюхивают клиентам. Пустые глаза и заторможенность — вот основные характеристики «Песто Паласа», и на меня это действует угнетающе каждый раз, как я захожу туда. Голливудские бары почему-то производят на меня именно такой эффект, поэтому я взял себе за правило по возможности избегать их.

— Эй, — сказал он. — А как у вас дела с этими чумными прогрессистами?

Я пожал плечами и сказал.

— Закончили. Сделали то, зачем туда приходили. А у тебя?

— Просто фигня какая-то. Не пойми меня неправильно. Я все, что надо, разузнал, и мистер Тейтельбаум был мной очень доволен. Очень.

Сатерленд залез в карман и достал бумажник, набитый квитанциями и купонами. Откуда-то из его глубин Сатерленд выкопал визитку и протянул ее мне. **Гораций «Счастливчик» Сатерленд.** Господи, а я до сегодняшнего дня и не знал, что у этого придурка такое идиотское имечко. **ВТОРОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ СЫСКОНОГО БЮРО.**

— Это почти что партнер, — по секрету сообщил Сатерленд.

Ага, старший помощник младшего дворника.

— Как мило, — вслух сказал я.

— Но после моего возвращения произошла куча странной фигни, — Сатерленд снова засунул бумажник в карман брюк и собрался уходить. Но что-то в его последней фразе зацепило меня. Возможно, его тон, он выпалил ее очень быстро, или же просто мои подозрения, погребенные в глубинах сознания, нашли повод вылезти на поверхность. Короче, я схватил Сатерленда за плечо.

— Что ты имеешь в виду под «странной фигней»?

— Что значит «что ты имеешь в виду»? — он отпрянул и внимательно посмотрел на меня.

— Не начинай... Слушай, ты сказал, что произошла странная фигня, а я спрашиваю тебя, какая именно. Давай-ка поболтаем.

Сатерленд вздохнул и попытался снова повернуться, но столкнулся с моим телом, вклинившимся между ним и черными занавесками.

— Да так, неприятность одна. Ты не захочешь слушать. Просто потеряешь время.

— Ну же, уважь старика, — чем больше он увиливал, тем интереснее мне становилось.

Сатерленд пожал плечами и сел на столик для проявки фотографий своей толстой

задницей, чуть было не намочив брюки в ванночке с реактивами, и разоткровенничался.

— Короче, работали мы по одному дельцу. У одной мамыши исчезла дочка. Оставила только записку, мол нашла прогресс и т. д.

Ага, слышали.

— Продолжай.

— Когда мы встретились на вечеринке, я искал девчонку. Учужал ее запах и пошел по следу, когда она пошла в дамскую комнату. Там у нас произошла небольшая стычка. Сначала она заявила, что она — не та, кто мне нужен и что я псих, но я ведь обнюхал ее старые простыни и не забываю запахи. Это точно была она, и я стал на нее давить. Давил, давил, и она раскололась. Но идти со мной отказалась. Я не мог оказывать на нее, так скажем, физическое воздействие, и пришлось отпустить. Она смешалась с толпой, и весь остаток вечера я не мог ее найти. Кстати, там подавали вкусную жрачку. Ну, я вернулся в офис и все рассказал. И они отправили свою группу, чтобы извлечь девчонку из лагеря. Так и сказали, «извлечь». Через несколько дней я узнал, что они доставили ее домой, и ей уже лучше. Тейтельбаум повысил меня в должности и дал прибавку к зарплате. Короче, все классно.

— И мне так кажется, пока что никаких неприятностей.

— Ну, и я так думал. А потом мне позвонили из офиса нашего большого босса, и он сказал мне, что девчонка сыграла в ящик, и я должен передать на рассмотрение все документы по этому делу. Ну, заметки мои и все такое прочее. Как будто я их храню в одном месте. Вот тебе уже и неприятности, теперь придется мне перерывать все свои папки...

— Погоди-ка секунду, — перебил я, моему рту понадобилось несколько секунд, чтобы угнаться за мыслями, внезапно набравшими просто дикую скорость. — Ты сказал, что она мертва?

— Хм? Стыдоба, да? Мы ее вытащили из этого культа, вернули девчонку к нормальной жизни, а она — бац — и умерла.

— А как она умерла? — я вскочил с пуфика, говорил уже в полный голос, и в маленькой комнатухе раздавалось эхо.

— Ты сегодня легко возбудим, ты об этом знаешь?

— Сатерленд... — прорычал я.

— Автомобильная катастрофа, это была автомобильная катастрофа.

— Ох, — непонятно, чего я ожидал, но автомобильной катастрофы в списке точно не было.

Сатерленд заметил мое разочарование и добавил:

— И передозировка.

Ага, другое дело. Передозировка и автомобильная авария — это просто дежурный набор самоубийц.

— Она была одна?

— Ну да, сказали именно так. На какой-то пустынной дороге рядом с шоссе Анджелес Крест.

Ага, дело было в горах, заповедник рядом с этой магистралью — любимое местечко серийных убийц из-за густого лесного покрова, где можно спрятать гниющие трупы. Самоубийцам тоже по нраву эта дорога. Полагаю, это связано с тем, что можно уехать подальше от городского смога, шума и жары, и провести свои последние минуты на этой земле наедине с пением птичек и приятным легким ветерком.

— Увидимся позже, — услышал я свой собственный голос, а ноги уже несли меня мимо Сатерленда, светофильтров, ванночек с химикатами сквозь черные занавески.

— Погоди! — крикнул мне вслед Сатерленд. — А как же мои фотки?

— Отнеси их в «Фотомат», — ответил я.

Двери распахнулись, и яркий свет острыми иглами вонзился мне в глаза, но я не обратил внимания. Затем дверь за мной захлопнулась, и я даже не знаю, слышал ли меня этот незадачливый детектив. И по правде говоря, мне было наплевать. Мне нужно выяснить

кое-что еще.

10

Эрни сказал, что это просто совпадение. Я согласился, что такое возможно. Эрни сказал, что я просто теряю время. Я снова согласился. Эрни сказал, что двое умерших динозавров — это просто двое умерших динозавров, и они никак не связаны. И я еще раз сказал «возможно».

Но это не остановило меня от визита к коронеру.⁸

— Мне нужен список суицидов и несчастных случаев за последние несколько лет, — сказал я, пытаюсь перебороть нежелание доктора Кэличмэн допустить меня к своим архивам. — Только динозавры. Это не займет много времени.

— Невозможно.

— Но вы же сдаете отчеты, значит, можете предоставить мне информацию.

— Разумеется, *могу*, — сказала доктор Кэличмэн. — Но не должна.

Я выхватил две двадцатидолларовые бумажки и кинул их на секционный стол, разделявший нас. Они упали на грудную клетку практически нераз-ложившегося человеческого трупа, и остались лежать там. Доктор Кэличмэн приподняла одну бровь и посмотрела на меня.

— Я не беру взятки, мистер Рубио.

— Простите, — сказал я, подхватил деньги с тела и сунул их обратно в карман. — Сила привычки. И прошу вас, зовите меня Винсент.

— Отлично, Винсент. Я не могу предоставить вам отчет.

— Послушайте, — сказал я. — Сколько мы уже знакомы? Несколько лет, да? В каком-то смысле мы коллеги. А коллеги оказывают друг другу *любезности*.

Я сделал ударение на последней фразе, чтобы напомнить доктору Кэличмэн о том, как бесплатно провел для нее расследование, когда несколько лет назад она заподозрила, что муж дурит ее. Он допоздна задерживался на работе в Музее естественной истории, каталогизируя поддельные ископаемые. Ранее подобная работа не предполагала ничего, кроме стандартной сорокачасовой рабочей недели. С их общего банковского счета потихоньку испарялись деньги, кто-то снимал большие суммы наличными. С недавних пор он с неохотой выполнял свой супружеский долг. В результате доктор К. заподозрила измену. Всего несколько дней наблюдений потребовались для того, чтобы выяснить, что он не бежал по вечерам к своей любовнице, а несся проигрывать все деньги, предназначенные для выплат по закладной, а потом поздно ночью ехал в Тихуану, чтобы возместить убытки — он катался на механическом быке, а другие туристы кидали ему лишние доллары. Он был чертовски измотан, чтобы спать со своей женой. Думаю, сейчас они вместе ходят к психологу.

— Я знаю, на что ты намекаешь, — сказала доктор Кэличмэн, ее щеки слегка порозовели. — И я благодарна тебе за помощь в том деле. Но я нарушу целый ряд серьезных правил, если дам тебе...

— Тогда не давай мне отчеты, — сказал я. — Вообще не давай.

— ...ладно..., — она была растеряна, и я почувствовал себя на коне.

— Разве еще не пришло время обеда? — предложил я. — Разве у тебя не назначена встреча с представителями других моргов? В нескольких милях отсюда? На нее ведь уйдет пара часов или что-то типа того?

Доктор Кэличмэн вздохнула, но я уверен, это был вздох согласия. И знал, дело сделано.

— Поаккуратнее с папками, — сказала она. — И расставь их в том порядке, как раньше.

⁸ Следовательно, специальной функцией которого является расследование случаев насильственной или внезапной смерти.

— Без проблем. Если тебе в следующий раз понадобится детектив, я в твоём распоряжении.

Через несколько минут она ушла, я запер дверь и принялся рыться в папках, проскакивая через бесконечные имена умерших, проверяя верхнюю треть первой странички, нет ли на полях зелёной точки, которой отмечались трупы динозавров. После этого я опускал глаза в самый низ страницы, где доктор Кэличмэн или кто-то из её ассистентов указывал предположительную причину смерти. Затем я рассматривал самоубийства, несчастные случаи и нерешённые дела на предмет даты смерти и отбрасывал все, что старше двух лет. Уверен, используя подобную методику, я терял массу интересной информации, но мне же никто не оплатит это время, так что приходится где-то проводить черту. Даже у подозрений есть свои пределы.

Через час я имел уже двадцать три имени на двадцати двух папочках, которые соответствовали нужным критериям. Они были сложены в шаткую стопочку у моих ног. Я понимаю, что можно было бы использовать данные базовые сведения, выписать имена и телефоны и обзвонить родственников умерших, но у меня появилось ощущение, что я упускаю что-то из виду, какой-то признак, по которому можно отбраковать неподходящие дела.

Пол? Нет. Когда дело касается набора неопитов обоих полов, то прогрессисты не делают разницы. Даже те два случая, о которых я знаю, — Руперт и девушка, которую выслеживал Сатерленд, — сразу же доказывают это предположение. Доход? Как мне казалось, секта в основном заинтересована в таких членах, из чьих семей можно выкачать все имеющиеся денежки. Несомненно, такой сказочный дом и офисы в метро они отгрохали не на деньги, вырученные от продаж на Голливудском бульваре миниатюрных Оскаров, врученных в номинации «Лучший дедушка игрового кино». Но в отчётах о вскрытии нет сведений о финансовом статусе жертвы.

Что остаётся? Цвет волос? Сексуальная ориентация? Возраст?

Ага, в самую точку. Как мне показалось, большинство прогрессистов на той вечеринке были довольно молоды, лишь некоторые средних лет. На самом деле самым старшим среди них был Сэмюэль, игуанодон, который предвосхитил появление Цирцеи, но я решил, что он — один из основателей секты, уж точно, не просто обычный её член. Молодость стала следующим критерием для выборки. Без сомнения, возможно, что и какой-нибудь восьмидесятилетний старикашка захочет духовного совершенствования на старости лет, но к этому возрасту у большинства динозавров голова уже крепко привинчена, а болты давным-давно проржавели, так что крышу не так легко сносит, как у молодежи.

Я быстренько поискал в своём списке престарелых хиппи, вычеркивая всех старше тридцати, в результате стопка сократилась до каких-то двенадцати несчастных. Я спешно нацарапал имена и телефоны ближайших родственников, и список сократился до девяти, поскольку у трёх жертв никого не осталось. Затем аккуратно расставил папки по местам. Должен признаться, картотеки никогда не были моим коньком, остаётся только надеяться, что ошибки в алфавитном порядке, которые я допустил, не пустят под откос всю работу. После этого я вышел из кабинета доктора Кэличмэн и плотно закрыл за собой дверь. Не хотелось, чтобы её коллеги совали свой нос куда не следует.

* * *

После непродолжительных уговоров Эрни, в основном из чувства вины, согласился проверить четыре имени из списка, а я взял оставшиеся пять. Первые два телефона не отвечали, но мне не захотелось оставлять сообщения родителям, которые, весьма вероятно, все ещё горюют, касательно их детей, которых уже давно нет с ними. Нет необходимости сыпать соль на старые раны без весомой причины. Я набрал третий номер, прождал три гудка и собирался уже повесить трубку, как вдруг внезапно...

— Алло?

— Мистер Левитт?
— Что вы продаете?
— Ничего я не продаю, — ответил я.
— Ох, — сказал мой собеседник немного удивленным тоном. — Хорошо. Я не хочу ничего покупать. Вот купил вафельницу, а она мне не нравится.

— Я ничего не продаю, мистер Левитт. Меня зовут Винсент Рубио. Я частный детектив.

Какое-то мычание.

— Мне не нужен детектив. Я не стану покупать, — пауза. — Но если хотите, можете мне рассказать.

— Нет-нет, вы не поняли, — начал объяснять я. — Я ничего не предлагаю покупать.

— Они всегда так говорят.

— Кто?

— Торговые агенты. Они говорят, что ничего не продают, а потом начинают что-нибудь тебе впаривать. Я в день говорю по телефону шесть часов. Доволен ли я своими электроприборами? Не хочу ли я накачать себе мышцы на животе? Какие акции у меня уже есть? Все что-то продают. И вы тоже скоро начнете рекламировать ваш товар.

— Обещаю, не начну, — если он так уверен, что я тоже что-то стану ему втюхивать, то почему все еще со мной болтает? — Я просто хочу задать вам парочку вопросов.

— О чем?

— О Джее.

На том конце провода икнули. И тишина. Но на заднем плане я слышал звук телевизора, который во всю громкость транслировал какой-то рекламный ролик. Что-то очень интересное про набор ножей.

— Мистер Левитт?

— Я слышу вас, — сказал он после нескольких секунд молчания. — Готов поспорить, вы хотите продать что-то моему сыну. Но ему тоже ничего не нужно.

Я вышел из себя и, горячась, произнес:

— Я, как вам еще объяснить, не хочу вам ничего продавать. Я не торговый агент. Повторяю — нет — не торговый агент. Просто я хотел побольше узнать о вашем сыне. Каким он был, пока не... пока не умер.

Снова тишина. В этот раз я подумал, что, возможно, мой собеседник повесил трубку. Я несколько раз позвал его по имени, и теперь даже телевизора не было слышно. Я готов был уже признать свою неудачу и вернуть трубку на место...

— Хотите приехать ко мне домой? — спросил мистер Левитт. — Я приготовлю нам вафли.

* * *

Дом мистера Левита располагался в небольшом городке Саузенд Оукс. Это спокойное местечко примерно в сорока пяти минутах езды от Лос-Анджелеса. Зеленые холмы, доброжелательные соседи и поразительное отсутствие смога. С одной стороны жилище мистера Левита было каким-то первозданным, но с другой — захламленным. Дом был завоеван тысячами телевизионных рекламных роликов и забит всякой всячиной, включая гриль, машинку по отрезанию салфеток, аппарат для сворачивания ленточек в рулончик, прибор для автоматической покраски фасадов, переворачиватель гамбургеров, жаровню для цыплят, автообвязыватель и еще массу всяких изобретений, над которыми ребята из патентного бюро, наверное, ржали год или два. Но каждый сантиметр этих полубесполезных агрегатов и всего дома в целом сиял как хромированные детали новенького велосипеда.

— У вас симпатичный дом, — сказал я, войдя в дверь и едва не споткнувшись о скончавшегося робота, предназначенного для подачи закусок.

Мистер Левитт развалился в стареньком кресле в гостиной, а я присел на диван,

обтянутый синим чехлом, который был покрыт каким-то скользким веществом, из-за чего трудно было усидеть на одном месте, не соскальзывая.

— Это защитный гель, — объяснил мне хозяин. — В прошлом месяце ко мне приходил один парень и продал его мне. Защищает чехлы от грязи. И делает их водонепроницаемыми.

— Понятно. Очень здорово.

И отвратительно. Как будто сидишь на вазелине. Хотя, скорее всего, это и есть вазелин.

Мистер Левитт поставил передо мной чай в специальной гироскопической⁹ кружке, которую, как я помню, советовали приобрести в одной рекламе. Предполагалось, что так вам будет легче одновременно вести машину и попивать кофе. Если вы пребываете в неподвижной среде, то эта вещь абсолютно бесполезна, но поскольку моя задница не в силах удержаться на этом диванчике, то, возможно, мне эта кружка и пригодится.

— Я там вафли на кухне готовлю. А еще высушиваю фрукты. Если хотите, покажу.

— Нет, спасибо, — сказал я, но увидев, как омрачилось его лицо, исправился: — Давайте посмотрим.

Мистер Левитт оказался каким-то мелким динозавром, думаю, целофизис или компсогнат. И последние годы жизни наложили свой отпечаток, он съежился еще сильнее. Человеческая личина, надетая на его миниатюрное тельце, только подчеркивала чувство утраты. На лице пролегли морщины более глубокие, чем я видел на масках динозавров старше меня на двадцать лет. Возможно, мистер Левитт изготовил эти морщины на заказ в компании «Накитара», чтобы они соответствовали его горю. Я знал одну вдову, которая так сильно переживала из-за безвременной кончины мужа в результате трагического несчастного случая, что купила в шведской компании «Эриксон» шестнадцать комплектов мешков под глазами «Бетт Дэвис» и запихала все их под маску, в глазные впадины, чтобы внешность на все сто процентов отражала ее внутренние страдания.

— Я хотел поговорить о вашем сыне, — начал я.

— О Джее.

— Да, о Джее. Он ведь покончил с собой, насколько я понимаю?

— Он был хорошим мальчиком, — сказал мистер Левитт и кивнул, снова согласившись с собственным высказыванием. — Он никогда не доставлял мне никаких хлопот. Некоторые дети прогуливают школу и грубят старшим. Но только не мой Джей.

— Конечно, нет, — казалось, что мистер Левитт погрузился в ностальгию, и мне не хотелось возвращать беднягу к реальности, но я мог пробыть в этом городке лишь ограниченное время, в какой-то момент придется вернуться в Вестсайд и продолжить обзванивать родственников. — Уверен, ваш сын был просто замечательным.

Из кухни раздалось резкое «чпок!», и мистер Левитт вскочил с мягкого кресла.

— Вафельки готовы, — сказал он.

— Ну что вы, что вы, не нужно...

Но он уже вышел из комнаты.

Итак, я здесь не для того, чтобы кого-то жалеть. По крайней мере, таково было мое изначальное намерение. Но я ничего не мог с собой поделать, во мне поднималась волна сочувствия к этому человеку, который являет собой самое точное определение одиночества, какого я давно не видел. Мой взгляд блуждал по комнате, останавливаясь на многочисленных механизмах и приборах, которые заняли место единственного сына мистера Левитта.

На стене висело не меньше шести часов с кукушкой, четыре модели отличались по размеру, форме и цвету, но две были абсолютно одинаковыми. Должно быть, он случайно купил одну и ту же модель второй раз, сам того не осознавая. Я заметил, что все часы показывали разное время, и поскольку свои часы я утром забыл дома, то весьма запутался,

⁹ Гироскопы — приборы, предназначенные для определения параметров, характеризующих движение (или положение) объекта, на котором они установлены.

сколько же времени уже сижу здесь, пытаюсь не соскользнуть с дивана.

— Это мои любимчики, — сказал мистер Левитт, появляясь с полной тарелкой блинчиков. — Они составляют мне компанию, словно старые друзья.

Да, поезд жалости прибывает на платформу ровно в назначенный час.

Он поставил тарелку с блинчиками на кофейный столик, одновременно служивший аквариумом. Внутри не было рыбок, только вода, какие-то пластиковые растения и разноцветный керамический замок. Мистер Левитт пригласил меня отведать угощение.

— Мне казалось, вы сказали, что готовите вафли.

— Ну да, но блинчики приготовились быстрее, — он схватил один блинчик с тарелки и начал откусывать мелкие кусочки. Чтобы не обидеть хозяина, я сделал то же самое. Блинчики были резиновые.

— Как я сказал, — продолжил мистер Левитт, — Джей был хорошим мальчиком. И дружил с хорошими мальчиками.

— Ммм, — пробормотал я сквозь каучуковый блин.

— Он был очень аккуратным, я это всегда замечал. Особенно сейчас, когда большинство детей выглядят как панки.

Не хотелось еще нарушать его чувство времени больше, чем оно уже нарушено, поэтому я не стал говорить ему, что мода на панков почилла в бозе уже лет десять назад.

— Он не упоминал о какой-нибудь религии? — спросил я. — Возможно, он искал духовного просветления?

— Нет, нет, ничего подобного. Этот дом всегда населяли атеисты.

— А его друзья... Они не казались вам странными?

— Странными? Нет, сэр. Очень милые ребята. Очень аккуратные, — ага, снова это слово. Я уцепился за него.

— В чем выражалась аккуратность? В их манере, в стиле?

— Конечно. Ну и одевались они всегда хорошо. Человеческие личины всегда сидели превосходно. Волосы не слишком длинные. И они очень уважали старших. Всегда следили за этим.

Ага, это уже что-то.

— Они так говорили — «уважение к старшим»? Или, возможно, это называлось «почитанием предков»?

В глазах мистера Левитта вспыхнули огонечки. Ага, в конце концов, появилась какая-то мыслишка.

— Да... да. Звучит знакомо. На самом деле после ваших слов я уверен, что именно так они и говорили.

Мы, без сомнения, на верном пути.

— Вы не возражаете, если мы поговорим поподробнее о Джее? О том, как он умер?

— Вафли скоро будут готовы, — буркнул мистер Левитт.

Я и сам был рад отвлечься, правда-правда. Ничего веселого нет в том, чтобы вытягивать информацию из кого-то, кому не хочешь причинить боль. Но я уже слишком близко подошел к цели, чтобы отступить.

— Не было чего-то странного в его поведении в последние дни перед смертью? Не уходил ли он из дома, не брал ли он у вас денег?

— Он был хорошим мальчиком, — повторил мистер Левитт уже громче, в его голосе послышалось волнение. — Он никогда ничего не украл.

— Я понимаю. Правда. Я имел в виду другое... — я сделал вдох, собрался с мыслями. — Он когда-нибудь говорил о прогрессе? О движении по пути прогресса?

Вероятно, хозяину эти понятия были знакомы, но времени расспросить его не было. Раздалось второе «чпок!», на этот раз громче и звонче, мистер Левитт снова вскочил и вышел из гостиной. Я уселся поудобнее на диване, отчаянно пытаюсь удержаться на скользкой поверхности, и закрыл глаза. Разговор потребовал больше усилий, чем я ожидал. Будем надеяться, что Эрни повезет больше, когда он будет общаться с родителями в

Ньюпорт Бич, ребенка которых постигла та же судьба. Как минимум, его там, скорее всего, не будут кормить всякими малосъедобными штуками. Я откусил еще кусочек от своего блина.

Мистер Левитт вернулся из кухни с грудой вафель, возвышавшейся на тарелке, как ацтекская пирамида. Он молча поставил их рядом с блинами, затем выпрямился и снова вышел из комнаты. Неужели я слишком сильно надавил на него? Огорчил беднягу? Это совершенно не входило в мои планы.

В задней комнате раздалось какой-то шебуршание и грохот, и через несколько минут мистер Левитт вернулся, держа в руках скомканный лист бумаги, вырванный из тетрадки. Сопя, как зомби, он прошел через комнату, еле волоча ноги по пушистому ослепительно-чистому ковру, и молча протянул мне эту бумажку. Я взял ее за один конец, уже догадавшись, что это может быть, и прочел.

Разумеется, записка была написана твердой рукой: **НЕТ СМЫСЛА ЖИТЬ ДАЛЬШЕ БЕЗ ПРОГРЕССА.**

— В тот день мы собирались пойти понаблюдать за птичками, — сказал мистер Левитт, когда я передал листок обратно в его трясущиеся руки. — Я встал пораньше, достал фотоаппараты, бинокли, все уложил и приготовил, а потом пошел будить сыночка. Последние несколько дней он был в таком возбужденном состоянии, говорил, что его жизнь пошла в гору и ему самому уже лучше, что ему пойдет на пользу это небольшое фото-сафари.

— И? — поторопил его я.

— И... он так и не проснулся, — мистер Левитт закашлялся. — А я все пытался разбудить его, тихонечко так, но он не двигался. А в руке... в руке у него был пузырек с моим снотворным, насколько я понял...

Записка с упоминанием прогресса, «аккуратные друзья» Джея, почитание предков — все это именно то, за чем я сюда и пришел. Остальное — просто слезливая история, без сомнения, очень трагичная, но не настолько важная для нашего дела, чтобы мне еще задерживаться здесь.

— Спасибо, что вы уделите мне время, мистер Левитт, — сказал я, пытаюсь встать с дивана, не заработав в процессе грыжу. Сегодня мой «костюм» мне был тесен, должно быть, благодаря картошке фри, которую я тоннами поглощал во время заточения Руперта в квартирке над офисом, кроме того довольно сложно перемещаться, пока не поднимешься из этой ванны со склизким желе.

Но мистер Левитт был настойчив, если не сказать больше, и пока я шел к двери, он рысцой бежал сзади. В последнюю минуту он внезапно оживился и стал энергичнее, чем был все те полчаса, что я пробыл у него.

— Прошу вас, оставайтесь, — умолял он. — Я поставил печенье в печку, на максимальной скорости оно будет готово максимум через две с половиной минуты.

— Мне очень хотелось бы остаться, — стал объяснять я. — Но мне нужно идти. Простите, что побеспокоил вас.

— Я понимаю, — сказал он тихо и монотонно. — Все уходит.

Не сказав больше ни слова, он отвернулся, сердито пошлепал в гостиную, плюхнулся на диван и соскользнул на пол, где остался лежать, свернувшись калачиком.

Господи. Ну я же не железный.

Мы несколько часов играли в пачизи.¹⁰ Я каждый раз выигрывал, несмотря на полное непонимание правил, но мистер Левитт сидел все это время с улыбкой до ушей. Я вообще-то занимаюсь частным сыском не для того, чтобы кого-то веселить, и я чаще приношу неприятности, чем радость, но в тех редких случаях, когда я могу делать добрые дела (мои

¹⁰ Народная индийская игра. Название ее происходит от слова «пасис», что означает двадцать пять, максимальное число, которое может выпасть на костях для этой игры.

приятель аллозавр-еврей называет это «мицва»¹¹), то очень рад, что не беру за это денег.
Вафли были ужасны.

* * *

— Передозировка снотворного, вероятно, секобарбитала, — сообщил я Эрни, когда вечером вернулся в офис. — И предсмертная записка, в которой есть указание, что он ушел от прогрессистов.

— Я тебя переплюну, — ответил напарник.

— Да?

Эрни вытащил фотографию молодой хорошо одетой девушки, чуть старше двадцати, стоящей в центре быстроходного катера посреди неизвестного озера. У пупка маленькая родинка — это фирменный знак корпорации «Накисоба», дочерней фирмы «Накитара», крупнейшего производителя личин. Кроме этого обе компании занимаются сложной электроникой, компьютерами, издательским бизнесом, производством фильмов и выпуском презервативов, но это уже дело десятое. Девочка на фотографии казалась довольно счастливой, улыбалась и махала фотографу, положив вторую руку на кокетливо приподнятое бедро.

— И это у нас?...

— Кристал Ридс — подсказал Эрни. — Диплодок. Наследница крупнейшей фабрики по производству карандашей Ридса.

— А что, карандаши так выгодно производить?

— Уже не особо, — признал Эрни. — Они покатались вниз с тех пор, когда все заполнили компьютеры, но все еще активно торгуют со школами. Смысл в том, что у этой семейки есть денежки.

— Дай-ка догадаюсь — большая часть этих денежек из их кармана перекочевала к прогрессистам.

— Даже круче. Они еще и дома своего лишились. Он был записан на Кристал по каким-то малопонятным причинам, связанным с налогообложением, и она в минуту религиозного экстаза переписала его на эту секту. Через шесть месяцев, заплатив адвокатам около двухсот тысяч баксов, они отвоевали его обратно, но это было роковой ошибкой со стороны ее родителей.

Они послали двух динозавров из Невады, которые утверждали, что они специалисты по «экстракции», проще говоря, по похищению таких вот девочек из логова сектантов, разумеется, выполнили свою задачу, доставили девчонку в безопасное место для депрограммирования.

— Они психотерапевты?

— Нет, всего лишь группа захвата. Ее родители наняли специалиста из Нью-Йорка, чтобы вытрясти весь этот прогресс из ее башки. Они сказали, что его зовут Стайер. Фрэнк Стайер.

— Интересно, не знаком ли с ним наш доктор Борежар, — сказал я.

— Дело в том, что девчонку держали в безопасном месте, поскольку родители беспокоились, что конкуренты, другие производители карандашей, воспользуются этой ситуацией. Я не говорю уж о том, что им, вероятно, самим бы стоило провериться на предмет мании преследования. И вот через несколько дней, как их дочку предположительно вылечили, она умерла.

— Самоубийство?

— Нет, — сказал Эрни. — Неудачная попытка ограбления.

— Это неплохая причина.

¹¹ В переводе с иврита «заповедь», совершение благого дела бескорыстно.

— Погоди, дослушай. Родители засунули девчонку в один из складов своей фабрики на Лонг Бич, в меблированный офис на втором этаже, откуда видна была территория всего склада. В тот вечер, как говорят копы, какие-то воры вломились туда, она попыталась помешать им, и ее убрали. Они расстреляли ее так, что родители потом с трудом опознали тело.

Я взял карандаш со стола и посмотрел на него. На карандаше было написано «Номер 2». Разумеется, на самом кончике, рядом со стирательной резинкой маленькие зелененькие букочки гласили «**ПРОИЗВОДСТВО КОМПАНИИ „РИДС“**». Такие же карандаши были разбросаны по пластиковому контейнеру, предназначенному для хранения бумаг. Может быть, это судьба.

— Ну в этом нет ничего странного, — сказал я. — На Лонг Бич ограбления со взломом происходят каждый день.

— Конечно, — ответил Эрни. — Но вот в чем загвоздка: тамошние воры не новички. Они знают свое дело. И знают, куда за каким товаром идти. Склад карандашей не самая дойная коровка, он был окружен шестьюдесятью такими же складами с той лишь разницей, что в них можно было пожить мебелью, бытовой электроникой, ювелирными изделиями...

Я швырнул карандаш на стол и встал. Уже поздно, мне нужно поспать, но мой мозг продолжал работать достаточно напряженно, чтобы заставить меня снова проявить какое-то подобие деятельности. И я подытожил:

— Итак, мы имеем три смерти, две в результате передозировки, одна — в автокатастрофе, — и всякий раз неприятности происходят со здоровыми молодыми динозаврами через несколько дней после их выхода из секты прогрессистов. Кроме того есть свидетели, которые утверждают, что непосредственно перед встречей со старухой с косой они хорошо себя чувствовали и не казались подавленными...

— И, по крайней мере, в случае с Рупертом, — встрял Эрни. — У одной из жертв самоубийства не было даже рецепта на лекарства, которые предположительно послужили причиной смерти.

— Это что-то новенькое.

— Я выяснил это только сегодня, — сказал Эрни. — Обыскал, черт возьми, чуть ли не каждую аптеку в городе. Такой рецепт нигде не записан, а пузырек, найденный у него в руке, был пустой и безо всяких опознавательных знаков.

— Тебе этого достаточно? — спросил я напарника. — Ты готов отказаться от своих слов про то, что это лишь совпадения, и работать сообща со мной?

— Мне что снова придется напаять на себя все эти парадно-выходные тряпки?

— Блин, да можешь надеть, что хочешь, — ответил я. — Хоть голым иди, мне плевать.

— Заткнись и запрыгивай в машину, малыш.

11

К тому времени, как мы приехали в Голливуд и начали подниматься на вершину каньона Лорель, я уже достаточно накрутил себя. Я был на взводе из-за того, что под прикрытием секты, возможно, проворачиваются неблагоприятные делишки, но еще больше из-за того, что меня, вероятно, держат за дурачка. Когда Руперт умер, он был на моем попечении. Ладно, формально доктор Бо объявил его вменяемым, но это не дает права забывать, что изначально во всю эту заваруху втянул его именно я. И мне очень не по душе, когда я выгляжу полным идиотом.

— Я хочу, чтобы ты держался подальше от... той женщины, — сказал мне Эрни. — Давай все разговоры с ней буду вести я.

— Без проблем, — сказал я, хотя понимал, что на самом деле проблемы существуют, и очень большие. Не обращать внимания на Цирцею в ее присутствии это все равно, что игнорировать слона в горошек, танцующего самбу в знаменитом нью-йоркском ресторане

«Русская чайная». Она все чаще и чаще фигурировала в моих мыслях с момента последней вспышки феромонов во время похорон Руперта, и должен признаться, частенько это божественное создание посещало меня и во снах, причем довольно пикантных.

Мы подъехали к внешним воротам и обнаружили, что они, как и следовало ожидать, заперты, а рядом находится охранник. Понятное дело, не особо сговорчивый. Это был тот же парень, что и в прошлый раз, но он нас не узнал.

— Мы были здесь несколько недель назад, — сказал я. — На встрече. Ну, вы понимаете, о чем я. На *встрече*.

Его рука на этот раз не потянулась к кнопке на воротах.

— Да мне плевать, даже если вы приезжали сюда на день рождения самого папы римского — хм, я бы не удивился, если бы подобное мероприятие проводилось именно здесь, — вы все равно не можете проехать внутрь без пропуска.

— А не могли бы вы позвонить? Это все, о чем я прошу.

— Если у вас нет пропуска...

— Всего один вшивый телефонный звонок! — заорал я, а затем снова понизил голос: — Скажите Цирцее, что это ее друг, с которым она виделась на похоронах, и все. Она...

— Пожалуйста, разверните машину. Это частная собственность, сэр, и не я придумывал правила.

— Я очень ценю это...

— Я не думаю, — отрезал охранник. Теперь он надвигался на нас, но вместо типичного для динозавров угрожающего оскала зубов и расстегивания перчатки, он отдернул полу пиджака и сверкнул пистолетом. Нет, вы только подумайте, пистолетом!!!

— Это отвратительно, — не смог сдержаться Эрни. Я увидел, как это почти осязаемое отвращение поднималось по его горлу, языку, прямо к губам. Динозавры, особенно старшее поколение, испытывают сильное отвращение к искусственному оружию, и Эрни не исключение.

Но охранник не сдвинулся ни на сантиметр, и даже не попытался прикрыть оружие. Ему не было стыдно.

— Ну что, парни, вы все еще хотите проехать?

Пистолет сверкал в лучах заходящего солнца, ствол был новеньким и блестящим. Вероятно, из него никогда и не стреляли, но я не стал бы рисковать, ведь отсутствие практики не гарантировало промах.

Эрни перегнулся через меня и высунулся в окошко.

— А теперь слушай сюда, ты, мелкий кусок компсогната, возьми чертову трубку и скажи своей хозяйке, что два джентльмена, с которыми она мило болтала на недавней вечеринке, хотят ее видеть...

— Это невозможно, — возразил охранник. — Разворачивайте машину. Я больше повторять не буду.

Его рука медленно скользнула к пистолету на бедре, остановившись на рукоятке. Я с ворчанием столкнул Эрни с коленок, чтобы он снова уселся на свое место. Благодаря напарнику я и так каждый день вляпываюсь в неприятности, не хватало еще, чтобы меня застрелил за нарушение границ частной собственности какой-то охранник, вообразивший себя Чарльзом Бронсоном среди динозавров.

— Может, вернемся на Голливудский бульвар, — предложил я. — И выклянчим у нашего дружка Боба еще одно приглашение.

Слишком поздно. Эрни одним плавным движением отстегнул ремень безопасности, открыл замок на моем «линкольне» и спрыгнул с пассажирского сиденья. Он начал практически нормальным тоном, но голос становился все громче и громче:

— Бред собачий! Возьми трубку, козел, и позвони в дом...

Я поднялся и вышел из машины, но Эрни и охранник уже стояли вплотную лицом к лицу, носы их масок были на расстоянии не более сантиметра. Если бы прямо сейчас им пришлось сорвать маски и фиксирующие ремни, то их морды стукнулись бы друг о друга, и

из разбитых носов потекли бы два некрасивых ручейка крови.

— Тише, — сказал я, поспешив вклиниться между двумя горячими парнями.

Но они одновременно выставили руки, заграждая мне путь. Этот сдвоенный удар был такой силы, что я перелетел через капот машины, чиркнув ногами о бордюр, и приземлился на асфальт с другой стороны.

Я посмотрел и увидел, что Эрни выплюнул из пасти зубной мост. Стертые человеческие зубы стукнулись о землю, словно капа профессионального боксера, подняв небольшой столп пыли там, где они приземлились. Эрни стал клацать своими белыми острыми зубами. Охранник потянулся за пистолетом, судорожно сжав ствол, выхватил его из кобуры, прицелился в незащищенную грудь моего напарника и по совместительству лучшего друга...

Вероятно, я должен был в этот момент что-то закричать. «Нет!» или «Стойте!» или что-то еще из набора фраз, которые кажутся очень волнующими, если проигрывать их в замедленном темпе.

Но тут зазвонил телефон.

Челюсти Эрни замерли на полпути, он так и остался с растерянной гримасой и полуоткрытым ртом. Охранник ослабил хватку. Телефон снова зазвонил. Охранник медленно попятился, в четверть глаза наблюдая за мной и не сводя остальные три четверти с Эрни и ряда его заостренных зубов. Он добрался до своей будки и снял трубку.

— Да? Да, мэм. Да, они... Нет, он собирался... Да. Да, мэм. Я понял. Спасибо.

Он выписал нам пропуск. Принес свои извинения. И чрезвычайно подробно объяснил, как проехать к главному зданию и где припарковаться. Мы заставили охранника повторить объяснения трижды, хотя и так отлично знали дорогу. Затем мы слегка забуксовали и поехали, выпустив струю выхлопных газов ему в лицо.

Солнце еще не закатилось за холмы, и оставшиеся лучи отражались от мраморных колонн главного здания, отчего все сооружение казалось еще ближе к своим древним архитектурным корням. Мы с Эрни, еле шевеля ногами от усталости, пробрались через парковку (как ни странно, на ней и сегодня было довольно много машин), поднялись по ступеням на холме и вошли в главный коридор, приготовившись сдать свое облачение. Однако самки орнитомима, знакомой нам по прошлому визиту, не оказалось на своем месте, а гардероб, куда мы сдавали личины, был заперт крепче, чем латексные швы на продукции «Золотой серии» компании «Накитара».

— Мы не всегда ведем себя так неформально, — раздался голос из противоположного конца коридора. — Разумеется, нам нравится быть естественными, но это сложно, если вам весь день приходится общаться с внешним миром, выполняя различные поручения.

К нам двигался игуанодон без личины. В нем было что-то знакомое. Меня удивил его низкий звучный голос, на пару октав ниже, чем у самого Джеймса Эрла Джонса. Кстати, это один из самых любимых актеров в нашем сообществе. Я видел его один раз в постановке «Отелло», где были задействованы только динозавры. Видеть это произведение искусства таким, как задумал его сам Шекспир — с аллозавром в главной роли — было просто потрясающе.

О, понял — это тот динозавр, который представлял Цирцею публике на той вечеринке. Память вернулась ко мне как раз вовремя, и когда игуанодон приблизился, я смог протянуть руку и сказал:

— Сэмюель, если не ошибаюсь?

— Да. Цирцея послала меня за вами. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Мы поплелись за Сэмюелем. Его хвост качался над полом туда-сюда, гипнотизируя нас. Хотя мне и сказали, что это необязательно, я испытывал сильное желание сорвать свой фальшивый покров и идти дальше обнаженным и свободным, но мы нигде не задерживались настолько, чтобы я успел расстегнуть хоть какие-то из застежек. Эрни заметил, что я пытаюсь сделать, и хлопнул меня по руке:

— Оставь свою чертову одежду в покое, — пробормотал он. Эрни такой старомодный.

По мере нашего продвижения воздух стал каким-то затхлым, то ли этот запах исходил от клубков пыли, то ли поблизости цвело какое-то растение, но мой нос тут же среагировал. Несколько раз чихнув, я вытащил из кармана платок и вытер нос, к своему ужасу поняв, что ничего не получается. Должно быть, я снова сместил ноздри, а это значит, что к концу дня у меня под маской скопятся замечательные такие сопли, которые будут портить все дело. Из-за таких моментов — когда смещаются ноздри, застежки мешают, ремни расстегиваются — мне хочется с головой окунуться в жизнь прогрессистов, скинуть с себя всю эту ерунду, одичать так же, как, должно быть, жили наши родственники в те беззаботные деньки, когда приматам больше нравилось висеть на дереве и заниматься сексом со всем, что движется, а не истреблять на планете других разумных существ.

Мы шли через целую сеть коридоров, проходя через бесчисленные двери и галереи, тоже украшенные произведениями искусства мастеров-динозавров. Многие из них были мне незнакомы, поскольку в том, что касается изобразительных искусств, я всегда был обывателем, тем не менее кое-что я узнавал, так как за годы жизни некоторые представления о нашей культуре все-таки случайно просачивались в мой мозг через черепную коробку. Например, я знаю, что у Модильяни на одну картину или скульптуру, изображающую людей, приходится как минимум одна, где изображены динозавры в более естественном своем виде. Картина «Сидящая женщина с младенцем» была задумана, чтобы на нее пялились люди, а «Отдыхающий бронтозавр» — специально для нас. И, о чудо, именно она висела на стене во всем великолепии своего зеленого цвета. И без сомнения, это был оригинал.

Я постарался не чихнуть на нее.

Далее нас ждали несколько винтовых лестниц, ступени шли двойной спиралью, обвиваясь друг вокруг друга. Казалось, мы совершаем восхождение в Андах. Наконец мы поднялись на последний этаж и очутились в узком тесном коридоре, заканчивающемся единственной дверью.

— Винсент, — проворковала Цирцея, когда мы прошли в комнату, забитую мягкими стульями и подушками, разбросанными прямо по пушистому ковру. Вариация на тему гарема 70-х годов, только вместо розового доминировал зеленый, но более светлого оттенка, чтобы можно было счесть это просто непреднамеренной вульгарностью. — Рада видеть тебя снова. Сегодня повод не такой печальный, правда? — ее обнаженная, естественная кожа была прикрыта зеленой накидкой, ниспадающей мягкими складками, сзади в ткани было прорезано отверстие для чувственно изогнутого хвоста. — И вас тоже, мистер Ватсон.

Она пожала нам по очереди руки и поцеловала в щечку в знак приветствия, и должен признаться, мое тело инстинктивно подалось вперед, чтобы я смог вдохнуть этот сводящий с ума запах. Как ни странно, он едва чувствовался. Я-то ожидал, что сразу перенесусь в мир птеродактилей и диплодоков, но ощутил лишь намек на кориандр и майоран, который едва ли смог бы отправить меня в далекое прошлое хотя бы на пять минуток. Ну, в таком случае я буду вести себя как воспитанный динозавр, хотя не могу сказать, что это меня не расстроило.

— Какая симпатичная комнатка, — сказал я Цирцее. — Очень... уютная.

Легкий изгиб губок и взмах ресниц.

— Это моя комната для отдыха. Я прихожу сюда перед важными мероприятиями, чтобы... подготовиться, если хотите, можно это и так назвать.

— Важными мероприятиями? — переспросил я.

— Да. Очень грустно говорить об этом, но у нас тоже произошло несчастье, — промурлыкала Цирцея. — Умерла наша дорогая подруга...

— О, мне очень жаль...

— Она была очень старой, и ее время пришло. Она упокоилась в мире с нашими предками. Похороны начнутся внизу через несколько минут. Кажется, мы все время встречаемся на таких печальных церемониях, да?

— Мы могли бы прийти в другой раз, — предложил Эрни, сейчас в голосе детектива слышался намек на обычное сочувствие.

— Пожалуйста, оставайтесь. У меня есть несколько свободных минут. Итак, чем я могу

помочь вам, мальчики? — спросила Цирцея, обвив хвостом свое роскошное тело. Она невероятно умело владела им. Пока она говорила, хвост легонько покачивался в воздухе, затем также легонько ударил меня по коленке, можно было подумать, что его хозяйка дразнит меня.

— Мы... с другом много говорили, — начал я, — после того вечера. О прогрессе, о том, во что вы верите, что отстаиваете.

— Очень хорошо. Мы поощряем подобные обсуждения, — сказала Цирцея.

— А потом, на похоронах, когда я увидел тебя... Цирцея покивала с сочувствием.

— Да, неловко вышло.

Ее хвост продолжал двигаться, все еще заигрывая со мной. Я старался уклониться, но тонкий и проворный орган умудрился все-таки скользнуть вниз по моей ноге, залезть под брючину и добраться до латексного покрова под ней. Я отскочил, а Эрни бросил на меня непонимающий взгляд.

Он решил взять инициативу на себя:

— Вы забеспокоились, когда Руперт покинул вашу группу?

— Забеспокоилась из-за того, что он ушел? Нет. Но беспокоилась ли за него? Разумеется. Мы все вольны выбирать, как именно нам жить, мистер Ватсон, но меня огорчило, что динозавр, который ранее твердо решил идти по дороге к осмысленной и полной жизни, свернул с пути истинного.

— Он казался довольно счастливым.

— Вы имеете в виду, пока не покончил с собой?

Один-ноль в пользу Цирцеи.

Я вступил в беседу:

— Нас очень интересует ваша организация. Хотелось бы узнать о ней поподробнее.

— Вы хотите вступить в наши ряды? Это нелегкий путь.

— Мы понимаем, но это... интригует. Хотя у нас есть и некоторые вопросы.

— А у кого их нет? — сказала Цирцея. — Пожалуйста, я с удовольствием помогу вам, чем смогу.

Еще одно поглаживание хвостом.

Тут весьма похожая на хвостик часть моего естества уплотнилась, и для снятия напряжения мне пришлось подумать о монашках, о болезненных прививках и о старых клячах, пасущихся на пастбищах. В этот момент я обрадовался, что все-таки не снял с себя одежду. Мой пах был туго обмотан, и это не давало мне попасть в неловкую ситуацию.

— Ну, джентльмены, — сказала Цирцея. — Мы так и будем торчать здесь весь вечер или займемся делом?

— Д-д-делом? — запинаясь, повторил Эрни, краснея. Ах ты, старый черт! Я был рад, что не только у меня ее слова вызывают эрекцию.

— У вас же были вопросы? — Цирцея села на мягкий пуфик и буквально утонула в нем. — Полагаю, некоторые из них касаются вашего друга.

— Он и ваш друг, если я не ошибаюсь.

Она кивнула и исправилась:

— И моего. Хотя если честно, я не слишком хорошо его знала. У нас в последние годы столько неофитов, что хоть мне и хотелось бы познакомиться с каждым лично, но это невозможно.

— Но разве вашей первой целью не является межличностное общение динозавров? — спросил я.

— Да, если вы имеете в виду свободное общение. Мы полагаем, что наши личины, например, те, что сейчас надеты на вас... Они ведь произведены какой-то безликой корпорацией где-то в Японии...

— Вообще-то на Тайване, — поправил я. — Это «Накитара», но дочернее предприятие.

— Ну, Тайвань так Тайвань. Они служат лишь для того, чтобы отделять нас от самих себя, но что, возможно, еще важнее, они отделяют нас и от сородичей. Вы знаете, что во

времена наших предков мы могли различать друг друга на расстоянии нескольких миль.

— Я не знал. Точнее, я слышал, но ведь это всего лишь бабушкины сказки, да?

— Странно, — задумалась Цирцея, — почему это у нас все дедушки такие мудрые, а бабушки вечно несут какую-то чушь? Неважно. Есть и другие, не только старые, но и молодые, кто утверждает, что мы могли общаться с помощью собственных запахов. Не вербально, вы не думайте, но практически вызывая галлюцинации. Это было общения разумов. Общение душ...

Это она ко мне что ли обращается? Неужели она почувствовала то же, что и я, на той вечеринке? И на похоронах?

— Ну и в чем загвоздка? — спросил Эрни. — Теперь для общения есть телефоны.

— Возможно, проблема и в этом тоже, — сказала Цирцея. — Мы полагаемся на современные механизмы лишь потому, что мы переняли образ жизни людей. А у нас ведь были возможности создать подобные технологии десятки миллионов лет назад, пока эти жалкие приматы еще не слезли с дерева, но разве мы это сделали? Нет и еще раз нет. Поскольку нам это было не нужно. У нас было все, чего мы хотели, и при этом мы не имели ни одной из тех проблем, которые свойственны так называемому современному обществу.

— По мне так это идеализирование, — заметил я.

— В каком смысле?

— В старые добрые времена *все-все* было лучше, — сказал я. — Да спроси любого старичка, он скажет то же самое.

Цирцея не смогла удержаться от смеха. От этого смеха у меня задрожал кончик хвоста.

— Возможно, вы более продвинутые, чем мы думали, — сказала она, и тема была закрыта.

Дальше мы поболтали о системе взглядов прогрессистов, большая часть которых вращалась вокруг идеи о необходимости установления более тесных связей с нашими предками и их образом жизни, чтобы посредством этого стать настоящими динозаврами. Ну, или что-то типа этого, даже после всестороннего обсуждения в течение пятнадцати минут я так и не врубился до конца.

— То есть вы говорите, что сейчас мы — динозавры лишь частично? — спросил Эрни.

Цирцея кивнула.

— Да, я утверждаю, что мы — лишь часть подлинных себя.

От всей этой философии у меня шла кругом голова. Я встал с подушки, чтобы размять ноги.

— Должен сказать, что вы придумали очень интересную систему взглядов.

— О, это не я, — сказала Цирцея. — Как и вся группа не моя, и дом тоже не мой. Это все наше общее, хотя мы многим обязаны нашему основателю.

Должно быть, это тот парень, о котором нам рассказывала Джул во время нашего визита в музей восковых фигур. Ну, продавец пылесосов с гипертрофированным «эго».

— А где он сейчас? — спросил я.

— О, Рааль уже более не приходит в наш дом, — сказала Цирцея. Это имя вызвало отклик в моем сознании. Рааль. — Он уже стал динозавром на сто процентов, и я уверена, вы можете себе представить, насколько нелегко удержать этот невероятно высокий уровень жизни по принципам прогресса, если ты живешь в обществе, где доминируют приматы.

Я решил, что фраза «уже более не приходит в наш дом» — это эвфемизм для обозначения смерти, но, возможно, Цирцея действительно верит, что Рааль не отправился в лучший из миров, а просто перенесся в другой мир.

— Значит, мы не сможем познакомиться с ним, — сказал Эрни.

— О, нет, пока вы не продвинетесь по пути прогресса, — прозвучал ответ Цирцеи. Затем она поднялась и стряхнула пылинки, прилипшие к ее зеленой бархатной накидке. — Боюсь, похороны вот-вот начнутся. Вы хотели бы присоединиться ко мне, мальчики?

Вероятнее всего, после похорон можно будет на халяву покушать, так что мы с Эрни поскакали за Цирцеей, спускавшейся по лестнице. Ее движения были легкими, изящными,

практически Одри Хепберн, и, следуя за ней, я почувствовал себя как самый неловкий ребенок, которому никак не удастся научиться ходить.

Мы пришли в бальный зал, в котором раздавался шепот, как и во время той вечеринки, но в этот раз тише и печальнее, а на заднем фоне слышалось какое-то знакомое потрескивание и пощелкивание, но я пока что не мог идентифицировать этот звук. Нечто среднее между гигантской миской воздушного риса и помехами, которые раздаются из радиоприемника, если его не настроить на существующие радиостанции, почти как... как...

Костер. Яркие языки пламени поднимались из большой дыры, сделанной прямо в полу бального зала, а воздух над ними подрагивал, соединяя в танце двуокись углерода и пепел. Из-за разницы температур я сначала даже выскочил из зала, но потом взял себя в руки и снова прошел в душное помещение, чувствуя себя как дома среди толпы других динозавров. Некоторые были в облачении, другие в своем естественном обличье, и все они ждали, когда же начнется торжественная церемония.

Определенно я ничего такого не заметил, когда был здесь впервые, никакой дыры в полу не было. Но я пригляделся, загородившись рукой от ослепительного огня, и заметил, что пол был снят, возможно, механическим путем, и в миниатюрной версии Аида, около трех метров в ширину, плескалось нечто очень похожее на расплавленную лаву, если я правильно помню из передач канала «Дискавери».

— Отличная печечка, — прошептал мне Эрни.

— Ага, — ответил я. — Ты захватил с собой маршмеллоу, чтобы было, что испечь на костре?

Пять динозавров с разных сторон зашикали на нас. Цепочка ДНК прогрессистов, как правило, лишена важного гена юмора. Хотя если бы мне пришлось все время жрать только сырых тритонов, то я тоже стал бы очень грустным.

Вскоре начались и похороны. Цирцея заняла свое место на приподнятом помосте и начала длинный монолог о покойной, о том, как через прогресс она нашла свой путь в жизни, в заключение Цирцея выдала целый ряд всяких душещипательных фразочек, чтобы разжалобить публику и заставить пустить слезу.

Сэмюель и еще один прогрессист, трицератопс в своем натуральном виде, зато в очках от Армани, выкатили тело старой самки орнитомима. Да, она действительно мертва.

— Во время падения астероидов многие наши предки гибли в огне, и сейчас мы передаем тело сестры нашей в самое сердце огня, унаследованного всеми нами от предков. Как наши предки покинули землю, так и мы уйдем в мир иной.

— Так и мы уйдем в мир иной, — эхом повторили все собравшиеся, кроме нас с Эрни. Нам же не выдали шпаргалки.

Это было сигналом. Сэмюель и трицератопс поместили тело покойной на длинную деревянную доску на четырех колесах и начали подталкивать эту импровизированную тележку прямо к открытой яме с лавой. Одна из лап усопшей свалилась, но казалось, этого никто и не заметил, хотя ее когти царапали по полу, издавая ужасный скрипучий звук, пока тележка подкатывалась к месту кремации.

— Огонь к огню, — произнесла нараспев Цирцея. — Предки к предкам.

— Огонь к огню, — повторила толпа. — Огонь к огню.

Носильщики последний раз подтолкнули тележку, и она вместе с телом соскользнула с края в яму, колеса на мгновение стукнулись о мраморный пол, а потом пламя с удвоенной силой взметнулось в воздух, радуясь новой порции топлива. Паства начала в унисон раскачиваться взад-вперед, казалось, что на поверхности этого живого потока плавало какое-то огромное водное растение, тихое бульканье вырывалось из глоток присутствующих. Над всем этим возвышалась Цирцея, высоко подняв руки, ее хвост тоже был нацелен в потолок. Свет от костра колебался, лаская ее тело.

Я не мог вынести запаха горящей плоти. Рядом со мной плакал ти-рекс, и у него постоянно текли слюни. Словно чья-то рука сжала мой желудок и начала завязывать его во все виды узлов, каким только учат бойскаутов, скручивая мой несчастный живот, словно

мокрое полотенце.

— Надо выбираться отсюда, — буркнул я Эрни.

— Ты себя нормально чувствуешь?

— Давай просто...

Тут меня одолела отрыжка, и я с трудом смог сдержать рвотный позыв, который следовал за ней.

— Давай просто уйдем.

Слава богу, Эрни согласился.

Мы были на полпути к выходу, когда толпа разделилась (ага, непринужденный такой выход!) и появилась Цирцея, загородив нам дорогу. Обычно я был бы более рад ее видеть, но сейчас мне больше всего хотелось очутиться в безопасной комнате отдыха, где никто не жжет трупы, или, если будет такая необходимость, где-нибудь в кустиках.

— Мне стоило предупредить вас, что будет так пахнуть, — сказала она, тут же поняв, в чем моя проблема. — В первый раз бывает неприятно.

И тут, уж не знаю, благодаря ли ее словам, ее отношению или же ее собственному волшебному аромату, но меня перестало тошнить. На самом деле я даже ощутил легкий голод. Я уже готов был поблагодарить Цирцею за вмешательство, но она уже перешла к следующей теме. Внезапно в ее руках появились два маленьких белых конвертика.

— Пока вы не ушли, я хотела бы кое о чем поговорить с вами.

— Мы спешим, — объяснил Эрни.

— Всего минуточку, прошу вас. В эти выходные у нас встреча, — сказала Цирцея. — что-то типа съезда прогрессистов, и я была бы польщена, если бы вы смогли присутствовать на нем в качестве моих гостей. Очень стыдно признаваться, но в таком случае предполагается небольшая плата...

— Это не проблема, — тут же отозвался я. Даже если прогрессисты не вытягивают деньги из своих членов, тем не менее мы же хотим соответствовать образу верхушки среднего класса. Должно казаться, что для нас деньги — это не проблема.

— Отлично, — сказала она. — Если вам срочно понадобится помощь в организации поездки, то здесь вы найдете телефоны наших агентов в Санта Монике.

— Организации поездки?

— Ну да, полета.

— Полета?!

— На Гавайи, — пояснила Цирцея, и я почувствовал, как денежки испаряются из моего кармана. — Можете лететь в Мауи или Кауаи. Без разницы. Оттуда вас заберет катер на подводных крыльях и отвезет днем на наш остров, так что удостоверьтесь, что вы заказали билеты на рейс, прилетающий утром.

Эрни удалось открыть конверт с приглашением, и он уже разинул рот от удивления, глядя на изящный текст на рисовой бумаге: **ДОБЕЙТЕСЬ БОЛЬШЕГО ПРОГРЕССА НА НАШЕЙ ВСТРЕЧЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ НАТУРАЛИЗАЦИИ. СПЕЦИАЛЬНОЕ ВЕСЕННЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. 4000\$, ВКЛЮЧАЯ ЕДУ, НАПИТКИ И ПРОЖИВАНИЕ В РОСКОШНЫХ УСЛОВИЯХ НА ВЫХОДНЫЕ. ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ПРОГРЕССУ!**

Я сделал жадный глоток самоуверенности, затем запил ее стопочкой бравады и плеснул чуток безрассудства. Подождал, пока этот коктейль осядет в моем желудке и заявил:

— Мы приедем.

* * *

— Мы же, черт возьми, уверены, что мы *не* приедем, — говорил мне Эрни, когда мы остановились около офиса. — Я не собираюсь просить у Луизы столько денег...

— Ты хочешь выяснить, кто убил Руперта, или нет?

— Если его вообще убили — а я все еще в этом не уверен — то, разумеется, я хочу найти парня, который приложил к этому руку. Или девчонку.

Я пропустил последнюю фразу мимо ушей. Если мне и хочется во что-то верить, так в то, что Цирцея невиновна. Не знаю происхождения этого импульса, хотя должен заметить, что эта идея окрашена в те же тона, что и фантазии, навеянные ядовитыми фразами, посещавшие меня в последнее время, но по крайней мере восемьдесят три процента моей интуиции подсказывают мне, что это правда, а в моем мозгу действует правило «большинства».

— Если уж даже ты хочешь узнать, кто же убил Руперта, то неужели его родная сестра не захочет раскошелиться на пару лишних баксов?

Эрни ничего не ответил. Я припарковался слишком близко к обочине, поэтому подал назад и попробовал еще раз. Контактные линзы высыхали в ночном засушливом воздухе, и мне приходилось без передышки моргать, как южная красотка, пытающаяся закадрить себе мужика.

— Слушай, — сказал Эрни после того, как я со стуком въехал в бордюр шесть или семь раз. — Я без проблем мог бы раскрутить свою бывшую жену на деньги. Пойти сейчас наверх, позвонить Луизе и сказать, что мы проводим дополнительное расследование по делу о смерти Руперта. И знаешь, что я тебе скажу — она будет рада. Я могу сказать ей, что мы теперь считаем это скорее убийством, чем самоубийством. Она будет заинтригована. Но если я скажу ей, что мы общаемся с прогрессистами, и даже на короткой ноге с их предводительницей, если я скажу ей, что нам нужно почти десять кусков, чтобы отдать их той же секте, которая обчищала ее на протяжении почти двух последних лет, то она... то она... ей просто будет больно. А я не хочу ранить ее чувства. Точка. Конец абзаца. Конец истории, — Эрни дал мне секунду на то, чтобы переварить его монолог.

Мы молча поднялись по лестнице, и я хотел снова вернуться к теме поездки на Гавайи, поскольку мне кажется, что это не только хорошая идея, но и *важная*. Мы же, в конце концов, частные детективы, и ни дождь, ни снег, ни отсутствие необходимых средств не должны остановить нас при выполнении намеченного задания. Тем не менее я молчал из уважения к тому, что Эрни уважает свою бывшую жену. Но моя сдержанность не продлилась бы долго, минут через пять я снова предложил бы эту идею на повторное рассмотрение.

Дверь офиса была открыта.

— Ты ведь не думаешь... — сказал Эрни.

— Думаю.

— Мелкий засранец...

Это снова был Минский. Костюм и галстук измяты, изжеваны, весь вид какой-то неряшливый. В этот раз он мерил кабинет шагами, а не сидел на моем столе как ни в чем не бывало. Но самого присутствия этого мелкого пакостника на нашей личной территории было достаточно, чтобы вызвать у меня приступ бешенства на четыре целых три десятых балла по пятибалльной шкале ярости.

— Сколько раз я тебе должен повторять, что это незаконно? — взревел я, выпуская насколько это возможно свою подлинную сущность. Надеюсь, что одного-двух таких рыков хватит. — Сколько раз я должен тебе повторять, что не хочу больше видеть твою морду?! Давненько я уже никому не проламывал башку, но ты сейчас сам нарываешься, Минский...

Но он даже не слышал меня. Если бы слышал, то отпрянул бы подальше от моих выпускающихся когтей, а не бросился бы ко мне, умоляюще подняв свои коротенькие ручки.

— Вы должны найти ее, — заскулил он, его тоненький голосок прозвучал так, словно прямо у меня над ухом разбился вдребезги бокал для шампанского. — На сей раз эта сучка слишком далеко зашла.

Но Эрни и слушать ничего не хотел. Он схватил Минского за заднюю часть парика, как оказалось, приклеенного к голове какой-то невероятно сильнодействующей эпоксидной смолой, поскольку в два счета хныканье переросло в громкие вопли, и начал таскать гадрозавра-недоростка по полу.

— Погодите-е-е-е-е, — визжал Минский. — На этот раз все совсем по-другому! Все совсем по-другому!

Хотя это и противоречило здравому смыслу, я положил руку на плечо Эрни. Он по-прежнему держал Минского за волосы, но рука напарника соскальзывала из-за геля, который утром наш франтоватый коротышка нанес на свою шевелюру.

— Ну и что же на этот раз? — спросил я. — Ты ведь знаешь, что мы ввели мораторий на любого вида сотрудничество с тобой.

Эрни проиграл битву с волосами Минского, и мелкий гадрозавр шмякнулся на пол. Он поднялся, но даже не стал отряхиваться, а сразу же бросился ко мне, тряся толстым пальчиком перед моим скептическим лицом.

— Я хочу, чтобы вы ее нашли. Я хочу, чтобы... чтобы... вы сделали все, что обычно делаете в таких случаях.

К его морде под маской прилила кровь, отчего и латексная кожа окрасилась в темно-малиновый цвет, я бы не удивился, если бы через пару минут мне пришлось применить на практике знания о непрямом массаже сердца.

— А что мы обычно делаем? — эхом отозвался Эрни. — Вряд ли ты просишь нас о том, о чем я сейчас подумал...

— Ты что, просишь нас избить Стар? — спросил я.

Лицо Минского исказилось от неподдельного отвращения.

— Делайте то, что нужно.

— Мне кажется, ты нас не за тех принимаешь, — начал я, хотя мне было очень интересно, что же так разозлило коротышку, и я уже готов был его выслушать. — Мы такими вещами не занимаемся. Я имею в виду физическое насилие. Конечно, если кто-то напал на нас первым, или есть какая-то действительно стоящая причина. Или если я не в духе. Или если...

— Просто найдите ее. Этим ведь вы занимаетесь, да?

Я кивнул и включил кофеварку.

— Разумеется. Но мне кажется, нас уже как-то раз нанимали, чтобы найти эту девку, но ты и сам отлично с этим справился.

— Почему бы тебе снова не воспользоваться собственным членом? — пошутил Эрни. — В прошлый раз он отлично справился с ролью волшебной палочки.

О, эта шутка задела его за живое. Он снова начал шагать туда-сюда, легко постукивая каблучками и наматывая круги по офису, как скаковая лошадь перед стартом.

— В прошлый раз, в прошлый раз... Да не важно, что было в прошлый раз. Считайте, что вообще ничего не было. Какой же я был дурак, что снова пошел к этой... этой...

Затем полился поток таких ругательств, какие редко доводилось слышать нашим изнеженным ушам, мы с Эрни посмотрели на часы, тирада продолжалась добрых пять минут. Когда Минский прекратил ругаться, то он задыхался, но из его сердца в пространство излилась лишь небольшая часть злобы. По крайней мере, опасность сердечного приступа миновала.

Капли кофе начали с шипением падать в кофеварке.

— Она снова пропала, это я понял.

— Ну да, — согласился Минский.

— И в этот раз прихватила что-то более ценное, чем эфир.

— Откуда вы узнали?

Эрни сразу же ответил:

— В прошлый раз ты не был так расстроен. Думаю, в прошлый раз ты хотел, чтобы мы нашли твою девицу, и ты смог снова ее оттрахать.

Я повернулся к Минскому, скрестив руки на груди.

— Ну, и что она взяла? Деньги? Наркотики? Тут вмешался Эрни:

— Баскетбольную корзинку? Стельки? Стремянку?

Коротышка что-то пробормотал, скорее даже невнятно прошептал, на долю секунды мне показалось, что я слышу, что именно он говорит. Нет, этого не может быть.

— Повтори-ка, — сказал я.

— Она взяла мой... — Минский замолчал, вздохнул и уставился на нас, держа обе руки на толстеньких бедрах. — Хочешь, чтобы я еще раз это сказал, а?

Эрни откашлялся.

— Мне показалось, ты сказал, что она взяла твой... твой член.

Но вопреки моим ожиданиям протестов от дантиста не последовало. Он просто стоял, раздавленный, и смотрел себе под ноги, а щеки его полыхали малиновым цветом.

— Она украла твой пенис? — спросил я, от удивления повысив голос. — Сперла твой член? Присвоила твой...?

В кои-то веки за всю его скользкую жизнь в глазах Минского светился неподдельный стыд. Он, спотыкаясь, помчался к выходу, громко топоча толстенькими ножками по изношенному деревянному полу, и пулей выскочил в коридор с криком:

— Забудьте, вы двое, забудьте...

Но Эрни внезапно сделал выпад, без труда поймал Минского и затащил это ничтожество обратно в комнату.

— Это не то, о чем можно просто взять и забыть, — объяснил он. — Не каждый день к тебе приходит клиент и говорит, что у него стырили его дружка.

Мы с Эрни попрактиковались, придумали еще пару эвфемизмов для полового органа, а потом резко вернулись к делу.

— Мы ведь говорим о человеческом члене, как я понимаю.

— Конечно, — ответил Минский. — Это же был Муссолини.

Эрни под впечатлением присвистнул так, что эхо прокатилось по всему кабинету.

— Должно быть, он обошелся тебе в кругленькую сумму.

— Он мне достался по наследству, — объяснил наш непутевый клиент. — Принадлежал моему отцу, а еще раньше — моему деду.

К сожалению, мне не слишком удавалось поймать нить разговора. Мой стандартный человеческий фаллос всегда верно служил мне, но поскольку большинство романтических свиданий проходили уже в природном виде, то мне не так уж часто приходилось прибегать к его услугам. Где-то в глубинах картотеки моей памяти, где гнили ненужные папки с данными, имелся конверт из оберточной бумаги с надписью «Муссолини», но сегодня секретаря в офисе не было, а самостоятельно отыскать этот конвертик надежды не было.

— Что еще за Муссолини? — спросил я, ожидая, что сейчас на меня обрушатся недоверчивые взгляды.

Так и было.

— Это самый замечательный из всех существующих человеческий фаллос ручной работы, — сказал Эрни, шокированный моей наивностью.

— Во всем мире их всего семнадцать штук, — с гордостью добавил Минский. — А в Америке только три. Сводный брат Бенито Муссолини, Альфредо, изготовил их в течение четырех лет перед самым началом Второй мировой. До сегодняшнего дня это самый замечательный инструмент. Это как колокольная башня, только еще длиннее. Точнейшие шарикоподшипники, часовой механизм, сенсоры движения с двухступенчатой тягой. Здесь речь не просто о каком-то там хрене — это совершенный фаллос.

— Они стоят миллионы, — сообщил мне Эрни. — Но никто ни разу не выставял их на продажу.

— Они бесценны, — уточнил Минский. — Бесценны.

Думаю, до меня дошло.

— И Стар... она его стырила?

— Ну мы спали после... Короче, мы спали, по крайней мере я, и когда я проснулся, ее уже и след простыл. А вместе с ней исчез и мой Муссолини. Я посмотрел на свой наряд и увидел только... — он задохнулся от рыданий, слезы застилали его раскосые глазки. — Я увидел только большую зияющую дыру... на том месте, где он был.

— Думаешь, она собирается заложить его? — спросил Эрни.

— Думаю, она собирается попользоваться им. Она это любит, ей всегда мало. Как-то

раз я попробовал снять его и заниматься сексом... ну, вы понимаете... моим настоящим... Короче, ей не понравилось. Ей нужно было заполучить Муссолини. И теперь... теперь она его заполучила.

Просто супер, мое любимое занятие — искать золотой фаллоимитатор. Когда я начал заниматься частным сыском, то я, конечно, ожидал, что придется работать до седьмого пота, кучу времени торчать в машинах и в паршивых многоэтажных домах, жрать еду на вынос и щелкать дешевые фотки, но очень даже вероятно, что занявшись делом Минского, я как детектив паду еще ниже.

— И ты хочешь, чтобы мы нашли эту штуку? — спросил я.

— Вы должны. Найдите Стар, схватите эту дрянь, мерзкую... — и снова на поверхность вылезло второе «я» Минского, водитель-дальнобойщик, и из его рта посыпался поток ругательств, казавшийся фонтаном пенящегося дерьма.

Когда он закончил эту тираду, то кофе был уже готов. Я выдал чашки, и все мы выпили по глоточку кофе, чтобы снова укрепить нервы.

— Партнер, можно тебя на секунду, переговорить с глазу на глаз? — спросил я.

— Конечно, малыш, — ответил Эрни.

Раньше я просил его не называть меня «малыш» в присутствии клиентов, но поскольку это обращение предполагалось как ласковое, то я перестал обращать на него внимание. Ну, конечно, оно несколько подрывает мой авторитет, но иногда надо чем-то жертвовать во имя дружбы.

Мы вышли из офиса в коридор, удостоверившись, что находимся там, где нет эха. У меня появилась одна идея с того момента, как я включил кофеварку, и мне кажется, сейчас самое время преподнести ее.

— Думаешь, он пойдет на это? — спросил Эрни, как только я вкратце изложил ему суть идеи.

— Думаю, ему так хочется вернуть этот фальшивый член, что он свой настоящий продаст, лишь бы найти девчонку.

— Предполагаешь, дойдет до этого?

— Надеюсь, нет, — сказал я. — Но давай не будем сбрасывать такой вариант со счетов.

Мы прошли обратно в офис, наклеив на лица фальшивые улыбки.

— У нас для тебя хорошие новости, — объявил Эрни, лицо Минского озарилось улыбкой, наполовину радостной, наполовину безумной. — Нам тут подсказали, где она может быть, и мы думаем, что сможем ее найти, не говоря уж о твоём петушке.

— Сколько бы это ни стоило, сделайте это.

— Да, весь вопрос в цене. Скорее всего у нас будет довольно много расходов, как минимум десять тысяч, возможно, даже больше.

— Сколько угодно, — сказал Минский. — Найдите ее, привезите ее, бросьте ее в кутузку, но верните мой Муссолини. Вот все, что меня заботит.

— Возможно, на это уйдет какое-то время, — заметил я. — Ну, около недели. Может, больше.

— Вы слышали, что я говорил, ребята? — сказал Минский. — Сколько бы времени это ни заняло. Я хочу, чтобы вы нашли ее и всыпали ей по первое число.

— Ты уверен? — переспросил Эрни, перепроверя решимость нашего клиента в третий раз.

— Уверен, мать твою за ногу, — ответил Минский, и хотя я не знал точно, что это значит, но тем не менее был на все сто уверен, что Минский тоже уверен на все сто. А раз дело дошло до той суммы, о которой мы говорили, то меня это вполне устраивает.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы Минский подписал все документы, включая и соглашение о бюджете, по которому мы могли тратить его на что хотим и где хотим, чтобы только работа была сделана.

Потом два часа я провел у себя дома, роясь в шкафах и комодах, пытаюсь выбрать и упаковать подходящую одежду для предстоящего приключения. Впервые за долгое время я

стоял на перепутье в вопросе моды и понятия не имел, что надеть.

Алло, девушки с Гавайев! К вам едет один велосираптор, который жаждет, чтобы ему на шею надели гирлянду цветов.

12

Надо уметь расставлять приоритеты. Делу время, потехе — час. Это чертовски неприятная жизненная установка, но надсмотрщик, заведующий моими мозгами, не отложит в сторону плетъ, пока я не сложу для него вещи и не упакую их аккуратненько. В оставшиеся несколько часов до нашего вылета на Гавайи, страну сахарного тростника и кокосов (почему-то это самые действенные афродизиаки для самок диплодоков), мне предстояло сделать еще одну остановку поближе к дому. Перед тем как отправиться на юг Тихого океана, я поехал в Западный Голливуд.

Джул и раньше оказывала мне услуги подобного рода, пересказывая всякого рода грязные детали, к которым у динотрансвестита, особенно занятого в области пластической хирургии, было больше доступа, чем у простого динозавра, как я, и мне нужно было еще раз потормозить ее, чтобы она оказала мне небольшое содействие и в этом деле. Но Джул не снимала трубку, даже после того как я прождал около трех минут. Не сняла она трубку и когда я позвонил на домашний. Это значило только одно — Джул сейчас проводит время со своими друзьями.

«Шангри-Ла» — небольшой ночной клуб в самой западной части Западного Голливуда практически на границе между довольно однообразным Лос-Анджелесом и Беверли Хиллз, где различия между жителями особенно чувствуются. Его владелец, игуанодон по имени Патрик, хотя сам и не был ни геем, ни трансвеститом, но всем сердцем сочувствовал тем, чей образ жизни не принимали и не понимали ни друзья, ни родные. Поговаривали, что он намного больше дает еды, выпивки и денег, чем получает. Должно быть, это правда, поскольку, когда я подъехал к входу в клуб, над дверьми висел огромный плакат, расписанный с помощью баллончика: **«Сегодня вечером состоится ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАКРЫТИЕ КЛУБА «ШАНГРИ-ЛА»! Все должны прийти!»**

Но несмотря на кончину единственного клуба для динозавров-трансвеститов в Большом Лос-Анджелесе, вечеринка внутри бурлила, как и обычно. Музыка вырывалась из колонок, утопленных в стенах, дождь из зеленых конфетти непрерывным потоком падал прямо с потолка, а компании красивых динозавров неопределенного пола колбасились на сцене, на танцплощадке, у барных стоек и даже в туалетах. Да, вот уж подлинное жизнелюбие в своем лучшем проявлении.

— А Джул тут? — спросил я у барменши, слегка похожей на Одри Хепберн. Раньше я ее тут не видел.

— А кто ее спрашивает? — проорала она, пытаясь перекрыть шум. У нее был низкий голос, если серьезно, то такой вопль скорее можно услышать от рабочего на стройке. Ей стоит потренироваться, если она хочет изобразить из себя Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани».

— Рубио, — сказал я. — Я ее друг.

Одри бросила на меня оценивающий взгляд, и после того как пришла к выводу, что я не должен представлять серьезной угрозы, кивнула на заднюю дверь:

— Знаешь, как стучаться?

— Это моя любимая мелодия, — медленно протянул я, но эта девица не поняла сарказма.

Я быстро выстукал костяшками пальцев мелодию из фильма «Энтл», и вскоре мне было разрешено пройти в тесную гримерку, спрятанную прямо за сценой. Джул была там, разодетая по такому случаю в пух и прах. На ней была короткая черная юбочка, демонстрирующая пару идеальных ножек, которые, насколько я знаю, своей идеальной формой обязаны скальпелю хирурга. На самом деле я присутствовал при том, как Джул

бритвой снимала с них последний слой эпоксидки, но это знание лишь увеличило мое восхищение ее талантами. Топик на узеньких бретельках практически не скрывал роскошную грудь, прикрепленную к ее латексному костюму. И когда она наклонилась, чтобы поднять упавшую заколку, то я чуть было не провалился в ложбинку между ее грудями, скорее похожую на Большой каньон.

— Должен сказать, — сообщил я, проходя в гримерку, — что из-за тебя у кучи человеческих баб развивается комплекс неполноценности.

— Я здесь не для того, чтобы потешить свое самолюбие, дорогуша, — ответила она, специально сменив улыбку на изящно надутые губки. — Я здесь, чтобы сиять.

После того как мы обнялись, обменялись поцелуями в щечку и потерлись друг о друга чуть ли не всем телом, на меня напала толпа ее друзей, которые тоже хотели отхватить свою долю Рубио. Друзья у Джул всегда были очень забавные, и все очень милые. Я часто выполнял для них различные поручения, при этом плату брал по минимуму, иногда пару снимков даже делал бесплатно, так сказать для ровного счета. Думаю, они тащились от того, что я настоящий детектив, создан практически из ребра настоящего копа, несмотря на наличие хвоста.

— Дорогой! — воскликнул один из таких друзей, как две капли воды похожий на знаменитую черноволосую дочь Джуди Гарленд. В те моменты, когда он не торчит в Западном Голливуде и не одевается, как Лайза Минелли, это всего лишь Гектор Рамирес, целюфизис и рабочий на заводе по переработке токсичных отходов из Карсона. Своей лучшей походкой, прямо как в фильме «Кабаре», Лайза бочком подошла ко мне и, закинув изящную ногу мне на талию, плотно прижала ее. — Пришел поразвлечься?

Вокруг меня все динозавры мужского пола заворачивали свои весьма внушительные половые органы (по понятным причинам используя самодельные стяжки) и натягивали на себя личины человеческих самок, все это во имя веселья и отчасти в поисках собственного «я». Я знаю, что большинство динозавров это шокирует, но, по мне, так маска — это маска, хоть маской назови ее, хоть нет. Хм, прямо Шекспир!

— Я пришел за помощью, — объяснил я. — Мне нужно, чтобы Джул кое в чем помогла мне в моем деле.

— Джул сейчас занята, — проворковала Лайза, на которую моя подруга — пластический хирург — кивнула, стоя с иглой, зажатой в губах, пытаясь справиться с хвостом одной из девочек. — Кроме того, если ты хочешь подложить кому-то свинью, то кого попросить о помощи, как не меня?

— Уверен, ты смогла бы развалить и наше министерство обороны, куколка, — этим «девочкам» нравится, когда я говорю с ними таким тоном, это дает им ощущение, что они — героини какого-то фильма, и они изо всех сил стараются подыграть мне, — но в этом деле мне нужна Джул.

Джул взглянула на меня, отвлекшись от своего занятия — она пыталась наложить стежки на ягодицы Риты Хейуорт, но прелестный хвостик красотки извивался во всех направлениях и не давал мастеру закончить свое дело.

— Что бы ты ни попросил, все для тебя сделаю, — пробормотала она, зажав иглку между своими пухлыми алыми губками. — Сегодня у меня еще две подтяжки лица, и вот еще имплантанты в ягодицы, но, как только Риточка прекратит волноваться, я в твоём распоряжении.

— Возможно, информацию будет чертовски трудно раздобыть, — предупредил я.

— Это даже лучше.

— И может быть, тебе пару раз придется перейти дорожку прогрессистам.

— Просто замечательно.

Наконец Джул закончила работу и отправила рыжеволосую чувственную красотку обратно на танцпол.

— Ладно, — сказала Джул, втыкая иглки обратно в подушечку в виде яблока, — расскажи-ка мне о своих прогрессистах.

— Они не мои...

Но Джул было неинтересно, она уже была на коне:

— А у меня три девочки пострадали от этих засранцев, ты это знаешь? Уитни сегодня не придет, потому что лечит фингал под глазом, и, хотя я предложила пришить ей новую щеку, она слишком испугана, чтобы выходить на сцену.

— А что... что случилось? — спросил я.

— А случился у нас прогресс, — медленно протянула Джул. — Я работала в музее восковых фигур над костюмами моих девочек, а когда они ушли, то побрели по направлению к Голливуду. Следующее, что помнят, — они на какой-то аллее, на них напала толпа каких-то типов в голубых рубашках. Эти мерзавцы накинулись на девочек и орал, что они гомики, ненатуральные и усложняют жизнь остальным динозаврам...

— М-м-мне очень жаль, — заикаясь, произнес я, неуверенный, должен ли я извиняться за сектантов, которых я и сам не люблю, но в чьей компании мне предстоит провести следующие три дня.

— Проехали. Мне девочек на сцену выводить через пять минут. Но для тебя я всегда рядом. Так чем я могу помочь тебе, чтобы насолить этим кускам доисторического дерьма?

Я вкратце изложил, что нам удалось накопать на прогрессистов, опустив некоторые детали, касающиеся лично меня, например периодические галлюцинации и более чем благосклонное отношение ко мне Цирцеи. В последнее время я старался не признаваться в этом даже себе самому.

— Ты думаешь, это хорошая идея поехать на этот съезд? — спросила меня Джул, когда я закончил. — Мне кажется, в этом месте трудно будет контролировать себя, чтобы крышу не снесло.

— Я попытаюсь, — пообещал я. — Но мне нужна твоя помощь. Ты же сама занимаешься фотографией? И у тебя есть сканеры и другое оборудование?

— Не просто есть, а навалом, дорогуша.

— Отлично. У меня тут фотографии, — я вытащил несколько снимков, которые мне удалось раздобыть за последние несколько дней: Джей со своим папашей — любителем вафель, Кристал, та девчонка, которая пала жертвой неумелых воров, промышляющих на складах, и еще нескольких бывших прогрессистов, которые отправились в лучший из миров, не завершив путешествия в прекрасное далеко. На каждой фотографии их верные специалисты по выходу из сект — те, кто помогал восстановиться после промывки мозгов.

— Вот хороший снимок, — пробормотала Джул. — Очень хорошо поставлен свет.

— Мне нужно, чтобы ты постаралась выяснить личности всех, кто здесь заснят. Загляни под их маски и выскажи идею, кто это может быть.

— А что ты ищешь?

— Без понятия, — честно признался я. — Просто я надеялся, что ты мне дашь какую-то зацепку.

Джул сгребла фотографии в стопочку, свернула их в трубочку и сунула в декольте, совсем как с деньгами, которые Эрни дал ей несколько недель назад. Интересно, у нее что там — сейф, что ли?

— Я могу за тебя пошпионить за кем-нибудь, — предложила она.

— Спасибо, Джул, но с этим я и сам справлюсь.

— Уверен? Мне просто не терпится взять этих сукиных детей за мягкое место, а мои подруги всегда готовы мне помочь. Ведь Джина у нас служит в полиции Ривердэйла.

— Она что — коп?

— Тсс, никому не говори. Копы не слишком-то нас жалуют, поэтому Джина держит это в секрете. Она у нас лейтенант, дважды представлялась к награде. Я ей сделала специальные сиськи, полые внутри, чтобы она могла прятать наручники. Это просто потрясающая штука. Она действительно могла бы помочь...

— Спасибо, но...

— Никто не может так сновать туда-сюда и оставаться незамеченным, как трансвестит.

— Да, Лайза уже предложила свою помощь, — объяснил я. — Но у меня и так все будет тип-топ. Посмотрим, что ты сможешь для меня сделать. Я тебе позвоню, когда мы доберемся до острова.

На прощание мы обнялись и пообещали друг другу быть осторожными. Я дал ей телефон Дэна в лос-анджелесском полицейском управлении на случай, если она вляпается в какие-то неприятности, затем прошел обратно к выходу из ночного клуба, протискиваясь через поредевшую толпу. Они танцевали, пели, баловались наркотиками и любили друг друга. Все грехи имели место сегодня вечером, но когда я уходил, то мне показалось, что это скорее поминки по случаю смерти клуба, а не настоящая вечеринка. Все это маска поверх другой маски, и за этим смехом и улыбками скрывалось понимание, что через каких-то шесть часов во всей Южной Калифорнии не останется места, где эта публика могла бы потусоваться.

* * *

Несмотря на многочисленные статьи на эту тему, написанные за все годы величайшими учеными мира, я могу со всей уверенностью заявить, что именно здесь и сейчас естественная среда обитания велосирапторов: деревья с пышной густой листвой, температура где-то около двадцати градусов, вода плещется под ногами, вокруг носятся всякие твари, готовые тебе постоянно угождать (хотя они и не совсем у тебя в подчинении), а травы столько, что хватит на всю жизнь. И настоящий дайкири,¹² посыпанный дополнительно кокосовой стружкой и украшенный огромным разноцветным зонтиком, которому позавидовала бы и Мэри Поппинс.

Парк Юрского периода, блин. И все это в отеле «Вестин Мауи».

Мы прилетели на Гавайи на день раньше (это была моя идея), якобы чтобы подготовиться к тому, что несомненно будет испытанием огнем, но на самом деле просто, чтобы убраться из Лос-Анджелеса, пока Минский не врубился, что мы развели его на финансирование по делу совсем другого клиента. Разумеется, нельзя сказать, что это уж совсем невероятно, что Стар Джозефсон упорхнула на эти волшебные острова, но весьма маловероятно. Скорее ее можно найти в каком-нибудь дешевом отеле в Северном Голливуде, но ведь нужно же откуда-то начать расследование, а Мауи ничуть не хуже других мест.

Я сидел в гордом одиночестве, впитывая солнечные лучи и потягивая коктейль, прочищая мозги от миазмов, связанных с работой детектива. К сожалению, эти вредные отложения имеют обыкновение накапливаться, всякий мусор засоряет нейроны головного мозга, и мне действительно стоило бы нанять уборщицу, пока лестничная площадка не захламилась горой неправильных догадок и отвлекающих маневров. Эрни какое-то время жарился на солнышке у бассейна, но недавно поднялся и поковылял прочь, жалуясь, что ему жарко в личине. Я уже давно предлагал ему заменить старое облачение американского производства на более новую японскую модель, у которой поверхность «дышит», но этот старый перец не любит перемен.

Местный бассейн был просто чудом инженерной мысли, он включал в себя серию водопадов и пластиковых горок, переплетающихся в единый гигантский гордиев узел водных аттракционов. Уверен, он понравился бы мне еще больше, если бы не привлекал настолько молодых клиентов. Множество маленьких проказников мчалось друг за дружкой к водным горкам, загораживая солнечный свет всем лежащим у бассейна, при этом они пронзительно визжали. Если бы не дети, то здесь царил бы полная безмятежность. Когда один из малышей протопал мимо, мои ноздри сообщили, что карапуз уже успел надеть на подгузник, надетый под плавочки, и когда он вверх тормашками прыгнул в бассейн, я решил, что лучше похожу сухим до конца дня или, по крайней мере, пока хлорка не сможет

¹² Коктейль из рома с лимонным или лаймовым соком, сахаром и льдом.

проявить своих волшебных дезинфицирующих свойств.

Я захватил с собой книгу, замечательный толстый томик какого-то автора с непроизносимым вторым именем и поразительными лингвистическими способностями, но едва я добрался до второй страницы, как учуял запах сосны. Инстинктивно я поднял глаза, загорюндившись вытянутой рукой от солнца. Я даже толком понять ничего не успел, как мою руку кто-то схватил, потряс, отпустил и снова схватил. Перед следующим рукопожатием я как раз успел принять положение сидя.

— Рад встрече, — сказал один из силуэтов передо мной. — Меня зовут Базз.

— А я Винсент, — побормотал я.

— Уэндл, — сказал второй парень, чей голос был чрезвычайно похож на голос первого.

Мои глаза очень медленно привыкали к яркому свету. Когда я был маленьким, то они перестраивались с темноты на кричаще яркий свет за доли секунды, но с каждым прожитым годом стареющие глаза теряют долю остроты. Наконец я смог разглядеть высокого гибкого парня с вытянутым лицом и выступающим вперед подбородком. На нем была кричащая гавайская рубашка и мешковатые шорты...

Рядом с ним стоял второй высокий гибкий парень с вытянутым лицом и выступающим вперед подбородком. На нем тоже была кричащая гавайская рубашка и мешковатые шорты. Такие же волосы. И глаза. И нос. И голос.

— Мы близнецы, — пропели они в унисон, их голоса легли друг на друга идеально, эффект был просто потрясающим.

— Я вижу.

— Я учуял твой запах вон оттуда, — сказал Базз.

— Примерно тогда же, когда тебя учуял я, — встрял Уэндл. — Мы такие, все делаем одновременно.

— Ага.

Их запах тоже был практически одинаковым — немного ацетона, капелька горящего сахарного тростника, — а движения синхронны. Когда Базз подтянул шезлонг слева от меня, то Уэндл подтащил себе шезлонг и поставил его справа. Они сели по обе стороны, и вытянутые лица озарились широкими глуповатыми улыбками.

В том, что иногда у динозавров бывают многоплодные роды и рождаются близняшки, нет ничего странного. Я знал тройняшек — трицератопсов, которые втроем чуть не зачекотали меня в доме своей тетушки в Вентуре. Но обычно динозавры-близнецы стремятся создавать на масках какие-то искусственные отличия, как только они переходят границы переходного возраста и уже устают от многочисленных шуток, какие только можно сыграть с окружающими, если у тебя есть брат или сестра-близнец. Но, кажется, мои новые знакомые, Базз и Уэндл, еще не миновали эту стадию в своих взаимоотношениях. Чем пристальнее я всматривался, тем больше убеждался, что они никогда даже не утруждали себя заказом двух разных масок. Наиболее вероятно, использовали идентификационный номер кого-то из них и просто-напросто просили изготовить две одинаковых всякий раз, когда приходило время менять старые.

— Ты в первый раз в этом отеле? — спросил Базз, пододвигаясь ближе. — С... нами? Ну, с динозаврами?

— Да, — сказал я в надежде, что на этом они от меня и отстанут. — Это мой первый раз.

Я многозначительно поднес книгу к глазам и попытался прочесть несколько предложений. Все это представление было затеяно в надежде, что они поймут намек, извинятся и отчалият, хотя я не слишком-то верил в эффективность.

— А мы тут уже три раза были, — прошептал мне Уэндл, словно произносил какое-то запретное слово. — Нам тут нравится.

Базз улыбнулся тошнотворной улыбочкой от уха до уха.

— Очень-преочень нравится.

— Три раза... ничего себе... — я постарался изобразить живой интерес, но ничего не

вышло. — Что вы говорите!

— А знаешь, как мы заплатили за билеты на самолет? — спросил меня Уэндл. Из-за ребяческого восторга слова превратились скорее в хрюканье от удовольствия.

— Никак нет.

— Скопили, — сказал Базз.

— ...мелочь...

— ...в копилке...

— ...в виде снеговика...

— ...откладывали по одному центу и по десять...

— ...а еще четвертаки и монетки в пять центов. И три серебряных монеты по пятьдесят центов, которые нам подарил дядя Джо.

Это был словесный эквивалент теннисного матча. Пока я пытался слушать обоих парней, мне приходилось крутить шеей туда-сюда, чтобы не упустить, кто сейчас взял слово. Потом я решил сидеть и смотреть прямо перед собой, чтобы всю работу за меня делали уши.

— Много мелочи пришлось отложить, — сказал я.

— Мы начали копить сразу же, как вернулись из прошлой поездки.

— Мы всегда здесь останавливаемся перед путешествием, — добавил Базз.

— Путешествием?

Уэндл покачал головой.

— Мне больше нравится называть это «приключением». Базз говорит «путешествие», а я — «приключение», здесь мы с ним не сходимся.

— Конечно, — я приклеил на лицо самую лучшую свою улыбку, одарив ею близнецов, и снова принялся за книгу. Но было сложновато сфокусироваться, пока братцы сидели по бокам от меня и тихонько ржали над какой-то шуткой, понятной только им двоим, одними губами перешептываясь друг с другом. Мне уже поднадоели эти туповатые Труляля и Траляля, но мне противна была сама мысль о том, чтобы открыто проявлять враждебность, находясь в таком спокойном месте.

Я отложил книгу.

— И что же это будет за путешествие?

Близнецы быстро переглянулись, их слегка выступающие брови вопросительно поднялись.

— Замечательное путешествие, — сказал Базз.

— Мистическое приключение, — откликнулся Уэндл.

— Путь к просветлению.

— Дорога к спасению.

Ага, отличненько. А я-то беспокоился, что сегодня количество встреченных психов будет меньше дневной нормы.

— Вы что, ребята, здесь, чтобы проповедь мне прочесть? — спросил я.

— Проповедь? — явно обиженно воскликнул Базз. — Нет! Нет-нет-нет...

И почти тут же Уэндл подскочил, осмотрелся и снова приземлился на шезлонг, а затем спросил меня:

— Ты уже знаешь, что такое прогресс, брат?

Я вздохнул и швырнул книжку в бассейн. Пока что были не каникулы, а сказка, но вот лавочка снова открыта и готова к приему покупателей.

* * *

— Они летят завтра тем же рейсом, — сообщил я Эрни, пока мы шли по коридору отеля, то и дело кивая другим постояльцам. На этих островах витает какой-то вирус, все время хочется улыбаться совершенно незнакомым людям и приветливо кивать друг другу. Боюсь, у меня болезнь протекает в тяжелой форме, так что, возможно, даже придется поехать в Нью-Йорк подлечиться. — Сели мне на ухо на целый час.

— Они едут в первый раз?
— Да нет, в четвертый. Насколько я понял, они уже потратили на эти поездки около шестидесяти кусков.

— Шестидесят кусков на каждого?

— Когда речь идет об этих ребятах, то понятие «на каждого» неуместно.

— До фи́га.

— Да ты даже и половины не знаешь, — сказал я, и на этом тема денежных вливаний близняшек была закрыта. — Короче, думаю, я уже закорешился с ними, и как только мы приедем на остров, то я попробую познакомиться поближе, посмотрим, может, они смогут предоставить нам какую-то полезную информацию. Возможно, они знали Руперта.

— Хорошая идея, — сказал Эрни. Мы подошли к лифтам и стали ждать следующий. Ужин уже начался, и я боялся, что все хорошие места будут заняты. Шведский стол мне не годится, если до него надо идти больше десяти метров. Если расстояние до жратвы превышает эту величину, то я обычно рассчитываю, что всю тяжелую работу за меня сделает официант.

— Между тем, — продолжил Эрни, — пока ты грел свои кости на солнышке в компании близнецов, я поговорил с ребятами за стойкой регистрации. Показал им снимок Руперта...

— И?

— И ничего. Но разговор подслушал один из носильщиков и потом догнал меня в холле. Он знает нашего мальчика, ну, не слишком хорошо, пару раз нес его чемоданы. Так вот этот парень сообщил, что когда Руперт приезжал сюда в последний раз, то въехал в номер с подружкой.

Это что-то новенькое. Насколько нам известно, Руперт довольно давно ни с кем не встречался. Большинство старых связей прервалось, как только он присоединился к прогрессистам, но очень даже вероятно, что в это время он сошелся с какой-нибудь девочкой тоже из числа искателей правды. Ничто так не поддерживает духовный огонь, как тепло другого тела.

— Тут есть над чем поработать, — сказал я, и Эрни согласился. — Описание есть?

— Навалом. Азиатка. Хорошенькая. Длинноногая.

— Добро пожаловать на Гавайи! А запах?

— Без понятия, — сказал Эрни. — Носильщик — человек.

Пока мы ехали в лифте, пришлось прервать беседу, поскольку он был набит людьми с их собственными... *особыми* запахами.

Двери почему-то долго не открывались, мы вышли в фойе, но только для того, чтобы через секунду нас запихнули обратно давлением массы сильно пахнущих тел. Все вошедшие были динозаврами, причем один другого грубее, они толкались и пихались, прокладывая локтями дорогу к лифту и не давая нам выйти. Мы с Эрни извивались, как ужи, пытаясь все-таки пробраться к выходу в фойе.

— Сколько народу, — пробормотал я, когда мы оказались по другую сторону.

— Прогрессисты? — предположил Эрни.

— Я так не думаю, — раздался сзади нас знакомый голос. Я повернулся и увидел Базза и Уэндла в самых лучших гавайских рубашках. Кроме того они с ног до головы были увешены цветами и выглядели как живая платформа на ежегодном Параде Роз в Пасадене. Мне пришлось глубоко вдохнуть, чтобы удержаться от смеха. Без сомнения, вскоре у меня начнется отрыжка, но это того стоит.

Я всех их перезнакомил, и вскоре Эрни пригласил Базза и Уэндла присоединиться к нам во время луау¹³ на берегу моря, устраиваемого руководством отеля для постояльцев. Первым моим инстинктивным желанием было стукнуть Эрни хорошенько по затылку. Он

¹³ Традиционный гавайский пир, обычно сопровождаемый музыкой, танцами и пением.

еще не знает, каково это общаться с этой парочкой. Но потом я поразмыслил и понял, что мой напарник выдал правильную идею. Если мы сейчас наладим контакт с близнецами, то как только попадем на остров все вместе, подкатить к ним будет намного проще.

— В городе проходит какой-то съезд, — сообщил Базз, когда мы вышли из отеля и отправились на пляж. — По большей части производители аксессуаров. Ну и человеческих личин. Большие ребятки.

Что он имеет в виду — крупных производителей или просто тех, кто создает личины больших размеров? У моей бабули Жозефины были какие-то неполадки с железами, из-за чего, насколько я понимаю, она и метала в рот все подряд, что попадалось ей на глаза. Так вот, она была постоянной клиенткой каталога «Большие Дино». Сколько вечеров я провел, слушая ее жалобы на то, как сложно найти костюм подходящего размера, да еще такой, чтобы он соответствовал ее утонченному вкусу.

За сотни метров от пляжа запахи ужина начали свой путь по воздуху Гавайев к моим ноздрям, и на долю секунды я уловил какой-то аромат, определенно не еды и не напитка. Это была трава, свежая и приятная. Достаточно для того, чтобы снова подумать о Цирцее, о ее опьяняющем запахе, о наших недолгих нереальных играх в невероятных джунглях. Но соблазнительниц рядом не наблюдалось, как и ничего похожего на упругую кожу и податливый хвост. Вокруг только закуски, кокосовый ром и растительность, которая на меня не особенно действует.

Думаю, мне стоит пойти и нажраться.

* * *

А поросят тут жарили под землей. Совсем не похоже на маленькие грили, которые показывают по телеку, или костры на заднем дворе. Мы говорим о яме около двух метров в глубину, где свиные отбивные, завернутые в листья наподобие египетских мумий и засыпанные песком, медленно томились на куче тлеющих углей, а умопомрачительные запахи вызвали просто бурю восторга в моих вкусовых сосочках. Аромат взрывался как небольшая бомбочка, умудрялся быстро просочиться в рот и нос, отчего перед моими очумелыми глазами начинали летать мушки. Хотя, возможно, это всего лишь действие листьев банана.

— Неплохое угощение, — пробормотал я, обращаясь к Эрни. На мою речь банановые листья пока что не подействовали. О том, что это такой мощный наркотик, я узнал только двадцать минут назад. Зато они очень сильно подействовали на мое зрение, которое по-прежнему продолжало выдавать странные галлюцинации, в основном абстрактного характера.

— Хорошее угощение, — эхом повторил Эрни. Он мрачно цедил свой фруктовый коктейль и тосковал. Вероятно, по Луизе. Мы сидели за маленьким столиком прямо на пляже, пластиковые ножки моего стула утопали в песке, вода плескалась всего в каких-то десяти метрах. А над нами множество звезд складывалось в предсказуемые созвездия: например, по человеческим представлениям — в Большую Медведицу и Орион. А мы называем их Баобаб и Ящерица.

Базз и Уэндл уже тоже набрались. Они цокали языками, словно фермеры, осматривающие свои владения, при этом не выпускали изо рта длинные веточки розмарина.

— В чем дело, Эрни? — спросил Базз.

— Не хочешь травки? — предложил Уэндл, выхватив розмарин изо рта.

Но Эрни просто оттолкнул его руку, покачал головой и вернулся к своему коктейлю. Глоток. Недовольная гримаса. Еще один глоток.

— Тебе надо взбодриться, — вдруг услышал я собственный голос. — Найди себе бабу. Займись с ней сексом.

Напарник пристально, почти зло посмотрел на меня, но не смог продлить испепеляющий взгляд настолько, чтобы добиться хоть какого-то воспитательного эффекта. Я

же растянул губы в улыбке.

— Пожуй еще банановых листиков, малыш, — проворчал Эрни.

— Я серьезно, — не унимался я. — Сколько у тебя уже никого не было?

Вот теперь он посмотрел на меня действительно зло. И очень выразительно.

— В наше время мы не спрашивали друг у друга, как самочувствие и давно ли ты был с дамой...

— Настала новая эпоха, Эрн, — сказал я. — Не обязательно нужно честно сознаваться, но обсуждать придется.

Я пытался заставить Эрни открыть этот ящик Пандоры в своем сердце, но внезапно почти все мое внимание оказалось приковано к лужайке позади отеля. Там, за волейбольной сеткой, пунктом проката снаряжения для подводного плавания, бассейном, водными горками и баром, как раз на террасе отеля...

Это был велосираптор. Самка. Как сказал бы Эрни, «дама».

И еще какая дама! Ее хвост, соблазнительный и прелестный, словно широкая река плоти. Морда сильная и мощная, а зубы сверкали, словно ряд бриллиантов. Глаза переливались как два изумруда и намекали, что впереди нас ждет нечто большее. Тело сложено безупречно. И рост тоже идеальный.

Она была обнажена. И шла по направлению к нам.

— Эр-р-рни, — заикаясь, произнес я. — Т-т-там...

— Отвали, малыш.

Красавица пробиралась через толпу людей, которые не обращали на нее ни малейшего внимания. Ее хвост слегка шлепал их по ногам и спинам, оставляя на их телах красные рубцы. Взгляд ее был прикован к площадке для луау, и если я не ошибаюсь, к нашему столику. Еще шестьдесят метров и мы натолкнемся на рифы, капитан.

— Ребята... ой... Эрни...

— Отвали, малыш.

— Нет, Эрни, послушай...

— Два года, доволен? — рявкнул мой напарник. — У меня никого не было уже два года. Ты рад?

Два года? Господи, думаю, я бы взорвался после двух месяцев без разрядки. Но даже его признание в длительном сексуальном воздержании не смогло пересилить шока, который я испытал при виде рапторши в обнаженном виде, вальяжно вышагивающей прямо по территории отеля среди толпы собравшихся на луау. Она шла по длинной извивающейся дорожке между столиками, расставленными на пляже, но, глядя в ее сияющие изумрудные глаза, прикованные к моим, я понял, что на самом деле пунктом назначения являлся именно наш столик.

— Да я не об этом, Эрн. Ты только глянь.

Я кивнул в сторону приближающейся красавицы. Теперь она выглядела как-то странно. Это что, некий намек на одежду? И где собственно ее хвост? Эрни взглянул на нее.

— Ну что... Неплохо выглядит, как мне кажется — сказал он и снова принялся за свой коктейль.

К тому времени, как рапторша приблизилась к нашему столику, галлюцинация рассеялась. Поразительно красивая обнаженная самка велосираптора теперь превратилась в полностью экипированную самку динозавра непонятно какой породы. С точки зрения людей, ее маска производила весьма сильное впечатление. Уроженка Гавайев с шоколадной кожей, полными губами, удлинненными руками и ногами и прямыми черными волосами, достигающими прямо до тонкой талии. Я был расстроен, что мой мозг избрал для своего пробуждения от чудесного видения именно этот момент.

— Мистер Рубио? — спросила она, легонько стукнув меня по плечу. Мне потребовалось некоторое время, чтобы снова обрести контроль над своим телом (тпру, мой боевой конь, тпру!) и я смог, как положено, вежливо кивнуть.

— Вам звонят, — сказала красавица. — Уже полчаса вас ищем.

Я моргнул в надежде, что сейчас предо мной снова появится обнаженная самка, но подобие человеческой женщины никуда не делось.

— По пути обратно, — пробормотал Эрни, — захвати мне еще один такой коктейльчик. И он снова воссоединился со своим напитком, отгородившись им от реальности.

Мы прошли по мягкому песку. Рука об руку. Меня слегка пошатывало, то ли от пережитого шока, то ли, что более вероятно, от продолжающегося воздействия банановых листьев.

— Вы знали, кто я?

— С чего вы взяли? — спросила она. Голос у нее был приятный, звонкий, с легким гавайским акцентом. Очень мелодичный.

— Я видел, как вы шли прямо ко мне. Кто-то показал вам на меня?

Ее кожу окрасил нежный румянец. Да, а капилляры-то у масочки отлично реагируют.

— Я учуяла ваш аромат во время регистрации. Мне он понравился.

Я улыбнулся в ответ и сказал:

— Мне тоже ваш нравится.

Честно говоря, я с трудом мог его различить. Нотки сосны, разумеется, присутствовали, но что еще, я уже затруднялся ответить. Обычно под воздействием наркотиков моя способность к ощущению запахов несколько притупляется. Например, от такой травки, как греческий пажитник, слизистая оболочка носа высыхает, при этом пазухи носа наполняются какой-то дрянью, словно я тону. Полагаю, банановые листья оказывают такое же действие.

— Я спросила ребят за стойкой, как вас зовут, — призналась она. — И запомнила.

— И когда потребовалось, чтобы кто-то меня нашел...

— То я вызвалась. Да, вы правильно подумали.

Согласен. Что может быть лучше в такое время суток, чем потешить свое самолюбие. И я решил играть в эту игру до конца.

— Это входит в ваши обязанности? Находить постояльцев, которых кто-то ищет по телефону?

Она хихикнула, жеманно покачав головкой.

— Я работаю в отделе льготных продаж, но сегодня выходной. Просто решила сделать одолжение своей подруге-телефонистке...

— О, вы любите делать одолжения?

— Зависит от того, кто просит.

— А что если я вас попрошу?

Она легко тряхнула волосами и пожала плечами. Миленькие человеческие жесты для самки динозавра.

— Возможно, мы сможем прийти к соглашению.

Мы вошли в фойе отеля, где меня отправили прямо к телефону-автомату веселенького зеленого цвета.

— Подождете меня? — спросил я свою новую гавайскую подругу. — Сможете поучить меня танцевать хулу.¹⁴

К счастью, разговор был очень коротким. Звонил Сэмюель, чтобы сообщить мне, что катер заберет нас с Эрни с пристани завтра в три часа дня.

— Если только вы не предпочтете отправиться на пароме, — сказал он. — В отличие от катера очень тихо и спокойно.

— Наверное, неплохо, — задумчиво сказал я. — Открытый океан. Приятная спокойная поездка.

— Это займет четыре часа, отплытие из порта Кауаи.

— Это другой остров, — заметил я.

— Верно.

¹⁴ Национальный гавайский танец.

— А как мы туда доберемся?

— На катере на подводных крыльях.

Да, они легких путей не ищут.

— К черту паром, поедem прямо отсюда. Эй, а ты мне не подскажешь, что взять из туалетных принадлежностей? Я хотел бы кое-какие свои вещички оставить тут, на Мауи, чтобы облегчить багаж...

— Никаких, — сказал он.

— Нет, ты не понял. Я имею в виду зубную пасту, щетку и все такое...

— Я понял. Ничего этого не нужно.

— Ох, — удивился я. Не ожидал, что на крошечном частном островке нам предоставят услуги по системе «все включено». — Значит, мыло и все остальное вы нам выдадите?

— Винсент, ты же собираешься вернуться к природе, — сказал Сэмюель. — Не забивай голову этой чушью. Все, что нужно взять с собой завтра на катер, — это ты и Эрни.

— И чек.

Пауза, но, безусловно, недолгая.

— Да. И чек.

Когда я повесил трубку и вышел в фойе, то обнаружил, что моя гавайка ждет меня, усевшись в круглое ротанговое кресло, покрытое тканым ковриком местного производства. Она идеально соответствовала дизайну помещения, и мне стало интересно, уж не заказало ли ее руководство отеля по какому-то специальному каталогу. Мне бы хотелось, чтобы мое имя тоже включили в *эту* список рассылки.

— Я даже не знаю, как вас... хм, тебя... зовут, — сказал я, приблизившись к ней. — Когда я приглашаю куда-то девушку, то всегда пытаюсь сделать это, соблюдая формальности.

— Кала, — с напускной скромностью сказала прекрасная незнакомка.

— Благодарю. Не будешь ли так любезна, Кала, и не пропустишь ли со мной по стаканчику?

— Ты пьешь?

— Ну, только для подавления жажды. А для веселья жую травку...

Кала подняла маленькую черную сумочку, которая таила в себе неведомые удовольствия:

— А у меня все с собой, — мурлыкнула она.

Я снова ощутил себя нашкодившим подростком, когда мы спрятались в подсобке рядом с фойе и опробовали восхитительную травку, которую достала из своей сумочки Кала. Довольно большое количество местных финиковых листьев (то, что обычно называют «гавайский улёт») и еще какие-то местные наркотики, которые я до этого практически не пробовал, быстро проделали путь по нашим желудочно-кишечным трактам. Между банановыми листьями и разговором с Сэмюелем был короткий промежуток времени, когда я твердо решил раз и навсегда завязать с наркотиками, и не баловаться ими даже за компанию, резко бросить и все, но почти сразу я снова наширлся и покатился по наклонной.

Мы постоянно дотрагивались друг до друга, обжимались и целовались. Во мне росло желание прямо здесь и сейчас сбросить с себя все и заняться любовью. Мы терлись носами, соприкасались головами, нам и так было довольно неудобно в личинах, а вожеление, многократно усиленное травой, усложняло ситуацию еще больше. Мой язык проник в ее рот, пытаюсь найти ее язычок и обвиваясь вокруг него. Фальшивые челюсти съехали куда-то в сторону, давая полную свободу действий. Я чувствовал на вкус эпоксидку, которой эта чертова маска была закреплена вокруг ее губ.

Через минуту нас пробило на ха-ха. Так всегда и бывает. Сначала медленная приятная волна наркотического опьянения пронесется через всю нервную систему, по дороге здороваясь по-дружески со всеми органами. Затем некоторые травы вызывают сексуальное возбуждение, но к тому времени, как похоть начинает стучаться в ворота мозга, в дело вступает смех. Вербальная функция теперь считается какой-то второсортной, тем более

когда целуешься, то и дышать-то тяжело, не то что произнести законченное предложение.

— А что... что это... что мы приняли?

— Сахарный тростник. Кора.

— Охренеть.

После этого мы еще двадцать минут хихикали и обнимались, а какой-то чересчур назойливый служащий гостиницы просил нас покинуть служебное помещение и пойти либо на улицу, либо в номер. Это отрезвило нас, но всего лишь на минуту.

— На улицу? — спросил я.

— К тебе в номер?

Мы искоса взглянули друг на друга и, не говоря ни слова, достигли консенсуса в том, что у этого восхитительного вечера будет не менее восхитительное продолжение. Затем бросились бегом через холл, держась за руки и расталкивая других туристов, хотя нам на это было абсолютно плевать.

В лифте мы ехали только вдвоем. Очень-очень правильное решение. Желание возросло на шестнадцать пунктов с каждым этажом. Было просто удивительно, что мы все еще в облачении. Ненавижу целоваться через эти маски, через эти зубы, но даже похоть не могла заставить меня нарушить принятых норм поведения. Пока что.

Если этот чертов лифт застрянет, я на все сто уверен, что когда механик наконец откроет двери, то обнаружит двух ящериц чудовищного размера, которые занимаются любовью с первобытным бешенством, на которое только способны.

Но лифт благополучно доехал до нужного нам этажа, и вскоре мы уже, спотыкаясь, мчались по коридору, не переставая целоваться. Из наших грудных клеток вырывалось какое-то бормотание, бессмысленный набор звуков, приглушенные стоны страсти, которые ничего не значили и не должны были значить. Мои обезумевшие руки шарили по ее телу, пытаюсь залезть поглубже под этот человеческий покров и найти ее настоящую суть, но всякий раз, когда я дотрагивался до застежек или молний, Кала шептала:

— Не сейчас... не сейчас...

И вот мы добежали до моего номера. Лучше бы уже было «сейчас».

Мы с грохотом влетели в комнату, споткнувшись об открытый чемодан, лежащий на полу. Я зацепился ногой и плюхнулся на пол, по счастью приземлившись лицом на кровать. Воздух какое-то время со свистом выходил из меня, словно из шарика, у которого развязали ниточку, но, когда мое дыхание пришло в норму, я уже смеялся как ненормальный, звал Калу, пытался уложить ее рядом с собой и продолжить то, что обещало мне одну из самых лучших ночей, даже учитывая мой богатый сексуальный опыт. Но она, как ни странно, ускользнула из моих объятий. Я сел. Теперь комната уже не кружилась, а лишь слегка покачивалась из стороны в сторону. Я крикнул:

— Ты здесь?

— В ванной, — последовал ответ. Я вздохнул и откинулся на спину. Разумеется, самое время навести марафет и прихорошиться. В этом отношении самки динозавров ничем не отличаются от человеческих, за исключением того, что они меньше пользуются декоративной косметикой и в основном просто ухаживают за своей кожей.

— Ты давно тут работаешь? — крикнул я, понимая, что если не буду постоянно поддерживать разговор, то просто вырублюсь. Словно на автопилоте мои руки принялись расстегивать личину, сдирая зажимы и пояски и швыряя всю эту дребедень на бежевый ковер на полу. Чешуйки моей естественной кожи встали дыбом, как только ее коснулся влажный гавайский воздух, и теперь мой пах жаждал тех же ощущений.

— Нет, — ответила Кала. — А ты в отпуске?

— Скорее в командировке, — ответил я. Комната наполнилась приятным ароматом. Возможно, какой-то ароматизатор поступает прямо через вентиляцию, или же запах доносится снаружи. Да, такой растительности, как на этих островах, на материке не встретишь. Мне ужасно понравилось ходить вокруг и принюхиваться, как пес, который ищет местечко получше, чтобы опорожнить свой кишечник.

— А чем ты занимаешься? — спросила она.
О, это всегда впечатляет девчонок.
— Я — частный детектив, — гордо сказал я. — Расследую одно дельце по поручению своего друга.

— Очень интересно.

— Работа как работа.

Ага, обычно я в этом месте скромничаю. Срабатывает словно магическое заклинание.

Но никакие заклинания не могли сравниться с волшебным действием, которое оказывала на меня эта гавайская красавица. Легко узнаваемый щелчок выключателя. Когда внезапно выключился свет, мое опьянение усилилось. Голова утонула в подушке, а руки налились свинцовой тяжестью, я не мог и пальцем пошевелить. Ну же, Винсент, тут есть кое-кто, ради кого ты хотел не спать всю ночь. В темноте блеснул ее хвост, Кала принялась гладить меня им по груди, а кончик хвоста путешествовал по моему телу вниз, все ниже и ниже, отлично зная, куда направляться, с какой силой надавливать, а когда отпускать. Волны желания поднимались во мне, подхватывая меня с кровати. Они становились все больше и больше, и мой разум уносился вслед за ними, плыл по течению, плыл и испытывал наслаждение...

Надеюсь, что Эрни не стал меня ждать.

13

Похмелье я могу пережить. Онемевший отекий рот, вкус такой, словно я съел побитый молнией ковер. Но это ничего, нормально. В ушах и голове звенит, челюсти болят, и все тело трясется на три балла по шкале Рихтера. Но и это не смертельно. Где-то в глубине желудка притаилась тошнота, а в кишках резвится стая веселых хомячков. Ничего хорошего, но терпимо.

Но вот без потери памяти желательно было бы и обойтись.

— Ты что, даже не помнишь, спал ты с ней или нет? — ворчал на меня Эрни, пока мы катили наши чемоданы по пристани к катеру, который отвезет нас на Остров Прогрессистов. Мы немного опаздывали, ну, по моим часам на полчаса, поскольку я не смог очнуться к полудню и встретиться с Эрни. Из-за этой бешеной гонки я готов был уже распрощаться с легким завтраком, который смог запихать в себя, пока бежал к выходу из отеля.

На заметку: пои¹⁵ — не самая лучшая жратва, когда тебя мучает похмелье.

— Ты имеешь в виду сам половой акт? Нет, не помню.

— Это уже входит у тебя в привычку, малыш.

— Не надо читать мне нотаций, а не то меня вырвет прямо на тебя. Слушай, я помню прелюдию. Ну, и то, что было после... почти помню. Только то, что было между, словно в легком тумане.

Честно говоря, в легком тумане было все: и ласки до и разговоры после, но то, что собственно сам половой акт сейчас напрочь отсутствовал в моих воспоминаниях, — это правда. Такое и раньше со мной бывало, но всего однажды... или раз двенадцать, в основном после того, как я всю ночь веселился и кутил. Уверен, что в каком-то ином измерении существует хранилище всех воспоминаний, утраченных мной за годы, но, вероятно, оно заполнено скорее математическими формулами, чем сексуальными отношениями.

— Ну и кто она?

— В каком смысле?

— В прямом и единственном, — сказал Эрни. — Карнотавр, раптор или еще кто?

— Я... я не помню...

— Ну, конечно. А ты рассказал ей, зачем ты на Гавайях?

¹⁵ Гавайское кушанье из корня таро.

— Уверен, что не рассказывал.
— Уверен? — переспросил Эрни.
— Разумеется, уверен. Уверен.

Я ни за что не мог выложить ей мое имя, звание, личный номер и любимое блюдо на завтрак, по крайней мере, я так думаю. Но в одном уверен точно — утром, когда я проснулся, Калы уже не было. Возможно, это и к лучшему.

— Эта девочка просто нечто, — сказал я. — По-настоящему горячая штучка.
— Насколько ты помнишь.

Мы пришли к причалу номер семнадцать всего на тридцать девять минут позже назначенного времени отплытия, и остальные пассажиры не слишком-то волновались по поводу нашего отсутствия. Базз и Уэндл, так и не переодевшиеся со вчерашнего вечера (если только они не приволокли с собой второй экземпляр таких же ужасных тряпок), устроили целое шоу: они нетерпеливо постукивали ногами и смотрели на часы. Но эти близняшки были так благодарны за то, что мы с ними дружим, что мы просто не могли на них по-настоящему злиться.

— Мы заставили катер подождать вас, — сообщил Базз, как только рабочий на причале отдал швартовые и мы приготовились к отплытию. — Они уже хотели уезжать, но мы сказали, что сейчас должны еще прийти наши друзья.

— Ага, мы так и сказали. Именно так.

Так прошли следующие два часа. Базз и Уэндл развлекали нас байками о том, как они героически удерживали катер у причала. Уверен, эта история заняла времени как минимум в три раза больше, чем само событие, легшее в ее основу, но мы с Эрни воспользовались случаем, чтобы выключить мозги и просто присмотреться к окружающим нас динозаврам, которые тоже решили жить в соответствии с Прогрессом.

Человеческие личины не обнаруживали внешних признаков психической нестабильности. Волосы в основном вымыты, причесаны. Лишь некоторые что-то бессвязно лепетали. Запахи на борту катера, хотя сливались и перемешивались друг с другом, были довольно сильны, и не чувствовалось острого послевкусия, с которым обычно ассоциируются больницы для умалишенных. Однажды мы с Эрни выслеживали одного настолько безумного динозавра, что его обычный запах булочек со сливками стал таким зловонным, что чувствовался за двадцать кварталов. Слава Богу, он хоть сам не чувствовал своей вони, а не то у бедняги еще больше бы крыша поехала.

Но что могло бы привлечь столь разношерстную компанию во всем остальном нормальных динозавров в такую полуокультурную организацию, вешающую по полной программе лапшу на уши, как секта прогрессистов? Дух товарищества? Уважение к предшествующим поколениям? Или же сама идея, что они каким-то образом могут воссоединиться с их внутренним «я» и снова стать больше динозаврами, чем людьми?

— Не могу дождаться, когда же мы разденемся, — хихикнул Базз.

— И я, — сказал Уэндл. — Это просто супер.

И впрямь, как только мы прибыли на остров, все тут же начали вертеться и сбрасывать с себя одежды, дергать за застёжки и молнии, как взбесившиеся нудисты. Я неуклюже возился со своим облачением и понял, что у меня очень мало практики, а прогрессисты, напротив, очень даже преуспели в умении скидывать с себя одеяния. Пока я боролся с потайной застёжкой на человеческой груди, довольно мускулистой, но не накачанной, несмотря на настоятельный совет Джул увеличить мускулатуру с помощью нового полимера, который она заказала в Корее, откуда-то из толпы вылетела застёжка для хвоста и стукнула меня по башке. Через пару секунд мне пришлось пригнуться, чтобы избежать удара хвостом. Да, они тут не особенно аккуратно обращаются со своими масками, разбрасывают человеческую кожу вокруг словно кучу старого тряпья. Мамаши-динозавры славятся тем, что учат своих деток беречь одежду. *Ты хотя бы представляешь, сколько это стоит? Ты знаешь, как много приходится работать твоему папе, чтобы каждый год покупать тебе новые ножки?* Но, по-видимому, на этих ребят подобное капанье на мозги действия не

возымело.

Мы с Эрни спокойнее всех высвобождались из наших маскировочных костюмов и одежды, но вскоре уже стояли голые и свободные рядом с остальными, готовые сойти на берег и начать наше путешествие по пути Прогресса. Незначительная часть меня (которая съезживается с каждым годом работы в паре с Эрни) без остановки перечисляла целый список причин, по которым нам не следовало здесь находиться, и объясняла, почему нам лучше всего повернуться, одеться, сесть на катер и поехать обратно на Мауи, а там пожевать еще свежих банановых листочков. В качестве доводов приводились легенды: пророк Даниил, брошенный на съедение львам, Каин, убивший своего брата Авеля. И вообще, как говорится, не стоит наступать бешеной собаке на хвост. Но я знал, чем мы рискуем и что можем получить в награду, и я здесь, чтобы сделать все от меня зависящее для выполнения задания.

— Ты готов явиться в эту компашку незванным гостем? — пробормотал я, обращаясь к своему напарнику, по опыту прошлых лет зная, каким будет ответ.

— Если только мне не нужно будет напяливать на себя выходной костюм.

— Не беспокойся, — заверил его я. — Мы придем без галстуков.

* * *

Поездка на грузовом «хаммере» в самое сердце острова Прогрессистов прошла без происшествий, если только не считать многочисленных деревьев, в которые мы едва не врезались на скорости, чуть ли не побившей рекорды самых скоростных гонок «Наскар». Колонна военных грузовиков прокладывала себе дорогу по джунглям, широкие корпуса машин с трудом пролезали в свободные пространства между деревьями. Сэмюель, без костюма, зато сильно пахнущий, сидел за рулем нашего десантного грузовика, рассчитанного на шестерых пассажиров. Его изогнутая изумрудная нога давила на педаль газа, а когти пронзали пол. Хотя я всю свою жизнь провел среди динозавров, но никогда не видел, чтобы они голышом водили машину. Мне пришлось заставлять себя пялиться на что-нибудь другое, чтобы у парня не сложилось обо мне неверное впечатление.

Пока мы с грохотом мчались по едва видной дороге, я заметил тропинку, которая ответвлялась от основной и уходила куда-то влево. Пока мы ехали, прогрессисты не смотрели по сторонам, словно нарочно направив свой взгляд прямо и только прямо. Это странный знак, хоть я и не знаю, к чему бы это. Скорость грузовика снизилась до сорока пяти миль в час, я посмотрел вниз. Я заметил, что дорога здесь поросла густой растительностью, а тропинка вскоре исчезла за деревьями. Но что-то в конце загадочной тропки зацепило мой взгляд, мой мозг и раздражило настолько, что я снова заговорил с Сэмюелем.

— А что там? — спросил я.

— Ничего. Просто джунгли.

— Но деревья какие-то... странные...

— Обман зрения, — ответил Сэмюель и замолчал, что означало, что тема закрыта.

Вскоре «хаммер» замедлил ход, Сэмюель протянул руку и нажал на кнопку какой-то штуковины, напоминающей пульт дистанционного управления, прикрепленной к противосолнечному козырьку. Где-то поблизости в шум разнородных звуков джунглей влилось тоненькое поскрипывание. Как только мы въехали на участок утрамбованной почвы, амортизаторы перестали работать в интенсивном режиме.

— Это что такое? — спросил я.

— Что именно?

— Поскрипывание.

— Животные.

— Скрипящие животные?

— Гавайи — страна чудес.

После еще нескольких минут дикой гонки с игуанодоном за рулем мы выехали на

ровную террасу, и перед нами раскинулся во всей своей красе — пожалуй, это не самое подходящее определение — лагерь прогрессистов. Я не думал, что мне стоит ожидать еще одну роскошную райскую долину Занаду,¹⁶ подобную комплексу сооружений на Голливудских Холмах. Хорошо уже то, что ребята выколотили денегат и смогли прикупить островок в Тихом океане, так что я не могу ругать прогрессистов за то, что жилье они обустроили без особых претензий, но путешествия «назад к природе» и проживание в тяжелых условиях меня никогда особенно не вдохновляли. Детали в наступившей гавайской тьме различить было трудно, но фары широкой колонны грузовиков освещали наш лагерь, и меня не очень-то порадовало то, что выдавалось за «условия проживания»: простые деревянные хижины на каком-то пустыре, редкие пучки травы пробивались из-под толстого ковра сорняков.

— У вас тут... мило, — сказал я, когда грузовик въехал в самый центр лагеря, подняв облако пыли, из-за которой ужасно заболели глаза и я закашлялся.

— Да, у нас все по-простому, — ответил Сэмюель. — Приближено к тому, как мы должны были бы жить.

— Ага. То есть ты хочешь сказать, без домов вообще и без «хаммеров» в частности.

— ...Да.

Полагаю, в конце концов Сэмюель меня возненавидит. Ну, в этом не было бы ничего необычного.

Мы повыпрыгивали из машин, и Сэмюель отвел нас с Эрни к самой большой хижине. Деревянные двери даже не скрипели, они просто жаловались на жизнь, и я вдруг понял, что тщательно изучаю стены домика, чтобы понять, надежно ли сконструировано это ветхое сооружение и не обвалится ли оно на нас в один прекрасный день. Внутри было много бамбука и высушенных пальмовых листьев, и, хотя места было вполне достаточно, чтобы приютить всех героев сериала «Остров Гиллигана», я не слишком верил, что этот так называемый дом сможет защитить нас от чего-то посильнее легкого бриза, который со свистом проносился по лагерю.

— А есть какие-нибудь другие... хм... номера? — спросил я.

— В смысле?

— Ну, что-нибудь... получше.

Сэмюель наклонил голову набок.

— Типа люкса?

Ага, наконец-то речь зашла о люксах.

— Точно. Именно это я имел в виду.

— Нет.

На полу нашего жилища были раскиданы какие-то ветки, листочки и прутики.

— А это для чего? — спросил я, поднимая одну из веток, чтобы оценить ее вес. — Привнесем природу в каждый дом?

— Это твоя кровать, — объяснил Сэмюель. Причем интонация была более рациональна, чем слова.

Я покачал головой.

— Вообще-то я типа фанат матрасов.

— Матрасы и кровати — это человеческие конструкции, изготовленные для человеческих тел, — объяснил он. — А вам нужно будет гнездо, как когда-то вашим предкам, когда они жили в естественных условиях.

Ага, теперь-то я на все сто уверен, что популярная ныне среди людей теория о том, что динозавры в процессе эволюции стали птицами и по типу тела и плотности скелета мы скорее ближе к современным птицам, чем к ящерицам и им подобным, — это полная чепуха. Более того, это ведь даже не диоцентрическая теория. Большую часть времени грязную

¹⁶ Райская долина в поэме Колриджа «Кубла Хан».

работу за нас делают специальные палеонтологические институты, которые запускают то одну теорию, то другую, но эта «птичья» концепция целиком и полностью принадлежит людям. Не могу поверить, что Сэмюель просто бессмысленно повторяет подобный вздор.

— У вас есть два часа, — продолжил Сэмюель, — затем нам подадут ужин. Цирцея приглашает сегодня вас поужинать у нее, а затем вы присоединитесь к ней во время ринга.

Какого еще ринга? Меня так и подмывало спросить Сэмюеля, что он такое, черт побери, несет, но Эрни заикнулся на гнездах:

— Ты ведь шутишь, да? Ну скажи, что за углом удобная кровать.

Сэмюель покачал головой. Наш миссионер был вне себя от радости из-за подвернувшейся возможности прочесть проповедь язычникам.

— Все мы каждый вечер вьем гнезда и каждый день разбираем их. Так делали наши предки, и это часть нашего естественного образа жизни.

И тут, словно по сигналу, наши соседи по хижине хором захохотали, захохотали, как это было сегодня днем, и наперегонки рванули, чтобы отхватить себе самую лучшую кучку прутьев. Мимо пробежала пара компсогнатов, из их пасть вырвались слова на каком-то незнакомом мне языке. Я пообещал себе, что, где бы они ни решили устроить себе гнездышко на ночь, я буду спать как можно дальше.

Да, строительство гнезд мне удавалось даже хуже, чем, скажем, игра на трубе, что, в свою очередь, я умею делать еще хуже, чем показывать фокусы и выступать в качестве пожирателя огня. Достаточно будет сказать, что, как только я прекратил засовывать ветки одну под другую, сгибать их, пропихивать и утрамбовывать, моя «сегодняшняя» кровать больше всего напоминала кучу мусора, оставшуюся после того, как некогда могучее дерево было превращено в шестьсот стопок бумаги. Сучки, веточки, иголки и остальные части растений торчали во всех направлениях и со знанием дела кололи меня именно туда, куда колоть не стоило.

Гнездо Эрни, разумеется, было безупречным. Это была настоящая кровать в виде слоеного пирога с безукоризненно закругленными краями, устланная внутри мягчайшей листвой, и подушка из какого-то материала, похожего на обрывки коры, которую Эрни скрепил виноградной лозой. Если все это лишь тест на уровень интеллекта, устроенный для нас прогрессистами, то уверен, дело кончится тем, что я вскоре окажусь в классе для отстающих.

— Хочешь, помогу? — спросил Эрни.

— Да ну на фиг, — ответил я. — Мне и так нравится.

Уэндл и Базз, что неудивительно, свили гнезда в одинаковой манере, сделав несколько треугольников с закругленными краями, которые они складывали друг на друга, пока не получилась перевернутая ацтекская пирамида. Все время, пока близнецы этим занимались, они не затыкались ни на минуту.

— Мне это нравится, — сказал Уэндл.

— Начало путешествия, — поддакнул Базз.

— Вы много раз практиковались? — спросил Эрни, нанося последние штрихи и украшая свое гнездо комочками пушистого хлопка.

— Да, да, — сказал Базз. — Тут мы каждый вечер делаем гнезда, а сюда приезжаем уже... ой, давно уже приезжаем.

— Насколько давно?

— Я не помню...

— Ну, хоть примерно, — сказал я. — Плюс-минус.

Базз и Уэндл посоветовались друг с дружкой, пошептались, как сенатор и его адвокат, обсуждающие, воспользоваться ли им пятой поправкой,¹⁷ и наконец выдали:

¹⁷ Пятая поправка к Конституции США гарантирует право отказаться свидетельствовать против себя во время следствия, на слушаниях или в суде.

— Пять лет.

— Вы уже пять лет идете по пути прогресса? — спросил я. — Ну, действительно долго. Очень впечатляет.

Близнецы просияли от гордости, а я обрадовался, что направил разговор в нужное русло.

— Это единственно возможный образ жизни, — сказал Базз.

— И существования, — добавил Уэндл.

Я кивнул и прикрыл глаза, сделав вид, что впитываю ценную информацию. А затем как ни в чем не бывало сообщил:

— На самом деле я знал одного из ребят, который состоял в вашей группе в последние пять лет, возможно, и вы, мальчики, с ним знакомы.

— Сомневаюсь, — встрял Эрни, подыгрывая мне. — Не могут же они знать всех и каждого.

Базз несколько раз подпрыгнул на месте, его хвост тяжело хлопал по земле.

— Очень даже можем! Мы можем! Как его звали?

— Руперт, — сказал я. — Руперт Симмонс.

Ноль реакции. Они даже не стали советоваться друг с другом, просто пожали плечами.

— Мне кажется, его звали Гранаах, — добавил Эрни, и я был восхищен его произношением.

Ага! Теперь братишки причитали, плакали и всхлипывали, а со всех сторон доносились возгласы сочувствия. Они знали Руперта, и очень хорошо знали.

— Он был нам как брат, — всхлипнул Уэндл, и обильный поток соленой воды потек из его глаз. — И я любил его как брата.

Базз был так же расстроен, хотя, по-видимому, он не мог состязаться с Уэндлом в производительности слезных желез.

— Он был таким хорошим. Я никогда не смогу понять, почему же он это сделал.

— В смысле убил себя?

— В смысле отказался от Прогресса, — заплакал Базз. — Он был уже так близко. Динозавр на 73 %. Уже почти готов к Рингу.

Вот опять. Снова это слово. Может, я ослышался и это не ринг, а ранг?

— А что значит «ранг», — спросил я, — это ваш приз, что ли?

— Нет, нет, Ринг — это... конечное испытание. Чтобы проверить твой прогресс.

Ага, трах-тибидох и еще раз тибидох. Не знаю, почему я ожидал чего-то другого.

— И через это должен пройти каждый?

— В конце концов да, — сказал Базз. — Но может пройти только настоящий динозавр.

Эрни обнял Уэндла, как обнимаются партнеры по гольфу в знак дружбы.

— А вы, мальчики, уже прошли этот тест?

Уэндл отскочил от Эрни как ужаленный, то ли ему не понравилось обниматься, то ли вопрос смутил, уж не знаю. Он быстро качал головой, словно смотрел теннисный матч между двумя крошечными птичками колибри.

— Господи, конечно нет! — завизжал он. — Вряд ли мы уже готовы для испытания!

— Вряд ли готовы!

— Ринг — испытание для тех, кто готов перейти на следующий уровень. А нам это не светит еще какое-то время!

— Долгое время!

Интересно. Не было ничего удивительного в том, что Базз и Уэндл, несмотря на их дружелюбие, не слишком-то высоко поднялись по лестнице Прогресса. Милые детки. Мозги не больше наперстка. Но с другой стороны, очень даже удивительно, что Руперт Симмонс смог это сделать за столь короткое время. По нашим оценкам, Руперт состоял в секте максимум три года, это значит, что он двигался вперед довольно быстрыми темпами.

— А Руперт уже многого добился, да?

— Да, он был очень продвинутый, — сказал Базз. — На самом деле он даже вел многие

семинары.

Тут глаза Уэндла широко распахнулись. В них сиял полувосторг-полубезумие.

— А помнишь то занятие, ну, про людей?! — радостно завопил он. — Это было просто сказочно!

Базз повернулся ко мне и объяснил:

— Он продемонстрировал нам, что в пищевой цепочке люди занимают более низкую ступень, чем динозавры.

— Ниже, чем мы! — заорал Уэндл.

— И фактически динозавры — это доминирующий вид, хотя по численности нас и меньше.

Я щелкнул зубами. Это сложно сделать, когда у тебя зубищи острые как ножи, но я выучился после долгих лет практики.

— Насколько я понял, к людям у вас никакой любви не осталось.

— А с чего нам их любить? — спросил Базз. Обычный дружелюбный тон заметно испарился из его голоса. Он говорил по-деловому. — Они нас угнетают. И это из-за них мы не можем осознать, кто мы на самом деле.

— Это отвратительные создания, — встрял Уэндл. — И их нужно остановить.

Базз сурово посмотрел на брата, и тот сразу же опустил глаза.

— Иногда он слишком далеко заходит, — сказал Базз. — Мой брат очень легко впадает в раж.

Я хотел было продолжить, чтобы Уэндл и дальше развил свою мысль, но тут сквозь трещины на стенах и потолке до меня долетел знакомый характерный аромат. Голова тут же поплыла в полуметре от тела, а ноздри заполнились смесью из трав и специй. Аромат заплывал ко мне в нос, струился в горло, практически лишая меня возможности дышать.

— Что это? — спросил Эрни, положив мне руки на плечи. — С тобой все в порядке, малыш?

— Да, — удалось выдавить мне. — Это... это...

— Ты становишься каким-то багровым...

— Это...

Тут дверь распахнулась от легкого ветерка, словно она была сделана из тоненькой фанеры. Внезапно аромат исчез, я не мог уловить его, словно это был лишь плод моего воображения. Мои легкие снова наполнились воздухом, сердце стало нормально биться, хотя и чуть быстрее обычного, и я ощутил прилив адреналина, поскольку в дверях стояло удивительное создание.

— Добрый вечер, — прошептала Цирцея. Ее дыхание щекотало мои уши даже на расстоянии трех метров. — Я хочу показать кое-что вам двоим.

14

Всего лишь какая-то конюшня и больше ничего. Ну, понимаете, конюшни — это замечательно, но когда Цирцея сказала, что хочет кое-что показать нам, то я надеялся на что-то более... эротичное. А конюшня, если мы не говорим о некоторых человеческих извращениях, это не самое приятное место для секса. Кроме того, прогрессисты уже меня удивляли, и, возможно, в этой конюшне полным ходом идет развеселая вечеринка. Этим можно было бы объяснить непонятную тягу людей к жизненному укладу амишей.¹⁸

Но пока что мы стояли снаружи высокого деревянного строения, и я не совсем понимал, что мы здесь делаем, поэтому выразил свое неудовольствие, проворчав: «Немного

¹⁸ Секта протестантов менонитского толка. Живут они в основном в Пенсильвании, Огайо, Индиане, а также в Канаде и отличаются тем, что сохраняют стойкую приверженность своей религии, обрядам, стилю давно минувших времен. Их поселения неизменно привлекают множество туристов.

холодно, чтобы ходить и рассматривать всякие идиотские конюшни».

Несмотря на теплый гавайский климат, температура воздуха неизменно падала с тех пор, как мы начали взбираться на холм. А свежий ветер на его вершине превращал воздух в ледяные иголки, от которых мои мышцы под обнаженной кожей слегка сводило судорогой. Если не учитывать нескольких видов мутантов, которые процветали и во время первого Ледникового периода (довольно мрачное времечко, насколько я понял), мы, динозавры, созданы для более умеренного климата. Лишь некоторые из нас могут жить к северу от Буффало.

— Благодаря «идиотской конюшне», как ты выразился, мы управляем этой территорией, — сказала Цирцея. — И другими объектами по всему миру. Пойдемте, взглянем.

Мы прошли через стальную защитную дверь, которая открылась только после того, как Цирцея вставила свой пальчик в отверстие, подозрительно напоминающее тот фальшивый родограф на Голливудском бульваре. Я бы тоже попробовал просунуть туда палец, только чтобы проверить, почувствую ли тот же холодок, что и в родографе, но охранник бросил на меня недобрый взгляд, а мне очень хотелось покинуть Гавайские острова со всеми целыми конечностями.

— Это меры безопасности, — объяснила Цирцея, а я глуповато улыбнулся, словно понимаю, о чем это она. Ради всего святого, это же всего лишь конюшня! С каких это пор лошади у нас являются секретным объектом?

Ага, полагаю, с тех пор как стали оснащать свои стойла самым современным лабораторным оборудованием. Целая толпа динозавров — все без масок, обезумевшие, потные и дурно пахнущие — склонились к своим рабочим столам, с каким-то бешеным рвением применяя свои знания к тому, что тут, черт побери, происходит. Внутренние стены этой замечательной сельскохозяйственной постройки были обшиты металлическими пластинами, как минимум, сантиметров семь толщиной. Единственным источником света были шесть массивных галогеновых ламп, свисающих с потолка.

В центре этого великолепия возвышался конечный продукт всеобщей суеты, так сказать *raison d'être*.¹⁹ Мне потребовалось некоторое время, чтобы глаза привыкли к яркому свету, но как только это случилось, я сфокусировал свой взгляд на самом огромном скелете динозавра из всех мною виденных.

Разумеется, я и раньше видел ископаемые останки, например, в Музее Естественной истории в Лос-Анджелесе есть на что посмотреть, но все они были намного меньше, не настолько хорошо сохранились и принадлежали к более распространенным видам динозавров, чем это уникальное создание. Скелет перед нами был, как минимум, двадцать пять метров в длину, шириной как двухэтажный автобус и в высоту как калифорнийская пальма. Он стоял на всех своих четырех, как древний бронтозавр, но вокруг огромных толстых ножищ обвивался длинный хвост с шипами. Из рта торчали зубы, как сабли на витрине с оружием, плотными рядами прикрывая приплюснутую голову на тонкой длинной шее, переходящей в мощную грудную клетку.

Белоснежные кости, чуть ли не метр в диаметре каждая, были скреплены друг с другом большими комками гипсовой смеси. К главным стыкам подходили стойки, приваренные к основанию под гигантом. Кроме того, всю конструкцию поддерживали тонкие тросы, обернутые вокруг конечностей и позвоночника, а другим концом прикрепленные к потолку. Это была гигантская марионетка какого-то давно забытого предка, и хотя я был слегка ошеломлен его присутствием, но не мог придумать для этого чудища более подходящего места, чем в компании прогрессистов.

— Ч-ч-что это?

— Это Фрееанх, — ответила Цирцея, выговорив странное имечко не хуже других, — но

¹⁹ Разумное основание (*фр.*).

мы в основном называем его Фрэнком.

— И что вы, черт возьми, делаете со старичком? — спросил я, а потом уточнил: — С предком.

— Мы его создаем. На самом деле он не такой уж старый. И не по-настоящему мертвый.

— Не по-настоящему мертвый? — переспросил я, не уверенный, на каком именно основании кого-то можно причислить к «по-настоящему мертвым». — А по мне, так он уже дуба дал.

— В этом и заключается наша идея. Именно в этом. Вот, посмотрите.

Мы прошли за нашей хозяйкой через всю конюшню, петляя вокруг прогрессистов, склонившихся над своими столами, мимо кучи разных чертежей. Тут путь нам преградили двухсотлитровые баки, наполненные странной белой пузырящейся жидкостью, и Цирцея предупредила, чтобы мы обходили их аккуратно.

Мы оказались у подножия гигантского скелета, рядом с ним мы были словно муравьишки, залезшие в тарелку великана. И, только стоя в тени этого голиафа, я вдруг с ужасом понял, что даже если бы я каким-то образом смог перенестись во времени в юрский период, то меня бы в ту же секунду или съели бы, или раздавили бы, что и мокрого места не осталось бы. С острыми когтями и хитростью далеко не уйдешь, если на другой чаше весов двадцать тонн чистого веса.

Я не мог узнать, чей же это скелет, но полагаю, это скорее связано с той точкой, откуда мне открывался обзор, — я смотрел прямо в ноздри чудовища, — а не с тем, что я плохо разбираюсь в скелетах предков. Тем не менее я рискнул высказать догадку:

— Бронтозавр? Триасовый период?

— Нет и еще раз нет, хотя ты герой, раз попытался угадать. Но больше этого делать не стоит, все равно ошибешься.

— Почему это?

— Поскольку перед нами ни один из тех видов, что погибли во время падения метеоритов, ни из тех, кому удалось выжить. Это совершенно новый вид динозавра, Винсент, и я горжусь тем, что сама его спроектировала.

— Спроектировала? — переспросил Эрни, сделав шаг вперед и вмешавшись в наш разговор.

Цирцея уселась рядом с пальцами Фрэнка, по метру в длину каждый, и нежно поглаживала их, пока говорила:

— Последнее время мы то и дело слышим, как палеонтологи жалуются на отсутствие новых находок, ворчат, что гранты разбазариваются впустую. Поэтому мы уже какое-то время готовим для них наше детище — Фрэнка. При создании проекта у нас было небольшое преимущество. Но когда дело дошло до собственно сооружения, то мы все выполняли, как прописано в контракте. А не то, что мы взяли и начали проект...

— Погоди-ка секунду, — я уловил смысл ее слов. — Я понял. Вы производите останки. Ну, некоторые из тех фальшивых останков, которые потом закапывают где-нибудь в пустыне.

— Некоторые? — фыркнула Цирцея. — Да мы, к твоему сведению, произвели семьдесят пять процентов всех останков, которые обнаружены на западном побережье. По качеству изготовления нам нет равных.

Эрни легонько постучал динозавра по голени. Звук отразился эхом.

— Так что же получается, Фрэнк... ну, эта штуковина... он поддельный?

— А какие новые ископаемые останки подлинные? Если уж на то пошло, то какие из ранее обнаруженных подлинные? Да знаете ли вы, как трудно найти настоящую окаменелую кость? Ведь наши предки не разгуливали в поисках торфяников, чтобы там спокойно умереть. Процесс фоссилизации, то есть превращения в окаменелость, протекает лишь при определенных условиях, и если бы для того, чтобы утолить бесконечную жажду новых открытий, мы полагались только на натуральную фоссилизацию, то достаточно большое

количество музеев осталось бы без своих коллекций.

— Мой дядя занимался производством окаменелостей, — сказал я, пытаюсь разрядить атмосферу и привнести дух товарищества.

— Занимался? В прошлом?

— У него выкупили его предприятие, — пожал плечами я. — Компания «Эволюция» предложила ему порядочную сумму денег, так что теперь он сидит себе дома и пишет гневные письма в журнал «Ридерс Дайджест».

— Это мы.

— «Ридерс Дайджест»?

— Нет, «Эволюция».

Я покачал головой.

— Должно быть, мы говорим о двух разных компаниях. Это было совместное предприятие неподалеку от Чикаго, около...

— Около Эванстона, — закончила за меня Цирцея. — Я знаю. Это одна из наших торговых точек. На Среднем Западе их не очень много на самом деле, но они приносят большой доход, поэтому мы их не закрываем. Кроме того, нам принадлежат компании «Наши окаменелости», «Россыпи костей», «Минеральные соединения» и еще около шестидесяти других компаний, я уже со счета сбилась. Сэмюэль отвечает за все коммерческие операции нашей организации.

Это полностью объясняет, где прогрессисты берут деньги на покрытие нужд своей организации, причем с лихвой, но зато лишает оснований мою теорию, что молодые прогрессисты, такие как Руперт, Базз и Уэндл, нужны лишь для выкачивания бабок. По сравнению с прибылью этой компании тыщонка баксов с папиного счета — это просто горстка мелочи.

— И хорошо идут дела? — спросил Эрни. Очевидно, что он подумал о том же, что и я.

Но Цирцея не стала развивать эту тему.

— Нормально, — ответила она, оставив нас домысливать миллионы баксов, которые плывут на счета прогрессистов.

Затем она проводила нас к столу, за которым трудились трое динозавров разных видов. Анкилозавр, аллозавр и комсогнат мирно трудились бок о бок. Я был удивлен, что у комсогната хватает мозгов, чтобы выполнять такую сложную работу, но вслух я своего презрения не высказал. Троица сгорбилась над столом, покрытым слоем слюды, и вертела в руках длинную тонкую кость около метра в длину и сантиметров пятнадцать в диаметре.

Нас представили друг другу. И снова у трех этих прогрессистов в именах оказались непроницаемые рычащие согласные, вызывающие приступ кашля. Цирцея вкратце рассказала нам о том задании, которое выполняли в лаборатории.

— Вся сложность в работе над окаменелостями, — сказала она, — принципиальный момент в попытке воспроизвести прекрасные останки наших родственников, — это возраст.

— Возраст? Какой еще возраст? Кости выглядят как новенькие? — не понял я.

— Но на них же никто не смотрит, их тестируют.

— Что-то я не врубаюсь, — сказал Эрни.

— Большинству производителей окаменелостей не удастся именно искусственное состаривание. Это трудная задача, если не сказать больше, но мы стремимся только к совершенству, при этом точность воспроизведения не является настолько важной, как остальные факторы. Например, я могла бы отвести вас в нашу котельную, где мы производим формовку и отливку жидкого дентина, чтобы вы оценили, насколько хорошо нам удастся изначальная форма кости. Поверьте мне, это восхитительное зрелище. Но небольшая погрешность не может свести на нет полтора месяца упорного труда. Мы можем слегка зачистить изделие песком или наоборот нарастить его, а можем оставить ошибку как есть, чтобы людишки годами выдвигали теории о том, что же это такое. Помните, когда палеонтологи из университета Южной Калифорнии обнаружили останки детеныша каптозавра неподалеку от Палмдейл.

— Конечно, — соврал я.

— Сначала мы задумали его как гадрозавра, но один из рабочих вылил в смесь слишком много дентина. Мы подумали так: что за черт, миру же нужны новые разновидности.

— Нужны?

— Мы могли бы все здесь осмотреть, а потом отправиться в наше конструкторское бюро, — продолжила Цирцея. — Это одно из замечательных направлений нашей работы. Я могла бы показать вам, как мы определяем точную длину и транспозицию сухожилий для каждого отдельного экземпляра. Как планируем «открытие» сначала нескольких таких экземпляров и все в этом духе. И опять же, несмотря на то что в головоломке есть значимые элементы, всегда есть место и для маневров. Например, челюстные кости диплодока могут отстоять на несколько сантиметров от остального черепа, но ни одна среднестатистическая обезьяна ничего дурного не заподозрит.

Но в этом отделе, как и в десяти других, творится волшебство. И тогда малейшая неточность в расчетах может обрушить весь карточный домик.

Эрни покачал головой и поджал губы. Он ненавидит, когда чего-то не понимает.

— Все еще не врубаюсь.

— Вы когда-нибудь слышали о радиоуглеродной датировке, мистер Ватсон?

— Ну да, применяется для определения возраста объекта. И... что? Вы что, насыщаете эти штуки углеродом?

Снова раздался смех, и, хотя она смеялась над невежеством моего друга, я не мог ничего с собой поделать, от каждого звука меня обдавало теплой волной.

— Нет, нет, — сказала Цирцея. — Радиоуглеродная датировка может применяться к ограниченному числу объектов и уж точно не поможет датировать объект временами наших предков. На самом деле когда человеческие ученые обнаруживают окаменелость, то они даже не могут датировать непосредственно ее, вместо этого полагаются на возраст каменной породы, окружающей останки. Вот тут-то и начинается самое веселое.

— А что, до этого, что ли, грустно было? Мы и так тут уже веселимся.

— Позвольте объяснить. Есть два способа датировать каменную породу. Самый простой — определить ее относительное местоположение. Чем глубже слой, тем старше порода. К счастью для нас, палеонтологи придумали очень сложную систему датировок. Большая их часть была разработана много лет назад учеными при нашем Совете, а затем потихоньку навязана человеческим научным кругам, пока они не ухватились за эту систему и не одобрили ее. Затем они довели ее до совершенства, чем еще больше упростили нашу работу. Теперь, если мы хотим, чтобы люди нашли бедренную кость раптора, жившего восемьдесят миллионов лет назад, мы просто отправляемся в нужное место и копаем вплоть до нужного слоя. Даже не спрашивайте, сколько стоят инструменты для подобных раскопок. Затем мы оставляем там объект и закапываем его. Вы бы удивились, насколько всем плевать. Но если кто-то из людишек даже и начнет поднимать шумиху, то всегда найдется динозавр, положение которого на академическом тотемном столбе выше, и он пинками прогонит маленькую зарвавшуюся обезьянку с места раскопок и отправит ее домой преподавать основы археологии кучке наклюкавшихся хоккеистов.

От Цирцеи шли волны запаха, и я почувствовал аромат трав, который накатывал по мере того, как нарастало ее воодушевление. Сначала орегано, словно мы идем по итальянскому притону, но вскоре примешались еще базилик и майоран. Я крепко схватился за край стола, чтобы не дать моему разуму — да и телу тоже — уплыть в далекие леса.

— А вторая методика чуть сложнее, именно поэтому мы с братьями и сестрами и трудимся здесь. Ученые берут слой породы, окружающей любую окаменелость, и исследуют на распад радиоактивного изотопа. Это тот же радиоуглеродный метод, но только для большего временного масштаба. По крайней мере, мы заставляем их так думать — собственно, только это нам и нужно. Итак, что же мы делаем? Мы насыщаем коренные породы вокруг окаменелости определенным количеством радиоизотопа и еще большим

количеством вещества, которое получается при его распаде, чтобы возникало ощущение, что минерал переживал радиоактивный распад в течение...

— То есть создаете ложное впечатление о возрасте окаменелости, — закончил я.

— Точно. Палеонтологи выкапывают окаменелость, берут пробу окружающей породы и проводят ее анализ. В итоге их компьютер говорит, что образец пережил двенадцать целых шесть десятых периодов полураспада. Ну, или столько, сколько нам нужно. Они прыгают от радости и объявляют о своем открытии всему миру, после чего старичка помещают в какую-нибудь пыльную витрину.

— А кто за это платит? — спросил Эрни.

— В основном музеи. Всем нужны посетители, мистер Ватсон. Тот замечательный экземпляр, который вы видели, будет самым новым и обсуждаемым открытием в палеонтологических кругах через полгода. Вот увидите.

— Через полгода? — переспросил я.

— Нужно время, Винсент, нужно время. Скелет уже сконструирован, но теперь нам нужно его разобрать, ободрать кости в определенных местах, отвезти кости в Лос-Анджелес, подготовить место захоронения, на грузовике доставить останки в Юту, а затем по косточке разместить окаменелости на нужной глубине, после чего подождать несколько месяцев, пока песок не уничтожит наши следы, и убедить одну влиятельную организацию еще раз провести раскопки в этой местности, чтобы проверить, не упустили ли они чего-нибудь. Вы когда-нибудь работали с людьми? Это изматывает.

— А как вы его назовете?

Цирцея отмахнулась:

— Мы стараемся не давать окаменелостям названий заранее. Ох, у нас был специальный отдел несколько лет назад, который придумывал марки окаменелостей, на самом деле это они придумали название «мегалозавр», но всегда лучше, чтобы общество само выбирало имя. Это дает им ощущение собственности. Уверена, они проявят исключительную фантазию (в кавычках) и с этим. Назовут его большезавром, или хвостозавром, или еще как-нибудь по-идиотски.

— Это очень... впечатляюще, — сказал я. — Приятно видеть, что все... приносят такую пользу.

— Это часть пути Прогресса, — заявила Цирцея. — На пути назад к нашему естественному образу жизни бесплатного проезда нет. Нам особенно нравится вводить людей таким образом в заблуждение, а заработанные деньги потом пойдут на то, чтобы мы спокойно разгуливали в естественном виде.

— И все работают? — спросил Эрни.

— Все.

— И даже ты? Мне кажется, ты больше философствуешь, чем трудишься.

— И даже я, — улыбнулась Цирцея. — Я в основном руковожу подготовкой захоронений в Юте и Неваде, так что я тружусь так, что вам даже и не снилось. Большую часть времени торчу в дырах и копаю землю своими восьмью когтями.

Отлично, теперь из-за Эрни она на нас рассердилась.

— Он не хотел...

— Да ладно, успокойся, — сказала Цирцея, — здесь не бывает неправильных вопросов. И все открыто.

— Отлично, — сказал я, возвращаясь собственно к нашему делу. — А чем, кстати, занимался Руперт?

— Кто?

— Ну, Руперт. Наш покойный друг, который сейчас уже развлекается в компании предков...

— Ах да, — сказала Цирцея без запинки. — Простите, пожалуйста. Я не привыкла называть прогрессистов их рабскими именами.

И снова этот термин «рабские имена», от которого у меня мурашки по телу.

— Хорошо. Так что же делал Гран... Гранаах...

— Он был мастером по производству костей, как мне кажется. Они создают формы и отливают кости необходимой формы до того, как скелет отправляется сюда для состаривания.

— Понятно...

На самом деле понятно не было. Ну, не очень. Но пока что в этом сознаваться не нужно.

— А у него были друзья? — спросил Эрни. — Коллеги?

— Разумеется.

— А можно поговорить с ними?

— А что вы хотите спросить?

— Просто поговорить, — сказал Эрни, — чтобы понять, почему же он был так подавлен. Это ужасно, когда твой друг уходит вот так.

Цирцея взяла Эрни за руку — интересно, она сейчас обкуривает его своими феромонами? — и нежно погладила ее.

— Я понимаю, — прошептала она. — Это очень тяжело, и я скорблю вместе с вами.

Затем ее голос снова вернулся к нормальной громкости, и она вернула руку Эрни на место.

— Но боюсь, я не могу прерывать наших братьев прямо сейчас. Нам нужно закончить Фрэнка через неделю, иначе мы выбьемся из графика. Коалиция музеев естественной истории как пить дать спустит с меня шкуру, если мы не выполним условия контракта.

— Мы понимаем, — сказал я, отталкивая Эрни локтем от ценного скелета и намекая, что больше вопросов задавать не стоит. Я и сам очень хочу получить ответы, но не нужно превращать наш разговор в преждевременный допрос.

Цирцея бросила беглый взгляд на часы.

— Братья, думаю, нам пора поужинать. Как вы на это смотрите?

Она взяла нас под руки, сначала меня, а потом Эрни, и с небольшим усилием вывела нас из конюшни. Другие прогрессисты продолжили работать, хотя я и ощутил их тяжелые взгляды, когда нас вывели из здания обратно на воздух.

— Итак... есть ли у вас еще вопросы? — спросила Цирцея, как только мы убрались с территории конюшни и пошли по направлению к лагерю.

— Только один, — сказал я, вспоминая тритонов и змей, которыми нас потчевали во время прошлого официального приема. — А ужин у нас живой или мертвый?

* * *

Ужин проходил весьма неформально. Никаких смокингов. И вечерних платьев. Ни тебе закусок, ледяных скульптур, струнных квартетов, шастающих вокруг официантов с опрокидывающимися подносами и лекций о претенциозных людях, которые и известны-то в основном тем, что слишком много о себе возомнили.

Зато было много сырой свинины.

— Это не религиозный протест, — уверил я Цирцею. — Мне кажется, одна из моих бабушек могла быть еврейкой, и я уверен, что во мне течет мусульманская кровь, но это скорее... короче, это свинина. Невареная. Сырая.

— Это отвратительно, — проворчал Эрни. Он готов был поститься, если потребуются, и, честно говоря, ему стоило бы пару дней ограничивать себя в еде. Последние двадцать четыре часа я наблюдал Эрни в его естестве и узнал о теле своего напарника больше, чем мне хотелось бы. Нудизм подходит не для всех типов телосложения.

— Вы беспокоитесь, не заболеете ли чем-нибудь, — начала Цирцея, которая оделась к ужину. Она была единственной в большой столовой, на ком было что-то еще поверх натуральной кожи. Небольшая изумрудная брошь — сияющий драгоценный камень овальной формы, как яйцо, — была приколоты прямо к коже у основания ее хвоста. Весьма

эротично.

Давным-давно шлюшка-целофизис, которую я выслеживал по одному делу, открыла мне небольшой «секрет фирмы»: зона примерно в десять квадратных сантиметров над тем местом, где у динозаврих хвост переходит в тело, самая эрогенная из всех эрогенных зон. Если ласкать этот небольшой участок кожи, то можно доставить самке неземное удовольствие. Многие годы я с успехом пользовался этими знаниями в общении с дамами. И даже пока я сидел и спокойно разговаривал с Цирцеей, контролируя собственные эрогенные зоны, то поймал себя на том, что надеюсь, вдруг сегодня мне выпадет шанс попробовать изучить эту секту, но уже с другой стороны.

— Динозавры очень редко болеют трихинеллезом, — продолжала Цирцея. — На этом острове вспышки этого заболевания не было. Я бы на твоём месте не стала об этом беспокоиться.

Я ещё раз посмотрел на стол и на практически нетронутую свиную тушу, лежащую на нём. Бока её были вспороты острыми когтями, мясо и внутренности разложены по бамбуковым тарелочкам. Мои соседи по столу — довольно разношерстная компания, состоящая из Сэмюеля, нескольких безымянных динозавров из свиты Цирцеи и двух незнакомых мне прогрессистов, — казалось, не разделяли растущего во мне отвращения. Они разрывали свинину зубами и когтями, зарываясь в неё мордами, как стая стервятников на свежем трупе.

— Ты уверена? — уточнил я. — Про трихинеллез.

Цирцея кивнула и посмотрела мне прямо в глаза. Я готов был потеряться в двух огромных изумрудах, хотя меня больше беспокоило, что я останусь без еды.

Банально, без сомнения, но это сработало. Цирцея протянула руку, записнула её прямо в эту чертову свинью и достала какой-то непонятный орган. Даже не спросив меня, она без предупреждения поднесла эту гадость прямо к моему носу и дала мне понюхать.

Запах крови. Сильный. Маленькая иголочка голода уколола мой желудок. Я повернулся к Цирцее, чтобы попросить её убрать мясо и дать мне что-то другое, готовое, более подходящее для еды, но внезапно в нос ударил знакомый запах трав. Все пропало. Кориандр и базилик сплелись в петлю на стволовой части моего несчастного мозга. Выброс феромонов был коротким, мгновенным: раз — и всего этого было достаточно.

Лес. Листья. Я бегу. Деревья. Охочусь. Радость погони. Убиваю свою жертву. Конец.

Когда я очнулся, то у меня во рту были свиные кишки. Но что ещё хуже, я думаю, что свиные кишки были и у меня в кишках. Когда я снова ощутил себя здесь и сейчас и открыл глаза, то обнаружил, что склонился над столом, закопавшись лицом во внутренности свиньи, и работаю зубами, выгрызая кусочки мяса. Другие динозавры отпрянули от стола: то ли моя внезапная тяга к сырому мясу произвела на них положительное впечатление, то ли их подташнивало.

Тут раздались аплодисменты. Хлопать начала Цирцея. Эрни к ним не присоединился. Смущенный и, честно сказать, совершенно сытый, я уселся обратно на свой стул, вытер кровь с губ и громко, протяжно рыгнул. Часть меня хотела засунуть два пальца в рот и выблевать все обратно, прямо здесь и сейчас. Но другая часть, поменьше, но зато сильнее, хотела пойти за добавкой.

— Я очень горжусь тобой, — промурлыкала мне Цирцея, и от её дыхания на моем ухе контролировать свой пах стало намного труднее. При определенных обстоятельствах быть обнаженным нежелательно для самцов любых видов. Я бы сейчас все отдал бы за брюки. — Съешь ещё, если хочешь.

Эрни в другое ухо нашептывал свои собственные нежности:

— Меня от тебя тошнит, малыш. Отсядь подальше.

Несмотря на то что мне хотелось послушать совета Цирцеи и начать жадно жрать, став при этом животным во всех смыслах слова, я знал, что Эрни прав. Я профессионал и должен вести себя как профессионал. Маскировка срабатывает, пока вы отдаете отчет в своих действиях.

— Мне пока хватит, — сказал я Цирцею. — Очень... вкусно.

И хотя мне хотелось еще кусочек, не думаю, что мне нашлось бы место на этом пиршестве. Как только я отвалился от стола, все начали жадно чавкать, набросившись на блюдо, как завсегдатаи распродаж на полку со свитерами в универмаге «Файлинс»,²⁰ и вскоре от некогда откормленной свинки осталась только кожа да кости.

Я обратил внимание, что кроме Эрни, который раздобыл где-то тарелку простого белого риса для своего разборчивого живота, еще один стегозавр закрыл глаза и сидел спокойно, не принимая участия в разделе свежего мяса. Он не принимал участия и в разговорах, и поскольку я не заметил, чтобы его грудная клетка ритмично двигалась вверх-вниз, то я пришел к выводу, что участия в разделе имеющегося в атмосфере кислорода он тоже не принимает.

— А это кто? — спросил я Цирцею. — Ты не заставила *его* есть свинину.

— Его зовут Томас, — ответила Цирцея, так в примерном приближении звучало его «подлинное» имя. — Он не ест с тех пор, как был выбран. Он готовится.

— К чему?

— К Рингу. Сегодня его первый раз.

Опять. Этот «ринг» постоянно упоминается в разговорах.

— Вы его выбрали?

Цирцея покачала перед моим носом пальчиком, я еле сдержал желание облизать его.

— Прогресс его выбрал.

С этими словами она поднялась и встала во весь рост. Не было никакого звукового сигнала, ничего, что сказало бы толпе динозавров, что пора послушать, но они, как один, повернулись на стульях, обрывки потрохов все еще торчали из их пастей, застряв между зубами, в лапах все еще было полно окровавленного мяса. Все внимание было обращено на любимого лидера.

— Сегодня благословенный день, — сказала Цирцея, ее голос заполнил все пространство зала. Это был естественный эффект усиления звука, превосходивший все звуковые системы, которые я слышал, за исключением концерта Эль Мариачи в Голливудской чаше прошлым летом. Да, *те* шесть часов своей жизни я хотел бы вернуть, между прочим.

— Сегодня день естества, — нараспев произнесли в ответ динозавры.

— Пища предков наших внутри нас.

И снова вступили слушатели:

— Сила предков наших за нами.

Голос Цирцеи стал тише, и, хотя сейчас она говорила нормальным голосом, я уверен, его по-прежнему было слышно в каждом углу этого зала, похожего на пещеру.

— Добро пожаловать на первый день нашего славного съезда, — сказала она. — Уверена, вы готовы к продуктивному и прогрессивному завтрашнему дню, поэтому мое выступление будет недолгим.

Сегодня один из наших с вами братьев получит возможность достичь нового уровня в своем Прогрессе. Сегодня он познает, что значит вырваться за рамки, поставленные нам людьми, понять собственное «я», каким задумала его природа. Сегодня он станет настоящим динозавром.

Цирцея встала за Томасом, и впервые за весь вечер его глаза распахнулись. Только теперь я учуял его запах, смесь кожи и лаймового желе, и мне показалось, что запах переливается, словно вибрируя вместе с ароматом Цирцеи. Невероятно. Стегозавр встал рядом с Цирцеей, и они посмотрели друг другу в глаза.

— Ты готов принять вызов предков? — спросила она. — Ты готов вернуть себе свое «я»?

²⁰ Универмаг одноименной сети, где со значительной скидкой продаются товары известных дизайнеров.

— Готов.

Медленно, спокойно, словно это был ничем не примечательный ритуал, Цирцея положила руку на затылок стегозавра и прижала его к своему телу, обняв сильными гибкими руками. Я видел, как его нос скользнул по ее шее, втягивая соблазнительный аромат, и его тело в свою очередь наполнялось сводящим с ума запахом.

Шли минуты, но никто не осмеливался заговорить. И даже дышать.

Когда все кончилось, Томас отклонился от Цирцеи и его тело инстинктивно распрямилось, хотя пустой взгляд говорил мне о том, что часть его уже не в этом зале, а бежит где-то по диким лесам триасового периода.

— Пора, — сказала Цирцея. — Пойдемте на Ринг.

15

Вопреки бытующему мнению, в наши дни среди профессиональных спортсменов-борцов очень мало динозавров, если вообще есть. Разумеется, было время, когда во всех лигах было полно рапторов и тирексов, которые любили сразиться на ринге с противником, но в современном мире этим видом спорта в основном занимаются люди чудовищных размеров. Хотя время от времени какой-нибудь динозавр и делает карьеру на ринге, это чаще случается в испанских лигах. Сразу же на ум приходит Паувау из Сан-Пауло, равно как и гадрозавр, который выступал под именем Пепито эль Карнито. Причем наши латиноамериканские сородичи не утруждают себя тем, чтобы маскировать свой ненормальный внешний вид экстравагантными костюмами и продумывать музыку для торжественного выхода, зато устраивают настоящее шоу собственно на ринге. Только в стране, где тюремное начальство насквозь коррумпировано, могли быть придуманы бои без правил в стальных клетках, бои без правил за колючей проволокой и мои любимые бои без правил, которые проводятся за ограждением, находящимся под напряжением. И они неизменно собирают множество зрителей вот уже долгие годы.

Пепито эль Карнито чувствовал бы себя на Гавайях как дома.

Под импровизированным брезентовым навесом, по сто метров в каждую сторону, растянутым между верхушками самых высоких деревьев, которые я пока видел на нашем острове, стояла одинокая стальная клетка цилиндрической формы. По моим прикидкам, диаметр клетки составлял порядка пятнадцати метров. Стены и потолок массивного сооружения были образованы из стальных полос сантиметров пятнадцать в ширину, при этом доступ внутрь был возможен через единственную металлическую дверь сбоку. Клетка напоминала гигантскую просвечивающуюся банку из-под супа «Кэмбелл»,²¹ и хотя суп в нее не особо-то нальешь, а вот картошку перевозить вполне можно.

Вокруг ринга в несколько рядов стояли скамьи для зрителей, и все места были заняты прогрессистами, жаждущими зрелищ. Каждую секунду гул нетерпения нарастал. Там, где располагались стоячие места, некоторые динозавры расхаживали туда-сюда, шаркая лапами, хотя, по-видимому, они даже не замечали этого. Толпа знала, что вот-вот произойдет. По крайней мере, они имели хоть какое-то представление, в отличие от меня. В воздухе я ощутил странную смесь возбуждения и беспокойства. Хотя, возможно, это был запах от моего коктейля.

Мы с Эрни сели чуть поодаль от взвинченной толпы на длинную скамейку рядом с открытой трибуной. Наши задницы утонули в толстых подушках. Мы утоляли жажду фруктовыми отварами из ананаса и гуавы, каждый бокал был украшен приятной на вкус веточкой наркотической свежей мяты. Это в точности соответствовало моим планам на вечер. Если уж собираешься на какое-то представление, то все должно быть по высшему классу.

²¹ Компания выпускает суповой концентрат в консервных банках.

Цирцея сидела между нами.

— Это очень давняя традиция, — сказала она, отхлебнув отвар из своего бокала.

— Насколько древняя? — поинтересовался я. — Десять лет? Двадцать?

На ее лице отразилось разочарование.

— Эта традиция вне времени, мистер Рубио. То, что мы сейчас сделали своим ритуалом, когда-то было частью нашего естественного образа жизни.

Я не понял ни слова, но со знанием дела кивнул, только чтобы она перестала на меня дуться и проявила снисхождение. Этому я научился у Эрни.

И именно в эту минуту из-за трибун вышли четыре динозавра и пошли, маршируя в ногу, по направлению к рингу. Как только они подошли к дверце, один из них сделал шаг вперед, вытащил связку ключей и с важным видом нарочито торжественно отпер хитроумный замок.

Толпу успокоили, а я с трудом сдержал отрыжку. Моя глотка наполнилась вкусом сырой свинины.

Динозавры двинулись обратно к трибуне, на минуту куда-то скрылись, но очень быстро вернулись с еще одним динозавром. Это был Томас, тот стегозавр, который готовился к своему дебюту. И какая бы судьба ни была уготована этому парню, он определенно подчинился ей. Странноватый первый бал...

— Его проводят к воротам ринга избранные соплеменники, — объяснила нам Цирцея шепотом. — Именно они в последний раз благословят его и выслушают его слова.

— Он их сам выбрал? — спросил я, показывая на четырех динозавров, которые о чем-то беседовали с Томасом около клетки.

— Если бы ты мог решить, сам ты выберешь тех, кто, возможно, спасет тебе жизнь, или же их выберут за тебя, что бы ты предпочел?

Я задумался на секунду.

— Это ведь гипотетический вопрос, да?

Около ринга стегозавр высказал все свои пожелания своим помощникам. Он повернулся на пятках, сделал глубокий вдох, высоко поднял хвост и уверенно вошел через дверцу на ринг.

Цирцея продолжала комментировать происходящее:

— Теперь, когда он внутри, соплеменники запрут его и дадут время на подготовку. И пока он готовится, они вернутся в зону ожидания за его противником.

— И это будет...

— Для всех противники разные. Тсс!

На самом деле, кажется, сейчас все зрители цыкали друг на друга. Все звуки — ворчание, разговоры и т. д. — прекратились, и под навесом воцарилась зловещая тишина. Я все еще ждал, что вот-вот по трибунам начнут расхаживать продавцы с попкорном, кренделями, может, парочкой сырых свиных кишок, но видел только ряды морд, зубов и горящих глаз, прикованных к стегозавру в центре ринга.

Пока Томас готовился к чему-то, что будет дальше, я видел, как четыре динозавра, избранных им на роль своих помощников в этом испытании, осторожно прикатали другую клетку, намного меньше по размерам, чем ринг, закрытую ярко-алым покрывалом. Внезапно из клетки раздался какой-то звук, определенно не принадлежащий рептилии. Это был рев, рык, но громче и злее, в нем было больше животного, чем во всех звуках, которые я слышал от динозавров с тех пор, как последний раз был на свидании с Брунгильдой, стюардессой авиакомпании «Lufthansa», по совместительству ти-рексом вдвое крупнее меня.

Судя по звукам, это нечто было из семейства кошачьих.

К тому моменту, как меньшую клетку прикрепили ко входу на ринг несколькими металлическими болтами, моя догадка подтвердилась. С диким ревом животное внутри ударило сильной рыжевато-бурой лапой и распорол красное покрывало. Нашему взору предстала голодная пума. Это было очень крупное создание: широкие покатые плечи, мощные лапы, ряды острых зубов. Пума расхаживала по клетке, пока не разодрала

покрывало в ключья за две секунды.

И она по-прежнему была голодна.

— Это и есть противник? — выпалил Эрни. — Господи, это же нечестно.

— Ты был бы удивлен, — сказала Цирцея. — Пумы бывают очень сильными.

— Это нечестно по отношению к стегозавру. Это невозможно. Эта тварь тут же убьет его...

Цирцея взглянула на меня, — *и это твой друг?* — и я изо всех сил попытался ответить ей достойным взглядом, но полагаю, получилась скорее гримаса из-за метеоризма, а не что-то еще.

— Когда мы достигаем определенного уровня Прогресса, — сообщила она моему напарнику, — то нет ничего невозможного. Кроме того, мы предпринимаем меры предосторожности.

— Например? — уточнил я.

Но не получил ответа. По какому-то негласному сигналу преграду, отгораживающую клетку пумы от собственно ринга, подняли, и огромная кошка выпрыгнула из своей темницы на центральный помост. Пришло время шоу.

Томас ждал своего противника. Его когти были выпущены на полную длину, но вел он себя спокойно и невозмутимо, словно всего лишь ожидал, когда же из-за угла появится автобус номер пять. А пума, еще не решившая, что именно ей сделать с наглой жертвой, которая и не думает убегать, ходила вокруг ринга медленно и осторожно, не отрывая взгляда от свежего куска мяса в центре.

Томас двигался еле заметно, едва уловимо. Его спина начала сгибаться сантиметр за сантиметром, он вытянул передние лапы, достав ими до земли, приседая на задние лапы и перенося на них свой вес. Когда он изогнул таким образом позвоночник, то чешуйки на его спине поднялись на пару сантиметров, затем он распрямил хвост и вытянул его, превращая в длинную дополнительную конечность, похожую на еще один палец, только больших размеров. Хвост начал раскачиваться туда-сюда, словно стрелка гигантского метронома.

Он опустился на четвереньки, держа маленькую голову параллельно земле и принося к ней телом, словно заряжая себя опасностью, оставаясь на месте лишь силой собственного веса. Сейчас его стойка была мне совершенно незнакома, как и его манера покачивать головой. Это был уже не тот парень, который медитировал за ужином полчаса назад. Томас стал кем-то другим, еще больше зверем, чем сама пума. Он словно бы превращался в того, кем всегда должен был быть.

В настоящего стегозавра.

Пума как будто тоже заметила перемену, но еще не понимала, что она значит, поэтому сделала пробный шаг вперед, махнув в воздухе лапой. Кошечка хотела поиграть. Пума то выпускала когти, то снова прятала их. Хищница была готова к бою. Кошечка хотела разорвать кого-нибудь на куски.

Внезапно животное метнулось на стегозавра, стараясь запрыгнуть сверху и целясь Томасу в шею. Все произошло так быстро, что я практически не зафиксировал сам момент атаки, а хвост Томаса уже раскачивался, шипы поблескивали, словно уже были обагрены кровью, и он хвостом схватил дикую кошку за переднюю лапу и скинул ее в грязь.

Снова раздался рев, на этот раз стегозавра. Чудовищный звук, услышав который все окрестные японцы побежали бы за своими справочниками «Как себя вести, если прилетела Мотра».²² Пума издала ответный рык. Соперники ясно выразили свои намерения.

— И когда вы останавливаете эти бои? — спросил я Цирцею, которая не отрывала взгляда от происходящего.

— Никогда, — ответила она. — Если только... Я решил, что какой-то сигнал все-таки есть, но не успел спросить, какой именно. Издав еще несколько рыков, пума снова кинулась

²² Гигантская бабочка-монстр, персонаж японских комиксов и фильмов.

в атаку и запрыгнула на стегозавра, который в свою очередь опустил конусообразные шипы вдоль позвоночника, прижав их к жесткой коже, защищающей его спину и шею.

Видимо, недостаточно жесткой. Кровь брызнула из ран на коже, и стегозавр взвыл от боли, мотая хвостом по воздуху, целясь в пуму и пытаясь помочь себе. Но как только хвост определил местоположение противника, пума прыгнула со спины Томаса, обнажив незащищенный участок кожи, и стегозавр ударил себя своими же шипами и завопил от ужасной боли. А как завтра-то будет болеть!

Пума снова отслеживала добычу, расхаживая вокруг динозавра и примериваясь, как бы снова на него запрыгнуть и еще больше покалечить. Низ ринга был покрыт лужами крови, растекающейся по поверхности, отчего становилось скользко. Внезапно у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Я осознал, что толпа прервала молчание и теперь выкрикивает какие-то неопишуемые слова одобрения на разных человеческих языках и на диалекте динозавров, которого я не понимаю.

Еще один рывок, яростная атака, и вот уже стегозавр лежит на спине, отражая укусы хищника, — его челюсти тянутся к шее, к лапам, к незащищенному мягкому животу. В этот раз хвост движется силой, и Томас контролирует его движения, но толку мало.

Тела катались по рингу, ударяясь о металлическую ограду, лапы переплелись, и никто из противников не мог вырваться.

Я заметил, кроме крови, ожесточения и собственно борьбы, что Томас двигается не так, как все виденные мной когда-либо создания. Это были движения не разумного существа, но и не дикого животного. Он не отражал ударов, не производил выпадов, контратак и вообще не защищался в обычном смысле слова. Как будто смотришь на матч «Вашингтонских краснокожих» с «Филадельфийскими орлами». ²³ Но в этой инстинктивной, притом рассудочной, борьбе за жизнь была своя методика, и просто дух захватывало по мере разворачивания процесса, этим зрелище определенно отличалось от схватки «Вашингтонских краснокожих» с «Филадельфийскими орлами».

Шум толпы достиг своего апогея. И вдруг я понял, что тоже вскочил с места, машу кулаком в воздухе и издаю бессмысленный набор звуков, завывая вместе с толпой. Эрни стоял рядом и делал то же самое, зрелище так же увлекло его, как и меня. И только Цирцея, сидевшая между нами, оставалась неподвижной, хотя по ее пристальному взгляду я мог сказать, что она увлечена происходящим на ринге больше, чем все мы, вместе взятые.

Стегозавр уперся хвостом в песок и перевернулся на бок, сбрасывая пуму со своего живота на землю. Но кошка быстро поднялась, снова вскочила и прыгнула, выпустив когти на всех четырех лапах, готовая порвать на клочки все, что попадется ей на пути.

Снова их лапы переплелись, а тела приклеились друг к другу, зубы вонзались в мех и чешую. Если в конце боя кто-то и выйдет победителем, — хотя в этот раз я уверен не был, — то ему долго придется приходить в себя. Ринг превратился в бойню, кровь стекала со спин, животов, хвостов, ног, впитываясь в землю. От противника шею динозавра защищал один из последних слоев защитных чешуек. Пума отпрянула на мгновение, почему-то уверовав, что последний ее укусы будет смертельным.

Хищный взгляд. Разбег. Охота — любимое развлечение в этом городе.

Возможно, это был лишь вопрос скорости. И пума была быстрее. Она прыгнула, приготовившись отправить жертву на тот свет, а потом устроиться поудобнее и перекусить свежим мясом стегозавра.

Но Томас был готов к нападению, какая-то часть его мозга, отвечающая за инстинкты, не переставала работать, чтобы огромное тело продолжало драться, несмотря на то, что из него с удивительной скоростью вытекала кровь. Томас откинулся назад, когда пума прыгнула на него, при этом шипы на его спине амортизировали падение. И в продолжение

²³ «Вашингтон редскинс» («Вашингтонские краснокожие») и «Филадельфия иглз» («Филадельфийские орлы») — две команды американского футбола, входящие в Восточное отделение Национальной футбольной конференции.

этого движения его хвост молниеносно скользнул между ног — ни дать ни взять щеночек, жаждущий, чтобы ему почесали пухленькое брюшко. Шипы со свистом рассекли воздух, направляясь точно к цели, и я все понял за долю секунды до того, как собственно это случилось: шипы хвоста вонзились в живот пумы.

Ужасный вопль боли сотряс воздух, и гигантская кошка рухнула на землю. Кровь хлынула из свежей зияющей раны. Кишки вывалились на землю, и струя мочи потекла на ринг, отчего он стал еще мокрее. Толпа издала победный рев.

Повизгивая так, что от жалости сжималось мое сердце, несчастная пума подползла к краю ринга, пытаясь убежать. Но детали клетки были слишком толстыми, чтобы согнуть их, и близко посаженными, поэтому протиснуться сквозь них тоже было невозможно. Хотя пума слабо покусывала ограду, скрежеща зубами о металл, и жалостливо мяукала, пытаясь прогрызть себе путь к свободе, но, увы, сегодня Великого Побега не выйдет. Возможно, пума не видела, что на потолке, на высоте шести метров, тоже решетки, поскольку сделала несколько беспомощных попыток выпрыгнуть наружу, каждый раз прыжок получался ниже предыдущего. Словно резиновый мячик, который подпрыгивает, но рано или поздно остановится.

Боль и ужас застыли в глазах животного, и помимо этого — непонимание. Этого не должно было случиться. Добыча не может давать сдачи. Жертва должна была делать то, что обычно делают жертвы, — просто сесть и дать себя съесть. Только что произошло что-то ужасное, просто ужасно неправильное.

Сострадание никогда не было особенно популярно в мире животных, и сейчас о нем тоже не было речи. Не успела пума предпринять хоть какую-то контратаку, как стегозавр уже осыпал ее градом ударов когтей и шипов. Я всего-то пару раз моргнул, а тело пумы уже было растерзано на сотню клочков и рассеяно по всему рингу. Рев толпы просто оглушал, возможно, мне придется пойти к ЛОРу и проверить свои несчастные уши, когда мы вернемся на материк.

У меня было сильное подозрение, что Американское общество по предотвращению жестокого обращения с животными не одобрит прогрессистов.

Четыре динозавра, игравших роль помощников Томаса, вернулись к клетке, открыли дверцу и вывели с ринга истекающего кровью победителя. Это было странное зрелище. Томас все еще двигался на четвереньках, как древний стегозавр, сошедший со страниц энциклопедии, а его сопровождающие шли, как люди, с прямой и негнувшейся спиной.

— Теперь ты кое-что понял о Прогрессе, — сказала Цирцея.

— Я понял только, что такое ваш Ринг, — ответил я. — А Прогресс... Не знаю...

Томас исчез за трибуной, где-то в джунглях, и его помощники ушли вместе с ним. Труп пумы утащили с ринга, а толпа начала бродить вокруг ринга, уже готовая рассосаться.

— И что теперь? — спросил я.

— Его передадут бригаде врачей, залечат его раны и дадут ему время отлежаться и поправиться.

— И?

Короткая пауза, словно Цирцея решает, стоит ли ей продолжать этот разговор. Она поджала губки:

— То, что потом случится, нельзя объяснить. Это нужно пережить и прочувствовать. Возможно, в один прекрасный день и ты будешь готов.

Я не знал точно, почему это Цирцея заговорила со мной тоном магистра Йоды из «Звездных войн», но зато был чертовски уверен, что никогда в жизни мне не захочется сразиться с голодной пумой, чтобы возгордиться тем, что я динозавр.

Группа рабочих с тряпками и ведрами спустилась к клетке. Интересно, какой уровень прогресса требуется для работы уборщиком. Цирцея поднялась со своего места и приготовилась спуститься к зрителям. Но как только она двинулась вниз, из толпы прогрессистов раздался чей-то голос:

— Я готов! Я готов для Ринга!

Остальные зашикали на него, а Цирцея снова поднялась на свое место и всматривалась в молодого велосираптора, который протискивался через толпу. Для своего вида это была очень крупная особь. Мои размеры для раптора считаются средними, а этот был как минимум на десять сантиметров выше и килограммов на десять тяжелее. Когти, которые то выдвигались, то прятались обратно, казались особенно острыми. Но, похоже, его ум настолько острым не был.

— Прогресс избрал меня! — крикнул он Цирцее. — Мне должны дать шанс!

По толпе прокатился легкий шепот, скорее одобрения, чем недоверия, и прогрессисты снова заняли свои места, приготовившись к повторному представлению. Неужели вот так просто обречь себя на смерть?

Эрни прочел мои мысли.

— Неужели так можно? Просто взять и заявить, что хочешь поучаствовать?

Цирцея кивнула.

— Прогресс выбирает, когда захочет.

— Но он же не готовился, — заметил я. — Не постился, не медитировал, не проводил всех тех ритуалов...

— Если он готов к Рингу, то и Ринг готов принять его.

Цирцея, Сэмюель и еще несколько прогрессистов устроили импровизированное собрание, чтобы определить, как именно пройдет следующая часть вечера. Команде уборщиков велено было закончить работу, и они с радостью покинули клетку, низ которой все еще был алым и липким от крови. Раптор, который несколько минут после своего заявления слегка задыхался от волнения, в одиночестве сидел на скамейке с закрытыми глазами, потирая руки. Должно быть, это его собственный способ медитации, методика по высвобождению подлинной сути динозавров. Надеюсь, сработает.

Цирцея встала со своего места и подошла к юному раптору.

— Избери себе помощников, — сказала она, и я отлично слышал ее слова, несмотря на расстояние. Динозавр быстро выбрал четырех друзей — двух рапторов, диплодока и — боже мой! — компсогната. Они выстроились в шеренгу за его спиной.

— Это безумие, — сказал мне Эрни. — Если Руперт собирался отправиться на ринг, то я рад, что он покончил с собой. Лучше уж умереть у себя дома, чем в этом... бредовом кошмаре.

Цирцея повторила ту же церемонию, что и в столовой, объявив, что раптор готов перейти на следующий уровень, и спросив, собрался ли он с духом. Весь разговор повторился слово в слово. От души напоив его своим ароматом и отправив его на ринг, Цирцея вернулась на свое место. Но в этот раз ее глаза не блестели.

Она откашлялась, что-то сказала себе под нос, и, хотя это был шепот, мне кажется, я слышал, как она вздохнула.

Раптор подошел ко входу, едва держась на ногах, мышечное подергивание сотрясало его левую ногу с такой силой, словно она стояла на эпицентре локального землетрясения. Но в глазах читалась решимость, руки спокойно висели вдоль тела, и, несмотря на то что в моей собственной груди kloкотало волнение, этот раптор казался так же готовым сразиться с дикими хищниками, как и стегозавр до него.

Вывезли новую клетку, не такую, как у пумы. Она была закрыта лоскутным покрывалом, сшитым из обрезков синей и черной ткани. Четыре динозавра, которые подкатали клетку к рингу, с трудом удерживали ее на месте, поскольку она тряслась во все стороны. Кто бы там ни находился, эта тварь не слишком рада, что ее заточили в клетку.

Двери ринга закрыли и крепко заперли. Начался второй поединок.

Как только преграду между клеткой и рингом подняли, то менее чем через секунду оттуда вылетел бык. Две с половиной тонны ярости, нацеленные на жизненно важные органы раптора. Ну, я уже смотрел родео и раньше, — на самом деле меня заставила подружка-гадрозавр, которая особенно любила кожу, ну такой фетиш был у девушки, — но такого чудовища я никогда не видел. Полтора метра в плечах, рога как кинжалы, и безумен,

как алкаш, которого вышвырнули из бара.

Ой-ой-ой. Нехорошо. Совсем плохо.

Толпа больше не ликовала.

Мне хотелось бы защитить брата-велосипедиста и сказать, что он дрался как герой и неистово набросился на чудовище, что потери крови были равны, но правда такова: бык пронзил его рогами в самом начале схватки.

Даже не дав динозавру толком подготовиться к защите, бык набросился на него и воткнул рога в его упитанные бока, поднял в воздух, напрягая рельефные мышцы шеи, и с легкостью бросил раптора в дальний конец ринга, где тот остался лежать, как использованная салфетка.

Дальше — хуже.

Это зрелище одновременно привлекало и отталкивало, и я разрывался между этими двумя ощущениями. Прошло всего несколько секунд, но возникло чувство, что это конец двенадцатого раунда, и мне было интересно, когда же кто-нибудь выбросит кроваво-красное полотенце, чтобы спасти участника от неизбежного нокаута. Я знал, что прошлый поединок превратился в битву не на жизнь, а на смерть, но сейчас все зашло так далеко, что я сомневался в его благополучном исходе для моего сородича.

Прошло не более десяти секунд, но было уже ясно, что раптор в ближайшее время вступить в бой не сможет. Он для этого быка был не больше чем просто тряпичная кукла, и я уже собирался выступить против продолжения боя, как Цирцея встала и три раза подряд хлопнула в ладоши. По сигналу, словно они ждали его всю свою жизнь, четверо помощников потянулись к продолговатому деревянному ящику, прикрепленному под одной из скамеек. Каждый достал по винтовке.

Эрни вскочил с места, и я, да и все собравшиеся тоже, когда динозавры быстро зарядили оружие, прицелились и выстрелили. Я ожидал громкого звука, который обычно бывает при стрельбе из винтовки, но услышал лишь свист, и вдруг в кожу быка воткнулись четыре дротика всего лишь в сантиметре друг от друга. Ну, мишень, конечно, немаленькая, но при виде таких выстрелов и Робин Гуд бы вытаращил глаза от удивления.

Очень быстро и четко (такого мастерства можно добиться только практикой и еще раз практикой) динозавры перезарядили, прицелились и еще раз выстрелили. Бык остановился и лениво осмотрел ринг в поисках источника этих комариных укусов.

Раптор в углу пошевелился, даже скорее дернулся. Он ударил лапой по решетке, и язык его свесился изо рта. Бык повернулся к своей игрушке, приготовившись, вероятно, прикончить раптора, но наркотик, использованный в дротиках, подействовал на гиганта, его глаза начали закатываться, и он тяжело рухнул на землю.

Быка увезли прочь. И раптора тоже. Ринг почистили, он сиял и блестел, словно ничего и не было.

— Он выживет, — ответила Цирцея на мой немой вопрос.

— Но он сильно пострадал.

— Я видала и похуже.

Толпа внизу смотрела на нас, и на мгновение мне показалось, что их взгляды направлены на меня, словно это из-за меня с их другом произошла беда. Мне хотелось возразить, заявить, что я невиноват, но мания преследования рассеялась, как только Цирцея загородила меня и обратилась к своим последователям:

— Прогресс — наше общее право, но это еще и ответственность. Его необходимо приобретать, прилагая силы и анализируя свои поступки. Это не то, что можно выбрать просто потому, что нам так хочется. Это Прогресс выбирает нас, а мы просто позволяем ему проникнуть в наши жизни. Сегодня ночью, когда вы будете лежать в своих гнездах, пожалуйста, мысленно воспроизведите все события вечера и подумайте, будете ли вы когда-нибудь готовы к Рингу. Спросите себя, понимаете ли вы предков, можете ли вы освободиться от запретов. Пусть каждый задаст себе вопрос: живу ли я в Прогрессе, или это Прогресс живет во мне? Спокойной ночи, братья и сестры.

И после этих слов толпа рассосалась. Цирцея снова уселась на место и наблюдала, как поток динозавров хлынул из амфитеатра. Мы с Эрни тоже смотрели и ждали подходящего момента, чтобы откланяться и вернуться в хижину к нашим уютным (у кого как) гнездышкам.

Через какое-то время около ринга остались только несколько динозавров. Цирцея по-прежнему смотрела куда-то в пространство, ее взгляд не был совершенно пустым, но она и не была *здесь*. Она не отвечала своим помощникам, подошедшим пожелать ей доброй ночи. Да, сегодня хозяйка с нами прощаться не будет, поэтому мы с Эрни воспользовались случаем, чтобы потихоньку свалить...

— Подожди, — раздался голос Цирцеи, и я не смог ослушаться. Эрни положил мне руки на плечи и крепко держал, но я ничего не мог с собой поделать и повернулся. Из уголка ее глаза вытекла одна-единственная слезинка, оставив мокрый след на аппетитной круглой щеке, и исчезла между двух соблазнительных губ.

— Винсент, ты не хотел бы ко мне присоединиться и пропустить по стаканчику?

Это неправильно. Так нельзя. Я готов был поспорить на половину зарплаты — за моей спиной Эрни испепеляет меня таким осуждающим взглядом, что ему позавидовала бы и Медуза Горгона.

— С удовольствием, — сказал я, стряхивая руки своего напарника и рванув рысцей к хрупкой предводительнице прогрессистов. — К тебе в хижину или ко мне?

16

Я сказал «к тебе в хижину»? Глупый раптор ошибся. Сколько бы денег ни сэкономили прогрессисты на обустройстве своего лагеря, эти средства ушли на строительство и внутреннее убранство дворца наслаждений Цирцеи в самом центре острова. Сверкающие стены были покрыты каким-то непонятным веществом, и не бриллианты, и не жемчуг, но у меня сложилось впечатление, что квадратный метр стены стоит столько же, сколько моя квартира, машина и весь базилик, который я сжевал за последние десять лет.

Недостатка в этой ядовитой траве, кстати, не наблюдалось. С того момента как мы, держась за руки, вошли в главное здание через трехметровые двустворчатые двери, наше настроение уже улучшилось после километровой прогулки по свежему воздуху. Мы шли по дорожке, доступ на которую имели лишь избранные, а вокруг вились последователи Цирцеи, предлагавшие нам все виды земных удовольствий. Тарелки с горкой петрушки и подносы с целой кучей тимьяна — все есть, все свежее и, что лучше всего, бесплатное.

Вообще-то я не халявщик, но решил, пока работаю под прикрытием, можно его и изобразить.

— Угощайся, Винсент, — сказала мне Цирцея. Она уже осилила граммов сто майорана и без передышки приступила к пажитнику. — Тмин очень хорош. Рекомендую.

На самом деле мне хотелось бы попробовать все, пробежаться мимо этого шикарного шведского стола с галлюциногенами, но отчасти я позволил Цирцее отвести меня к себе домой, чтобы хорошенько прощупать... не то, что вы подумали, а почву, поэтому нужно, если хочу успешно справиться с задачей, чтобы мозги оставались относительно незатуманенными. Ну, если я разик или два лизну тмина, то это не повредит...

Еще шафрана на удачу.

И фенхеля, потому что я не пробовал его уже сто лет.

И пару горсточек базилика, чтобы отнести Эрни, потому что я такой парень — не могу не позаботиться о друге.

Не успел я ничего понять, а моя кровь уже бурлила ото всех этих веточек и листиков, а мы с Цирцеей покинули фойе и шли по длинному, изысканно украшенному коридору. Через дальнюю дверь я различал бесконечные ряды вешалок, как в химчистке, с которых свисало множество личин, подметающих пол. Должно быть, где-то здесь хранится и мой «костюмчик», надеюсь, они позаботятся, чтобы он пах свежей сосновой хвоей.

Мое тело не успело еще отправить мозгу предупредительный сигнал, а мы с Цирцеей уже восседали на большом кожаном диване, рассчитанном на двоих. Высокая спинка и широкие подлокотники ограничивали движение наших тел, мы словно стали единым целым. Длинные ноги Цирцеи покачивались поверх моих, и когти на левой ноге слегка царапали мою лодыжку. В некотором смысле мы сейчас занимались-таки образованием, причем изучали не только собственные ощущения: на стене висели ряды старинных портретов суровых динозавров, незнакомых мне.

— Надеюсь, ты хорошо провел время, — сказала она.

Я напустил на себя скромный вид.

— У тебя очень милый островок. И последователи замечательные. А сколько времени уже существует этот ваш Прогресс?

— А что, пришло время задавать друг другу вопросы?

Ее нежелание отвечать на мой вопрос, заданный экспромтом, напомнило мне о первоначальной цели моего визита. Вся эта болтовня, легкодоступные наркотики и непосредственная близость превосходной особи динозавра моего вида и противоположного пола ублажали меня настолько, что я забыл о своей миссии. Но теперь-то ты снова на верном пути, Винсент. Жми на газ, мчись на полной скорости и не тормози!

Крякнув от напряжения, как физического, так и психического, я убрал ноги Цирцеи со своих коленей и прошелся, по возможности не раскачиваясь, по кабинету.

— Пофлиртовать мы можем в любой момент. Но я здесь, чтобы учиться, не забыла?

— Так ты и учишься. И будешь учиться дальше.

— Ты таким образом уходишь от ответа? — спросил я.

— Ну, лучше так, чем по-другому?

— О чем это ты?

— О том, как ты только что крякал.

Странная дамочка. Странное место.

— У тебя очень милый островок.

Она кивнула с улыбкой.

— Спасибо. Стараемся.

— Большой. Много лесов. Но ты, по-видимому, используешь только небольшую его часть.

— Джунгли прекрасны, — согласилась Цирцея, — хотя мы и редко заходим туда. Та, вторая сторона острова... она... другая.

Я кивнул, медленно двигаясь туда-сюда. Шаг вперед, шаг назад, ча-ча-ча.

— Что значит «другая»?

— Видоизмененная. Мутировавшая. Этот остров раньше использовали для тестирования ядерных боеголовок.

Моя кожа тотчас ощутила на себе тысячи радиоактивных частиц, а все тело стало посылать в мозг неистовый, сверхсильный сигнал «Чесаться!». Не так ли появился на свет Годзилла?

Но Цирцея уже изучила меня достаточно хорошо, чтобы понять мое беспокойство, поэтому она быстро покачала головой и погладила меня по руке, дабы развеять мои страхи.

— Здесь мы в безопасности, — заверила она. — В этой части острова радиации нет. Раз в два месяца мы проверяем уровень радиационного заражения счетчиком Гейгера.

— А что же там? — спросил я, изображая любопытного котенка. — На той стороне?

— Не знаю. В целях нашей общей безопасности мы объявили ее закрытой зоной.

Мы посмотрели друг на друга. Господи, она такая красивая.

Пора нарушить молчание, хотя бы для того, чтобы услышать собственный голос и убедиться, что она не накормила меня какими-нибудь хитрыми травками и не превратила в немого.

— Хм... А ты сама проходила через такое испытание? — спросил я. — Через Ринг?

— В какой-то момент всем нам приходится проходить через небольшие испытания. У

кого-то эти испытания будут другими.

Я демонстративно поскреб подбородок. Так я изображаю задумчивость и внимание.

— Значит, ты говоришь, что никогда не была на Ринге.

— Вы очень проницательны, мистер Рубио, — я подумал, что она, возможно, издевается, но под действием наркотика было сложно отличить сарказм от искренности. — Достаточно сказать, что испытание на Ринге не было бы для меня чем-то сложным, но если бы мне пришлось опробовать свои силы на арене, то я не годилась бы больше для того, чтобы вести братьев по пути к Прогрессу.

— А можно поконкретнее?

— Нет.

Стол из отполированного красного дерева с латунными ручками стал для меня новым стулом. Я шмякнул задницу на его поверхность, и прохладное дерево внесло приятное разнообразие в жаркий и влажный климат. Эти сектанты что, не слышали о кондиционерах? По крайней мере, нашим предкам хватило бы ума, чтобы изготовить пару вентиляторов, как мне кажется.

— Ну, как-то неприятно получилось, когда того раптора поднял на рога бык, — сказал я.

— К несчастью, такое случается.

— Часто?

— Нет, — ответила Цирцея, — но даже один раз — это чаще, чем мне хотелось бы. Члены нашей группы жаждут вернуть себе свое подлинное «я», и иногда энтузиазм заграждает дорогу здравому смыслу.

— Здоровый был бык.

— Но и раптор был сильный. Когда боец готов, уверяю тебя, на Ринге не происходит неравных боев. А о том рапторе позаботятся доктора, и я сомневаюсь, что он еще раз допустит такую же ошибку. В следующий раз он позволит Прогрессу идти своим чередом. — Цирцея скользнула по кожаному дивану. — Ты готов снова сесть? Здесь есть место.

Я проигнорировал этот призыв и остался на месте.

— А соревнования на Ринге проходят каждый вечер?

— Нет, только в установленные дни.

— А если какому-нибудь диплодоку захочется сразиться в бою с львенком Симбой, когда вы не на Гавайях?

— У нас есть и другие Ринги, — ответила Цирцея. — В других местах.

— Где?

— Некоторые вещи лучше узнать по прошествии времени. Оставайся с нами и в свое время узнаешь.

Я спрыгнул со стола и начал мерить шагами комнату, рассматривая картины в дубовых рамках, висящие на темно-бордовых стенах. На этих изысканных портретах были изображены все виды динозавров. И все, как один, с морщинами, складками и постаревшей кожей. Да, парни немолоды.

— Предки? — поинтересовался я.

— Вряд ли. Тот, который слева от тебя, был президентом какого-то университета в конце девятнадцатого века. А целофизис рядом с ним — это Дж. Эдгар Гувер.²⁴ А кроме них я большинство и не знаю, честно говоря. Это был кабинет Рааля.

— Был.

— Да, был.

— Значит, он умер?

Она облизнула губки, основное внимание уделив уголку рта.

²⁴ Директор ФБР с 1924 по 1972 г.

— Так говорят.

Странно, как эта цыпочка постоянно отказывается от своих слов. Раньше она твердо стояла на том, что старичок Рааль жив-здоров, просто вне пределов досягаемости.

— А ты его знала?

— Да.

— Как долго вы были знакомы?

Цирцея встала, повернулась ко мне задом и пошла к бару, выступавшему прямо из дальней стены. Из крана постоянно тек целый водопад непонятно чего, Цирцея высунула длинный язычок и сделала несколько глотков эликсира. Даже отсюда я почувствовал, что это вытяжка из трав.

— Я пригласила тебя сюда выпить со мной...

— ...и я остался, чтобы составить тебе компанию, — закончил я. — Если ты хочешь, чтобы я прекратил задавать вопросы...

— Мы были знакомы пятнадцать лет. А потом он исчез.

— И ты предполагаешь, что он мертв?

— Ничего я не предполагаю. Рааль был практически стопроцентным динозавром, и он мог одним взмахом хвоста добиться большего, чем мы за всю жизнь, полную борьбы за наше «я».

Я выдвинул теорию:

— Ты была его протеже.

— Называй так, если хочешь. Это он привел меня к Прогрессу.

— Каким образом?

Казалось бы, простой вопрос, по-моему, но лишь от его звучания Цирцея снова метнулась к водопаду и проглотила еще литра три алкоголя. Как ни странно, красавица не пьянела, а если и пьянела, то я не замечал ни малейшего изменения в ее поведении. Я уже ударялся бы о стены и извинялся бы перед дверными ручками, хотя, возможно, у нее уже выработалось привыкание к этим веществам.

— Останься здесь, — сказала Цирцея и выскользнула через черный ход, оставив меня в гордом одиночестве в скучном кабинете. Могла бы хоть в игровой комнате меня бросить... Позади рабочего стола стояло кожаное кресло с высокой спинкой, по моим представлениям, так должно выглядеть классическое кресло начальника. В супертолстую бычью шкуру воткнуты латунные кнопки, а сама поверхность отполирована до зеркального блеска, кожа почти такая же скользкая, как чехол на диване мистера Левитта, натертый чудо-средством. Это кресло просто ждет судебных разбирательств. Готов поспорить, если я сейчас усядусь на него, то свалюсь именно под таким углом, чтобы раскроить себе башку, и обвинения посыплются на производителей скользкой штуковины как из ведра.

Но мои мускулы жадности не настолько развиты, как мускулы любопытства, поэтому, как только я сел за стол, якобы принадлежавший самому мифическому Раалю, я не смог совладать со своими пальцами, схватил скрепку из ящика для бумаг и согнул ее, соорудив некое подобие отмычки. И дело тут не в моем желании или нежелании, это просто рефлекс, который срабатывает время от времени, и я почти ничего не могу с этим поделать. В столе было несколько ящиков — по два с каждой стороны и один посередине. Они фактически умоляли меня открыть их и явить миру спрятанные в них ценности. Я как Джеральдо Ривера из одноименного шоу, только вокруг меня не вились телекамеры и не смущали меня.

Несколько секунд я вертел в замке маленькой железячкой, и вдруг до меня дошло, что чертовы ящики даже и не заперты. Кто бы ни открывал их в последний раз, этот кто-то был достаточно беспечен и не стал снова запирать, а уж я не из тех, кто доделывает чью-то работу. И я выдвинул один из ящиков на полную длину.

Какие-то счета. Чернила красные, черные, красные и снова черные, прибыли и убытки, доходы и расходы вперемешку, и я ни хрена в этом не понимал. Последний урок математики, на котором я был, закончился тем, что мне съездили по носу транспортиром (даже и не спрашивайте, в чем было дело), и с тех пор я держусь подальше от мира чисел.

Но на счетах были и определенные заголовки, по которым даже я мог догадаться, что речь шла о крупных оттоках денежных средств. Порядка шести с половиной миллионов баксов покинули казну Прогрессистов не более месяца назад, хотя нигде не было указано, на что пошли бабки, и редко встречались знакомые мне имена торговцев наркотой, которым платили бы больше, чем пару долларов за кило базилика.

Причем расчеты велись не только в старых добрых баксах, были еще лиры, немецкие марки, кроны и другие виды валют, которые я даже не знал. Что бы они ни покупали, это покупалось в разных странах, а не в одной. И мне оставалось лишь сожалеть, что я не знаю, за что же Прогрессисты отстегнули столько деньжищ. Но одно я понял наверняка — это «что-то» носило глобальный характер.

Я собирался было порыться еще в бумажках, но тут услышал знакомые шаги, приближавшиеся к кабинету. Я быстро засунул счета обратно в ящик, несомненно скомкав их по дороге, и швырнул скрепку по направлению к ближайшей корзине для мусора. И промазал. Да, над трехочковыми стоит еще потрудиться.

Когда Цирцея вошла в кабинет, то в руках у нее был тонкий фотоальбом, на обложке которого не было ничего написано, и на корешке тоже. Снова усевшись на диване, Цирцея поманила меня:

— Я уже много лет это никому не показывала, — тихо сказала она, — и если ты хочешь посмотреть, то можешь сесть рядом.

Ну ладно. Не думайте, что мне было так уж неприятно, просто я надеялся, что не выйду за рамки своих профессиональных обязанностей.

Господи, кого я обманиваю? Нет, я надеялся, что все будет как раз наоборот.

На первой фотографии в альбоме был снят скромный домик с тремя спальнями, расположенный где-то в пригороде. Декоративные статуи, фигурки розовых фламинго на лужайке, микроавтобус на дорожке и прочая дребедень. Перед домом муж с женой, улыбаются в камеру. Портрет счастливой семьи.

— Это мой дом, — сказала Цирцея, — и мои родители.

Я был удивлен, в основном тем, что женщина на фото была разодета в пух и прах, словно собирается в ресторан или в театр. Обычно динозавров так утомляет все это бесконечное застегивание пуговиц и завязывание поясков по утрам, что у самок редко хватает времени или терпения, чтобы нанести дополнительный слой макияжа на лицо, которое для начала даже не их собственное. На самом деле чем бесцветнее женщина, тем выше вероятность, что это ящерица в костюме обезьяны. Мы ратуем за простоту, насколько это возможно. И это не простое совпадение, что движение против лифчиков возглавила бронтозавриха, которой попросту осточертело возиться с еще одной застежкой.

— Они у тебя красивые.

Цирцея грустно улыбнулась.

— Уверена, они были красивы. Они умерли, когда мне был годик.

— Прости. Так ты была сиротой?

— Была, пока... — она перевернула страницу. Малышка, розовенькая и агукающая, ну, может уже и не совсем агукающая, лежит в кроватке и тянет к фотографу круглые кулачки.

— Это... ты?

— Да, перед тем как родители... ушли. Маска, изготовленная компанией «Блаупункт», — ну, знаешь, они еще магнитолы для автомобилей делают, — единственная вещь на память о моем детстве. По крайней мере, из того, что мне хотелось сохранить.

Дальше несколько фотографий были уже не такими радужными. Ряды девочек от малышей до подростков, стоящие строго по линейке, словно роботы улыбаются в камеру. Потертая форма и начищенные до блеска туфельки, а в глазах — пустота и разбитые надежды.

— Приют Святой Елены для несовершеннолетних проституток, — сказала Цирцея. И добавила: — Меня там не особо любили и частенько дразнили, но это еще не самое плохое. Такие приюты не лучшее место для маленькой девочки...

— Знаю, — перебил я, мне ужасно хотелось ее утешить. — Я смотрел фильм «Энни».

Раздался смех. Несколько неожиданно, но пусть уж лучше смеется. Цирцея захлопнула альбом и повернулась ко мне:

— Возможно, в «Энни» и показаны все прелести человеческого приюта, Винсент, хотя я в этом сомневаюсь, но подобные учреждения для динозавров намного хуже, чем ты себе представлял исходя из фильмов.

— Это не... я не хотел...

— Сестры, которые заправляли этим местечком, решили, что поскольку наш мир по преимуществу человеческий, то нужно научить нас быть больше людьми, чем даже сами люди. Ужасные создания, все они... орали на нас всякий раз, как только чуяли, что наши тела выделили хоть каплю запаха. Нас силой заставляли надевать одежду с грубыми воротниками, чтобы она впитывала все наши феромоны. Нас опрыскивали дезинфицирующими средствами, а остатки намазывали на кожу. Следующим пунктом были горячие ванны, где нашу естественную кожу терли металлическими мочалками. Короче, все, чтобы только избавиться от запаха.

Они хотели уничтожить в нас динозавров и не успокоились бы до тех пор, пока нас нельзя было бы отличить от обезьян. Каждое утро в этом кошмарном месте я смотрела на себя в зеркало, на свою ужасную морду, страшные когти, отвратительный хвост и ненавидела последние признаки моей принадлежности к динозаврам.

Моя лучшая подружка дошла до того, что отрубила себе хвост. Как-то утром она пошла в цех, включила циркулярную пилу и просто отрезала его. И несмотря на то, что она умерла, ее желание очеловечиться было сильнее желания жить. Помнится, в тот момент я испытала не ужас и не отвращение, а подумала: «Джанин молодчина, почему я так не могу?».

Я не удержался и сглотнул комок в горле.

— И почему же ты не смогла?

— Рааль нашел меня прежде, чем я дошла до ручки. Он приехал к нам, поговорил с несколькими девочками, а потом встретил меня и сказал, что поиски завершены. Рааль сказал, что вот уже десять лет искал того, кто же выведет наш род из рабства. Он даже не стал дожидаться, когда придут все разрешения на удочерение, просто пришел однажды вечером ко мне, вытащил меня из этой комнаты, из приюта, и мы сбежали.

— Ты поверила ему?

— Ни капельки. Но у него была еда, травка. И свобода. Для девочки из сиротского приюта, едва достигшей подросткового возраста, он был Моисеем, Иисусом и Кейтом Партридж из «Семейки Партриджей» в одном флаконе.

— А потом?

— А потом началось мое обучение. Годы терпения и понимания. Рааль пытался показать мне, кто я на самом деле, и что еще важнее — *что* я есть, то есть мою сущность. Он научил меня пользоваться тем, что дала мне матушка-природа, и заново полюбить себя.

Я ничего не мог с собой поделать. Может, так на меня повлияла история, или просто поздний вечер за окном, или остаточное действие трав на мою нервную систему, но мысль сорвалась с моих губ быстрее, чем я успел поднять трап:

— Он научил тебя проделывать всякие фокусы со своим запахом.

— Он научил меня проделывать всякие фокусы со своим запахом, — повторила Цирцея, взяла меня за руку, и я ощутил жгучее покалывание в руке, которое поднялось до грудной клетки. — На самом деле не такие уж это и фокусы, эта возможность дана нам от природы, как способность дышать или ходить. Это наша неотъемлемая часть.

— Как это?

— Запах позволяет добраться до нашей подлинной сущности. Возможно все — общение путем запаха, усиление его интенсивности и даже бездействие пахучих желез. Когда ты уверен в себе, то эта способность постепенно превращается в нечто само собой разумеющееся, в часть тебя. Это все естественно.

Но все динозавры разные, — добавила Цирцея. — У нас много общего, но мы как люди

в том плане, что у каждого свой уровень способностей.

Пока она говорила, я учуял, что ее способности проявляются в полную силу. Сейчас это не было быстрым впрыскиванием феромонов, как в прошлые разы, когда она буквально сбивала меня с ног, а медленный равномерный массаж моих чувств. На меня накатывали волны чего-то сладкого, пряного и замечательного. Комната начала раскачиваться перед глазами, стены вибрировали, словно махали мне на прощание ручкой — *доброй ночи, Винсент, ты вернешься очень скоро...*

Но я продолжал задавать вопросы, мать их, и собрал все имеющиеся силы в кулак, чтобы бороться с магией запаха и произносить нужные слова:

— Вот почему он тебя выбрал, — удалось мне выдавить из себя. — У тебя эти способности чер... чрезвычайнo развиты...

Цирцея кивнула. Учитывая мое выигрышное состояние, для меня это выглядело так, словно она кивнула всем телом. Стены теряли непроницаемость, становясь все более и более прозрачными.

— Я покинула тот мир, — сказала Цирцея, — и стала ученицей Рааля. Он сказал, что у меня такой талант, которого он раньше не встречал. И еще — что мы вместе освободим наш род от оков. Что есть лишь один путь понять наше подлинное «я» — это туаааах грееаерл, и тогда лааре-еч орррарех во всем вролааае...

Из ее рта вырывались какие-то бессмысленные визги и хрипы, иностранный язык смешивался с моим родным. Но она продолжала говорить — рычать, похрюкивать, — словно это был чистейший английский во всем мире.

Как только последняя стена не выдержала и пала, я вытянул руки и попытался схватиться за кресло, мне нужно было хоть что-то, чтобы удержаться на месте. Мои руки нащупали кожу, которой был обтянут диван (хороший знак!), но почти сразу же она превратилась в кору. Я посмотрел и обнаружил, что пальцы крепко сжимают ветку доисторического дерева, а когда я снова поднял глаза, то никакого кабинета уже не было.

Я снова был в лесу.

Вы, наверное, думаете, что теперь-то я уже ориентировался в этих проклятых джунглях, но на этот раз все было по-другому. В предыдущих опытах с Цирцеей и ее волшебным ароматом лес был почти такой же реальный, как в жизни, но это была некая часть антимира, когда чувствуешь, что все происходит не совсем по-настоящему. А в этот раз сук был настолько реальным, чтобы сильно царапать мою задницу. Вероятно, надо мной парил птеродактиль и эта тварь решила сделать свои дела прямо у меня над башкой, и уж будьте уверены, я не усядусь на заднице ровно и не стану надеяться, что это только мираж.

Я встал, и листья под ногами смялись, коснувшись пальцев, щекоча их и лаская. Незнакомые звуки — какие-то песни, крики и радостные вопли окружающего меня мира — скакали с дерева на дерево и снова мне в уши, услаждая мой слух на каждом шагу. Воздух вокруг был плотным, и я понял, что дышу с трудом, словно обучаюсь этому заново. Я дотронулся до еще одного дерева, и оно было твердым. Все это происходит со мной здесь и сейчас.

Кто-то погладил меня по груди. Пальчик скользил все ниже и ниже. Этот кто-то стоял у меня за спиной и горячо дышал в ухо.

— Тебе нравится?

Цирцея.

— Как...

— Тсс. Тебе нравится?

— Да-а-а-а-а, — выдохнул я, протянув последнее «а». Обычно мои отношения начинаются не так, обычно я соблазнитель, а не соблазняемый, но раз уж я уже нахожусь в реальности, которой не существует, так почему бы не позволить природе идти своим путем, неважно, насколько извилистым он кажется.

— Давай же, — прошептала она. — Как в последний раз.

Руки обняли меня крепче, обвивая мое тело, и я повернулся к моей новой любовнице.

Наши языки уже искали друг друга, извиваясь как змеи, переплетаясь, слизывая пот и слюну, впитывая запахи. Мои руки сами по себе поднялись, крепко держа Цирцею, и оторвали ее от земли, а пальцы обхватывали основание ее хвоста, поглаживали спину, унося ее туда, где она должна была быть — туда, где я хотел, чтобы она была...

И вот мы уже двигались, и хотя наши ноги оставались на месте, но зато земля под ними пошла волнами, начала вертеться. Мы занимались любовью, раскачиваясь взад-вперед, я проникал в нее, ворочаясь на нашем воздушном ложе, мимо проносились деревья, листья хлестали по обнаженной коже. Она крепко обвила меня ногами, открыла рот и что-то выкрикивала.

Наши движения ускорились. Все быстрее и быстрее. Когти Цирцеи впивались в мою спину, но боль только возбуждала, моя пасть открылась, и я укусил ее за плечо, делая сильные толчки к ее телу, сильнее, чем когда-либо. Пот градом тек с наших тел, скатывался с хвостов прямо на землю, исчезая в буро-желтой грязи. Голова кружилась. Казалось, что над нашими головами небо поворачивается вокруг своей оси.

Мой собственный запах усиливался, перемешивался с ее ароматом, наши феромоны тоже по-своему занимались любовью, когда из моей груди вырвался стон и слился со страстным криком Цирцеи. Наши тела резко колотились друг о друга. Это был не просто секс, а животное проявление похоти. И тут уже исчезали окружающие нас деревья, а вместе с ними и весь мир: листья, грязь, земля, небо, вращение. Теперь ничто не держало нас и не мешало проникать друг в друга. Мы вонзали друг в друга когти и зубы, и все мое тело было внутри ее, а ее — внутри меня...

Мозг отключился, тело работало на автопилоте, делая резкие толчки, ощущая...

...господи, пусть это никогда не кончится, пусть всегда...

...боль... удовольствие... боль...

И вдруг сверху на нас потоком полился яркий свет. Раздался вопль, который не мог принадлежать никому из живых существ. Небо полыхало, и в облаках образовалась дыра. Мне стало жарко, очень-очень жарко, когда мое семя брызнуло внутрь ее тела, и я со стоном кончил. Обжигающий поток сжигал и пронзал меня. А Цирцея тянула меня вниз, в себя. Ее рот широко открылся, и оттуда тоже вырвался тихий стон, смесь ужаса и удовольствия. Мы были вместе. Мы были единым целым. А где-то далеко, теперь уже намного громче, звучал ужасный, оглушительный шум, словно наступает конец света... Он приближался к нам, и пожар становился сильнее и сильнее, горело уже небо и то, что за горизонтом, — все... и... и.....темнота.

17

Моя самодельная подушка по вкусу напоминала отраву из корня таро, которую так любят гавайцы, а она в свою очередь по вкусу, как... нет, с ней ничто не сравнится. Если я и узнал что-то новенькое на Гавайях, так это то, что и моя подушка и кушанье пои — это бесполезные непитательные комки, не пригодные в пищу, и ни то, ни другое я никогда-никогда не должен больше брать в рот. Но как только утренний свет брызнул мне в лицо и я очнулся в собственном гнезде, поскольку меня тихонько тряс Эрни, то оказалось, что я крепко обнимаю пучок прутьев, зарывшись лицом в листья и обрезки коры.

— Просыпайся, а не то завтрак пропустишь.

— Вот уж стыдно-то будет, — проворчал я. Еще пять минут он меня тыкал и щипал, прежде чем я встал и наполовину приготовился посмотреть в лицо этому миру. Меня должно было мучить похмелье, но почему-то ничего не болело, и это казалось хорошим предзнаменованием. Я выкарабкался из гнезда, кстати отлично свитого, а это значит, что вчера вечером Эрни, должно быть, оказал мне любезность и соорудил для меня постель. Колени хрустели, а руки автоматически тянулись к небу. Я услышал, как за моей спиной тихонько присвистнул Эрни.

— Ты вчера вечером занимался самоистязанием, а, малыш?

Если даже и так, то я определенно не мог вспомнить, что бы это могло быть. Я ходил в замок Цирцеи, перекусил травками, немножечко поиграл в вопросы и ответы, пофлиртовал, замечтался, а потом... пустота.

— О чем это ты?

— О твоей спине.

— А что с ней такое?

— Сам не чувствуешь?

Я, все еще ничего не понимая, попытался дотянуться рукой, чтобы ощутить то, о чем говорит Эрни. Безуспешно. К счастью для меня, Эрни прекрасно мог добраться до моей спины. Он ткнул меня пальцем в позвоночник, и туда же иглой вонзилась острая боль. Это напоминало прыжок в соленую океанскую воду, когда вы точно понимаете, где именно на вашем теле расположен один-единственный крошечный порез.

— Это, черт побери, что еще такое? — спросил я.

— Царапина. У тебя тут целая автострада с перекрестками. У меня смутное ощущение, что ты не только допрашивал свидетельницу, а?

Это как посмотреть.

— Разумеется, я ее допрашивал, — ответил я и поведал Эрни подробности, как именно неувловимый и, вероятно, почивший в бозе Рааль познакомил Цирцею с Прогрессом.

— А царапины откуда? — не унимался Эрни.

Не было необходимости рассказывать ему о лесах, о том, как мы бежали и... что было дальше, про свет, ужасный пожар и взрыв. В конце концов, когда я сам все это переварю, то поведаю ему о непонятно чем вызванных фантазиях, которые посетили меня, но пока что мои глюки — это моя личная вечеринка, и я единственный в списке приглашенных.

— Без понятия.

Затем, чтобы сменить тему, я сообщил:

— Зато я обнаружил очень странные документы. Тут прокручивают большие суммы в валюте. Похоже на то, что они отмывают деньги.

Тут сквозь стены хижины ворвалось какое-то клокотание, звук которого становился все громче, и оглушило меня. Шум напоминал трубу, но тональность и темп неприятнее на два порядка. И кто бы ни играл на этой чертовой хреновине, этот кто-то пренебрег обычными приличиями и даже не стал играть что-то приятное, типа «Summertime». Нет, это была мелодия «Луи, Луи». И она была бесконечна.

— Что это такое, черт возьми? — воскликнул я, у меня затряслась челюсть, а когти сами по себе со свистом показались наружу.

Но мне никто не ответил, зато внезапно началась суматоха. Конечности и хвосты задевали меня по лицу, в меня врезались чьи-то тела, и я рухнул обратно в гнездо, при падении разрушив его на составные части. Тысячи одинаковых прутиков и каких-то ягодок рассыпались по всему полу. Эрни наблюдал за моими телодвижениями и покачивал головой.

— Нельзя обратно в кровать, малыш. Завтрак подан.

Немалое напряжение мозгов потребовалось, чтобы, спотыкаясь, выйти голышом из хижины, постоянно борясь с желанием напаялить на себя свое фальшивое обличье. Но даже если бы я уступил этому порыву замаскировать свое обнаженное тело, то мое решение было бы весьма проблематичным, поскольку наши личины в хижину никто не вернул. Могу только догадываться, что как только их можно будет забрать, то Сэмюэль повесит их снаружи на ручку, как это делают работники химчистки в отеле. На самом деле, возможно, здесь существует особый, мало кому известный способ потребовать возвращения своего имущества.

— Странные ощущения, да? — спросил я у Эрни, когда мы собирались выйти за дверь.

— Ага, давненько я не расхаживал в чем мать родила, — согласился он. — Странные — это еще мягко сказано!

И правда, со времен средней школы, когда мы никого не слушали и вели себя, как хотели, я не покидал пределы дома без человеческого облика, и в эти выходные я впервые

выходил на улицу, не пряча свое тело за бесконечными застёжками, поясками, латексом и фальшивым престижем конкурирующего вида. Самое меньшее, уверен, я получу ожоги всяких нежных интимных мест.

Возможно, мне и понравится. А может, и нет. Пока что не решил.

В ярком утреннем свете поляна выглядела чуть-чуть получше. Я смог разглядеть строения побольше, расположенные по соседству, несколько домиков, которые, по-видимому, были изготовлены из чего-то посовременнее, чем бревна. Но все равно увиденное не было Страной Чудес. Поток динозавров двигался по направлению к низенькой длинной хижине — столовой — из красноватого дерева в углу нашего лагеря. И мы с Эрни присоединились к этому стаду.

Трубач все еще трубил изо всех сил, и по пути в столовую я взмахнул хвостом и стегнул по морде гадрозавра, который был источником этих ужасных пронзительных звуков. Хотя на секунду, но песня «Луи, Луи» прекратилась.

В столовой сильно пахло феромонами, но это ничто по сравнению со вчерашним ужином. Утром всегда вырабатывается меньше феромонов, наши пахучие железы не начинают трудиться, пока не заработают в полную мощь все остальные органы, поэтому до девяти часов утра очень сложно выслеживать злоумышленников. Но все равно пахло сильно. Это был объединенный аромат сотни «братьев» и «сестер», и мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не начать искать запах Цирцеи. Позже, позже. Сначала еда, потом расследования.

Завтракали здесь по-домашнему. Мы с Эрни заняли место на длинной деревянной скамье рядом с молодым и здоровым целофизисом и не очень молодым и здоровым ти-рексом. У бедняги лапы уже настолько съезжились и усохли, что превратились в короткие обвислые культи, и мне стало интересно, как он будет тянуться через весь стол за едой.

А еще мне было интересно, почему он вообще может захотеть за ней тянуться. В центре стола стояли многочисленные керамические чаши, до краев наполненные нашим завтраком — яйцами. Сырыми яйцами. В скорлупе.

Я посмотрел на Эрни, а он на меня. Так мы и пялились друг на друга в молчаливом отчаянии.

— Может, у них здесь предлагают и омлеты? — предположил я.

Словно отвечая на мой вопрос, остальные динозавры потянулись к чашкам, взяли по яйцу в каждую лапу и кинули их в рот, прямо вместе со скорлупой. Воздух наполнился противным хрустом, на столы брызгало содержимое яиц и летели кусочки скорлупы, раздавались звуки чавканья и глотания, а мой желудок выворачивался наизнанку, предчувствуя, что сейчас в него упадут вкусненькие такие сальмонеллы.

Я осмотрелся и увидел, что мы с Эрни — не единственные, кто не торопится запихивать себе в пасть сырые яйца. По крайней мере двое или трое динозавров с опаской оглядывали столовую, ища глазами хоть кого-то, кто еще не попрощался с мозгами и соблюдает общепринятые нормы гигиены. Мои глаза встретились с глазами самки трицератопса, и даже через всю комнату я прочитал по ее губам — *Мы тоже должны?*

Вообще-то вчера вечером я ел сырую свинину, так что мне не стоило беспокоиться о том, что я спускаюсь еще на одну ступень по уровню развития. Более того, я должен был справиться с этой ролью так же легко, как Лоуренс Оливье с ролью Гамлета, если не хотел потерять благосклонность прогрессистов. Очень грустно признавать это, но я живу ради своей работы. Берегитесь, губы! Осторожно, зубы! Прости, желудок! Поскольку сейчас начнется...

Липкая и вязкая гадость. Скорлупки царапают горло.

— Лично мне нравятся большие, — раздался за моей спиной знакомый голос.

— А мне — маленькие.

— Здесь мы не сходимся.

Я обернулся и увидел, что надо мной нависли Базз и Уэндл и смотрят, как я глотаю редкостную гадость, которая имеет наглость называться завтраком. Разумеется, они были,

как говорится, в неглиже. Двойняшки-карнотавры подметали хвостами пол, я же, как проснулся, пытался держать хвост на весу, я не фанат чистоты, но отчего-то грязный хвост меня нервирует, хотя сомневаюсь, что смогу долгое время контролировать свои мускулы.

— Ребята, не хотите мою порцию? — спросил Эрни, держа в каждой руке по яйцу.

— Не, не можем, — сказали Базз и Уэндл хором. — Нельзя.

Но затем, выдержав паузу ровно столько, чтобы Эрни не успел отказаться от своих слов, они протянули лапы и схватили яйца. Насколько я понимаю, именно так миллионы лет делали мои древние родственники овирапторы.²⁵ Близнецы даже не потрудились прожевать, просто заглотили яйца целиком, словно огромные капсулы тайленола, и их морды озарились улыбками от уха до уха.

— Разве вы не взволнованы? — спросил Базз. Вопрос риторический.

— Очень, — ответил я.

— Отлично, — сказал Уэндл.

— Отлично. А вы готовы к тренировке? — с большим рвением поинтересовался Базз.

Я покачал головой.

— Что еще за тренировка?

— Обожаю тренировку, — встрял Уэндл. — Это самое интересное.

Перед столовой раздался звук гонга, и я даже не успел повернуться, чтобы определить местоположение инструмента, как все кинулись к дверям. В воздух поднимались бурые облака пыли, меня толкали со всех сторон, колотили десятками хвостов и лап. Это было похоже на знаменитую кровавую бойню на рок-фестивале в Алтамонте. Кстати, мнение, что в составе «Ангелов ада», которые, собственно, и превратили концерт в поножовщину, были только рапторы, — это оскорбительные и гнусные слухи, но они не беспочвенны. Через несколько секунд в столовой остались только мы с Эрни да еще парочка удивленных динозавров, которые осматривались, не понимая, что за чертовщина разрушила спокойствие нашей маленькой компании.

Полагаю, пришло время тренироваться.

* * *

— Первым делом вам нужно научиться бегать, — сказала руководительница нашей группы, бронтозавриха с накачанными короткими ногами и хвостом, под толстой кожей которого перекачивались мышцы. Интонации ее были чем-то средним между сюсюканьем любящей мамочки и резкостью инструктора по строевой подготовке на флоте, она все утро втолковывала нам основы своего предмета.

Сначала нас разбили на группы в зависимости от уровня Прогресса. Восемнадцать новичков, или «девственников», как нас любили называть, были собраны вместе и брошены головой вниз в водоворот «тренировки». По существу, кучу времени мы провели, бросая друг на друга озадаченные взгляды. И сейчас был именно такой случай.

К счастью, кто-то поднял руку.

— Разве мы уже не понимаем, как бегать? — спросил раптор, в его собственном коренастом теле тоже пульсировала сила.

Бронтозавриха, которую звали Блиииниш, или Бланш, как она велела новичкам называть ее, пожала мощными плечами.

— Думаешь, ты знаешь, как это делается? — спросила она.

— Я в школе занимался бегом, — ответил парень. — И участвовал в соревнованиях штата в забеге на сто метров.

— Впечатляет. В каком штате?

— В Юте.

²⁵ Основной пищей этого динозавра были яйца других его сородичей.

— Много у нас хороших динозавров из Юты.

Без шуток, Джозеф Смит²⁶ впервые систематизировал нужды сообщества динозавров, но его просветительская деятельность касалась скорее духовных сторон жизни, чем материальных, поэтому секта и не была разоблачена. Переселение мормонов из Нью-Йорка в Юту было обусловлено не их религиозными воззрениями, а их природой — они были рептилиями.

Бланш продолжила:

— Думаю, ты полагаешь, что мог бы победить меня в состязании по бегу.

Раптор махнул рукой в воздухе, словно отмахивался.

— Ты же бронтозавр, — заметил он вежливо, ему было неудобно напоминать ей, что бронтозавры не могут развивать такую же скорость, как рапторы.

— И что? Разве все мы не братья и сестры?

— Да, но... я — раптор, — ответа не последовало, поэтому он уточнил: — Мы просто... бегаем быстрее.

Через минуту вызов был принят и намечена импровизированная беговая дорожка. Участники соревнования, Бланш и юный девственник, заняли свои места. Наша инструкторша была хладнокровна и уверена в себе, она даже не потрудилась принять стартовую позу с тремя опорными точками, а раптор весь напрягся, его конечности дрожали, готовые рвануть, как только раздастся команда. Его тело напоминало сжатую пружину, готовую резко распрямиться, а наша тренер была как ненатянутая резинка, свободно болтающаяся на крюке. По-видимому, сегодня ученик затмит учителя.

— По дороге, вокруг вон того дерева и обратно, — сказала бронтозавриха, отмерив добрых сто метров.

— И все? — теперь раптор уже обнаглел.

— Все еще думаешь, что обгонишь меня?

Времени отвечать не было. Самка компсогната, которую назначили отдавать команду «на старт», выступила вперед. Ее запах, смесь чайной розы и брызг океана, был удивительно приятен, учитывая, что она — компсогнат.

Она начала отсчет:

— Раз... два...

А затем издала пронзительный вопль, который был сигналом к началу соревнования.

К тому времени как раптор покинул линию старта, Бланш успела пробежать по полю уже тридцать метров. Она смотрелась как неясное пятно, поднимающее облака пыли. Трудно сказать наверняка, но мне кажется, что она бежала на всех четырех лапах, конечности мелькали так быстро, что я не уверен, так ли это.

Когда самоуверенный раптор преодолел четверть дистанции до дерева, Бланш уже обогнула его и понеслась обратно.

А когда он шмякнулся в грязь, запнувшись о камень, оказавшийся точно на пути его следования, Бланш финишировала, уселась на пенек поблизости, скрестила руки на груди и стала ждать унижительного, но неизбежного финиша соперника.

— А теперь, — сказала она, когда мы окружили юного раптора, всосавшего в себя весь имеющийся в атмосфере кислород, — кто-нибудь желает научиться бегать?

Сначала не было ничего нового, просто заурядный бег, так что рекорды меня в ближайшем времени не ждут, а те гадрозавры, которые каждый год побеждали в Бостонском марафоне, вообще могут не беспокоиться. Нас учили, как правильно работать ногами, ступнями, какое положение тела нужно принимать во время бега. Возможно, пару раз хвост помешал, но все-таки бег — это и есть бег, и мы занимались им всю жизнь с тех пор, как смогли встать на ноги и оглядеться. Я не понимал, как они собираются добиться от нас сверхзвуковых скоростей, продемонстрированных уважаемой Бланш.

²⁶ Американский пророк, основатель религиозной секты мормонов («святых последнего дня»).

— Не думайте, как люди, — говорила нам Бланш. — В нас укоренилась привычка двигаться, как они, ходить, как они, бегать, как они. Это неестественно для динозавров — беспокоиться, а не глупо ли мы выглядим с нашими подпрыгивающими хвостами, или о том, достаточно ли плотно мы сжали ягодичы. Отпустите свое тело на свободу. Забудьте о человеческих стандартах.

Забудьте о человеческих стандартах. Мечтать не вредно.

Ничего не происходило. Прошел час, другой, мои мышцы устали, по ним медленно прокатывались волны боли, требовавшие от остальных частей моего тела, чтобы те как можно скорее объединились и добились от руководства регулярных перерывов.

Я попросил отпустить меня с урока. Но мне не разрешили.

Только-только я собирался сдаться и сообщить своим ногам, что в их услугах больше сегодня не нуждаются и они могут перестать стараться и пойти пообедать — после нескольких часов пробежек под жарким гавайским солнцем я уже не держал хвост на весу, а разрешил ему подметать землю, чтобы, ежели что, подтолкнуть и помочь телу, — как только я выдохся настолько, что готов был позвонить в службу спасения и не вешать трубку, какая-то часть моего тела дала телеграмму мозгу о том, что я очень даже могу двигаться быстрее, чем раньше.

Это какой-то фокус моего сознания. Просто быть того не может.

Но было. Ко мне пришло новое странное ощущение скорости, вместе с мышечной памятью собственных ног. Я не мог объяснить этого, зато смог почувствовать.

Бег вприпрыжку с накрепким корпусом, который совершенно неестествен в человеческом мире, где я обычно живу, был именно тем, что нужно. Не могу сказать, что я двигался, как настоящий динозавр, и уж точно, черт побери, не собираюсь говорить, что достиг какого-то Прогресса.

Но впервые в жизни я бежал свободно, мне не мешали все эти застёжки и завязки, моя морда без маски была поднята к небу, земля летела под ногами, деревья сливались в коричневую размытую полосу, а руки, ноги, хвост и все тело слились в едином движении, совершенно неудобном, но, как мне внезапно пришло в голову, исключительно... естественном.

Наступило время обеда.

* * *

На обед давали курицу, размером, скорее, с куропатку. Не особо мясистую и не жареную, не ошипанную, не приготовленную и очень даже живую. В столовой прямо рядом с каждым столом были установлены деревянные столбики, и к ним веревочкой были привязаны курицы. Воздух наполнился яростным кудахтаньем и хлопаньем крыльев, бедные крошки учуяли, что к ним пришла их птичья смерть с косою, так что не могу их винить за то, что в последние минуты они шумели, как могли. Я не мог себе представить, как именно будет проходить обед, но что-то подсказывало, что Марте Стюарт²⁷ он бы не понравился.

Когда прогрессисты, проголодавшиеся после заплывов с крокодилами или других бессмысленных спортивных состязаний, зашли в столовую, то раздались восторженные возгласы. Куриный день! Как здорово! После долгого размышления, словно они покупали роскошный дорожный автомобиль, каждый динозавр выбрал для себя курочку с нашего «шведского столба», схватил за веревку одной лапищей, поднес несчастную птицу к широко открытой пасти и откусил вырывающейся бедняжке голову, а затем выплюнул ее в ближайшую корзинку для мусора. Как только тушка прекратила дергаться, пришло время полакомиться внутренностями.

— Ты будешь это есть? — нерешительно спросил Эрни.

²⁷ Королева американских домохозяек, ведущая кулинарного шоу.

— А ты?

— Но ведь тебе, кажется, понравился завтрак, — заметил он.

Я не мог этого отрицать. Может, это и не так уж ужасно. В конце концов, я голоден, а еда и есть еда. Я же раньше ел куриц, ну да, не таких живых, но к чему чувствительность, если речь идет о пище. И чем дальше я смотрел, как едят остальные, тем сильнее становился мой собственный голод.

Я не успел поговорить с остальным телом на эту тему, как руки сами по себе потянулись и схватили курицу у ближайшего столбика, потянув за веревку, привязывающую птицу к ее единственному средству защиты.

Где-то далеко-далеко раздавался голос Эрни, который спрашивал меня, соображаю ли я, черт побери, что делаю. Я словно был заперт внутри собственного тела, наблюдая, как незнакомый велосипедист широко распахивает пасть, с его зубов стекает слюна, и он подносит кричащую, вырывающуюся птицу ко рту.

Мои губы сомкнулись вокруг ее горла раньше, чем зубы, и в этот момент я ощутил, как ее клюв яростно, безумно колотит по моим деснам. Птице очень хотелось наружу. Но, увы, я не контролировал собственные челюсти, и они готовы были начать свое последнее движение, которое отсечет птице голову, и прекрасная вкусная кровь хлынет мне в рот, в горло, в желудок. И я буду сыт...

Чья-то рука легла мне на плечо.

— Винсент!

Я повернулся, курица торчала у меня изо рта, на секунду она перестала клеваться, словно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Я просто физически чувствовал неодобрение Эрни, он медленно качал головой.

— Отпусти птицу, малыш.

Этого было достаточно. Внезапно здравый смысл снова заполнил пустоту в моем мозгу. Я понял: если откушу этой курице голову, то мне еще долго будет мерещиться, что она клюет меня, подражая дятлу из мультика, из-за чего, в свою очередь, начнет тошнить, и я попрощаюсь не только с обедом, но, вероятно, и с завтраком тоже.

Я осторожно вынул птицу изо рта, извинился перед ней, высушил ее перышки, дунув несколько раз, и привязал несчастное создание обратно к столбу. Разумеется, как только она вернулась на место, никто не гарантировал ей отсрочки смертного приговора, и вот уже какой-то другой динозавр схватил ее за лапы и швырнул в свою жадную глотку.

Цирцеи сегодня не было видно, так что никто не накормит нас нормальным человеческим обедом. Хотя если бы она была здесь, то еще неизвестно, чем бы закончилась моя трапеза — нашла бы она для меня какую-нибудь жареную и несопротивляющуюся пищу или убедила бы меня с помощью феромонов, гормонов или убедительных доводов съесть живую курицу? Наверное, лучше мне этого не знать.

К нам подошли Базз и Уэндл, выдергивая перья из углов рта и слизывая капли крови длинными подвижными языками.

— Сегодня были очень интересные занятия, тебе не кажется? — спросил Уэндл, хлопая меня по спине. — Еще один урок, а потом свободное время. Пошлиемся вокруг, потренируемся выполнять то, чему сегодня научились.

— Ага, погуляем по лагерю, нагуляем аппетит перед ужином, — добавил Базз. — Очень приятное время для отдыха.

Сама идея «свободного времени» мне очень понравилась, возможно, мы проведем его с пользой.

— Может, вам, ребята, будет интересно провести нам экскурсию по здешним местам? — спросил я. — Ну, когда у нас будет свободное время. Мне бы очень хотелось посмотреть некоторые уголки этого расчудесного острова.

— Мы будем счастливы! — пообещал Базз.

— Просто в восторге! — добавил Уэндл.

— Мы отведем вас, куда захотите!

— Куда угодно?
— Куда угодно, — подтвердил Базз.
— И даже на другую сторону острова? — рискнул я.
Уэндл отволок братца в сторонку и шепнул ему какие-то заветные слова на ухо.
— Это закрытая зона, — сказал Базз, вернувшись к нам после обсуждения. — Куда угодно, кроме этого участка.
— Почему? — спросил Эрни. — Что там такое?
— Радиация, — прошептал Уэндл.
Базз закивал с такой силой, что мог бы сломать себе шею, и добавил:
— Это был полигон...
— ...для ядерных ракет...
— ...радиация — опасная штука...
— ...она может убить вас...
— ...а вы даже и не узнаете...
— Так вам сказали? — уточнил Эрни.
— Мы это знаем, — ответил Уэндл.

Я демонстративно поцокал языком, выпучил глаза, но внутри меня уже заработал моторчик, счищая накопившуюся ржавчину. Конечно, в южных районах Тихого океана действительно проводились ядерные испытания, и очень даже вероятно, что и на атолле Бикини, где после Второй мировой взрывали ядерные боеголовки, проживает несколько братьев и сестер, но зачем же руководству Прогрессистов до такой степени запугивать свою паству, чтобы все держались подальше от этого района?

— Это запретная зона, — еще раз сообщил нам Базз. — Но по дороге есть несколько красивых водопадов. Вам понравится.

Но мы с Эрни знали, куда нам приспичило пойти прямо сейчас, и произвол власти не сможет помешать нам. Мы пойдем на ту сторону острова, есть там ужасная радиоактивная мутация или нет. Лично я надеялся, что ее там нет, однако, как говорится, бери, что дают...

Но для начала пойду поплаваю.

* * *

Базз с Уэндлом решили пойти на послеобеденные занятия вместе с нами. Как нам сказали, это будет урок плавания. Мне кажется, братья к нам привязываются, это хорошо, ну, в том смысле, что ими будет легче манипулировать, когда понадобится, хотя и плохо, поскольку они имеют обыкновение действовать моему напарнику на нервы. Но, несмотря на мои кувыркания с Цирцеей вчера вечером, мы тут не ради развлечений, а по делу.

Отойдя примерно на четверть мили от лагеря, наша группа свернула на тропку, ведущую в джунгли. Деревья здесь росли другие, ну, например, не пальмы, а мангры, и земля под голыми пятками стала более мягкой и податливой. В этом ощущении было что-то успокаивающее, правда.

Мы вышли к какому-то болоту. Это была смесь болот Эверглейдс во Флориде, илистых речек-байю²⁸ в штате Луизиана и всех диковинных уголков, которые мне довелось видеть по каналу «Дискавери». Оно было создано искусственно, я даже мог рассмотреть бетонные стенки большого бассейна, который лежал перед нами, тем не менее его размеры и масштаб потрясали.

Я вгляделся в мутную воду. Поверхность этого полуболота-полупруда была покрыта светло-зеленым покрывалом из водорослей, и меня бы не удивило, если бы это оказался наш сегодняшний ужин.

— И... что? Прыгать? — я стоял на краю этой грязной ямы, готовый

²⁸ Байю — речушка, протекающая через заболоченную местность.

продемонстрировать мое умение нырять.

Уэндл быстро протянул руку и крепко схватил меня за плечо, не давая мне сдвинуться с места.

— Нет, — строго сказал он, и впервые с момента нашего знакомства на его лице не играла глуповатая ухмылка. — Если ты бултыхнешься в воду, то они подумают, что ты — их пища.

— Кто подумает, что я...?

И тут я увидел того, кто так подумает. Из-под воды появилась пара глаз, словно два маленьких мячика для гольфа плавали на поверхности, выглядывая из воды, рассматривая нас со злостью, но не бездумно, а вынашивая коварные планы. Рядом с ними всплыла еще одна пара хищных глаз, а позади — третья. По всему болоту все новые и новые глаза нарушали спокойствие водной глади.

Крокодилы.

В мгновение ока Эрни повернулся на пятках и пошел по направлению к нормальной суше.

— Скажите учителю, что я сбежал с урока, — крикнул он нам.

Я поймал напарника и приволок его обратно к кромке воды. Если я буду «купаться», то и ему придется. И если мне предстоит стать кирпичиком в пищевой пирамиде крокодилов, то и ему тоже.

После того как руководитель нашей группы изложил нам строгие правила — никаких резких движений, крокодилов не дразнить и не засовывать им голову в пасть, как дрессировщику в цирке (честно говоря, последний совет я бы посчитал просто проявлением здравого смысла, если вообще можно говорить о здравом смысле, когда вы собираетесь по доброй воле поплавать с этими зубастыми тварями), мы медленно погрузились в болото, позволяя воде сантиметр за сантиметром подниматься по нашим ступням, ногам, торсам.

Кто-то проскользнул рядом со мной. Уэндл? Или крокодил? Ощущения-то одинаковые, насколько я заметил, как и их способ скользить под водой. Более опытные пловцы плавали под водой, набирая в легкие столько воздуха, что могли и не выныривать несколько минут. Я предпочитал не рисковать и держаться поближе к берегу, наклоня голову в воду лишь для того, чтобы посмотреть как наши в прямом смысле слова братья меньшие, ну, или двоюродные, весело резвятся у моих ног.

За моей спиной по-собачьи плавал Эрни, и от этих судорог, которые он выдавал за плавание, по поверхности шли небольшие волны.

— У меня появляется чувство, что Прогресс — это регресс.

Когда урок закончился, то все динозавры были целы, никого не съели, хотя одну гадрозавриху и покусали за хвост и задницу. Надо отдать ей должное, она не начала вопить и молотить лапами по воде, как поступил бы я, если какое-то пятиметровое чудище решило полакомиться моим задом.

Мы медленно вылезли из воды. Бронтозавры были очень довольны уроком. Ничего удивительного, поскольку их толстые туши больше приспособлены для плавания, чем для ходьбы, поэтому, я совершенно уверен, выпендрежница Александра и не высовывает свой жирный зад из озера Лох-Несс вот уже тридцать лет. Остальные ворчали и жаловались на вонючие водоросли, прилипшие к каждой морщинке на наших телах. Да, сегодня в столовке будет пахнуть просто чудесно.

Но сначала нас ждет свободное время и небольшая увеселительная прогулка. Мы с Эрни подошли к Баззу и Уэндлу, которые все еще скалились и выбирали водоросли с кожи, и спросили, не хотят ли они прогуляться.

— Вы сможете показать нам водопады, — предложил я. — И смыть с себя эту гадость.

Близнецы были просто счастливы показать нам дорогу, и вскоре мы прошли через заросли, отпихивая ветки и огромные пальмовые листья, разрывая их когтями там, где пройти было невозможно. Дальше мы шли молча, взбирались на холмы, стараясь держаться подальше от таких растений, которые, судя по их виду, могли колоться, жалить или вызывать

ужасную сыпь.

— Итак, — начал я, желая завести непринужденную беседу. — Неприятная вчера произошла история на Ринге, да?

— Просто стыд, — сказал Базз. — Янни не стоило пытаться добиться Прогресса раньше времени.

— Позор.

— Хорошо хоть, его приятели так хорошо стреляли из ружей, — заметил Эрни. — Отличные выстрелы.

— Определенно парню повезло, — поддакнул я.

Базз, который с помощью когтей продирался через густую растительность впереди, крикнул:

— Дело не в везении, просто мастерство, и все.

— Мы же практикуемся, — гордо сообщил Уэндл. — Я уже практически могу пять раз подряд попасть в яблочко.

— А в чем вы практикуетесь? В стрельбе?

— Ну, в основном стрелять из ружья дротиками, — объяснил Базз. — Но мы слышали, можно ходить на более продвинутые занятия, как только мы еще чуть-чуть повысим наш уровень Прогресса. Мне кажется, всем, кто уже стал на шестьдесят процентов динозавром, разрешается выбрать занятие, где практикуются навыки стрельбы на поражение.

Даже не глядя на напарника, я уже мог сказать, что он ужасно рассержен. Я всю свою жизнь не любил и даже в некоторой степени боялся огнестрельного оружия. Такое предубеждение большинству динозавров внушается с самого рождения. У нас и так достаточно естественного оружия, незачем прибегать еще и к куску металла и пороху. Несмотря на крестовые походы и все такое прочее, мы нормально сосуществовали до того, как люди решили производить эти штуковины в больших количествах. И хотя Сэмюэль Винчестер, изобретатель знаменитой винтовки, и был велосираптором, но полагаю, он слишком отдалился от своих корней, так что я не могу винить в распространении оружия только людей.

Но Эрни... сколько я его помню, несмотря на то что сама профессия детектива предопределяет, что время от времени нам необходимо использовать огнестрельное оружие, испытывает жгучую ненависть к пушкам, которая может сравниться только с его ненавистью к марципанам (не спрашивайте!), и эта неприязнь засела в нем очень глубоко.

— Это... это отвратительно, — фыркнул Эрни.

— Но это ж-ж-же только ур-р-роки, — запинаясь, сказал Уэндл. Он не хотел расстроить нового друга, это ясно, но, увы, бедняга в этот раз вляпался «по самое не балуйся».

Однако внезапно Эрни рассмеялся. Вышло это как-то очень по-человечески, он положил руки на голову, и плечи его сотрясались от смеха в полную силу.

— Это... это просто здорово, — сказал он. — Вы, ребята, проповедуете естественный образ жизни, стремитесь снова найти свое подлинное «я», и при этом... учитесь стрелять из винтовок?

Близнецы не уловили иронии.

— Чтобы понимать врага, — рассудительно заметил Базз, — мы должны думать, как он.

— Это вам так говорят? — спросил я. — То есть вы учитесь стрелять, чтобы понимать людей?

— Да. А вы думаете, это неправильно?

Я задумался.

— Не совсем.

Мы пришли к водопаду. Огромному. И мокрому. Базз и Уэндл божились, что крокодилов здесь не водится.

— А далеко до следующего? — спросил я, специально сделав вид, что этот на меня особого впечатления не произвел.

Уэндл подпрыгивал на месте:

— Ой, есть еще один чуть подальше, можно пойти туда. И еще один около...

— Пожалуй, ребятки, с меня на сегодня водопадов хватит, — перебил его Эрни. — Может, здесь есть еще что-нибудь интересненькое?

Мне даже не нужно было заглядывать в его глаза, я и так понял, что Эрни готов перейти на следующий, нужный нам уровень. С каждым годом наших партнерских отношений нам все легче и легче понимать сигналы друг друга. В самом начале моему напарнику едва не приходилось поднимать здоровенные карточки-шпаргалки, но теперь хватает ударения, какого-то оттенка в его речи.

— Да, давайте пойдем в глубь острова, — предложил я. — В какое-нибудь... другое место.

Базз и Уэндл понятия не имели, о чем это мы. Они тупо уставились на нас, словно парочка баранов, которым, вместо новых ворот, предложили решить задачку по тригонометрии.

— Закрытая зона, — решительно заявил Эрни, — это должно быть интересно.

— Но это же закрытая зона, — заскулил Уэндл. Я кивнул, притворяясь, что соглашаюсь.

— Раз это место так называется, то мы не должны ходить туда, Эрн.

— Нет?

— Нет. То есть я имею в виду, что, может быть, интересно потереться вокруг, подойти к самой границе, но туда идти не следует.

— Ой, нет, конечно, внутрь мы не пойдем, — повторил Эрни.

Теперь я привлек к себе внимание Базза, и я думаю, что он крепко схватил наживку, брошенную мной в его сторону.

— Ну, если мы не перейдем границу запретной зоны...

— Да, да, — сказал Уэндл, и в его голосе вновь зазвучало волнение. — Не пойдем, а просто погуляем рядышком... рядышком...

Через несколько секунд братцев охватила новая волна безумного возбуждения, и мы снова потащились через джунгли, обрезая листья и надрубая ветви по пути к нашему следующему месту назначения.

— Эй, — крикнул Базз, — а вы знаете, кто показал мне эту тропинку?

— Без понятия, — честно признался я.

— Ваш друг, ну тот, которого вы называете Рупертом. Где-то года два назад, когда мы с Уэндлом дошли до отметки пятьдесят процентов.

— Ни фиги себе! — воскликнул Эрни. — Так, значит, он хорошо знал остров?

— Конечно, — сказал Уэндл. — Он был одним из гидов. Он и Рейчел... и еще... Как звали того симпатичного целофизиса, Базз?

— Уолтер.

— Точно, Уолтер. Они все были такие классные.

Я запнулся о низко висящую лиану, оступился, ухватился за другую лиану и — опс! — и я снова шагаю по тропинке. Ну, не Тарзан, конечно...

— Ты сказал «были»?

— Ну да, они больше не показываются.

— Они все... умерли? Как Руперт?

Базз пожал плечами:

— Мы о них не слышали. Ну, были они здесь, были-были и сплыли. До нас дошел только слух про Руперта Думаю, Уолтер тоже умер, а про других я не знаю.

Других?

— А сколько твоих знакомых динозавров исчезли?

— С каких пор?

— Ну, за два последних года.

— Шесть? — сказал Базз неуверенно.

— Семь-восемь, где-то так, — уточнил Уэндл. Но их обоих совершенно не заинтересовал мой вопрос, и они снова начали продираться через джунгли.

Я хотел было заметить, что им, возможно, неплохо было бы как-то защитить себя, если они когда-либо захотят уйти из секты, но тут Базз остановился, вращая глазами, словно он ищет ответ и может найти его в поле зрения.

— Знаешь, а ведь если подумать, то, когда мы сюда приходили в прошлый раз, я был совершенно уверен, что Рейчел тоже была где-то здесь, хотя все мы слышали, что она встретилась с предками...

— Ты ее видел?

— Нет, я учуял ее запах, здесь, на острове. Очень сильный аромат лаванды и растворителя для краски, ошибки быть не могло, — он повернулся и пошел дальше. — Это было так странно, но... хотя я мог и ошибиться.

По пути мое внимание привлекли некоторые изменения окружающей растительности. Сначала просто ерунда, ну, деформированный листик или странно перекрученная веточка, но чем дальше мы углублялись в лес, тем реже становились деревья и скуднее — трава. А те несколько отважных растений, которые все-таки захотели удержать корни в почве, отличались от других, как будто где-то в этих злчных местах безумный садовник обменял свои золотые руки на совершенно не золотые. Приведу пример:

Пальма — листья широкие и мясистые, достаточно развесистые, чтобы укрыть в тенечке корни, как и положено нормальной пальме, только вот, к несчастью, она всего шестьдесят сантиметров в высоту.

Живая изгородь около трех метров в высоту, вся утыканная колючками, словно иглами для подкожных инъекций, а на выющихся стеблях — цветочки, умершие еще до того, как смогли распуститься, лепестки гниют прямо внутри бутона. Хорошенькая такая оранжерея — просто мечта доктора Франкенштейна.

Здесь было жарче, постоянного океанского ветерка практически не чувствовалось, словно воздух тоже боялся проникать в эти места. Казалось, у всех обитателей леса вечный перерыв, отсутствие звуков нервировало сильнее, чем крики кошек или завывание койотов. С каждым шагом Базз и Уэндл нервничали все больше, дрожащими голосами они пытались объявить конец экскурсии.

— Х-х-хорошо, — пробормотал Базз. — Вы пос-с-смотрели.

— Ага, посмотрели, — поддакнул Уэндл. — Давайте пойдем обратно.

— А что дальше? — спросил Эрни. — Мне кажется, я вижу какую-то тропу.

Базз уже качал головой и в такт дрожал всем телом:

— Нету там никакой тропы. Давайте пойдем назад, ребята, ладно?

Но тропа была, если прищуриться, то я различал грунтовую дорожку, ведущую к опушке, и мои ноги начали движение раньше, чем кто-то из моих компаньонов успел меня остановить. Растения причудливой формы, странные деревца, песок под ногами, скорее напоминавший осколки битого стекла, — я забыл обо всем, пока шел по странной тропке. Впереди было видно какое-то сооружение... кирпичное здание с... Господи, я почти различаю... железной дверью. Оно стояло посреди пустынной опушки, вокруг черный песок, почти иссиня-черный. Сама суть этого странного домика была такой же, как у тех женщин, которых я обычно выбираю, — он посылал мне два отчетливых сообщения: «Держись от меня подальше!» и «Винсент, я твой!».

И именно в этот момент мир взорвался. При этом раздался какой-то хриплый рев, и с земли поднялись волны грязи, цунами из веток, кустов с ягодами и песка, и я отступил, чтобы не пасть жертвой этой сумбурной атаки. Что-то чиркнуло по кончику моего хвоста, затем я испытал сильное давление, из-за чего вверх по позвоночнику промчалась боль и из пасти вырвался крик.

— Электрическая изгородь, — протянул Эрни. — Отличная находка, малыш.

Не знаю, как так получилось, хотя полагаю, что, сосредоточившись на завоевании домика на расстоянии, я перестал видеть то, что у меня под носом, но я не успел отомстить

этим мерзким проводам, как из чаши раздался еще один голос, знакомый, но неожиданный:

— А вы что здесь делаете?

Мы все, как один, подпрыгнули, ну, я не очень высоко, повернулись и увидели, что из замаскированного «хаммера» вылезают Сэмюель и еще какой-то игуанодон. В кузове брезентом было укрыто что-то большое, но было сложно понять, что именно.

— А вы откуда? — спросил Эрни.

От Сэмюеля исходили волны неудовольствия, он был просто воплощением осуждения и приготовился вынести нам строгое предупреждение:

— Вы двое, — он изо всех сил пытался испепелить взглядом нас с Эрни, — не должны беспокоиться о том, что пока находитесь вне пределов вашего личного Прогресса. А что касается вас, — теперь его внимание было сосредоточено на съежившихся, трясущихся Баззе и Уэндле, — то вы и сами должны это знать. Я переговорю об этом с Цирцеей. А теперь полезайте в машину, все вы!

Окутанные облаком его раздражения, мы полезли в кузов «хаммера» — кучка детишек, пойманных за глупую выходку. Я практически ждал, что Сэмюель позвонит нашим родителям и расскажет им, чем мы занимались сегодня вечером, но полагаю, мы сможем отделаться просто предупреждением.

Обратно в лагерь мы ехали молча, непонятная гора, обернутая брезентом, бряцала и гремела на каждой кочке, но я устоял перед желанием отодвинуть брезент и посмотреть, что же там. Я и так уже сел в лужу, хватит с меня, не хочу, чтобы меня выкинули с острова, пока я еще раз не задам Цирцее... Ой, простите, совсем не то, что вы подумали, пока я не задам Цирцее парочку вопросов.

Когда мы приехали обратно в лагерь, то нас с Эрни отправили обратно в хижину и велели подготовиться к банкету. А Уэндл и Базз ушли за Сэмюелем, предположительно, получать по шее.

— Мне неловко от того, что из-за меня у этих мелких засранцев неприятности, — сказал я Эрни. — Ну, ты меня понимаешь, они же всего лишь оказали нам любезность.

— Все с ними будет в порядке, — ответил напарник. — Ну, влепят им затрещину, да и отпустят на свободу, жрать сырую свинину. Вот увидишь, они скоро к нам опять прилипнут.

А через два часа Цирцея объявила собравшимся на ужин динозаврам, что Базз и Уэндл были избраны Прогрессом. И через каких-то сорок пять минут они выйдут на Ринг.

А мы с Эрни должны будем помогать им.

18

Я прошептал:

— Мне казалось, вы говорили, что еще не готовы для этого.

— Должно быть, готовы. Раз нас выбрали, то мы готовы. Правильно?

Я вел Базза и Уэндла через длинный коридор между двумя рядами скамеек, играя роль их проводника, пока мы как можно медленнее двигались к рингу. Трибуны были забиты прогрессистами. Снизу открывался совершенно иной вид, чем вчера, когда мы сидели наверху. Отсюда казалось, что все динозавры наверху смотрят на нас свысока и смеются над нами, словно по какому-то скрытому сигналу они бросятся сейчас на нас и разорвут на миллион клочков.

Но они лишь приветствовали нас криками, подбадривая своих друзей, которые так доблестно решили достичь Прогресса вместе. Они и не знают, что сами-то близнецы не в восторге от этой идеи.

— Откажитесь, — уговаривал я их. — Встаньте и скажите, что вы не согласны идти на Ринг. Разве Цирцея сказала, что это обязательно?

Но Базз покачал головой, и я ему поверил. Все-таки что-то (или *кто-то*) его достало после того, как отъехал «хаммер», и хотя ясно, что он просто в ужасе от мысли, что сегодня

придется выйти на Ринг, но отказывается обсуждать их с Уэндлом решение.

— Прогресс выбрал нас, — сказал Базз. — И мы должны пойти.

— Но откуда вы узнали, что вас выбрал Прогресс? — спросил я, надеясь привнести хоть каплю логики в эту абсурдную ситуацию. — Вам сказала Цирцея? Сэмюель?

— Нет, — выразительно и правдиво.

— Тогда кто?

Молчание. Мы подошли к самому рингу.

Сразу после объявления, что Базз и Уэндл сегодня участвуют в этом безумии, к нам подошел Сэмюель, отвел нас в сторонку и сказал, что близнецы выбрали нас с Эрни в качестве своих помощников.

— Помощники — это те, кто должен завести их внутрь? — спросил я. — Потом подкатить другую клетку и, если что...

— Ну да... стрелять из ружей дротиками, — сказал Сэмюель. — Это огромная честь быть избранным на эту роль.

Эрни покачал головой.

— Но мы не умеем стрелять, — соврал он. — Мы не можем...

— Отказать в подобной просьбе — значит нанести вашим друзьям ужасное оскорбление, вот так.

Как только Сэмюель заговорил как Брюс Ли, я уже не смог пойти на попятный. Я и раньше почувствовал свою ответственность за то, что близняшки влипли, но теперь ситуация уже перешла грани разумного, и я не мог стоять в сторонке и позволить им кувыряться в клетке в одиночку.

— Ваша задача проста, — объяснил Сэмюель. — Вы их выводите и запираете в клетке. Затем возвращаетесь за клеткой с противником и выкатываете ее. Еще двое помощников, выбранных вашими друзьями, уже давно состоят в наших рядах, они знают, какие рычаги нужно повернуть, чтобы...

— Да я не об этом беспокоюсь. Эти винтовки...

— Вряд ли они понадобятся, — Сэмюель залез рукой в мешок, который он принес с собой, и вытащил знакомые нам по вчерашнему бою винтовки. — Раз Прогресс избрал их для выполнения этой задачи, значит, они должны выйти победителями. Но если вдруг что-то пойдет не так, все очень просто, — он поднял винтовку к плечу, прижав приклад к мощной грудной клетке. Тем временем я пытался все мысленно застенографировать с огромной скоростью, чтобы вся эта информация пустила корни в моем мозгу как можно быстрее и глубже. — Цирцея встанет, дважды хлопнет в ладоши, и тогда вы просто берете и стреляете.

Даже не прицеливаясь, Сэмюель нажал на курок, дротик со свистом вылетел из дула, и через несколько секунд легкий стук известил нас о кончине крошки-дрозда, который больше не будет скакать — прыг-скок-прыг-скок — по веткам.

— Отличный выстрел, — сказал Эрни, — но мы-то не такие мастера.

— Но вы же не в птичку целиться будете. Вы же видели соперников наших братьев, они обычно чуть побольше. Работает эта штука так: наводите дуло на плохого парня и нажимаете на курок. Вот и вся хитрость.

Дальше последовали замешательство, обвинения и оправдания, пока мы с Эрни пытались выяснить, почему, черт побери, Базз и Уэндл захотели это сделать, если раньше они открыто заявляли нам, что еще совершенно не готовы к испытанию.

— Теперь пришло время сказать вам то, что мы считаем важным, — сдерживая волнение, сказал Уэндл. Мы уже были у входа на ринг, и в амфитеатре воцарилась тишина, почти как в церкви.

— Теперь пришла пора положить конец этой ерунде, — ответил Эрни.

Но ребята не разделяли эту точку зрения.

— Если что-нибудь со мной случится, скажи брату, что я люблю его, — прошептал мне Уэндл.

Я слышал, как в паре метров от нас Базз шепчет Эрни:

— Позаботься о моем братишке. Это все, чего я всегда хотел.

И мы заперли их на ринге.

Сотня разных эмоций и планов пронеслись в моем мозгу, когда Эрни, еще двое помощников, оба — карнотавры, и я прошли обратно на опушку, где будет подготовлена вторая клетка. Убежать? Отказаться выпускать животное, сидящее внутри? Впервые за долгое время я понял, что тону в болоте нерешительности.

По-видимому, я сделаю то, что делали до меня другие. На опушке нас ждала клетка, а рядом стоял Сэмюель и проверял прочность коричневого брезента, которым она была задрапирована.

— Они готовы?

Мы кивнули, и в наше распоряжение передали вторую клетку. Пока мы катили ее через джунгли к амфитеатру, я заметил, что из клетки не раздается никаких звуков и она трясется, только когда колеса попадают в какую-нибудь ямку или рытвину. Может ли такое быть, что внутри никого нет? И все это лишь для того, чтобы разыграть нас с Эрни? Ну, без сомнения, клетка тяжеленная, но она ведь *сама по себе* немало весит.

Я был готов поклясться, что это так. Просто шутка, наподобие выходов старшекласников. Базз, Уэндл и вся честная компания просто пудрят нам мозги. Обычная дедовщина, какую можно наблюдать в любом студенческом братстве, последний шаг перед официальным посвящением, а я ведь почти купился.

Ну, раз они решили пошутить, то обратились по адресу. Я буду им подыгрывать, пока нужно.

Мы подкатали клетку к амфитеатру и два карнотавра начали привинчивать ее к входу на ринг. Я посмотрел на места для почетных гостей, встретился взглядом с глазами Цирцеи и хитренько подмигнул ей. Это подмигивание значило: *я разгадал твою игру. Ты почти обдурила меня, но я тебя раскусил*. Ее взгляд был непроницаемым, но, по крайней мере, я уже раскрыл карты и теперь уверен, она знает, что я в курсе всего, поэтому мне еще сильнее хочется подыграть ей.

А внутри, на ринге, Базз и Уэндл совсем уж перегнули палку, они едва дышали, а к мордам прилила кровь. Великолепное представление, нужно не забыть похвалить их способности, когда через пару минут мы заглотим по веточке базилика и будем веселиться над этой шуткой.

— Мы готовы, — сказал мне один из карнотавров.

Я кивнул головой как римский император, отдающий приказ привести приговор в исполнение. Это мой шанс примерить мантию великого актера-трагика, драматический кружок никогда не хотел заполучить меня, я им покажу, пусть локти кусают!

— Поднять перегородку, — скомандовал я.

Ничего. Никто не заревел. Свирепый зверь не бросился из клетки атаковать бедных близнецов. Толпа безмолвствовала.

Эрни одними губами произнес:

— Что происходит?

Я ответил тоже одними губами:

— Шутка. Все еще шутка.

Эрни наклонил голову — он меня не понял. Я приблизился к нему и прошептал на ухо:

— Это посвящение в братство. Они хотят напугать нас.

— Не думаю, — ответил Эрни. — Все еще только начинается...

Но на ринге по-прежнему ничего не происходило, в толпе нарастало беспокойство.

— Слушай, — сказал я, — я тебе докажу.

Я сделал несколько шагов к клетке и дотянулся до брезента.

— Для Базза и Уэндла нет никакой опасности, поскольку внутри этой хрени пустота.

Как фокусник, который представляет публике свой самый новый и замечательный фокус, я стянул брезентовое покрывало и повернулся к Эрни, демонстрируя пустую клетку.

— Видишь? Пустота.

Пустота. Плюс два медведя гризли. И все.

Медведей разозлило мое внезапное вторжение, и они очнулись ото сна и бросились на прутья клетки. Толпа взревела из-за выброса адреналина, а я упал навзничь, подальше от массивных лап и острых когтей, которые просовывались сквозь решетку. Я уполз от клетки на заднице, сердце за пару секунд перекачало недельную норму крови. Зрители повскакивали со своих мест, а медведи, не будь дураками, обратили свои взоры на более доступную мишень.

Базз и Уэндл не были готовы к внезапной атаке. Медведи даже не потрудились встать на четвереньки, они распрямились и приготовились к нападению, выбросив вперед смертельно опасные длинные лапы. Две двухметровые башни бурого клочковатого меха только что открыли сезон охоты на динозавров, а двоих динозавров можно было поймать и убить, даже не вытягиваясь на всю длину.

Один из медведей приготовился напасть на Базза, а второй взял на себя Уэндла. Мне оставалось только смотреть, оцепенев от неверности собственных догадок, идиотского упрямства и чувства вины. Я уверен, что рано или поздно медведи напали бы на близняшек, но, возможно, они не были бы так взбешены, если бы я не прервал их, скорее всего, приятные сны о корзинках для пикника с всякими вкусностями и горшочках с медом.

Уэндл в основном атаковал медведя челюстями, пытаясь перекусить яремную вену, но каждый раз, когда он лязгал зубами рядом с шеей этого монстра, медведь наносил сильный удар по голове карнотавра, из-за чего Уэндл отпрыгивал, а через всю его морду красовались длинные отметины от когтей. У Базза получалось не лучше, но он, по крайней мере, не подпускал к себе противника, изогнув хвост полукругом и используя его в качестве защиты.

Я не знал, существуют ли хоть какие-то правила для боев на ринге, но даже если они и существуют, то медведи не особенно-то ими пользовались. Как только Баззу удалось добиться успехов в своей схватке с соперником и он практически вытеснил медведя обратно в маленькую клетку, второй медведь забыл про Уэндла и напал на Базза со спины, укусив его за горло. Зубы погрузились в незащищенную плоть, и из раны хлынул фонтан крови, тут же пропитавшей пол.

Издав такой вопль, который превосходил по силе рев всех медведей, которых я только слышал, если не считать голливудских спецэффектов, Уэндл кинулся в атаку, широко разинув пасть, его зубы сверкали, и он был готов, если нужно, проглотить обидчика брата целиком.

Но второй медведь отвесил ему хорошо подготовленную оплеуху, и этот удар остановил натиск Уэндла, и он тоже шмякнулся на землю. Они лежали в положении нокаута и вряд ли могли снова продолжить бой.

Ладони Цирцеи не шевелились. Я ждал двух хлопков, смотрел на нее, широко растопырив руки. *Ну, когда же? Когда?* Но она нарочно смотрела в другую сторону. И Сэмюеля тоже нигде не было видно.

С ринга раздался пронзительный крик. Я не мог заставить себя посмотреть туда.

— Хватит, — сказал я и потянулся за винтовкой.

Эрни меня уже опередил. Я все сделал, как говорил Сэмюель, — прицелился в мерзкого медведя передо мной и нажал курок.

Ничего не произошло. Ни щелчка, ни дыма, ни свиста. Медведи продолжали мутузить Базза и Уэндла, и боевой клич близняшек постепенно утихал, превращаясь в скулеж.

Я в бешенстве снова вскинул винтовку и прицелился. Сейчас спина медведя маячила прямо передо мной, выстрел несложный, по прямой, даже восьмидесятилетняя старушонка с катарактой смогла бы попасть. Я изо всех сил нажал курок.

Ни фига.

Не в силах справиться с этим адским изобретением человека, я посмотрел на Эрни, рассчитывая на его помощь, но у него была та же беда, что и у меня. Я видел, как он прицеливается и жмет на курок, но ничего не происходит.

Теперь уже толпа начала визжать. И, как я подозреваю, не от радости.

— Заело! — кричал Эрни. — Заело винтовку!

Один из карнотавров подбежал со своим оружием, умело вскинув винтовку до нужного уровня. Он выпустил дротик, который со свистом пронесся над рингом, и промазал где-то на метр. На секунду мне показалось, что он специально промахнулся, дернул винтовку в последний момент, но он уставился на нее в ужасе, как теннисист, проверяющий, нет ли в ракетке дыры, после того как пропустил простой мяч, и я понял, что он очень четко прицелился.

А на ринге умирали Базз и Уэндл. Им удалось отползти назад, и теперь их тела были прижаты к массивной решетке. Братья обнимали друг дружку, теперь и правда став одним целым, их кровь текла, как кровь одного существа. Наши шансы на их спасение постоянно уменьшались, но мы перепробовали еще не все способы.

— Открывай ворота! — заорал я карнотавру, которому нужно было лишь лапу поднять. — Сейчас же!

Мои крики были достаточно настойчивы, чтобы напугать его, чтобы он позабыл все, чему его учили и что подсказывает ему здравый смысл. Он метнулся к выходу из ринга, вертя в руках ключи. Я дышал ему в затылок, все еще пытаюсь заставить чертову винтовку выстрелить, но это задача была так же обречена на провал, как попытка купить гамбургер со свежим рыбным филе. Вроде и патроны есть, но оно не заряжается, и я не знаю, как его заставить. Но если бы я мог оказаться на ринге, то я заткнул бы за пояс и самого Дэви Крокета²⁹ и заколотил бы дротики в медведей собственными руками, если понадобится.

— Заклинило! — воскликнул карнотавр, и я отпихнул его с дороги. Эрни подбежал ко мне, и мы начали тянуть решетку вверх, а через секунду к нам присоединился и карнотавр.

Мы тянули. И толкали. Прилагали все силы, оставшиеся в наших телах, плохо питавшихся и не спавших двое суток. Вопли обезумевшей толпы подстегивали нас, придавая новые силы. Мы скрутим чертову решетку. Согнем ее. Ворота откроются.

Но даже сила четырех динозавров была просто ничтожной по сравнению с равнодушной грудой металла. Дверь оставалась на своем месте, и мы ничегошеньки не могли с этим поделать. Я предпринял последний рывок, но не справился и шлепнулся на землю. Силы оставили меня и какое-то время не возвращались. Я не видел того, что происходит внутри, зато слышал, и эти отвратительные звуки, оглушившие меня, ни с чем нельзя было спутать. За несколько секунд медведи прикончили наших друзей, но потом решили, что эти рептилии-переростки несъедобны, и ушли в дальний конец ринга, где снова улеглись спать.

Толпа не переставала бушевать. Под покровом леса начались какие-то потасовки, словно бои на ринге в миниатюре. Наверху я видел Цирцею. Голова ее была опущена, а плечи вздрагивали от рыданий. Ее кожа была сухой, бледной и вялой, но запах, с разнообразными оттенками амброзии и пыльцы (так пахнет обычно печаль), был сильнее, чем когда-либо, он распространился по всему амфитеатру, словно пытаюсь унести меня от гнева толпы и от ее горя. На какой-то момент я забылся, попав в плен ее меланхолии. Где-то в глубине души я понимал, что Цирцея ничего об этом не знала и произошедшее — это либо чудовищный несчастный случай, либо все было подстроено без ее ведома. Но вскоре эта ясность и печаль ушли куда-то, и неистовство толпы моих собратьев снова вернуло меня к жизни.

— Винсент! Винсент! — крикнул мне Эрни и потащил меня через толпу, подальше от охранников, от Цирцеи, от амфитеатра в темноту ночи, и я бежал за ним изо всех сил, не понимая куда и зачем. Мне было нечего ему сказать. И не только ему. В голове постоянно вертелась одна мысль, к которой я возвращался снова и снова.

Базз и Уэндл умерли друг у друга на руках, и потому, надеюсь, им было не так больно уходить. Но клянусь Раалю, предкам и всем, кто, черт побери, меня услышит, я найду того,

²⁹ Герой фольклора, меткий стрелок, знаменитый охотник на медведей.

кто организовал весь этот кошмар, и ему не поздоровится.

19

Шесть часов мы блуждали по джунглям, врезаясь в стволы деревьев, зацепляясь за ветки, спотыкаясь о пни и корни, распугивая мелких лесных животных, и если мы проведем здесь еще шесть часов, то я не очень хотел бы собрать все синяки и шишки, какие возможно. Где-то здесь уже начиналась та, «другая» часть острова и забор, перегораживающий вход в закрытую зону.

Нам надо попасть в тот дом.

Мы с Эрни покинули амфитеатр не под фанфары. Я даже не знаю, заметил ли кто-то наш уход.

С трибун спускались сотни взбудораженных динозавров, так что два мелких безбожника не могли волновать руководство лагеря. У нас не было карты, но это неважно. И компаса тоже, да и фиг с ним. Мы не имели ни малейшего представления, куда мы направляемся и что там найдем, если, конечно, придем, куда нужно. Да и наплевать.

Зато в нас клокотала ужасная злость, ощущение, что кто-то держит нас за идиотов, и обжигающее желание добраться до самого сердца чудовища, отыскать негодяя или негодяев, виноватых в случившемся, и добиться справедливости. Одна-единственная проблема — мы голые. И потерялись.

— Ты бросал шишки? — спросил меня Эрни.

— Думаешь, накидаешь шишек, и все сразу будет тип-топ — держи карман шире! Для нас ключевая подсказка — это уродливые деревья.

Мы еще углубились в джунгли, растительный полог над нами полностью закрывал и луну, и звезды. И когда я поверил, что мы окончательно и бесповоротно заблудились и теперь наши трупы обнаружат только через три тысячи лет, почистят скелеты и поместят их в какой-нибудь музей, чтобы школьники могли разевать рот от удивления, насколько же развиты были ящеры в наше время, а потом писать корявые благодарности с ошибками куратору выставки, Эрни почуял запах.

— Что это? — спросил я.

— Это... это я, — ответил Эрни слегка смущенно.

Отлично, теперь он опять унюхивает сам себя. А я-то думал, что мы избавились от этой привычки еще в 1989-м.

— Не понял.

Эрни двигался быстро, его ноги словно были независимы от остального тела, которое, казалось, вообще не участвует в гонке.

— Когда мы тусовались около забора с Баззом и Уэндлом, ну, потом нас еще Сэмюэль нашел, я позволил себе отлить на кустики. И кажется, я только что уловил этот запах.

Я сделал глубокий вдох, втягивая в себя запахи джунглей, и действительно учуял запах чьей-то мочи. Ну, когда вы работаете в городе, особенно в Санта-Монике, то нельзя быть брезгливым, особенно когда речь идет о моче. Но все-таки я не могу отличить мочу Эрни от мочи енота, а мочу енота — от мочи сойки, по крайней мере на расстоянии. Но уверен, сам Эрни учует ее за мили. И хотя людишки с трудом обнаруживают запахи собственного тела, особенно если мы говорим о *несвежем* теле, динозавры не могут учуять собственные феромоны, зато у нас тонкое чутье на продукты собственной жизнедеятельности. Разумеется, вы можете сказать, что это отвратительно, но все, что может дать мне ориентир в этих джунглях, заслуживает уважения.

Я последовал за напарником, который теперь шел по прямой через лес, и всего через каких-то десять минут деревья стали похожи на растительность из страшных сказок братьев Гримм. Продолговатые дупла, похожие на зияющие пасти, ветки, страдающие артритом, протягивали ко мне свои крючковатые пальцы, готовые схватить и прикончить меня. Разумеется, Эрни вышагивал посреди этого великолепия, словно в полдень по Брентвуду, но

у старины всегда было плохо с фантазией.

— А вот и тот самый кустик, — сказал Эрни, показав на невысокое растение, пахнувшее мочой. Я заплодировал, а Эрни раскланялся, а потом мы оба уставились на забор, маячивший впереди. В высоту он был метров девять, и взобраться на него мог лишь ребенок младше десяти.

— Что теперь? — я сел на пенек и подпер подбородок ладонями.

— Ну, может, отопрем ворота?

Я покачал головой.

— Плохая идея. Думаю, они управляются на расстоянии. Помнишь, в первый вечер, когда нас везли на «хаммере»? Сэмюэль нажал какую-то кнопку на коробочке у приборной панели, я слышал скрип...

И тут напарник развернул руку ладонью вверх и продемонстрировал самую прекрасную пластиковую коробочку, которую я только видел. Белая кнопка на ее бочке поблескивала в лунном свете.

— Я стырил ее из джипа перед тем, как мы вылезли, — сказал мой напарник, обнажая в улыбке все свои зубы.

— Но у тебя же нет карманов.

— Верно.

— Хочу ли я знать, где ты прятал эту штуковину?

— Нет, не хочешь.

Щелчок, жужжание, и ворота со скрипом открылись, петли не переставали скулить всю дорогу.

— Отсюда должна идти дорожка, — сказал я Эрни. — Где-то прямо здесь.

Напарник согласился, и через несколько минут поисков в крошечной тьме мы нащупали полосу около метра шириной, расчищенную больше, чем окружающие участки. Здесь мутация стала еще заметней, земля под ногами более скользкая и вся покороблена выпирающими чудовищными корнями. На глине все еще видны следы колес. Вопрос решен — никаких сомнений, это и есть дорога внутрь. Мы ускоряли темп по мере того, как пробирались через вязкую глину, сначала это был прогулочный шаг, потом бодрая ходьба, затем бег трусцой и, наконец, бег на полной скорости.

Мы падали лицом в грязь, пенившуюся под нашими ногами, но через все запахи джунглей, наш пот и наше волнение я учуял что-то еще. Что-то знакомое, но при этом какое-то чужое. Пока я не мог понять, что это, но, сконцентрировавшись на дорожке, уводящей меня вперед, я собрал ряд образцов и позволил судебному медику в моем мозгу упорядочить доказательства.

Раздавались и какие-то новые звуки. Какой-то тоненький писк, словно плакала песчанка. Вот только не думаю, что песчанки обитают на Гавайях. Крики животных, отражающиеся эхом от деревьев, завывания, растворяющиеся в ночной тишине. И, как и отсутствие шумов до этого, все эти новые звуки отнюдь не успокаивали.

— Ты чуешь... других? — спросил я у Эрни.

— Кого других?

— Других динозавров. Запах сосны, свежести...

Не прекращая бега, Эрни сделал глубокий вдох, покрутил головой во все стороны и чуть было не врезался в дерево коа.

— Может, они идут за нами по пятам, — сказал он, и мы одновременно ускорили темп.

Но не успели мы затормозить, как уже вывалились на опушку, и луна снова показала свою хитрую мордочку. Мы оказались перед собственно Святым Граалем — домиком из красного кирпича. Отпечатки шин, по которым мы шли, привели нас прямо к входной двери, здесь машина остановилась. Мы снизили скорость и быстро обошли вокруг строения в надежде, что под нашими пристальными взглядами материализуется более быстрый путь внутрь.

Увы. Единственным входом по-прежнему была стальная дверь в кирпичной стене, а

единственным замком — дырка для пальца прямо рядом с дверью, точная копия той, которую использовала Цирцея, когда вела нас в амбар-лабораторию по производству останков.

— Ну, попытка — не пытка, — сказал я. — Другого входа все равно нет.

— Ради бога!

— Ой. Я думал, вдруг ты сам захочешь...

— Давай же, — настаивал Эрни.

Удачи, мой дорогой пальчик! Закрыв глаза, я втянул когти, вспомнив Боба, первого прогрессиста, с которым мы познакомились на Голливудском бульваре, и поместил указательный палец в дырку и заскрежетал зубами в ожидании жгучей боли. Если что, то я предпочел бы ампутацию или удар током, но я сомневаюсь, что эти двери принимают пожелания гостей.

Но больно не было. Ни миниатюрной гильотины, ни электрошока. Дверь не открылась, но, по крайней мере, все восемь пальцев остались на месте.

— Твоя очередь, — весело сказал я Эрни, убирая свой палец, но его неряшливые лапы тоже не помогли. Итак, мы в безвыходном положении стояли и пятались на дверь, бездельничали и почесывались.

Крики животных стали громче. И запах, скорее всего сосны, но без примеси трав. Это не Цирцея, но если бы даже это была она, то я бы не особо волновался, что меня поймают в запретной зоне, ведь они уже убили наших друзей за менее серьезное нарушение, так что сомневаться не приходится — когда мы в следующий раз столкнемся с прогрессистами, неважно где и как, диалог будет весьма жестким. Но Цирцея-то ведь совсем из другого теста, чем все остальные прогрессисты, и мне интересно, насколько хорошо она знает своих помощников и доверяет им.

Эрни провел рукой по двери в поисках какой-нибудь трещинки. Ничего.

— Тупик.

— Это потому, что мы еще не стали натуральными динозаврами, — вздохнул я.

— Ну да, ни один из нас.

— Ни один.

Не знаю, кому первому пришла в голову эта мысль, мне или Эрни, но вскоре мы уже стояли вдвоем около хитроумной дырочки, пытаюсь запихнуть по пальцу одновременно.

— Левее... левее палец подвинь, — ворчал Эрни. — Дальше. Еще дальше.

Отверстие было узким, но в конце концов нам удалось засунуть оба пальца. Снова мы ощутили знакомый холодок, пока спрятанный механизм всасывал феромоны из наших пор, затем раздалось жужжание, пока другой механизм анализировал, соответствует ли наш уровень пахучести тому значению в процентах, для которого доступ на объект разрешен.

Я сомневался, что наш способ сработает. Эта штукавина должна суметь отличить мои феромоны от феромонов Эрни, нельзя же так просто одурачить столь высокие технологии.

И тут дверь открылась.

Вытащив пальцы, мы нерешительно прошли внутрь, осторожно, чтобы не включилась никакая сигнализация. Но, по-видимому, стальная дверь была единственным барьером, и вскоре мы оказались в маленьком круглом вестибюле с каменным полом и низким потолком, на стенах которого были расклеены старые пожелтевшие карты. На них были представлены все страны и континенты, весь мир, и практически в каждом государстве на различных островах и полуостровах были воткнуты цветные кнопки, красненькие и зелененькие. И неважно, что отмечали таким образом прогрессисты, они проделали большую работу, чтобы распространить это «что-то» по всему земному шару.

Эрни позвал меня в дальний конец комнаты и указал на большую малиновую кнопку прямо посреди океана рядом с Гавайями, и я вытащил ее из карты. Получившаяся дырка практически уничтожила контуры малюсенького, изолированного островка.

— Мы здесь, — сказал Эрни. — Но я не могу понять, что значат остальные кнопки, красные, зеленые... Может, другие лагеря прогрессистов?

Я быстро прошел по комнате, пытаюсь найти карту Южной Калифорнии. Разумеется, в Лос-Анджелес была воткнута красная кнопка, а именно в район Голливудских Холмов, и я, пораскинув мозгами, согласился, что каждая кнопка показывает, где расположен тот или иной опорный пункт секты.

— Ты был прав насчет карт, — сказал я. — Посмотри сам.

Но Эрни не ответил. Я обернулся, в комнате никого не было.

— Эрн? — позвал я. — Эрн?

Ответ донесся откуда-то из длинного коридора и был едва слышен:

— ...возможно, захочешь... взглянуть на это...

— Что? Я тебя не слышу! — крикнул я ему.

В этот раз голос Эрни звучал громче и слегка дрожал. Что это, страх, злость или всего лишь эхо, отражающееся от стен?

— Я сказал, возможно, ты захочешь взглянуть на это.

Я покинул комнату с картами и быстро прошел по холодному узкому коридору. Силуэт Эрни резко выделялся в свете единственной голой стоваттной лампочки, свисающей с потолка, а тень падала на кирпичные стены. Его плечи подрагивали, но я понял, что это не смех.

— Что ты нашел... — начал я, и слова застряли у меня в горле.

Оружие. Ящики с оружием. Целые стеллажи, забитые этими ящиками. Горы оружия. Оружие на стенах и на полу. Винтовки, револьверы, полуавтоматические и автоматические, большого и малого калибра, — комната двадцать на двадцать была забита доверху всеми видами огнестрельного оружия, какие я только знал, оружейные запасы, которые растопили бы холодное человеческое сердце Чарлтона Хестона.³⁰

— Эти штуковины ведь не стреляют транквилизаторами, а?

Мы с Эрни прошли по комнате, спотыкаясь об эти железяки, пробираясь через море огнестрельного оружия. С тех пор как мы зашли внутрь, Эрни не произнес ни слова, он просто ходил по кругу, опустив глаза, и с каждой секундой в нем росла безмолвная ярость.

Под моими ногами лежала какая-то здоровенная цилиндрическая хреновина с ручкой, как у джойстика. Я поднял ее, чтобы рассмотреть получше, — тяжеленная, сволочь, — и уставился на ствол.

— Это гранатомет, — сказал Эрни спокойным голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций.

Ой. Я осторожно положил гранатомет обратно на кучу другого оружия, а то вдруг нажму не на ту кнопку и получу в этом году премию Дарвина.³¹

— Черт побери, зачем им все это?

— Зачем им, черт побери, все это?!! — напарник набросился на кучу оружия, пиная его голой ногой. — Это самая гадкая и отвратительная вещь, которую я видел с тех пор, как мы сюда приехали.

Они тут разглагольствуют о прогрессе, природе и понимании наших предков, а сами тем временем устроили целый оружейный склад, которому позавидует и НАТО.

Я не мог с ним спорить. У этих прогрессистов действительно с башкой не все в порядке, и я не могу себе представить, зачем они могли захотеть собрать столько огнестрельного оружия в одном месте.

— Мы вернемся в Лос-Анджелес, — предложил я. — И натравим на них Совет. Посмотрим, как им понравится кучка динозавров, которые прибрали к рукам столько человеческого оружия.

Эрни в прямом смысле слова позеленел от злости, внезапный прилив крови окрасил

³⁰ Актер, президент Национальной стрелковой ассоциации.

³¹ Премия за самую нелепую смерть.

кожу в яркий тон. Да, определенно моему другу надо носить больше одежды осенних оттенков, но я сомневался, что он сейчас оценит совет относительно своего гардероба, так что промолчал.

— Да, правильно, — проворчал Эрни. — Конфисковать этот остров, дом, а этих тварей бросить в тюрьму.

Мы даже не поняли, как это произошло, но ноги сами вынесли нас из этой страшной комнаты, словно наши тела знали больше, чем мозги, и силой уводили нас из противоестественной обстановки. Но как только мы снова оказались в коридоре и направились в вестибюль с картами (мне очень хотелось показать Эрни даты, написанные над картами, может, мы вдвоем сумеем понять, что они обозначают), как вдруг я снова учуял этот запах. На этот раз он был сильнее. Определенно сосна, болотные газы... Несомненно, мы здесь не единственные динозавры.

— Тихо, — сказал я Эрни, который громко топал к выходу.

— Почему?

— Запах.

Эрни сделал вдох, и его движения тут же стали тише.

Какое-то шуршание снаружи. Деревья качались на ветру, а листики потрескивали под чьими-то ногами. Съежившись у двери, мы с Эрни пытались разглядеть нового незваного гостя, но было трудно определить его местоположение.

— Слева, — прошептал Эрни. — Думаю, они шли за нами.

— Нет, — прошептал я в ответ, — это что-то другое.

И тут какой-то звук раздался справа. А потом прямо перед нами. Джунгли ожили, деревья со всех сторон зашуршали, а запах стал сильнее. Это был запах раздавленного животного, папоротника, новорожденного динозавра, болотных кочек, из которых поднимается пар.

Теперь все эти спецэффекты объединились в тревожную картину — качающиеся деревья, сильный запах и дополнительно — отчетливый вой, животный крик, означавший «Сюда, ребята, я нашел кое-что вкусненькое». Я надеялся, что это всего лишь «хаммер», всего лишь Сэмюель, который прочтет нам нотацию и увезет прочь отсюда. Но что-то подсказывало, все пойдет совсем по-другому.

— Бежим, — сказал я тише, чем ожидал, словно мои голосовые связки знали больше, чем я, о том, что вот-вот произойдет.

— Что?

— Бежим! — повторил я, на этот раз громче, в голосе зазвучала паника. — Бежим!

Мы прямо со старта рванули и кинулись прочь из дома, прямо в джунгли, выбежали на тропинку и понеслись вперед что было сил. Было трудно сосредоточиться на чем-то, кроме дороги, но я пытался на всякий случай держать ухо востро и ноздри тоже.

Теперь вой усилился, это был низкий рев от боли и злости, он прищипывал меня, и я несея еще быстрее. Был еще один запах, отличный ото всех остальных. Поверх аромата сосны. Кожа. Свежая, насколько часть меня смогла распознать. Но времени подумать не было, нужно было бежать. Эрни замешкался сзади, тяжело дышал, а я не мог бросить напарника в беде. Потому переборол панику и снизил скорость до нуля.

Это дало нашему преследователю необходимое преимущество. С внезапным пронзительным криком, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, из кустов на четвереньках выскочил стегозавр и бросился на Эрни, стукнув его головой в живот и сбив с ног. Мой партнер тяжело плюхнулся на землю, перекатился через выпирающие корни и стукнулся о толстый ствол дерева, но в ту же секунду он снова вскочил на ноги и выпустил когти на всю длину.

— погоди секунду... — крикнул я, надеясь остановить стегозавра разумными доводами.

Но, судя по его глазам, это просто животное, ему даже не хватало элементарной вежливости, чтобы попытаться понять, что я говорю. Он снова рванул вперед, выпустив

когти и нацелившись на Эрни, но по дороге споткнулся о камень и с глухим звуком шмякнулся на землю.

Я воспользовался возможностью, чтобы ответить обидчику. Если уж мы собираемся играть по таким правилам, тогда получай! Я прыгнул вперед ногами на это чудище, нацелившись острыми когтями ему в горло. Но взметнувшийся хвост застиг меня врасплох, и мне пришлось отпрянуть и свернуться в воздухе узлом, чтобы избежать попадания острых шипов. Да, когда имеешь дело с таким созданием, то надо следить не только за лапами, но и за хвостом. Я поменял позицию, скользнул влево, а ведь едва не отправился в путешествие в один конец, в вечность.

Зубы Эрни сомкнулись вокруг шеи стегозавра, а руками он крепко ухватился за его голову, сжимая челюсти изо всех сил. Я подпрыгнул с другой стороны, перекатился на спину и попытался прицелиться в мягкое незащищенное брюхо чудовища, но это было сложно, поскольку стегозавр упорно продолжал стоять на всех четырех лапах. Многочисленные тренировки, на которые мы ходили, и несколько настоящих драк, в которых я имел честь участвовать, ни капли не подготовили меня для подобных беспощадных боев.

Я подполз снизу и приготовился как следует вонзить зубы в его живот, как вдруг аромат снова ударил мне в нос, его волна исходила от шеи животного, стекала вниз по выпуклому животу, проникая в мои ноздри, а оттуда напрямик в тот отдел мозга, который отвечал за распознавание запахов, — смесь кожи и лаймового желе.

Это был Томас. Мы сражались с прогрессистом, который недавно сам дрался на Ринге и победил пуму, имея в запасе лишь лапы, хвост и мозги. Я понимаю, что такое расстройство аппетита в результате посттравматического стресса, сам как-то раз проглотил тост с тараканом, так потом смотреть не мог на тосты целый месяц, но это уже за пределами современной психологии. Что, черт возьми, случилось с этим парнем?

Пауза, во время которой я предался размышлениям, позволила «настоящему динозавру» увернуться от моей атаки, и вскоре мне пришлось откатиться вправо, поскольку стегозавр подпрыгнул и всем своим весом приземлился, пытаясь раздавить меня короткими лапами. Вместо меня в рай для грызунов отправился какой-то незадачливый суслик. Что же, честная конкуренция.

Сделав сальто и приземлившись в итоге на ноги (господи, эти румынские гимнасточки препуберантного возраста ничто по сравнению с раптором перед лицом опасности), я повернулся и приготовился к новому нападению на чудище, атаковавшее Эрни. Но тут в чаще за моей спиной раздался шорох, я обернулся, чтобы определить источник шума...

Как раз вовремя, чтобы увернуться от лапищи, нацеленной в мое горло. Я мгновенно отступил на несколько шагов назад, молотя в воздухе лапами, чтобы отшвырнуть эти негнувшиеся лапищи, тянущиеся к моим жизненно важным органам. Теперь все поле зрения мне загораживали широко распахнутые челюсти, пасть, наполненная слюной, и два ряда острых зубов. Челюсти, слегка покачиваясь, медленно двигались к нам, чтобы присоединиться к увлекательной прогулке по джунглям.

Теперь эта тварь подошла на достаточно близкое расстояние. Это был ти-рекс. Лично мы с ним не были знакомы, но уверен, что, пока у него были на месте мозги, он был или помощником официанта, или окулистом. Как и стегозавр, он не обратил внимания на все мои призывы прекратить эту бессмысленную драку и вести себя как взрослые. К счастью, он унаследовал от своих предков слабые передние лапки, так что я смог держать его когти подальше от моего тела, пока защищал свою морду от лязгающих челюстей. Когда этот монстр разгуливал в человеческом обличье, у него должны были быть протезы рук, чтобы он чувствовал себя полноправным членом человеческого общества, но сейчас, когда личины не было, это его явный недостаток. Зато у него в распоряжении отличный набор зубов. Они лязгали в воздухе каждый раз, когда он смыкал челюсти. И одного взгляда в его глаза было достаточно, чтобы понять: что бы ни задумал стегозавр, куда бы ни унеслась его фантазия, мозг ти-рекса движется в том же направлении.

Я даже не видел Эрни и не имел представления, как он держится, но весь мой череп

заполнили завывания, крики, вопли и мычание. Просто концерт мартовских котов. И я уже не понимал, какие звуки издает мой напарник, какие — стегозавр, а какие ти-рекс или даже я.

Хвост внезапно просвистел по воздуху, настигая меня сзади, я шлепнулся на землю, приземлившись прямо на задницу, раздавив кучу веток и листьев, имевших неприятность оказаться подо мной. На какое-то мгновение я был не в состоянии даже подумать, что динозавр сейчас дотянется и прикончит меня, все, что я осознавал, — мы с кислородом не в ладах, а остальное в данный момент не имеет значения.

Но зубы, лязгнувшие над ухом, убедили меня в обратном. Ти-рекс наклонил голову, челюсти широко распахнулись, предвкушая победу, а я лягнул его ногой, все еще не в состоянии дышать, — посему прошу занести это в список впечатляющих трюков, — выпустив когти на всю длину, заехав ими прямоком в небо противника.

Он отпрянул, и вопль боли сотряс воздух. Коротенькие лапки уцепились за мою ногу, пытаясь освободиться от когтей. Я собирался понаблюдать за этим представлением со стороны, моя нога все еще застряла в пасти ти-рекса, но не хотелось оставлять ее там надолго. Вскоре он додумается откусить ее по колено, а у меня еще много планов на эту конечность. Я быстро втянул когти и вырвался от динозавра, у которого изо рта хлестала кровь.

— Тебе помочь? — крикнул мне Эрни сквозь шум.

— Немного занят, — ответил я, уворачиваясь от очередного, но уже более слабого удара ти-рекса.

Самому Эрни моя помощь не была нужна, он перехитрил и победил своего стегозавра. Огромное животное уже уставало, и его атаки становились все медленнее и неуклюжей. Его спину украшали четыре большие раны, кровавые полосы дополняли едва зажившие рубцы, оставленные на память пумой.

Мы с Эрни приняли оборонительную позицию, встав спина к спине, отражая нападения со всех сторон, контролируя ситуацию и протягивая лапу помощи, если нужно. Мой ти-рекс хоть и злой, но некрупный, однако, если природа и не дала ему солидных физических данных, зато с лихвой отсыпала безумия. Каждая его атака была атакой камикадзе, он тянулся к моему горлу и животу, а никакой оборонительной стратегии не было и в помине.

Но это позволило мне выработать свою собственную технику кулачного боя. Я нырял, покачивался, подпрыгивал так и сяк. Просто Мухаммед Рубио какой-то. Вскоре тело ти-рекса было разукрашено царапинами, которые он сам себе наставил, но в глазах все еще можно было прочесть записку от мозга: «Ушел на обед. Буду в два». Дамы и господа, бой вот-вот подойдет к концу, победители — Ватсон и Рубио!!!

Ага, пока слева от меня в кустах снова не послышалось какое-то шебуршанье. И справа. И впереди.

Пока один динозавр не показался мне на глаза. И еще один слева, а третий справа, и еще двое как раз передо мной. Рапторы. Бронтозавры. Карнотавры. Гадрозавры. Анкилозавры. Все созвездие динозавров, пантеон доисторических драчунов, и все они пришли, чтобы преподать незванным гостям урок хороших манер. Я быстро осмотрелся, оценил ситуацию и понял, что мы окончательно и бесповоротно окружены этими тварями. И через какие-то секунды мы из испанских конкистадоров превратимся в мишень для прямого попадания в последнем бою генерала Кастера, но такой вариант развития событий мне совершенно не нравился.

Вой стал тише, превращаясь в рычание по мере того, как эта банда приближалась к нам. Я практически слышал, как бурлят желудочные соки. Даже стегозавр и ти-рекс, с которыми я дрался, сделали шаг назад и слились с толпой, довольные тем, что смогли внести незначительную, но важную лепту в нашу кончину. Осторожно, шаг за шагом, динозавры приближались, их хвосты подрагивали в предвкушении убийства, кольцо вокруг нас сжималось.

— Есть предложения? — спросил я у Эрни.

Он задумался на долю секунды. Я уже почти почувствовал, как мне на ноги капает слюна, и, пока Эрни думал, я погоревал, что придется умирать в такой сырости. Всегда считал, что сыграю в ящик в Лос-Анджелесе, где по крайней мере нет насекомых, которые сожрали бы мой труп. Ну, если, конечно, не считать агентов.

— Бежим, — сказал Эрни.

И мы побежали.

Используя свой хвост в качестве дополнительной движущей силы, я прыгнул к самому невеликому динозавру из всей банды — компсогнату, на морде которого застыло такое комичное недоумение, что я едва не заржал, приземляясь. И начался спринт по джунглям. Надеюсь, черт побери, хоть в правильном направлении.

Следующим был Эрни. Он, взметнув листья, толчком перебросил свое тяжелое тело через голову карнотавра. Я слышал за нашими спинами вопли разочарования, звук заглатываемых обратно в жадную пасть слюней и шум, который создавали полтонны разных динозавров, продирающихся через кусты. Вот такие стимулы и побуждают ставить мировые рекорды, а я намерен привезти домой золотую медаль.

Уж не знаю, пошли ли мне на пользу уроки бега, но я надеюсь, что-то все-таки достаточно впиталось в мое подсознание, чтобы двигаться быстрее, чем соперники. *Забывать о человеческих стандартах, забыть о человеческих стандартах...* Я чувствовал тяжелое дыхание напарника, его сердечно-сосудистая система работала быстрее всех допустимых норм для особи его возраста, телосложения и физической подготовки (читай: ее отсутствия).

— Ты думаешь... уф... мы на... уф... правильном пути?

— Лучше бы так оно и было, — крикнул я. — Обратно я не побегу.

Это хорошо, поскольку вся банда уже дышала нам в затылок. Наш предыдущий опыт общения с крокодилами вызвал у меня воспоминания об одном телешоу, которое я несколько месяцев назад видел по телику. Один австралиец, который тащился от того, что у него вокруг башки обвивались кобры, и заставлял свою жену ставить клизмы бешеным гориллам, твердо верил в один факт: если когда-нибудь вам придется убежать от крокодилов, то бегите зигзагом. Может, там говорилось про аллигаторов. Неважно. Я считаю, что эти прогрессисты уже отброшены в такое далекое прошлое, когда аллигаторы и динозавры стояли примерно на одной ступеньке эволюции. Поэтому я решил опробовать этот прием уклонения.

Я схватил Эрни за руку и резко взял влево, таща за собой напарника. На секунду показалось, что фокус сработал, и я принял решение чаще смотреть телевизор, если мне удастся выбраться из этой передрыги живым. Но тут по моей спине разлилась острая боль, и струйка крови потекла по ногам. Я понял, что только что меня зацепила ближайшая лапа.

Время бежать вперед.

Впереди замаячил забор, а вместе с ним и перспектива оказаться по ту сторону. Эрни неистово хлопал лапой по кнопке дистанционного управления, но мы удалились от тропинки настолько, что ворота могли быть в нескольких километрах отсюда. Не было времени сесть на пенек и выбрать самое хорошее деревце, чтобы забраться на него, любая остановка предоставит нашим противникам возможность разорвать нас на клочки, а я категорически не хотел стать закуской. Поэтому, пока мы бежали прямо к забору на всех парах, я изучал деревья в надежде, что мои глаза отыщут пути эвакуации, пока не стало слишком поздно.

— Колбасное дерево! — крикнул Эрни.

— Что?

У него что, крыша поехала?

— Колбасное дерево, — повторил Эрни и показал вдаль, где метрах в пятидесяти от нас произрастал самый причудливый представитель растительного мира из всех мною виденных. Метров пятнадцать-шестнадцать в высоту, все окутано сотнями лиан, свисающих с широких ветвей, но это еще не самое странное. В конце каждой лианы, как зародыш на пуповине, висела странная штука, напоминающая по форме гигантскую колбасу, как минимум, метр длиной. Я моргнул, не прекращая бега, но, когда снова открыл глаза, дерево никуда не

делось. Это не глюк. Полагаю, мне не стоило так удивляться, может, радиация, а может, эволюция, она ведь тоже принимала по пути следования странные решения, которые можно придумать только под кайфом. Ну кто, например, мог догадаться, что обезьяны смогут научиться пользоваться орудиями труда или подсчитывать остаток на чековой книжке? Они пока не научились программировать поисковые радиолокаторы, но и это освоят еще за миллион лет.

Мы немного изменили направление и рванули прямо к лианам, а за нами по протоптанной дорожке бежала банда наших преследователей. Скорость теперь была не так высока, поскольку по пути попадались деревья и сломанные ветки, через которые нужно было перескакивать, рычание за спиной приближалось. Мы в данной ситуации были чудовищем Франкенштейном, а они — толпой простого народа. И надежда на благополучный исход быстро таяла.

И вот колбасное дерево было уже перед нами, лианы болтались прямо над нашими головами, я прыгнул настолько высоко, насколько могли позволить мои уставшие ноги, ухватился за фрукт, напоминающий по форме сосиску, и подтянул себя вверх. Эрни болтался рядом со мной на соседней лиане. И мы друг за дружкой взобрались на дерево. Мой школьный учитель физкультуры гордился бы мной.

Когда мы залезли уже метров на шесть, Эрни глянул вниз.

— Эй, — сказал он с некоторым трепетом и немалым облегчением, — эти ребята за нами не лезут.

И правда, стая наших преследователей оставалась на земле, поглядывая на нас голодными глазами, а из их пастей сочилась слюна. Они по очереди подпрыгивали в воздух, пытаясь зацепить нас лапой, но каждый раз недопрыгивали до нужного уровня метра четыре с половиной.

— А почему они не лезут вверх? — спросил Эрни. — Ну, не то чтобы я жаловался...

— Может, они не умеют, — сказал я. — Ты только подумай, ведь лазанье по деревьям — прерогатива обезьян, а мы просто научились этому в детстве.

— А они разучились во время своего прогресса.

Итак, наши преследователи были внизу, а мы — наверху, на какое-то время в безопасности, хотя это и никак не помогало нам легко и быстро оказаться по ту сторону забора Единственная возможность — еще раз повести себя как люди, она меня не радовала, зато позволяла оставаться в живых.

Мы прыгали с лианы на лиану, осторожно хватаясь за толстый стебель соседней лианы, прежде чем аккуратно оттолкнуться и перепрыгнуть. Ну, я ж вам не Тарзан. Но через несколько минут таких упражнений мы уже перелезли через забор и снова спустились на землю.

Солнечный свет начал пробиваться через джунгли, и в легкой утренней дымке я различал группу темных теней по ту сторону забора, которые, посапывая, ни с чем возвращались восвояси, в глубь огороженной территории. Разочарованный рев взметнулся в воздух и рассеялся, а мы с Эрни снова вышли на тропку, ведущую к цивилизации.

— Они же не... не думали, — сказал мне Эрни, пока мы выбирались из джунглей.

— Ну да. И неважно, в кого они превратились, это с ними сотворил пресловутый прогресс... И Руперт... Мы нашли его как раз перед тем, как он отправился на Ринг, — сказал я. — После чего он, вероятно, стал бы одним из этих...

— А прогрессисты нашли его сразу после того, как мы его забрали...

— Точно.

— Но зачем? — спросил Эрни. — В чем смысл этой скрытности и секретности? Винтовки, этот дом, карты...

Я смог только пожать плечами.

— Не знаю. Я пытался разгадать загадку этого места с того самого дня, как мы взяли за дело. Но думаю, я знаю, как это выяснить.

Пришло время провести очную ставку с Цирцеей.

Но ее здесь не было. Ни в кабинете, ни в спальне, ни в фойе — везде пусто. Если не считать нескольких охранников вокруг дворца, остров казался пустынным.

Мы прокрались по саду к окнам бывшего кабинета Рааля, и тут меня осенило:

— погоди секунду, Эрн... А какой сегодня день?

— Думаю, воскресенье, — ответил он, поняв, к чему я клоню, как только ответ слетел с его губ. — Мы часов шесть выбирались из джунглей и тут уже шныряем пару часов. То есть сейчас утро воскресенья.

— И все уехали с острова. Съезд закончился, и все участники рассосались.

— Значит, Цирцея вернулась на Мауи, — продолжил Эрн.

— И даже, вероятно, в Лос-Анджелес.

Пора домой, причем в темпе. Я повернулся и пошел прочь от роскошного особняка в лагерь, чтобы побыстрее добраться до берега...

— Подожди, — крикнул Эрн, протянув руку, чтобы остановить меня. — Наши маски.

Ах да! Я опустил глаза и посмотрел на себя, моя настоящая кожа так хорошо облегла мой остов. Теплый гавайский бриз ласкал обнаженное тело, а хвост свободно раскачивался, и на секунду мне захотелось сказать: «Да ну их на фиг, эти маски, к черту эту фальшивую похожесть на людей, я присоединюсь к тем ребятам за забором...»

Но через секунду рассудок вытеснил желание, и я протопал мимо Эрни обратно к особняку, приговаривая: «Я знаю, где они хранят их. Иди за мной».

У гардероба, который я заметил ранее, не было ни одного охранника, как говорится, вход свободный. Большая часть личин уже исчезла с вешалок, ведь, если не считать некоторых нудистских клубов, в реальном мире к обнаженному телу относятся неодобрительно, потому прогрессисты снова спрятались за застежками и поясами, прежде чем сесть на катер и вернуться на материк.

В этот раз номерков, как тогда, на Голливудских Холмах, не давали, и не было очаровательной самки орнитомима, чтобы помочь нам, мы были сами по себе, и времени было в обрез. Вешалки с масками скользили по кругу, пока я нажимал на черную кнопку, и медленно двигались друг за дружкой.

Через минуту показался и мой наряд, я узнал его по квадратной челюсти, как-никак сплав алюминия и дентина, кажется, краем глаза я уловил и принадлежности Эрни, висевшие рядом. Не тратя лишнее время на всякие там проверки-перепроверки, я схватил личины под номерами 151 и 152, и мы с Эрни помогли друг другу застегнуть все пуговицы и зажимы, завязать пояса и закрепить бандаж, двигаясь — как растяпы-полицейские из знаменитых немых короткометражек, в замедленном темпе.

Когда мы полностью оделись, то стало совершенно очевидно, что что-то не так. Почему-то наряд после свободной, ничем не ограниченной жизни жал сильнее, чем когда-либо.

— Хм, Винсент...

— погоди секунду, — сказал я, изо всех сил пытаюсь подтянуть маску так, чтобы разрезы совпали с моими настоящими веками, сжатыми челюстями и ноздрями. Я не мог взять в толк, почему же так тяжело надеть эту штуковину, как надо.

— Винсент, — настойчиво повторил партнер. — Мне кажется, ты надел не тот костюмчик.

Маска затрещала, но встала на свое место, и перед моими глазами снова возникла комната.

— О чем ты? — спросил я, поворачиваясь к зеркалу, висевшему на противоположной стене. — Мы отлично выглядим.

Ага, вот он я, одет как с иголочки. А рядом — не плод моих фантазий, наркотических глюков или контузии после удара по башке, а красавица из плоти и крови, с высокими

скулами, мой загорелый ангел, чьи черты, хоть под маской, хоть без нее, я никогда не забуду.

Кала.

Я отвернулся от своего напарника. Это что, одна из его шуточек — взять и нарядиться в мою бывшую любовницу? Но тут же отлетел в противоположный угол комнаты, не сводя глаз с другого знакомого лица — с себя. Когда Винсент Рубио, на которого я пялился, заговорил, то это был голос Эрни.

— Ну, что я говорил, — вздохнул Эрни/Винсент. — Мне кажется, на тебе сейчас модные шмотки, малыш.

— На мне? — воскликнул я. — На себя посмотри! Ты же растянешь мой костюм!

Эрни так же ужаснулся, обнаружив себя в моей шкуре, как и я, поняв, что на мне костюм Калы, хотя моя затруднительная ситуация беспокоила меня иначе. А смогу ли передвигаться в этой штучке? Или драться, если понадобится? А бежать?

Эрни протянул руку, его грубоватые пальцы подрагивали под чистыми перчатками моего костюма, он погладил по скуле свое новое лицо.

— А это не та девушка, ну, которую ты... с которой...

— С которой я спал. Та, — закончил я за него, злясь на себя самого и на всю ситуацию. — Или не спал. Кала из «Вестин Мауи».

— Она прогрессистка?

— Она мне об этом не говорила. На самом деле она сказала, что работает в отеле, и подчеркнула, что никогда в жизни не покидала пределов острова Мауи.

— Значит, соврала.

— Похоже на то.

— И кто же она? Кто прячется под этой личиной?

— Ну, пока что я.

На долю секунды я задумался, а не отправиться ли на поиски Золушки, буду путешествовать по миру с образцом человеческой кожи, перекинутым через руку, и искать ту, которой костюм подойдет тютелька в тютельку, но, скорее всего, это нецелесообразно, особенно если учесть, как поджигает время. Его хватит только на то, чтобы снять этот костюм, найти дряблую человеческую кожу Эрни и переодеться в рекордные сроки...

В коридоре раздались шаги. Мы с Эрни переглянулись, он выпучил глаза (неужели я так выгляжу, когда нервничаю?), и мы начали шарить взглядом по комнате в поисках выхода. В ней было одно окно, и то всего сантиметров шестьдесят в ширину, но в крайнем случае можно и через него выбраться.

Нет уж, забудьте, лучше схватите меня прямо сейчас. Шаги тем временем приближались, к ним присоединились еще одни. Вместе с шагами звучали приглушенные голоса и смех, и единственным выходом была эта полоска стекла. Эрни выполз на свободу первым, ерзая задницей (моей!), я был изумлен, сколько сил ему пришлось приложить, чтобы протиснуться. Обычно у меня не такой огромный зад. Ну, по крайней мере, я так думаю. Я полез за ним, мне пришлось слегка сплющить новые сиськи — третий размер, если я что-нибудь понимаю в человеческих маркировках, — чтобы пролезть через узкую щель, но я прекрасно приземлился по ту сторону окна и на всех скоростях побежал, унося упругую попку.

Когда мы добрались до причала, катер уже давным-давно отчалил, и, хотя вокруг все было спокойно, я сомневался, что возвращаться на Мауи будет безопасно. Может, я и в другом костюме, но мой собственный запах никуда не делся, а я уверен, нас уже ищут. Может, и нет. Вероятно, они решили, что мы уже на том свете, или заблудились, или и то и другое, и не могут нарадоваться такому исходу. Надеюсь, так оно и есть, поскольку планирую в ближайшем будущем поразить их воображение эффектным появлением, мне это всегда нравилось.

Метрах в ста был еще один причал, разрушенный и пустой. Мы обнаружили его, идя по запаху бензина и морской воды, этому надежному методу я научился в летнем лагере во время занятий по водным лыжам. Так что вскоре мы уже подобрали себе хлипкую лодочку с

подвесным мотором.

— Возможно, здесь оказывают помощь «старичкам», — догадался Эрни. — Ну, отвозят пищу тем зверюгам за забором.

Мне казалось, что «натуральные» динозавры не из тех, кто заказывает обед с доставкой, но сейчас спорить смысла не было. Я прыгнул в лодку.

Длинные загорелые ноги нагревались под лучами жаркого гавайского солнца, и на долю секунды, даже меньше, чем на долю секунды, возможно всего на наносекунду, я понял, почему Джул... комфортно... в женском костюме. Но это ощущение быстро рассеялось, и я заставил себя думать о футболе, боксе и стереоаппаратуре.

Создание, говорившее голосом моего напарника, но выглядевшее как я, завело мотор, и в воздухе раздался громкий шум. Лодка стукнулась о причал, деревянная корма ударилась о деревянную балку, и мы медленно отплыли в открытый океан. Я сидел на носу, обхватив себя своими длинными тонкими загорелыми руками, отбросив длинные черные волосы и позволив им развеяться на ветру, и указывал направление на Мауи.

* * *

Было пол-одиннадцатого утра. Как только мы причалим и выберемся на берег, мне нужно будет сделать несколько звонков перед возвращением на материк. Наш самолет вылетит в Южную Калифорнию сегодня после обеда, и еще через пять часов мы приземлимся в аэропорту Лос-Анджелеса. Этого времени будет достаточно, чтобы мои осведомители собрали всю нужную информацию, а мы, как только спустимся с трапа, с ходу приступили к работе. В моей голове уже плескалось достаточно, казалось бы, несвязных секретных данных, что даже отчет комиссии Уоррена³² казался просто детской книжкой, но что-то подсказывало мне, связь мы уже почти нащупали и все больше приближаемся к разгадке. Не спрашивайте почему, но я хотел покончить с этим делом до полуночи.

К несчастью, причал, где стояли катера, был полон туристов с круизных лайнеров, и нам пришлось плыть окольными путями, чтобы избежать возможных столкновений с прогрессистами. В итоге мы сделали такой крюк, что оказались в нескольких милях от главной гавани, в изолированной бухточке, защищенной полукругом больших серых камней, образующих естественный волнорез.

Несколько местных серферов, развлекающихся на гребнях небольших волн, свистели, когда мы проплывали мимо, направляясь в бухточку. Мы с Эрни махали им рукой в знак приветствия, но они не переставали крутиться вокруг, разинув рот от удивления, словно мы были какими-то новыми и интересными обитателями моря.

Один блондинчик с дредами, только что сошедший с обложки журнала про серфинг, скользнул на доске вдоль нашей развалюхи, крепко ухватился за корму и заглянул мне в глаза:

— Эй, красотка, не хочешь поучиться серфингу?

Надеюсь, эта обезьянья харя утонет.

Мы бросили лодку у берега и пошли по пляжу, а Эрни всю дорогу хихикал:

— В чем дело? Раньше к тебе парни не приставали?

Когда мы добрались до аэропорта, то до посадки оставалось совсем немного времени. Я оставил Эрни в гордом одиночестве у выхода на посадку, а сам отыскал телефонный аппарат. Сначала быстро переговорю с доктором Борежаром. Уж если кто и может помочь мне разгадать загадку этих прогрессистов, так это он, эксперт по сектам. Возможно, я дам ему кое-какую информацию, доселе ему неизвестную, и очень даже вероятно, что мои данные в сочетании с его знаниями дадут нам полную картину, которую по отдельности мы увидеть не могли.

³² Комиссия по расследованию убийства президента Дж. Ф. Кеннеди.

Гудок. Второй. Третий. Автоответчик.

Нет времени ходить вокруг да около, поэтому я оставил ему четкое краткое сообщение.

И снова с телефонной карточки сняли деньги, прозвучало несколько гудков, и сработал автоответчик. Джул не было ни в офисе, ни дома, но при таком раскладе оставлять ей сообщение уже бесполезно. Оставалось только надеяться, что я разыщу ее, как только мы окажемся в Западном Голливуде. Я услышал, как по громкоговорителю объявили наш рейс. «Объявляется посадка на рейс № 515 Мау и — Лос-Анджелес, выход на посадку номер шестнадцать». Я повесил трубку, проверил, нет ли какой-то сдачи в чаше возврата, и догнал Эрни по дороге на посадку.

Пока мы проходили через ворота и спускались на летное поле (как нам сказали, «кишка», ведущая к самолету, не в порядке, поэтому нам пришлось спуститься на взлетную полосу, а потом подняться по трапу), я проинформировал Эрни о результате своей работы.

— Мы свяжемся с Джул, как только вернемся, — сказал я. — Когда доктор Бо перезвонит нам и подтвердит мои подозрения, мы должны...

И тут я услышал резкий хлопок, который бывает только при выстреле из винтовки. И еще один, и еще. Я пригнулся и побежал, насколько возможно, уклоняясь от выстрелов. Но Эрни рядом со мной не было. Его уже не было рядом ни с кем.

В шести метрах от меня, прижимая полную руку к плечу, Винсент Рубио, вернее, Эрни в костюме Винсента Рубио корчился от боли, а между пальцев сочилась кровь, дыхание стало коротким и прерывистым. Первое, что мне пришло в голову, не «мой друг ранен», «прогрессисты нашли нас» или «надо что-то делать», а «так вот как я выгляжу, когда меня ранят»...

— Эрн? — крикнул я, проталкиваясь через толпу пассажиров, которые окружили Эрни, когда выстрелы прекратились. Я упал на колени перед ним. — Куда ты ранен?

Эрни отодвинул руку, и новый кровавый ручей хлынул из раны на плече.

— Чертово... оружие, — пробормотал он сквозь зубы.

— Винтовка? — уточнил я.

— Снайпер... вон на той крыше, — поскольку левой рукой Эрни пользоваться не мог, а правой прижимал плечо, то он указал на крышу соседнего терминала моим тонким носом. — Я его видел... как он убегал... пытался докричаться до тебя, но...

Гримаса боли исказила его лицо, и он замолчал, все дальше оседая на землю.

Мой опыт просмотра замечательных американских фильмов подсказывал мне, что сейчас пришло время обнять его, а он расскажет мне какую-нибудь душещипательную историю о том, что всегда мечтал перебраться в Монтану, затем тихо испустит дух, а я буду в неистовстве глядеть на небо и выкрикивать его имя. Но этого не произойдет, Эрни всего лишь ранен в плечо, и хотя я уверен, что болит до чертиков, но это далеко не смертельно.

— Нам нужно в больницу, — сказал я. — Нельзя садиться в самолет, когда из тебя кровь фонтаном хлещет, нам не позволят сидеть в пассажирском салоне, и тогда мы не сможем посмотреть кино.

Эрни покачал головой. Я так и знал.

— Со мной все будет нормально. Лети... лети в Лос-Анджелес и найди ее. Останови ее, что бы она ни собиралась сделать.

— Это может подождать, — сказал я. — Возможно, они...

— Не может. Что бы они ни затевали... ты обязан их остановить.

Я бы поспорил, конечно, если бы времени было побольше. Изобразил бы из себя хорошего напарника, который всегда остается рядом с другом, наплевав ради этого на все расследования. Но он прав, самолет-то вот-вот взлетит.

Я стоял рядом, пока не приехали полиция и «скорая помощь». Я отыскал среди персонала врача-динозавра и проинформировал его об «особых обстоятельствах». По крайней мере теперь я знал, что его в целости и сохранности доставят в отделение для динозавров в одном из госпиталей Мауи, о нем будут заботиться лучшие врачи-динозавры, а личину умело починят опытные швеи, одетые в форму медсестер и нянечек.

Эрни положили на носилки, и толпа начала рассасываться, пассажиры снова поднимались на борт, взволнованные, но готовые к полету без террористической угрозы. Я был рядом с Эрни, когда его загружали в машину «скорой помощи».

— Когда найдешь Цирцею, — сказал он, — дай ей от меня пинка.

— Даже два, — пообещал я.

Врачи пристегнули носилки к полу машины и приготовились на полной скорости лететь в местную больницу. Эрни поднял голову, раздался негромкий треск, и он посмотрел мне прямо в глаза.

— Будь осторожен, малыш, смотри, кто у тебя за спиной. Снайпер был слишком далеко, чтобы почуять мой запах, поэтому ему пришлось стрелять не разобравшись, а пуля предназначалась тебе.

Двери закрылись, и «скорая» умчалась прочь, увозя пациента, очень похожего на Винсента Рубио, частного детектива.

21

Меня и прежде ранили. Правда, никогда по ошибке, но все же ранили. Так что для меня было не в новинку услышать звук выстрела или свист пули над ухом, когда от подобия Ван Гога отделяет меньше миллиметра. Но каждый раз, когда это случается, не легче, хотя сам по себе опыт и не нов.

Но увидеть раненого себя — совсем другое дело. Кровь, рана — неприятное по своей природе зрелище. Да еще и Эрни, который схлопотал пулю, предназначенную для меня. Все это выбило меня из колеи настолько, чтобы сесть и выпить во время перелета в Лос-Анджелес. Однако у стюардесс травок не было, и, хотя раньше в крайнем случае могли сгодиться и зерна горчицы, я отказался от мысли высосать пластиковый пакетик с горчицей, чтобы покайфовать. На самолете кроме меня была всего еще пара динозавров, так что подобное поведение, вероятно, вызовет массу обеспокоенных взглядов.

К тому же надо было подумать и о безопасности. Я не знаю наверняка, действовал ли стрелок в одиночку, поэтому не хочу делать ничего такого, чтобы какой-нибудь киллер-прогрессист заподозрил, что в костюме Калы — я, если вдруг он летит тем же рейсом. Кто-то из прогрессистов решил, что мое дальнейшее существование нежелательно, и больше всего меня мучила именно эта прямая угроза. Уж если решили убить меня, то по крайней мере будьте мужиками, сделайте это в честном бою один на один, как было принято раньше. Хотя, чья бы корова мычала... уж кому-кому, а не мне призывать их «быть мужиками».

Меня мучили мысли о Цирцее, прогрессистах и всех навалившихся неприятностях, и они давили настолько, что я забылся беспокойным сном. Когда я очнулся, наш самолет уже приземлялся в Лос-Анджелесе, командир экипажа объявил, что сейчас четверть девятого, и я перевел часы. Вествуд всего в двадцати минутах езды. Вообще-то все районы всего в двадцати минутах езды от аэропорта, но к тому времени, как я забрал «линкольн» со стоянки после длительного спора с работником этого дивного места по поводу того, сколько именно мой автомобиль провел в их дыре, и наконец выехал за ворота, сбив по дороге передним бампером деревянное ограждение, было уже почти девять.

Заскочить в офис времени не было, хотя это и хорошо, поскольку я волновался, как бы не столкнуться с Минским. Не то чтобы я чувствовал себя виноватым из-за того, что заграбастал его денежки и ни хрена не сделал по делу исчезнувшего суперчлена Муссолини, просто не было времени ничего объяснять коротышке прямо сейчас, уж не говоря о том, что я одет как гейша. К счастью, он из тех, кто сначала целуется, а потом уже задает вопросы.

Как бы то ни было, я растворился в толпе в Голливуде, что сейчас и было нужно. Когда у вас фигура супермодели, то в любом городе нелегко оставаться незамеченным, но в Лос-Анджелесе всегда есть шанс, что вас затмит какая-нибудь красотка, стоящая рядом с вами в автобусе.

Пока я ехал к месту назначения, я прямо из машины проверил голосовую почту. Три сообщения. Первое получено в пятницу, в 16.15. Минский звонит проверить, как наши успехи, через каких-то полдня после того, как он отправил нас на поиски своей шлюшки, словно не верит, что мы сделаем работу вовремя. Нервный тип. Его тонкий писк рассекал воздух: «Когда вы ее найдете, то сдайте ее копам, чтобы ее посадили надолго, но сначала добудьте Муссолини, сначала Муссолини...» Да, сейчас мне только этой головной боли не хватало, поэтому я нажал кнопку с цифрой три, стер сообщение и благодаря этому остался в живых.

Номер два. Джул. Вчера, девять вечера. Волнуется, что я ей не позвонил. Я уже об этом побеспокоился. Пропустим и сотрем.

Номер три: доктор Борежар, сегодня в десять утра. Ага, этого звонка я и ждал. «Винсент, я в городе, снова помогаю очередной семье, — растягивая слова, говорил доктор. — Очень печальная история, правда, парнишка связался с какой-то человеческой сектой, хочешь верь, хочешь нет. Я решил, что ты, возможно, захочешь спросить меня еще о чем-то. Разумеется, буду рад оказать вам услугу...» Узнаю доктора Бо, чрезвычайно обаятельный южанин. В конце сообщения он дал мне название и телефон отеля, в котором остановился. «Никко», отель, который держат японцы, на той стороне Беверли Хиллз.

Я тут же перезвонил, и меня сразу соединили с номером доктора.

Трубку взяли сразу.

— Ну, и где мы?

Непохоже на доктора Бо.

— Простите, — поспешно сказал я. — Должно быть, я ошибся номером...

— Винсент? — спросил доктор Бо, теперь я слышал знакомые, тягучие как сироп интонации. — Это ты, сынок?

— Ой, привет, я не... я вас не узнал...

— Просто я разговаривал с внуками. Нас разъединили. Рад, что вы вернулись.

За пять минут я вкратце изложил суть истории, подробности я опускал, но в основном рассказывал все, чтобы доктору стало ясно, что мне нужны ответы, причем срочно.

— Возможно, мне понадобится установить личность специалиста по выходу из сект, который, скорее всего, сливает информацию прогрессистам. И еще много чего делает. Очень много, я думаю.

— Ты уверен? — спросил Бо. — Это было бы чрезвычайно неэтично, если какой-то практикующий врач...

— В данном случае мы не говорим об этике, док. Вы ведь знаете всех специалистов в этой области, правильно, вернее, их человеческий облик.

— Разумеется, сынок. Если ты дашь мне фотографию этого врача, то я смогу идентифицировать его личность.

Доктор Борежар согласился встретиться со мной на нейтральной территории с глазу на глаз, и я предложил ночной клуб, который, как я знал, располагается рядом с его отелем.

— Мне нужно, чтобы там было темно, — объяснил я. — Думаю, я в опасности.

— Я бы не удивился, — сказал Бо, и его слова меня не успокоили. — Мы будем аккуратны, насколько только возможно.

Мы назначили встречу на одиннадцать часов, то есть у меня оставался час, чтобы смотаться в Голливуд, переодеться и прослушать всю информацию, которую Джул удалось выжать из этого города.

— Дорогой, — воскликнула она, когда я крадучись прошел в мастерскую в Музее восковых фигур, ее глаза с восхищением скользили по моим новым формам, оценивая их. — Ты присоединился к команде победителей. Я так горжусь тобой...

— Заткнись, — сказал я, надеясь, что в маске Калы нет функции румянца. — В прошлый раз, когда я к тебе приходил подлатать костюм, ты ведь сделала копию?

— Конечно, скопировала все, включая твой миленький пупочек...

— Ты могла бы достать эту копию?

— Зачем? Ты прекрасно выглядишь, дорогой!

— Джул...

— Мы могли бы включить тебя в наше новое шоу. Я пытаюсь добиться приглашения в Вегас. Ты смог бы станцевать национальный гавайский танец...

Наконец она скрылась в подсобке, несколько минут чем-то там шуршала и появилась со свободно болтающимся Винсентом Рубио, перекинутым через руку.

— Как Гавайи? — спросила она, когда я начал переодеваться.

— Небезопасно. Даже кровь пролилась, но у меня нет времени все тебе рассказать в подробностях.

— А где Эрни?

— Вот это как раз и есть кровавая часть.

Я за пять минут вкратце изложил все события, Джул кипятилась все больше по ходу моего рассказа, и когда я закончил, то она уже ходила туда-сюда по мастерской, сделав добрых пятьсот кругов, как участник гонок «Инкар», вокруг операционного стола. Тем временем я уже переоблачился и выбрал для себя симпатичные брючки с вешалок, спрятанных Джул в одном из многочисленных шкафов.

— Я так и знала, с ними что-то не так, — причитала Джул, ее голос становился все громче и громче. — Я так и знала...

— Нет времени заниматься самокопанием. Расскажи мне, что ты разузнала.

— Лучше спроси, чего я не разузнала?! Я собрала газетные статьи, свидетельские показания и сделала спектральный анализ...

— Отсюда и начнем. Можешь показать мне результаты?

Компьютер Джул — это просто произведение искусства, но для меня это скорее абстрактное искусство. Это для ребят, которые плавают по Интернету, перепрыгивая с одной волны информации на другую, а я ближе всего столкнулся с серфингом, только когда ко мне клеился тот блондинистый пижон возле пляжа.

— Посмотри сюда, — сказала Джул, ее длинные пальцы энергично стучали по клавишам, как у Элтона Джона, когда он играл заводную мелодию. Кстати, когда певец устроил благотворительный аукцион и распродал с молотка все свои эффектные наряды, то мой приятель был просто счастлив купить костюм турка, в котором Элтон (гадрозавр, если верить моему другу) расхаживал по улицам, оставаясь в большинстве случаев неузнанным.

— Я отсканировала фотографии, которые ты мне дал, — сказала Джул, продолжая печатать, — и пропустила их через пару программ, которыми я пользуюсь, чтобы показать, как операция на маске наложится на настоящий облик. Ты не поверишь, сколько клиентов просто не могут въехать, что сколько бы я ни делала липосакций, а у бронтозавра никогда не будет такой талии, как у целофизиса. Я им всегда говорю — работайте с тем, что есть. Все могут выглядеть прекрасно.

— Очень жизнеутверждающе, — сказал я. — Так что там с компьютером?

— Ну, короче, я отсканировала фотки, одну за другой, а потом проверила, что там, под маской, — на экране появились фотографии, которые я дал. Я подтащил деревянный ящик с надписью «Носы. Шведские» и сел на него.

Счастливые семьи, воссоединившиеся с любимыми чадами. Мамы, папы, братья и сестры и бывший прогрессист улыбались в объектив, а рядом с ним (или с ней) на каждом снимке виновник торжества, улыбающийся доктор, обнимающий свою последнюю историю успеха. Джул уже обвела кружочком ключевые элементы на каждой фотографии, и я наблюдал, как компьютер убирает всю ненужную информацию, доходя до самой сути, до самой сладкой сердцевины.

Фотографии вертелись на экране, то увеличиваясь, то уменьшаясь, налагая одно изображение «доброго доктора» на другое. Меня ничто не настораживало, но Джул приговаривала «ага» и «да-да», она определенно была под впечатлением — то ли от своего открытия, то ли от собственных детективных способностей. Я тоже, бывало, давал пять самому себе после удачного окончания дела, но это было лишь удовлетворение собой.

Через каких-то пять минут Джул отодвинулась от стола, стул проехал на роликах и въехал в груды заготовок для личин. Она торжественно указала на экран, на все те же шесть картинок, что и раньше, и гордо заявила:

— Вот оно.

Я должен быть под впечатлением? И иметь хоть какое-то представление о том, что происходит?

Джул заметила мое недоумение и с большим удовольствием воспользовалась возможностью подробно объяснить суть своего открытия.

— Они все диплодоки. Видишь небольшую выпуклость на стыке шеи и спины? И зазубрины на животе?

Вообще-то я ничего такого не видел, но у меня сложилось впечатление, что если она расскажет, как именно может распознать породу динозавра под латексной кожей, то я опоздаю и к концу света, не говоря уж об одиннадцатичасовой встрече с доктором Бо.

— Ну, может, не третий и не пятый, — продолжала Джул, — потому что под такой крупной маской сложно распознать, но зато все остальные — точно диплодоки.

Неужели это указывает на то, что в основе политики прогрессистов лежит расовое неравенство? Группа диплодоков заманивает в свои сети других динозавров и подчиняет их своей воле? Да, вывод поспешный, возможно, но начнем с него.

— Спасибо, — начал я.

Но Джул не отпускала меня.

— Это не все, дорогой. Если твоя симпатичная попка еще побудет здесь, то я покажу, что еще накопила.

Она залезла в стоявшую рядом коробку, некогда заполненную ресницами производства Кореи, а сейчас пустую, в ней была только папка и какие-то сшитые степлером листочки.

— Я составила список прогрессистов, покинувших секту и вскоре умерших, с указанием того времени, в течение которого они были членами организации. И такой же список для ребят, которые вышли из секты, но остались живы. Есть у тебя какие-то догадки по поводу того, что я нашла?

— Ничего?

— Наоборот. Вот, взгляни на секунду на случай с Рупертом. Сколько времени он состоял в секте?

Я пожал плечами.

— Три-четыре года, как говорят. Ну, плюс-минус.

— Отлично. Четыре года, и он умер. То же самое и с девчонкой из Лонг Бич. Она была прогрессисткой шесть лет.

Должно быть, я упустил самое важное, поскольку глаза у Джул сияли, не думаю, что это происходило благодаря специальным «новогодним» контактными линзами.

— Ну, это мы уже знаем. Если ты помашешь ручкой прогрессистам, то сыграешь в прятки.

— Неверно. Я нашла много ребят, которые вышли из секты и по сей день живут и здравствуют. Вся разница в том, что они покинули секту раньше.

Джул бросила мне бумаги, и я просмотрел всю раздобытую ею информацию. Эта закономерность прослеживалась. Четыре и более лет были равны смерти. А два и меньше — жизни. Между этими двумя цифрами было слишком мало данных, поэтому трудно было точно определить, где проходит грань между физической расправой и «да бог с ним, пусть живет», но этого было и не нужно, чтобы подтвердить мою теорию — Руперт слишком много знал.

Во время восхождения по иерархической лестнице прогрессистов он получал доступ все к большим и большим объемам информации, и к тому моменту, как мы его оглушили и отволокли в Вествуд, ему уже доверили слишком много тайных знаний и на нем лежала слишком большая ответственность, чтобы разрешить ему болтаться в реальном мире. Есть два решения, когда ваш любимый вязаный свитер зацепился о сучок: можно осторожно

заправить петлю или обрезать ее под корень. Прогрессисты выбирали легкий путь.

Должно быть, то же самое произошло и с остальными, по крайней мере это означает, что секта не убивает всех отбившихся от стада членов без разбора, а лишь тех, кто может разболтать, чем они занимаются — оружие, промывание мозгов, иностранная валюта, прыгающая со счета на счет.

— Здорово, — сказал я, встал, стряхнул ее любопытную морду со своего рукава и приготовился поехать в центр города. — Улика косвенная, но все равно здорово. Совету будет интересно, это я точно знаю.

Но как только я пошел к двери с бумагами в руке, готовый встретиться с Бо и выяснить его мнение по поводу всей этой ситуации, а затем со всех ног помчаться в штаб-квартиру Совета и положить конец гнусным замыслам прогрессистов, обрушить над их головами крышу, как некогда библейский богатырь Самсон, Джул протянула руку и остановила меня.

— Это еще не все, — сказала она. — Может, это и не так уж важно.

— Все важно.

— Они не единственные, кто пропал. Ну, я имею в виду прогрессистов, — я не понимал, о чем это она, но ей нужно было дать высказаться. — Я просмотрела газеты, — уточнила Джул. — Проверяла те даты, когда умер Руперт и все остальные, но когда речь шла о прогрессисте старше двадцати, то каждый раз был еще кто-то, кто не состоял в группе, но исчез в тот же день, обычно где-то поблизости.

— Того же возраста?

— Примерно. Руперт простился с этим миром в четверг, а за день до этого пропал парень по имени Блиш, тоже ти-рекс, ему было всего двадцать восемь. Он исчез ночью. В самом происшествии нет ничего странного, но это происходило снова и снова. Довольно странно, что двадцатилетние вот так уходят...

— А еще страннее, что они это делают парами?

Групповое самоубийство? Или скопированное убийство? Чаще всего информация помогает собрать разрозненные кусочки воедино, но в этот раз все как раз наоборот.

Джул проводила меня до дверей. Она приобняла меня на прощание, ободряюще похлопав по спине, попросила быть осторожным и открыла двойной засов.

— У тебя есть какие-нибудь мысли, что все это значит? — спросила она. — Фотографии, парные некрологи и все остальное?

— Есть одна догадка, — сказал я, посмотрев на часы и обнаружив, что опаздываю уже на целых пятнадцать минут, — но нет времени объяснить, я опаздываю на ужин, — а потом, зная, что она изнывает от любопытства, добавил: — Он — врач.

* * *

Хотя на Ла Бриа авеню и не было ужасной пробки, но проехать даже в столь поздний час было трудно, приходилось то и дело останавливаться. Целых полчаса ушло на то, чтобы проехать три мили, и когда я добрался до Уилшира, то понял причину — дорожные работы. Просто черт знает что такое. Разумеется, рабочие, которые должны были подносить мне чай с плюшками, потому что как-никак получают деньги из кармана налогоплательщиков, вместо этого сидели на своих толстых человеческих задницах, ели пончики и литрами пили черный кофе. А все остальные тем временем вынуждены были дышать выхлопными газами из-за того, что эти козлы не могут ни одно дело выполнить в срок и не вылезая за рамки бюджета.

Внезапно пробка впереди рассосалась, и яростные гудки сзади подтолкнули мою ногу на педаль газа. Я рванул вперед, свист и смешки рабочих остались за спиной. Часть меня очень хотела набить им морду, устроить настоящую драку, чтобы покончить с человеческой глупостью, мешающей нам жить. «Да у меня, блин, целая армия, — хотелось крикнуть мне. — Сейчас съезжу, прихватчу с собой кого-нибудь из тех динозавров в джунглях, и тогда посмотрим, кому достанется последний пончик, Мистер Хомо сапиенс, царь природы,

стоящий на верхушке пищевой цепочки!»

Клуб «Смоляная яма» не самое тихое местечко, он расположен в районе Мили Чудес,³³ четко на восток от Беверли Хиллз и четко на запад от тех районов, в которых вы не хотите оказаться в темное время суток. Пять долларов за вход, зато никто тебя не принуждает покупать напитки, поэтому обычно это местечко забито динозаврами и людьми всех мастей, которые колбасятся под ту музыку, которая нынче в моде.

Сегодня вживую какая-то группа играла ска³⁴ с характерным акцентом на слабых долях, и клуб был полон подростков из Беверли Хиллз, набравшихся по самое некуда, несмотря на цены. Танцы в основном представляли собой прыжки, иногда парами, но чаще группами. Да, мы не так танцевали, когда я был молодым, но уверен, что я тоже тогда выглядел совершенно по-дурацки.

Мы договорились с Бо встретиться в кабинке в дальнем левом углу клуба. Обычно когда я решаю не проводить вечер в одиночестве и выбираюсь в центр, то еду именно сюда. Разумеется, когда я пришел, доктор уже терпеливо ждал меня. Он был опрятно одет, в синюю рубашку свободного кроя, какие носили зимой плантаторы, пока не началась гражданская война и хлопок не стал дефицитом. Я проскользнул в кабинку и начал извиняться за опоздание...

— Да и не так уж ты и опоздал, — заверил он меня. — Я и сам только-только приехал. Движение здесь в одиннадцать вечера уже относительно свободное, но все равно похуже, чем в Нашвилле.

— В Нашвилле? — переспросил я. — Мне казалось, вы говорили, что живете в Мемфисе.

— Сейчас — да, — объяснил он после короткой паузы. — А в Нашвилле я вырос.

— А, понятно. Хотите базилика? — я жестом подозвал официантку, но Бо опустил мою руку.

— Никаких трав, — сказал он. — Я за рулем. А теперь перейдем к делу. Ты принес фотографии?

Я пододвинул снимки по столу прямо в руки доктора.

— Я велел сделать спектральный анализ, — сказал я, гордый тем, что правильно произношу этот термин и даже имею отдаленное представление, что он значит, — и мне было сказано, что все динозавры под масками — диплодоки.

Бо рассмеялся и бросил фотографии на стол.

— Черт, это я тебе и так мог сказать, сынок. Безо всяких новомодных анализов.

Ну, так скажи сейчас.

— А как вы это определили?

Доктор Борежар отложил отдельно три снимка и разложил их по столу. Указав на каждого из врачей — один с усами, другой с бородой и еще один между ними, — он покачал головой и ухмыльнулся:

— Этого я знаю. На всех трех снимках он в своей обычной маске, но с разными аксессуарами. Мне кажется, обычно он гладко выбрит...

Ага, доктор Бо владеет именно той информацией, которую я ищу.

— Так вы его знаете.

— И очень хорошо. Его зовут Картер, Брайан Картер, если не ошибаюсь, и он специалист в области палеонтологии.

— Он что, человек? — спросил я.

— Нет, он занимается фальшивыми останками.

³³ Участок бульвара Уилшир между авеню Ла Бриа и Фэрфакс, район дорогих многоквартирных домов, магазинов, ресторанов, банков и контор компаний.

³⁴ Танцевальный музыкальный стиль, основанный на одноименном исконно ямайском стиле.

Ага, вот как он связан с Цирцеей, по роду деятельности они вращаются в одних и тех же кругах. Должно быть, она связалась с Картером и убедила его помочь ей в воспитании строгой дисциплины среди прогрессистов.

— Отличный парень, — задумчиво добавил Бо.

— Отличный парень, который якшается с прогрессистами, — заметил я. — Вы рассказывали этому Картеру о вашей работе с Рупертом?

Бо слегка отвернулся, избегая моего взгляда.

— Я... возможно, упоминал, что еду в Лос-Анджелес поработать... Может, и имя Руперта назвал, но... Ну, профессиональные разговоры, надо приводить конкретные примеры... ты понимаешь...

Я мог бы рассердиться на старика, высказать ему, что безалаберное отношение к врачебной тайне стоило жизни молодому ти-рексу, но, как говорится, после драки кулаками не машут. Если Сэмюель причастен к смерти Руперта, то он и только он должен за это поплатиться.

— А остальные? — спросил я, пододвигая другие снимки так, чтобы ему было видно.

— Ну, по облику не узнаю, но я бы не удивился, если бы Картер воспользовался товаром, купленным на черном рынке. Этот парень никогда не любил правила.

Значит, Картер и есть ключ ко всей этой темной истории. Именно он рассказывал секте, где находятся заблудшие овечки, именно он придумывал, как убить их, не вызывая подозрений. Но если я найду этого парня в человеческом облике и применю фирменную методику допросов Винсента Рубио (читай: очень больно и никакого сострадания), то я точно сумею выяснить, что именно произошло с Рупертом и другими ребятами, и положу конец коварным замыслам, которые Цирцея и ее приспешники вынашивали долгие годы. Я остановлю прогрессистов, и они предстанут перед важными шишками из Совета Южной Калифорнии. Все будет кончено до конца сегодняшнего дня, а я смогу вернуться домой и целую неделю буду наслаждаться в супермаркете «Ральфе» в отделе свежих фруктов и овощей (и трав).

— Не думаю, что вы знаете, где мне его найти? — уточнил я у Бо. Он и так уже оказал мне всяческую помощь, но я имею дурную привычку выжимать все соки. — Ну, Картера.

Он уже собирался было покачать головой и дать отрицательный ответ, как вдруг я увидел искорку в его глазах.

— На самом деле, — сказал он, приподнявшись на стуле, видно было, что его волнение нарастает вместе с моим, — последнее, что я о нем слышал, — он финансирует раскопки неподалеку отсюда, в районе смоляных ям.

Я был на все сто уверен, что он говорит о настоящих смоляных ямах, а не о клубе, в котором мы сидели, хотя здесь такая акустика, что можно лекции читать. В десяти кварталах отсюда находился Музей Естественной истории Джорджа Пэйджа, огромное сооружение площадью около двух тысяч квадратных метров, посвященное знаменитым лос-анджелесским смоляным ямам. Нигде вблизи этих смоляных ям не было найдено ни одной заслуживающей внимания кости динозавра, зато внутри ученые обнаружили целую кучу материала Ледникового периода — от останков саблезубого тигра до мамонтов, а также использованных презервативов (большинству неископаемых находок мы обязаны парку, разбитому рядом с ямами). Укрытия в местах раскопок, возведенные в мирные годы правления Эйзенхауэра, теперь служат в качестве «привалов» на многочисленных туристских маршрутах в этой местности.

— А вы можете точно сказать, где именно он руководил раскопками? — спросил я. — На каком участке?

Всего таких участков десять или двенадцать, и если я смогу сузить круг поисков, то не придется незаконно проникать на территорию двенадцать раз за ночь. Разумеется, самого Картера сейчас там нет, но как минимум я смог бы взломать какие-нибудь файлы или ухватить за ниточку запах.

— Мне кажется, участок номер семь, — сказал Бо. — Но я не уверен. Вот что, я на

сегодня работу уже закончил, а мне кажется, это более интересно, чем тупо смотреть платное кабельное телевидение в отеле. Я поеду с тобой.

Я был рад компании. Всего через каких-то семь часов мне стало не хватать присутствия Эрни, так чувствует себя инвалид, у которого на месте нормальной конечности протез. Но я не мог подвергать доктора возможной опасности. И даже если я найду этого Картера раньше, чем прогрессисты меня, и больно будет только Картеру, то доктору Борежару не нужно знать неблагоприятные стороны жизни частного сыщика. Лучше уж я буду вести допрос в одиночку.

— Спасибо, док, — начал я. — Но некоторые методы в моей работе...

— Это не проблема...

— Ну, не очень хорошие методы, — уточнил я. — Даже сомнительные.

— Ты что, думаешь, я этого не видел? — перебил он. Бо наклонился ко мне, в каждом слове его звучала гордость за профессию и собственный статус, когда он доверительно сообщил: — Я помогал детям выпутаться из сатанинской секты Чарльза Мэнсона,³⁵ сынок.

* * *

Смоляные ямы — смесь смолы и воды — находились справа от бульвара Уилшир, вдоль всей Мили Чудес, от оживленной улицы их отделяло лишь ограждение из тонкой проволоочной сетки, которое не выдержит натиска даже самого ленивого вандала. Хотя никто особо и не горел желанием залезть внутрь и поплавать, а если даже кому-то это и придет в голову, то мы узнаем об этом через двадцать тысяч лет, когда тела выловят и поместят на всеобщее обозрение.

Смоляные ямы — это странная смесь увлекательности и познавательности. В солнечный летний денек температура может перевалить за тридцать семь градусов, и зловоние разносится на мили вокруг. А вот куратор этого чудесного местечка, например, решил, что сами по себе ямы — зрелище неинтересное и не смогут привлечь должного внимания. Ну кому, скажите, захочется целыми днями пялиться на нефтяное пятно? Чтобы раскрутить эту достопримечательность, сотрудники Музея Естественной истории соорудили прямо в ямах статуи мамонтов и мастодонтов в натуральную величину, очень реалистично изобразив борьбу несчастных животных с ямой-ловушкой не на жизнь, а на смерть. На маленьком островке гранита в центре ямы бетонный детеныш мастодонта смотрит, как его мамочку засасывает на дно. Здесь установили даже спрятанную аудиосистему, которая воспроизводила крики умирающих или раненых слонов. Вообще-то зрелище не для слабонервных, но туристы охали и ахали, стоя на смотровой площадке рядом с дорожкой, ведущей в музей.

Хотя в полночь туристов здесь было немного. Несколько местных бомжей, которые катили свои тележки, распевали песни и матюгались, наезжая на крышки люка. Русский джентльмен, который клялся и божился, что его кошка сможет точно предсказать нашу судьбу. Мы с Бо припарковались на пустой стоянке и пошли по участку свежего дерна, и, хотя здесь только что закончилась реконструкция и теперь стало намного зеленее, больше ничего не изменилось, на что можно было потратить средства за два года работ.

— Итак, — сказал Бо, пока мы шли, — а что еще тебе удалось выяснить про этих прогрессистов?

— Много. Одновременно все и ничего. Я видел больше, чем нужно, а именно: динозавры бесконтрольно бегают по джунглям, вернувшись к первобытному образу жизни. Склад, полный оружия...

— Огнестрельного? — спросил он, не веря своим ушам.

— Винтовки, пистолеты, базуки, чего там только нет.

Ну, фактически я там никаких базук не видел, но небольшое преувеличение может

³⁵ Голливудский «мясник», маньяк-убийца. Совершал преступления вместе со своими последователями.

сделать историю только интересней, поэтому я и приврал.

— Они что-то замышляют... причем на международном уровне, как я думаю.

— Я много лет изучал прогрессистов, — сказал Бо, — но никогда не слышал ничего подобного.

— Поверьте, док. Я каждому члену Совета напишу шестьсот прошений, как только все будет кончено. Несмотря ни на что, прогрессистам крышка.

Доктор Бо ничего не ответил, надеюсь, он не заволновался из-за того, что в моей оболочке обитает еще и Джон Уэйн.³⁶ Иногда мое поведение может напугать.

Мы пришли на место раскопок. Просто дыра в земле, окруженная хилым заборчиком, металлическая лестница спускается на смотровую площадку, с которой видна вся яма. Точно не сказать, есть ли там кто (см. мое предыдущее замечание по поводу использованных презервативов). Но лучше уж я рискну вмешаться в коитус парочки неудачливых любовников. Я начал спускаться, а Бо за мной.

В центре площадки, огороженной тремя стенами, висела одинокая лампочка, я включил ее, и она озарила помещение резким белым светом. Справа, слева и сзади меня были трехметровые металлические стены, а под ногами стальной пол, усеянный консервными банками из-под содовой и пивными бутылками. Странно, внизу запах смолы не очень сильно чувствовался, возможно, потому, что постоянная тень не дает солнышку припечь, чтобы зловоние начало подниматься в воздух.

Там, где должна была быть четвертая стена, ничего не было, кроме ограждения с какой-то дощечкой и собственно самой ямы. На дощечке было написано: «Раскопки начаты 12 июля 1959 года». Я посмотрел в темную яму, но смог различить только смолу, ничего похожего на ископаемые останки или мумифицированных животных не было.

— Да, довольно скучное местечко для чтения лекций, — сказал я. — Я думал, что эта площадка более... открытая, что ли.

Бо стоял за моей спиной и тоже смотрел в зловещие глубины ямы, он поднял камешек и бросил его вниз, наблюдая, как тот стукнулся о поверхность на глубине трех метров. Камешек не утонул, он просто остался лежать на поверхности вязкой черной смолы и ждать, когда же его засосет. Смерть с задержкой. Это все равно что стоять в очереди в автоинспекцию, только тут пахнет получше...

Доктор Борежар прислонился к дальней стене.

— Эти места... они совершенно изолированные, да?

— Ну, насколько я могу судить. Эй, а вы не знаете, случайно, этот Картер живет прямо на территории?

Мой вопрос застал его врасплох, доктор Бо заволновался:

— Я... я не знаю.

Я сию секунду вытащил мобильник — когда дело касается мобильных телефонов, то я выхватываю их быстрее всех на Диком Западе, — и набрал домашний телефон Дэна. Мне уже до чертиков надоело, когда меня начинают переключать то туда, то сюда, если я ему звоню на работу, в управление полиции, так что будем надеяться, в этот раз я с первого раза попаду прямо на него.

— Я звоню Дэну, ну, сержанту Паттерсону, — сказал я доктору Бо. — Не хотите поздороваться с ним, сказать пару слов?

— Нет, нет, не буду мешать.

Два гудка — и раздался голос моего кристально честного друга:

— Алло?

— Слава богу, он дома, — сказал я в трубку. — Ты самый неуловимый бронтозавр на свете.

Дэн тут же принялся рвать на себе волосы, рассыпаться в извинениях, что не позвонил

³⁶ Звезда классических вестернов.

мне раньше.

— Я звонил тебе все выходные, но ты не брал трубку, а сообщения оставлять я не захотел.

— Проехали, — сказал я. — Прощу тебя, если окажешь мне услугу.

— Любую.

— Мне нужен в первую очередь адрес и все, что у тебя есть, на одного парня по имени Брайан Картер. Он доктор, я думаю.

— Конечно, без проблем, а что случилось?

— Ну, просто маленькое расследование, — сказал я, подмигивая доктору Бо. Но он мне не ответил. Я отвернулся и стал разглядывать яму. — Я здесь со специалистом, которого ты мне порекомендовал.

— Что?

— Ну, доктор Бо. Бомонт Борежар.

Сколько раз ему повторить, чтобы он врубился?

— Я не знаю, о чем, черт побери, ты толкуешь, Винсент.

Я громко вздохнул, а потом подробно объяснил, беспокоясь, что моего приятеля мучают провалы в памяти:

— Когда я позвонил тебе три недели назад и попросил посоветовать специалиста, который помог бы выйти из секты...

— А я сказал, что перезвоню, знаю, знаю... Но вот за это я и извиняюсь, я постоянно забывал тебе сказать, что у меня никого такого нет.

— Что? Нет, нет. Мне же позвонил доктор и сказал, что ты...

— Этот доктор Борежар, о котором ты говоришь... — сказал Дэн. — Я понятия не имею, кто это. И никогда в жизни о нем не слышал...

Примерно в этот момент я и почувствовал боль, сначала сильно сдавило ноздри, затем это ощущение по моему носу проникло прямо в голову, и мое тело наполнилось под завязку всеми мыслимыми запахами: аромат карнавала, попкорна, карбюраторов и колы, вереница запахов разрушала каждый мускул, каждую связку...

Я едва смог повернуться. В глазах стоял туман, вся обзорная площадка поблекла, растворилась, ее место занимали доисторические джунгли. Передо мной стоял доктор Борежар, здесь и одновременно не здесь, он аккуратно выдернул трубку из моей руки, и где-то вдалеке слышался голос Дэна: «Винсент, ты меня слышишь? Винсент, ты тут?». Из земли вырвался древний дуб, появлялись разнообразные растения, материализовались комары размером с орла, усмехались и улетали прочь. Доктор Борежар швырнул мобильник в яму, и его доброе лицо расплылось в странной довольной улыбке. И мне стало интересно, а мобильник все еще включен? И Дэн все еще говорит со мной? Значит, мой оператор снимет с меня деньги за дополнительное время...

Снова взрыв аромата, и теперь я уже чувствовал запахи трав. Базилик и кинза проникли в каждую пору моего тела, мои ноздри стали воротами для этих чудесных и одновременно ужасных ощущений. Вскоре вокруг уже ничего не было, кроме меня, доктора Борежара и одинокого металлического ограждения. Доисторический мир ожил, и миллиарды естественных динозавров бежали на свободе, никем не контролируемые.

Толчок в грудную клетку, я сделал шаг, споткнулся, перелетел через ограждение и начал падать вниз, паря на облаке, прежде чем приземлиться во что-то сырое и скользкое. Теперь доктор Борежар был далеко, высоко надо мной, он смотрел на меня и махал рукой на прощание.

— Прощайте, мистер Рубио, — сказал добрый доктор. — Передавайте от меня привет предкам.

Обязательно передам, Бо. Обязательно...

Очень высока вероятность, что я уже умер .

И это неплохо.

Здесь я могу быть собой.

* * *

Через какое-то время, неважно когда, потому что в этом месте время значит столько же, сколько воздержание в Лас-Вегасе, я обнаружил, что не могу двигаться, не могу дышать и вообще не могу ничего из того, что обычно ассоциируется с жизнью, но каким-то образом, интуитивно я понял, что не умер. Это был новый шаг. Моя последняя воля и завещание были мысленно написаны и переписаны заново сотню раз с тех пор, как доктор Борежар, или кто он там, попрощался со мной, и что действительно грустно — мне почти нечего было сказать. Эрни получает большую часть моего имущества, а своему племяннику в Топике завещаю кое-какие деньжата и увлажнитель воздуха, поскольку у него астма.

А еще я считал. Сначала досчитал до ста, потом до тысячи, до десяти тысяч и так далее. Сбился я не так давно, думаю, где-то в районе 16 800. Но спать мне не хотелось, потому что я забыл, что каждую цифру надо ассоциировать с овечкой.

Со всех сторон меня окружала смола. По крайней мере, по моим ощущениям. Очень даже вероятно, что я все-таки умер и переродился в тамагочи у какого-нибудь хорошего мальчика, но в данный момент мне больше нравилось первое объяснение.

К счастью, я вспомнил один интересный факт, который узнал во время своего первого визита в музей... десять лет назад. Чем больше вы барахтаетесь в смоляной яме, тем быстрее умрете. Ваши движения лишь помогут вам уйти еще дальше на дно, и даже если вы можете жить без воздуха — к этому я по своей природе был подготовлен, — то в конце концов умрете от голода и жажды.

А еще, к счастью для меня, очень много ледяных глыб утонуло и растаяло за последние несколько тысячелетий, значит, по сравнению с саблезубыми тиграми, которые оказывались в ловушке без средств к спасению, у меня было определенное преимущество: уровень грунтовых вод стал выше. А я ведь водоплавающий.

Лежать, не шелохнувшись, — тяжелая задача, особенно когда у тебя чешется нос и никак не проходит. Но если я протяну руку, чтобы почесать, то рискую взболтать смолу и глубже уйти на дно. Уж лучше я буду спокойно лежать и как-нибудь переборю это сводящее с ума покалывание в носу и позволю воде помочь мне подняться к поверхности.

В таких случаях я себя чувствую как фишка из игры «Монополия». Каждый раз я начинаю кружить вокруг Вентнор и Марвин Гарденс и готовиться захватить себе по-настоящему хорошую часть города, как кто-то или что-то отбрасывает меня на Балтик-авеню и я вынужден все начинать сначала. Столько может вынести только динозавр, занимающийся частным сыском, а я уже на одну целую две девятых превысил допустимые пределы, да, здесь именно смешанная дробь, ради всего святого!

Передо мной расплзлось пятно яркого света. Это туннель, который выведет меня навстречу предкам? Или мой дядя Ферди восстал из могилы и вот-вот появится в свете прожекторов, чтобы начать свое представление, которое в двадцатых годах вызывало бурю аплодисментов? А свет и впрямь приближался, становился все сильнее, ярче, но на мгновение мои умершие предки прекратили движение.

Внезапно я ощутил, как прохладный ночной воздух ласкает мою обнаженную кожу, и что-то внутри щелкнуло. Было такое ощущение, словно кто-то дернул за рычаг, поставил предохранитель на место и все мои органы тут же включились. Мои глаза сами собой открылись, лампочка на смотровой площадке сияла прямо над головой, я закашлялся и выкашлял струю смолы прямо из пищевода. Дальше последовал глубокий-преглубокий вдох, мои легкие расширились, наполняясь самым смолистым и полным паразитов воздухом в

моей жизни, но это было самое сладкое, что я когда-либо пробовал.

Реальность вокруг набирала обороты, снова возвращаясь к нормальному состоянию. Словно я спал все это время и мне просто нужна была пара минуток, чтобы потянуться и прийти в себя. Но опасность все еще не миновала. Я подождал, пока вода поднимет меня над поверхностью смолы, схватился за стенку и постепенно, очень осторожно подтянулся и стал выдираться из смолы. Но когда я медленно протянул руку к ближайшему столбику, то понял, что это не сработает, — руки были слишком коротки, чтобы выбраться.

Ноги достаточно длинные, но недостаточно проворны для такой работы. Челюсть слишком далеко от перил, чтобы в буквальном смысле прогрызть себе путь на свободу, и не согревала мысль о том, что придется подождать, пока какой-нибудь вялый турист с пятнами от мороженого на футболке, купленной на бульваре Сансет, не вытащит меня из трясины. Это должен сделать мой собственный хвост.

Единственная проблема состояла в том, что мне нужно было перевернуться на бок, чтобы освободить этот ловкий кусок мяса от обузы. Я аккуратно перекатился на правый бок, как несущка, осторожно высиживающая яйца, и погрузился в смолу, стараясь, чтобы руку не засосало дальше, чем нужно.

Моя накладная человеческая задница торчала на свежем воздухе, я потянулся и попробовал одной рукой расстегнуть застёжки серии «Г», удерживающие хвост. В молодые годы я был большим мастером с той лишь разницей, что тогда приходилось расстегивать чужие застёжки. Задача усложнялась из-за наличия нескольких слоев одежды и искусственной кожи между моими настоящими пальцами и застёжкой, как и постоянной угрозой, что эта вязкая черная смерть сожрет меня со всеми потрохами.

Внезапно мой хвост выскочил, как пружина, а застёжки рассыпались внутри личины. Если я выберусь из этой ямы, то будет выглядеть так, словно я навалил в штаны, ну и хрен с ним. Всяко уж лучше краснеть от стыда, чем умереть. Теперь оставалось только расстегнуть несколько застёжек на поясе, потянуть вниз...

И вот мой хвост оказался уже полностью на свободе, и снова верх взяла та незначительная часть моего я, которая была «настоящим динозавром» и даже прогрессистом. Быстро и уверенно я вытянул хвост на всю длину и обвил кончик вокруг куска какой-то арматуры, торчащей из стенки ямы. Я не стал рывком поднимать все тело, а использовал хвост как удочку, наматывая его вокруг железного прута и медленно вытягивая себя из смолы на волю.

Не теряя зря времени, я еще раз воспользовался хвостом, на этот раз для баланса, когда выпрыгнул из смоляной ямы на безопасную смотровую площадку. Быстро поправил костюм, спрятав хвост внутрь и неплотно закрепив застёжки на своих местах перед тем, как выйти в парк. Смоляное чучелко, у которого на уме только месть.

Сейчас все фрагменты начали оформляться в единое целое — убийства, ритуалы, доктор, который на самом деле никакой не доктор. Возможно, на этом этапе мне понадобится помощь, по крайней мере, мне нужен кто-то в качестве свидетеля. Поскольку Эрни все еще в госпитале на Гавайях, то мне нужно добраться до Джул, и побыстрее. Но когда я, пошатываясь, вышел на стоянку, то у меня в буквальном смысле склеились бедра — теперь я понимаю, что чувствует Опра Уинфри, помнится, она все жаловалась, что у нее бедра в юбку не влезают. Станным образом на том месте, где должен был быть мой «линкольн», никакого «линкольна» не было, а на память о моей малышке осталась только лужица масла.

Так, теперь это уже личные счета.

Машину угнали, и не было никакой возможности добраться до Голливуда, кроме как на общественном транспорте, но я очень сомневаюсь, что водители в дружественном нам соседнем районе позволят Болотной Твари сесть в автобус, пусть даже у нее имеются необходимые восемьдесят пять центов, которых у меня, кажется, не было. Так, такси тоже отпадают, хотя бы только потому, что они в Лос-Анджелесе такое же частое явление, как

богатенькая девочка на «форде-пинто»,³⁷ а если я сниму трубку в телефонном автомате, чтобы позвонить, то приклеюсь к ней навеки.

Значит, мне придется идти пешочком, шлепая настолько быстро, насколько мне позволят мои ноги, покрытые слоем смолы. Если бы кто-то приехал и отскоблил мои лодыжки, то смог бы снабдить энергией Манхеттен на несколько недель. Я старался идти по аллеям и темным местам в надежде избежать столкновений с другими формами жизни. По дороге в Голливуд я встретил дворняжку, которая пила бог знает что из старой банки из-под супа. Несчастная тварь посмотрела на меня, глаза у нее вылезли от удивления, и она поспешно ускакала прочь, опасаясь, что запыхавшийся, шаркающий ногами динозавр лишит ее статуса Самого Потасканного Создания.

Это путешествие продолжалось вечно, но оказалось, что в пути будут еще остановки. Я умудрился пройти поблизости от бульвара Беверли и был удивлен, что улицы не так пустынные, как должны бы быть в столь поздний час. По тротуарам бродили толпы проституток, покачиваясь на десятисантиметровых каблуках, подтягивая блестящие юбочки наверх так, что они в среднем заканчивались чуть ли не под шеей.

От них несло сильными духами, и не чем-то там привлекательным, и не отталкивающим мускусом, который испускали многие человеческие самки, а каким-то смешанным парфюмом, ударявшим в ноздри словно пушечное ядро. Мне пришлось заткнуть нос, чтобы защититься от этого зловония.

Но от этого запаха, аромата шлюх, в моей голове как из пулемета строчили мысли. И вскоре у меня даже появилось какое-то подобие плана действий, я снова расчехлил свой газоанализатор, чтобы он сделал свое черное дело.

Я вдыхал прохладный ночной воздух, и мой нос пробивался через сильные запахи, искусственно созданные людьми, в поисках одного-единственного аромата, который даже в носу съеживался, словно стараясь слиться с толпой. Я шел по авеню Ла Бриа и знал, что вскоре отыщу запах этой самки, хотя бы только потому, что это ее владения, а сейчас — час пик для похотливых членов. Ну, если только она не отправилась уже баиньки в «Шато Мармон».

С каждым новым шагом я делал еще один глубокий вдох, а затем очищающий выдох. Любой запах, не принадлежавший динозаврам, тут же отбраковывался, это не то, что мне нужно сегодня вечером. Хотя мне это и вообще не нужно, ни сегодня, никогда...

И вот он возник, слабенький, но точно он. Сосна и запах осеннего воздуха. Да, это его основные ноты. Затем я быстро очистил его, отделил зерна от плевел и вскоре имел уже отличный «обонятельный» портрет: смесь жвачки и свежевскопанной земли.

А вот и она сама, демонстрирует свои формы клиентам, проезжающим мимо на машинах с опущенными стеклами и явственными либидо, трясет своей искусственной человеческой задницей, чтобы все видели. Ее тело плотно облегалo красное мини-платье, даже мини-мини-платье, без рукавов, с крошечным топом и практически несуществующей юбкой. Серебряные туфли на шпильках, яркий макияж, а ногти на руках почти такие же длинные, как каблуки, могут оставить на вашей спине серьезные повреждения. И вот она уже одна, побрела куда-то в гордом одиночестве по темным улицам мимо пустых витрин.

Я прокрался дворами и возник прямо перед хорошо знакомой мне шлюхой.

— Стар, — прошептал я, — пора расхлебывать кашу, которую ты сама заварила.

Пока она не успела среагировать и воспользоваться возможностью оповестить других дамочек легкого поведения, что что-то не так, я зажал ей рот рукой и потащил ее в темный переулок. Она пыталась укусить меня за пальцы, но ей в рот набивалась смола, и она еще две минуты отплевывалась от этой гадости.

— А я тебя искал, — сказал я тихо, но настойчиво. — Ты у нас неуловимая птичка.

³⁷ Автомобиль, который задумывался и проектировался как экономичный дешевый массовый автомобиль, однако пользовался ограниченным спросом в силу целого ряда конструктивных недостатков. Многие американцы считали его типичной халтурой.

— И кто ты такой, мать твою?

— Меня зовут Рубио, мы как-то раз уже встречались. Небольшая вечеринка у тебя в номере.

— Ну. Я тебя еще раз спрашиваю, кто ты такой, черт тебя побери?

— А тебе мой предыдущий ответ не понравился? Ладно, попробуем вот так. Я тот парень, который может спасти тебя от перспективы следующие несколько лет пахать на каменоломнях под палящим солнцем. Готов поспорить, в тюрьме не так уж много членов. Ну, для тебя может пара бабенок найдется...

Да, изображать из себя плохого копа у меня хорошо получается, жаль только — это умение мне пригождается примерно раз в год.

— Продолжай, — сказала она заинтересованно.

— Мне кажется, у тебя завалялся пенис моего клиента.

Она попыталась вывернуться из моих рук.

— Что? Я не...

— Очень ценный пенис, насколько я понимаю. Муссолини.

— Ты не сможешь доказать...

— А мне и не нужно доказывать, — сказал я. — Если уж на то пошло, то я не хочу. Так что об этом не беспокойся. Я прошу тебя о любезности. И если ты окажешь мне ее, то я прекращу тебя искать и сделаю так, что Минский тоже перестанет тебя преследовать. Я понимаю, тебе нравится этот... предмет, и, если ты сделаешь то, что я прошу, он в твоём полном распоряжении.

— И ты защитишь меня от копов?

— Только по этому вопросу, — сказал я, чтобы она уяснила мои намерения, — а все остальное уж сама, дорогуша. Но, может, смогу замолвить за тебя словечко. У меня есть связи.

Я дал Стар несколько секунд поразмыслить, но более простого решения придумать было нельзя.

— И что ты хочешь? — спросила она, слегка смягчившись.

У нее в сумке нашлась ручка, я схватил с тротуара рекламку концерта какой-то новой панковской группы в одном из клубов на Сансет.

— Наклонись, — сказал я, и Стар охотно приняла нужную позу и начала подтягивать и без того короткую юбку, чтобы обеспечить мне доступ...

— Оставь свою чертову юбку в покое! — прикрикнул я, а затем снова понизил голос до шепота и сказал: — Я не интересуюсь... Слушай, я не хочу секса, просто нужно написать записку.

— И все? — чирикнула она, и на долю секунды я увидел перед собой маленькую девочку, которая когда-то владела этим юным телом и умом. На ее лице засияло какое-то невинное облегчение, взгляд потеплел, и она улыбнулась. Но затем это выражение исчезло, и снова ухмылка проститутки вернулась на ее некогда красивое лицо.

— Значит, я могу оставить член у себя?

— Да, я напишу записку, ты ее отвезешь, и мы в расчете.

Я быстро нацарапал послание Джул, подробно указав, что мне действительно известно и что, как я думаю, мне известно и план действий на сегодня, придуманный на ходу. Если я не вернусь из этого маленького путешествия, то нужно быть уверенным, что кто-то пойдет к членам Совета, к копам, к любому, кто может покончить с этими ублюдками. Я сложил листок четыре раза, засунул поглубже в сумочку Стар и взял с нее клятву не читать. Я догадывался, что она, скорее всего, не удержится, но не поймет и половины. Оставалось только надеяться, что Джул поймет.

Позабывшись таким образом, чтобы прогрессисты не ушли от наказания, я отправил Стар и Муссолини к Джул, а сам взял курс на следующий пункт назначения: одно местечко, которое можно назвать образчиком неоклассической архитектуры, разместившееся на Голливудских Холмах. В этот раз я надеялся, что вернусь с вечеринки не с пустыми руками

и мне перепадет пара подарочков от хозяев.

* * *

Идти было тяжело, мои ноги так и норовили приклеиться к асфальту, но с каждой пройденной милей слой смолы становился все меньше, а шагаться становилось все легче. Дисплей на витрине одного из банков, мимо которого я прошел, сообщил, что сейчас пять утра, а это значит, что я лежал в смоляной яме, не двигаясь и не дыша, чуть более двух часов. Но сейчас я об этом не мог думать.

Проходя по какому-то бедному дворику — да, должно быть, здесь и тусуются богатые белые бездельники с Голливудских Холмов, — я снял с бельевого веревки несколько прищепок и засунул их поглубже в свои наполненные смолой карманы. У меня возникли серьезные сомнения, смогу ли я вообще когда-нибудь достать их из этих штанов, но если возникнет необходимость, то я рвану что есть сил. В районе самих Холмов было очень мало укрытий, и я поймал себя на мысли, что все чаще и чаще крадусь по задним дворам, прячась за деревьями и кустами. Когда я шел по небольшому пустырю, то практически возникло ощущение, что я снова на острове Прогрессистов, снова блуждаю в джунглях.

Впереди раскинулась территория, принадлежавшая секте, а там — участники сегодняшнего представления. Они даже не подозревают, что я уже не во втором составе. Но занавес быстро опустится, если только я не смогу найти быстрый и безболезненный способ проникнуть в театр. Без сомнения, где-нибудь на территории должны быть выставлены часовые, надеюсь только, что мой нынешний камуфляж — в этом году в моде оттенки черной смолы — сослужит мне службу.

Единственным заграждением служила низкая кирпичная стенка, но прежде, чем спрыгнуть, я осмотрелся, чтобы убедиться, что по ту сторону нет ямы со змеями или какой-нибудь бешеной гориллы. Когда дело касается прогрессистов, то меня уже ничто не может удивить.

Ни змей, ни гориллы, ни хитрых ловушек с острыми пиками и страшных чудовищ. Прижимаясь к деревьям, я шел по территории, еще раз удивившись ее масштабам. Возможно, где-нибудь в Айове пятьдесят, шестьдесят или даже сто акров — это тьфу, почтовая марка, но такого участка на Голливудских Холмах достаточно, чтобы объявить суверенитет и выйти из состава Штатов.

Тут впереди показалось главное здание, под первыми лучами восходящего солнца просыпались ослепительно белые колонны и арки, готовясь сиять и слепить всякого, кто имел несчастье посмотреть в их сторону, превосходная смесь архитектуры и защиты. Стоянка была полна машин всех производителей и моделей, все места под парковку были заполнены, и даже пространство между ними — везде были втиснуты автомобили. По сравнению с этим зрелищем переполненная стоянка у Голливудской Чаши кажется просто долиной Серенгети.³⁸

Как и тогда, на острове, когда мы тайком проникли во дворец, проскользнуть в дом было намного легче, чем, например, вломиться в «Спаго» на закрытую вечеринку, ежегодно устраиваемую по случаю присуждения «Оскаров», да и синяков намного меньше получаешь в итоге (даже и не спрашивайте!). Вскоре я уже крался по главному коридору, стараясь оставаться в тени и держа не только ухо остро, но и нос с глазами. Из бального зала раздавался громкий шум, не сочетающиеся между собой запахи шибанули мне в нос. Но мне пока туда не надо. Пока.

Сзади раздались шаги, кто-то громко топал по коридору. Я отпрянул и спрятался в затемненной нише, прижавшись к мраморной стене. Холодно. Я сдержал дрожь, хорошенько

³⁸ Национальный парк в Танзании, в переводе с языка племени масаи «серенгети» означает «бесконечные равнины»

укусив себя за язык, и наблюдал, как мимо меня прошли двое динозавров при полном параде. Похожи на бизнесменов, ну, знаете, костюмы-тройки и все такое. Они устремились в бальный зал. По дороге эта парочка начала раздеваться, сначала сняв с себя человеческую одежду, а вскоре и искусственную человеческую кожу. Они приподняли маски, латекс растянулся, отклеиваясь от эпоксидки, а затем маска с треском соскочила, и через мгновение гадрозавр, прятаясь за ней, уже вправлял свой подвижный клюв на место. Они развернули хвосты, на голове вылез фирменный рог гадрозавров, и вскоре я следовал за двумя динозаврами в их естественном обличье, отставая метров на десять.

— ...сказал, что они будут готовы в Европе, — говорил один, — одновременно с нами.

— По его сигналу...

— Разумеется, разумеется, только по его сигналу...

С этими словами они зашли в бальный зал, который, как сказал мне мой нос, был забит под завязку. Если не считать одного случая, когда меня по ошибке поместили в каталажку для незаконных иммигрантов-динозавров в Сан-Диего, я никогда не был в месте, где находилось бы одновременно столько моих сородичей. Плотность динозавров на единицу площади в этом зале достигала больших величин, должно быть, они набились голова к голове, хвост к хвосту, так что яблоку негде упасть, надеюсь, стены здесь достаточно крепкие, чтобы не было пробоин.

Я прошел по знакомому коридору, в конце которого располагались покои Цирцеи. *Это моя комната для отдыха*, — сказала Цирцея Эрни меньше недели назад. — *Я прихожу сюда перед важными мероприятиями, чтобы... подготовиться, если хотите, можно это и так назвать.* Ну, на первом этаже у нас проходит важное мероприятие, и что-то подсказывает мне, что сейчас в этой комнате к нему готовится не только Цирцея. Разумеется, есть лишь один способ узнать наверняка.

В стене рядом с дверью было проделано небольшое отверстие для пальцев очень знакомых габаритов, и я знал, что должен делать. У меня не осталось сомнения, что все эти защитные системы, родограф и все остальные пародии на механизмы, используемые прогрессистами, — это приборы для навешивания лапши с технической точки зрения, то есть все — вранье. И «настоящий динозавр» — термин, созданный единицами, чтобы держать в страхе многих, и больше ничего. Хотя нет сомнений, что они действительно могут производить больше феромонов, это фокус, который высокопоставленные прогрессисты научились выполнять по команде, без дыма, зеркал и симпатичных ассистенток.

Но теперь моя очередь. Посторонись, Дэвид Копперфилд.

Сейчас, когда Эрни сошел со сцены, мне придется повернуть этот фокус в одиночку. Я зачихнул палец внутрь и попытался освободить свой разум от человеческих мыслей. Первыми из моего «ментального» окна полетели выплаты по закладной, но вскоре за ними последовали угрожающее распространение компьютерных вирусов, мои счета за химчистку, надежды лос-анджелесской команды «Лэйкерс» на победу в дополнительных матчах. Все, о чем мне хотелось думать, — бег, еда, сон, секс. Прыжки, скачки, рев, секс. Драки, победы, гарцующая походка, секс.

Я закрыл глаза и переместился обратно в заросли папоротников, туда, где прошлое прорастает сквозь настоящее, где парк Юрского периода прорывается сквозь стены и во всеуслышание дает о себе знать, где мои ноги утопают в мягкой земле, а мой крик — это похоронный звон для всех существ поменьше. Я пытался не чувствовать холодную сталь вокруг пальца, которая становилась все холоднее с каждой секундой, высасывая из меня соки. Старался сконцентрироваться на теплом, влажном, солнечном дне семьдесят миллионов лет назад, каждое деревце, каждый кустик и каждый листок стали частью меня, мне было тепло и хотелось бежать на цыпочках. Движения свободные, ничем не сдерживаемые и неограниченные, просто расслабиться и свободно бежать. Мои глаза открывались, впитывая сочные натуральные цвета, не запятнанные смогом, выхлопами. Мои уши выгнулись назад, приготовившись услышать крики птеродактилей, я слегка присел и почувствовал, как между пальцев ног ползут длинные скользкие жуки, и тысячи ножек

щекочут мою обнаженную кожу. Стайка компсогнатов — но не неотесанных и грубых, какие они сейчас, а естественных красивых существ — стремглав промчалась среди пышной зелени.

И вот уже я сам бегу один, я волен двигаться, как мне хочется, есть, что хочется, убивать, когда захочется, я — превосходный охотник, но в моем желудке только голод, а когти так и чешутся, чтобы утолить его. Я несусь по лугу, и ветер дует мне в морду, и я, как никогда, страстно желаю начать погоню, охоту, начать...

Дырка внезапно выплюнула мой палец, как малыш, который выплевывает брюкву через весь кухонный стол, на секунду я оказался в двух мирах одновременно, в доисторическом и в современном, словно прозрачная пленка наложилась поверх отличного цветного снимка. Коридор заполнился шестиметровыми цветами, а на дверях ползали килограммовые жуки. Мраморная статуя аллозавра в шести метрах от меня вдруг обросла плотью, мускулами и кожей и взревела так, что эхо прокатилось по холмам и дальше, по долине Сан-Фернандо.

Бум! С яркой вспышкой джунгли разлетелись перед моими глазами на миллион осколков и растворились без следа, а я остался стоять перед открытой дверью в самом сердце дома на Голливудских Холмах. На минуту мне почти показалось, что я чую остатки своего собственного запаха, я втянул носом воздух и, кажется, уловил аромат кубинских сигар. Но я понимал, что это совершенно невероятно, и даже глупо об этом думать, когда игра зашла уже так далеко. Короче, мне удалось с первой попытки выработать достаточное количество феромонов, чтобы открыть дверь. Приятно быть победителем, но давай-ка, Винсент, за раз делать только один шаг.

Я прошел в комнату для отдыха и убедился, что дверь за моей спиной осталась открытой. Те, кто внутри, будут слегка расстроены моим присутствием, а я не хочу перекрыть себе пути к быстрому отступлению. Я еще никогда не сражался без Эрни.

Мягкие бескаркасные кресла, модные в 70-х, к несчастью, так и остались лейтмотивом в дизайне этой комнаты, но наличие массивного стола из красного дерева и кожаного кресла с широкой спинкой в дальнем конце комнаты, как говорят консультанты по менеджменту, в зоне власти, говорило о том, что к оформлению приложил руку кто-то еще, кроме Цирцеи. Тень на стене не шелохнулась ни на миллиметр, когда я вошел, откашлялся и заявил:

— Я знаю, чем вы тут занимаетесь. И Эрни тоже, и еще мои друзья в «Лос-Анджелес Таймс».

Ну, последняя фраза была чистой воды блефом, но в такие моменты всегда хорошо упомянуть о СМИ.

— Я предлагаю тебе прямо сейчас отказаться от своих замыслов, пойти со мной, и если ты окажешь помощь следствию, то возможно, Совет проявит к тебе снисходительность.

Сидящая на кресле фигура не ответила мне, если не считать... хихиканья? Это что, смех, что ли?

— Я рад, что ты думаешь, что это все шутка, — сказал я, часть моей уверенности утекла через ноги и исчезла в трещинках в полу. — Потому что контрабанда оружия, похищение и убийство считаются уголовными преступлениями, а Совет еще ни о чем не знает. Им захочется услышать...

— И кого же я убил? — послышался тихий ровный голос, в котором чувствовался намек на веселость. — Кто именно пал моей жертвой?

— Например, Руперт Симмонс, — выпалил я. — Как тебе это для начала?!

— Правда? Ой, как странно...

И с этими словами кресло повернулось. Должно быть, он знал, что я здесь, и специально устроил это представление с вращающимся креслом, которое продолжалось последние десять минут, чтобы поглумиться надо мной, чокнутый сукин сын... И тут я внезапно оказался лицом к лицу с первопричиной, по которой я вообще взялся за это чертовое дело.

— Я бы сказал, что довольно хорошо выгляжу для умершего парня? — широко улыбнулся Руперт. — Тебе не кажется?

— Ты же... ты же умер... — запинаясь, промямлил я.

— Да, раз ты продолжаешь на этом настаивать, — протянул Руперт. Он поднялся с кресла и прошелся по комнате. Без маски, в полном расцвете сил молодой ти-рекс, на целых пятнадцать сантиметров выше меня, с поджарым и мускулистым телом. А я тем временем сидел в этой чертовой комнате, упакованный в латекс, который, в свою очередь, был покрыт слоем смолы, продолжавшей застывать. Ничего хорошего.

— Мы... мы же видели твоё тело, — сказал я, все еще пытаюсь мысленно воспроизвести картину похорон. Закрытый гроб, это я помнил точно. Ладно, может, я и не видел его труп, но ведь тело обнаружила его сестра, а родственники редко так ошибаются. — Луиза... она ведь нашла тебя.

— Сестренка нашла меня в моей комнате, — закончил он за меня. — Я в курсе. Но ведь она обнаружила меня в личине, не так ли?

Я не понимал, почему меня осенило сейчас, и в то же время не понимал, почему же до меня не дошло раньше. Чертова интуиция пришла на вечеринку с десятиминутным опозданием.

— Ти-рекс, который пропал в районе твоего дома в тот вечер, — сказал я. — Так это его... его убили, а потом переделали в *тебя*. Ты взял абсолютного незнакомца...

— Не незнакомца, — поправил меня Руперт. — А парня, которого на самом деле знал аж со школы. Дэн Блиш. Придурок-футболист, который позволял своим защитникам отрабатывать на мне прием блокировки захватом. Поверь, он это заслужил.

— Никто не заслуживает смерти, — сказал я. — Они... вы... прогрессисты похитили и убили этого паренька, чтобы его можно было похоронить вместо тебя.

— Ух ты, — сказал Руперт с издевкой. — А до тебя быстро доходит, когда все уже разложили по полочкам. То же мне, большое дело. Я знал, что моя сестра с самого начала сглупила, когда наняла вас.

— Но почему? — спросил я и вопреки здравому смыслу приблизился к Руперту. — Почему ты снова вернулся к ним?

— А почему я вообще должен был хотеть уйти? Всю свою жизнь я находился в поисках счастья. Я был несчастным маленьким мальчиком, несчастным подростком, несчастным взрослым, и, когда я нашел что-то, доставляющее мне удовольствие, все хотят отнять у меня это.

— Потому что это неправильно, — терпеливо объяснил я.

— Почему? Что неправильного в желании быть самим собой? Почему неправильно иметь возможность выйти и спеть «Я — динозавр, услышь же мой рев!».

— Все не так просто...

— Все именно так просто, — настаивал Руперт. — Именно просто. И я почти дошел до конца. Вы с моим бывшим зятком похитили меня как раз перед тем, как я смог сразиться на Ринге, перед последним испытанием, после чего я стал бы настоящим динозавром. И я никогда не прощу вас. Не смогу забыть. Вскоре придет время решающей битвы. И мы узнаем наверняка, кто же должен главенствовать на земле — люди или рептилии. Не хочешь сделать ставку на победителя?

Я покачал головой. Не делал ставок с тех пор, как профукал двадцать штук, когда Джордж Формен проиграл свой последний бой. Какой-то козел сказал мне, что Формен — раптор, и я поставил на него из уважения к тому, что мы одной крови, но не собираюсь делать ставки на то, какая судьба ждет наш мир.

— Я не могу позволить, чтобы это произошло, мне очень жаль, но я собираюсь отвезти тебя обратно к сестре.

— Да что ты? — спросил он, его веселый тон нокаутировал меня со всех сторон. Затем он понизил голос, сделал шаг вперед и выпятил свою грудную клетку, как дрозд,

привлекающий подружку, мускулы, давшие ему нелегким трудом, четко прорисовывались под кожей, а когти то высовывались, то снова прятались, как иголка в швейной машинке. — Ты, а еще кто?

Хороший вопрос. А кто еще?

— Ну, я, например.

Я повернулся, ожидая увидеть журналиста, чиновника, хоть кого-то, но тот, кого я увидел, при сложившихся обстоятельствах был лучше в десять раз. Эрни был просто воплощением умудренного опытом воина, когда вошел в комнату и важной походкой продефилировал к своему бывшему шурину с белоснежным гипсом на руке и плече.

— Ты хороший мальчик, — сказал напарник, — но от тебя всегда были одни неприятности.

С этими словами он размахнулся тяжеленным гипсом, долбанул им Руперта и отправил его в нокаут.

Парень шлепнулся на пол.

Эрни накинуся на меня прежде, чем я успел его поблагодарить:

— Ты когда-нибудь слышал такое слово «подстраховаться»? — орал он. — Напарники не делают ничего в одиночку, особенно когда речь идет о подобных вещах! Если бы Джул не позвонила в офис, получив твою записку, то я до сих пор шатался бы по городу в поисках тебя, а тебя уже скушали бы на ужин!

— Какого черта ты так быстро вернулся?

— Вылетел вечерним рейсом.

Я покачал головой, из волос вылетел кусок смолы и приземлился на распростертое тело Руперта.

— Тогда ты вернулся бы через несколько часов. Это невозможно.

Эрни протянул руку и пощупал мой лоб, словно проверял, нет ли у меня температуры.

— У тебя с головой все в порядке, малыш? Я пробыл в больнице несколько часов, затем, несмотря на протесты врачей, заставил меня выписать и вчера ночью полетел на материк. В Лос-Анджелес прилетел около девяти утра и весь день искал тебя.

Его взгляд скользил по мне, замечая и порванную маску, и лохматые волосы, ой, да, и смолу, конечно, и я увидел, как шестеренки в мозгу Эрни начали вращаться, пытаюсь разгадать, в какое же дерьмо я вляпался.

— Где ты, черт возьми, был?

Если Эрни говорит правду — а я не вижу ни одной причины, зачем ему врать, кроме той, что, по-видимому, все только и делали, что ввали мне последние две недели, — то я пробыл в яме не каких-то два часа, а, уж скорее, двадцать четыре. Но совершенно невероятно, что я смог выжить такое долгое время в этой смоляной могиле.

Ну, есть один способ...

— Я впал в спячку, Эрн, — рассмеялся я, внутри меня закипало безудержное веселье, сама эта мысль была настолько абсурдна и при этом настолько верна, что если бы я не смеялся, то начал бы визжать. — Я совершенно уверен, что впал в спячку.

За нашими спинами раздался грохот, и дверь распахнулась, ударив беднягу Руперта по ногам. Что, теперь больше не принято стучаться?

— Любой прогрессист обладает такой способностью, а ты не знал? — сказал доктор Борежар, переступая через лежащего ничком ти-рекса. — Длительная спячка, то есть фактически приостановка жизнедеятельности, — умение, присущее нам издревле. Возможно, это действие последней волны моих феромонов, там, у ямы, но я уверен на все сто, что твое тело само освоило этот фокус. Я горжусь тобой, сынок.

— А меня от вас тошнит, папаша, — ответил я, — и ото всех вас, черт побери.

Цирцея вошла вслед за доктором Бо. Хвост сексуально покачивается, руки на бедрах, а на совершенном личике печальное, почти разочарованное выражение. Она не встречалась со мной глазами и всякий раз отводила взгляд, когда я пытался привлечь ее внимание, а ее запах было практически невозможно уловить.

Пока они не успели еще что-то сказать или, еще хуже, оглушить нас своими феромонами, я сунул руку в один из карманов, заполненных липкой гадостью, и кинул Эрни две прищепки.

— Защелкни их на носу, — велел я, отдергивая маску, чтобы закрепить прищепки на моих настоящих ноздрах. Нос раздулся, как губка, набравшая воды, и я закрепил вторую прищепку поперек первой, от такого двойного зажима было немножко больно, но это — не большая цена за защиту от враждебных феромонов.

— Я не знаю, что ты, по-твоему, знаешь, Винсент, — начала Цирцея, то и дело бросая на меня короткие взгляды, — но уверяю тебя, ты совершаешь ошибку...

— А ты, девочка, заткнись, — сказал Эрни, и я подумал... короче, мне действительно показалось, что он слишком уж вошел в роль: — Мы слышали столько, что хватит на три твои жизни.

— Да, мы много знаем, — продолжил я, — и здесь нет никакой ошибки. Больше нет. Мы знаем, что вы находите испуганных, одиноких ребяташек и вовлекаете их в свою организацию. Внушаете им, что они часть особенной группы, учите их, как вернуться к природе.

— И что в этом плохого? — защищалась Цирцея. — Правда, все до единого слова. Ты же сам прочувствовал это, не можешь отрицать. Винсент, ты — настоящий красивый велосипедист, и никакие социальные факторы не должны стоять у тебя на пути и сдерживать твои естественные возможности.

Обычно в таких случаях последний, решающий аргумент приводит Эрни, но я сыграл не малую роль во всей этой заварухе, так что пора и мне нанести ответный удар.

— Можно я? — спросил я у напарника.

— Разумеется, — с гордостью сказал он. — Выложи им все, что нам известно.

— Мы знали, что что-то не так, с того самого момента, когда наблюдали за вторым поединком на Ринге, когда молодому раптору не повезло в схватке с быком. Динозавры, которых он выбрал себе в помощники, судя по всему, заурядные, ничем не примечательные прогрессисты, но уж слишком хорошо они умели обращаться с винтовками. Такая меткость не могла быть просто результатом нерегулярных занятий по стрельбе транквилизаторами из винтовки. Выстрелы были сделаны точно, как в армии, и такого уровня добиваются только путем длительных тренировок. Но почему же динозавры, особенно те, которые пытаются в своем развитии превзойти людей, вообще тренируются стрелять из огнестрельного оружия?

Я обошел стол и уселся на кресло, повернувшись к зрителям. На моем лице играла широкая улыбка. Да, а ведь так можно и привыкнуть.

— А теперь давайте слегка отойдем от темы и посмотрим, что происходит с теми динозаврами, которые прошли испытание на Ринге и присоединились к сонму безмозглых хищников. Их запирают за высоким забором и привозят туда клетки со свиньями и другой живностью, чтобы наши плотоядные друзья могли разрывать их на кусочки сколько душевнее угодно. Но зачем вообще нужен остров, полный самых что ни на есть настоящих чудовищ? Неужели это и есть ваша истинная цель — населить ряд островов динозаврами, вынужденными питаться только тем, что ежедневно будет доставлять им катер?

Цирцея попыталась прервать меня:

— Нет, но...

— Ой, подожди, придет и ваша очередь. Нет, разумеется, цель другая. И ситуация начала проясняться, как только мы обнаружили тот дом, затерянный в джунглях, полный карт, оружия...

— Оружия? — перебила меня Цирцея, быстро-быстро качая головой, словно у нее шею свело судорогой. — У нас нет никакого оружия. Вот теперь ты уже говоришь глупости, Винсент...

— Не прикидывайся дурочкой. Разумеется, я не мог понять, с какого бока тут оружие, решение загадки нахлынуло на меня в тот момент, когда я ввязался в стычку с рабочими, уже вернувшись в Лос-Анджелес.

— Так всегда и бывает, правда? — сказал Эрни, как всегда готовый вставить свое веское слово.

— Итак, возникает серьезный вопрос. Какова же цель любой организации, в которой есть две разновидности членов, одни — хорошо обученные, а другие — жестокие?

Ответа не последовало. Да, готов поспорить, эти ребята не отвечали бы на вопросы «Своей игры», утопая в уютном диване.

— А цель очень простая, — сказал я, — сформировать армию.

— Что? — Цирцея расстроилась, это мягко сказано. Она сжала пальцы в кулаки с такой яростью, что я уже не был уверен, что она понимает, о чем я толкую.

— Конечно, — сказал я, — это же очевидно. И не какой-то там одинокий батальон на крошечном островке. Мы говорим о масштабных сторожевых постах на каждом острове в каждой стране и на каждом континенте — по всему миру. Бронтозавры, рапторы, стегозавры, ти-рексы. Динозавры, марширующие бок о бок по всему земному шару и уничтожающие любого человечешку, который окажется у них на пути. Берегитесь, ничтожные обезьяны, пришло время начать победоносную войну. Вот что, почему бы тебе самой не спросить у Раалья?

Я нарочито медленно повернулся к доктору Борежару, чтобы и мой взгляд, и мои намерения были ясны всем присутствующим. Но брови сами собой полезли вверх, я уверен, сейчас должна была бы раздаться барабанная дробь.

— Да ладно тебе! — проворчал доктор Борежар, срывая усы и бороды и сразу перестав быть похожим на полковника Сандерса. За ними быстро последовала и вся амуниция, и я был не удивлен, когда под ним оказался — угадайте, кто? — разумеется, дипломат. — Все знают, кто я. Так что кончай разыгрывать из себя Шерлока Холмса.

Эрни поднял руку.

— А я вот не знал. Ну, по крайней мере, не знал наверняка.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что.

Но Цирцея было не смешно, ее ярость была настоящей. Она повернулась к Раалю, на щеках горел яркий румянец, а глаза сверкали.

— О чем они говорят? Ты вообще в курсе, что происходит?

— Это кульминационный момент всех наших замыслов, — заявил дипломат. — Подлинная суть самой идеи в ее первоначальном виде.

— Но ты не этому меня учил, — настаивала Цирцея. — Все эти годы ты говорил мне, что суть — это Прогресс. Главное — вернуться назад в наше естественное состояние.

— Да, — согласился Рааль, — а после этого завоевать мир.

Эрни кивнул мне, и я с радостью предоставил слово уважаемому карнотавру, представляющему великий штат Калифорния.

— Вот видишь, Цирцея, доктору Борежару, или Раалю, в отличие от тебя, было мало пары островов. Ему было мало того, что он нашел себя и осознал, кто он такой и каково его место в эволюционном процессе. Сначала я беспокоился из-за тебя... Даже велел Винсенту держаться от тебя подальше, поскольку подозревал, что ты... ну, скажем, неискренна... Но ты доказала обратное. Теперь я не сомневаюсь, что ты веришь в Прогресс. К несчастью, был кое-кто и поглавнее тебя, и настоящий глава прогрессистов руководствовался иными идеями, он прятал в рукаве совсем другую карту. Ему было мало только Прогресса. Это несправедливо, сказал он сам себе, что динозаврам должен достаться только какой-то жалкий остров...

— Это не... — перебила Эрни Цирцея.

— Слушай дальше. Это несправедливо, сказал он, что всеми землями владеют эти мерзкие обезьяны. Это же апартеид, угнетение, а значит, нужно устроить революцию.

— Мне нравится твой стиль, — усмехнулся Рааль. — Тебе бы стоило поработать на нас.

— Не думаю, — ответил Эрни. — Хотя я и сам особо не жалую людей, поверь мне, я

лучше сяду ужинать с кротом каким-нибудь, чем с человеком, но это не значит, что я хочу убивать людей. А ведь именно с этого ты и планировал начать, а, Рааль? Ты взял под свое крыло Цирцею, потому что она обладала даром и умела им пользоваться и привлекать других на свою сторону, но настоящая цель состояла в том, чтобы вернуть этот мир к тому положению вещей, которое существовало до Появления людей. А вся эта болтовня про почитание предков... Ты ведь совсем не уважаешь их и не хочешь быть таким, как они.

Рааль выдавил из себя улыбку.

— Ну и что тут такого?

— Что тут такого? — повторил я. — А контрабанда оружия? Похищения? Убийства?

Но с Рааля как с гуся вода, к нему чувство вины не приставало, а соскальзывало, как жир с тефлонового покрытия.

— Они умерли во имя светлого будущего своего рода.

Тем временем Цирцею билa неудержимая дрожь, то ли от гнева, то ли от страха, я не мог понять.

— А Базз и Уэндл? — спросил я. — Они должны были умереть? Тебе ведь пришлось все так устроить, чтобы и винтовки заело, и клетка не открылась?

— Ничего такого... — начала Цирцея. — Это не было спланировано.

— Возможно, это не было спланировано тобой, — отозвался я. — Но я бы на твоём месте поподробнее изучил, что тут у вас происходит, и выяснил, кто подчиняется твоим приказам, а кто слушается эту важную персону.

— А как ты думаешь, для чего затеяно ваше сегодняшнее мероприятие? — спросил Эрни, сосредоточив внимание на Цирцее. — Ну, я имею в виду вечеринку внизу.

— Это п-п-просто встреча, — запинаясь, произнесла Цирцея, уже не уверенная в своих словах. — Чтобы обсудить следующую конференцию.

— Скорее митинг, — сказал я. — Пламенные речи перед решающим боем.

Эрни положил одну руку на плечо Цирцее, взмахнул второй и четко произнес лозунг этого митинга: «День, когда динозавры снова восстанут».

— Тебе действительно стоило бы присоединиться к нам, — настаивал Рааль, его морда была в опасной близости от моей. — Ненавижу терять такие умы во время чистки наших рядов.

Эрни встал между нами, как рефери, который приостанавливает бой, когда боксеры входят в клинч, откашлялся и сказал:

— Разборки закончены. У нас все.

— Вот уж точно, — сказал я, поворачиваясь к Цирцее. — Как поется в песне, любовь прошла, детка, но сердцу еще болеть и болеть. Ты меня использовала все это время.

— Я тебя использовала? — фыркнула она. — Это ты мне лапши на уши навешал. С самого начала притворялся, что ты не тот, кто есть на самом деле.

— Но это моя работа, куколка. А ты играла со мной только ради развлечения.

Эрни положил конец нашей милой беседе.

— Винсент, хочешь надеть на них наручники или мне это сделать?

Он покачал металлическими кольцами в воздухе, предлагая мне возможность в отместку арестовать Цирцею.

— Я не хотела... Рааль, ты же говорил... — она замолчала, но в глазах застыл немой вопрос, ей нужно было получить какое-то объяснение от диплодока, которого она столько лет ценила и уважала. — Все, чему ты меня учил... все — ложь...

— Нет, правда, — настаивал Рааль. — Все — чистая правда. Но под ней скрывается еще одна правда, великая правда...

Схватив наручники, я прервал эту мыльную оперу.

— Хватит разглагольствовать, что было бы, если бы... Пора ответить за свои поступки.

— Вы не можете нас арестовать, — пробормотала Цирцея.

— Не можем, зато очень даже можем отволочь твою задницу к членам Совета. Ты же не улицу на красный свет перешла, дорогуша. Твоя группа планировала искоренение

человеческой расы, и, даже если ты не знала все подробности этого замысла, ты достаточно натворила, чтобы сидеть на скамье подсудимых вместе со своим дорогим предводителем. Ты что, думаешь, только по ручкам отшлепают? Я бы на твоём месте попрощался бы с солнышком, когда мы выйдем наружу, поскольку в следующий раз ты его не скоро увидишь.

Вдруг в комнату из коридора просочилось какое-то обсуждение, донеслись обрывки разговора. Мы с Эрни переглянулись, и внезапно у меня появилось ощущение, что снова приближается волна, на этот раз отступающая, и она утаскивает меня в море.

— Вы знаете, что это? — широкая улыбка осветила грушевидное лицо Рааля, уголки губ поползли вверх.

— Хор венских мальчиков?³⁹

— Наши помощники идут сказать нам, что пора спускаться на митинг, — сказал Рааль, — а выход из этой комнаты только один. И когда увидят, *как* мы выходим, то обещаю — они нападут.

Да, пора заканчивать с этой игрой, хватит уже сторонам блефовать. Я резко повернулся на пятках, схватил Рааля со спины, приставив коготь к горлу.

— Что ж, давай посмотрим, как быстро они теперь нападут.

Цирцея попробовала вмешаться:

— Винсент, не надо...

Но Эрни уже стоял за ее спиной, плотно прижавшись к ней. Да, некоторым всегда везет. Вскоре мы уже заковали в наручники обоих руководителей прогрессистов, дополнительно зафиксировав руки ремнем. Теперь можно было перевезти преступников в долину Сан-Фернандо, к местному представителю Совета. Несмотря на то что я изнывал от желания попросить Эрни отпустить Цирцею, чувство долга дрожащим голосом говорило обратное. Возможно, Цирцея и не виновна в тех наиболее серьезных преступлениях, совершенных прогрессистами, но ясно, что нельзя дать ей уйти безнаказанной.

Как только мы вышли в коридор и пятеро прогрессистов, приближавшихся к нам, остановились при виде своих любимых руководителей в наручниках, началось чистой воды безумие.

— Стоять, — предупредил Эрни, поглубже вдавив свой коготь в шейку Цирцеи, оставляя видимый отпечаток. — А то у меня палец чешется подпортить шею вашей хозяйки.

— Делайте, что они говорят, — спокойно сказал Рааль.

Я был рад, что он решил сотрудничать.

Но к несчастью, эти динозавры моей радости не разделяли. Как один, они начали надвигаться на нас, а мы с Эрни инстинктивно отступали. Вскоре мы проделали уже весь путь обратно к комнате отдыха, а оттуда вышли через другую дверь. Да, у прогрессистов тут прямо-таки павильон смеха — коридоры, зеркала, снова коридоры, — хотя мне сейчас было совсем не до смеха.

Динозавры шли за нами, пока мы провели пленников по винтовой лестнице, оказавшись в другом коридоре, поменьше, в конце которого нас ждала одна-единственная дверка.

— Вам вряд ли захочется туда идти, — предупредила Цирцея, но Эрни сурово посмотрел на нее, и она заткнулась.

Выбора не было. Динозавры продолжали идти по пятам, а эта дверка была нашей единственной надеждой. Если нам повезет, то мы выберемся отсюда, сядем в машину Эрни, и все будет кончено меньше чем за час. Ощущение успеха становилось все явственнее, и я уже практически чувствовал, как лежу в уютной кровати, на заднем плане радио тихонько транслирует матч по бейсболу, а по моим венам разливается тепло от первой-классной петрушки.

Но мои мечты разбились вдребезги даже быстрее дешевой малолитражки «юго».

³⁹ Знаменитый коллектив, исполняющий в классическом стиле разные современные песни.

Когда дверца распахнулась, то внезапно перед глазами все закружилось, я пошатнулся, поскольку внизу, на расстоянии десяти метров, зал закачался, как лодка, попавшая в цунами. Все собравшиеся прогрессисты, как один, посмотрели вверх, сотни морд поднялись, сотни круглых глаз сфокусировались на мелодраме, развернувшейся на высоте десяти метров над ними. И я понял, что мы попали из огня да в полымя.

С пронзительным хохотом, от которого у меня чуть барабанные перепонки не лопнули, Рааль внезапно лягнул меня в голень, а потом с силой ударил в живот. Руки мои ослабели, и неуловимый глава прогрессистов снова ускользнул от меня, по дороге сорвав спасительные прищепки. Как искусный гимнаст, Рааль сделал шаг на ту самую платформу, на которой я впервые увидел Цирцею, и прыгнул вниз, на расступившуюся толпу, и приземлился на три точки, как запавский летчик, только вместо самолета — его собственное тело.

— Они пытаются убить нас, — вскричал Рааль, и его голос разнесся по всему залу. — Они пришли убить нас и... и увести нас отсюда.

За доли секунды я успел осмотреться и заметил, что огромный скелет динозавра, который прогрессисты собирали на Гавайях, теперь стоял в этом зале, меня поразило, насколько быстро они смогли его воссоздать. Вокруг наживую скрепленных костей Фрэнка возвышались строительные леса, но тем не менее операция по восстановлению его внешности прошла успешнее, чем в случае с половиной обитателей Голливуда. И, даже стоя на этой платформе, я доставал лишь до половины его длинной изогнутой шеи и снова удивился поразительным способностям этой организации, выбравшей для себя кривую дорожку.

За моей спиной Эрни все еще продолжал удерживать Цирцею, но я не знал, насколько его хватит. Тем временем все прогрессисты в зале вели себя по-разному. Те, кто пришел сюда только пожрать на халяву, уносили ноги, не желая участвовать в этой разборке. Другие, наоборот, готовились к схватке, причем казалось, что это для них пара пустяков. А преследовавшие нас динозавры сгруппировались в одном месте, отчего меня мучило дежавю — перед глазами снова стояла сцена случившегося в джунглях. Но теперь за нами по пятам двигалась уже другая группа рептилий, и, хотя эти, возможно, понимали английский, это не делало их менее беспощадными.

И тут все стало еще интереснее.

Я даже не успел дернуться и выпустить когти на всю длину, как Цирцея отскочила от Эрни, и элемент неожиданности определенно принес свои плоды. Какая-то неестественная сила была в ее теле ключом и отбросила моего напарника почти на метр. Хотя он по-прежнему крепко держал Цирцею за спину, это уже не имело значения, ее тело уже превратилось в стремительную пулю, метнувшуюся на платформу и далее через весь зал, целясь в самый центр толпы. При этом она согнула ноги впереди себя, словно прямо в полете делала приседания. Цирцея рухнула прямо на кучу динозавров, и все, кто имел несчастье оказаться на ее пути, тоже упали, образовав клубок из плоти, крови, слюны. Да, вот *такой* боулинг пользовался бы бешеной популярностью на телевидении.

Должно быть, это было условным сигналом и для остальных прогрессистов, поскольку вскоре мы с Эрни уже участвовали в стычке. Мы сорвали маски, соскользнули по занавескам не хуже самого Эррола Флинна и отбивались от когтей, зубов и хвостов, которые одновременно нападали со всех сторон. Я превратился в Чака Норриса, только в обличье раптора, и использовал хвост бегущего впереди орнитомима, чтобы отбиться от ти-рекса справа, который собирался вонзить в меня зубы. Я крутился волчком, вертелся во все стороны, наконец пришла и моя очередь побыть последним киногероем.

Статуи и портреты с грохотом падали по всему залу, поскольку мы хватались за любой предмет, который мог нам помочь победить в этой битве. Осколки мрамора разлетались вокруг, обломки костей и камешки больно били меня по коже, но я прыгал из стороны в

сторону, отражая удары хвостом и ногами, пытаюсь удержать нападающих четко перед собой, но желательно так, чтобы они не могли достать меня ни когтями, ни зубами. Это был оборонительный бой, уклонение от открытого столкновения...

— Где они, черт побери? — крикнул я Эрни, который пытался разжать лапы бронтозавра.

— Я не знаю! — проорал он в ответ и ударил головой по голове противника, раздался характерный хруст, бронтозавр ослабил хватку и шлепнулся на пол, как пьяница, которого выкидывают на улицу, когда бар закрывается, но его место тут же занял другой динозавр.

Я не знал, куда делись Цирцея и Рааль, и был не в состоянии это выяснить. Вскоре меня окружили пятеро рычащих динозавров, которые, если бы захотели, могли бы прислушаться к голосу разума, но они предпочли загородиться от логики и вместо этого наносить быстрые болезненные удары по моей голове и телу. Но я отвечал им тем же, впиваясь когтями в кожу, в плоть, защищаясь что было сил, но это все, что мог сделать один раптор, столкнувшись с численным превосходством.

Я ударился спиной о какую-то деревяшку и на секунду решил, что на меня напали и сзади, должно быть, повредили позвоночник и весь остаток жизни, если он вообще будет, этот остаток, придется провести в инвалидной коляске, меня ждут вытяжение хвоста и навеки бесполезные ноги. Но это была лишь одна из перекладин в лесах вокруг двенадцатиметрового скелета нашего друга Фрэнка, и я использовал ту же тактику, что и в джунглях, и полез наверх, все выше и выше. Может, я и выдаю себя за обезьяну, натягивая человеческий прикид, но мог бы лазать по деревьям наравне с приматами.

К несчастью, то же самое можно было сказать и о моих противниках, которые еще не забыли полезных человеческих навыков. Пока я карабкался по длинным костям, отпихивая ногами рычащие морды и лязгающие челюсти, мои преследователи бодро лезли прямо за мной. Компания динозавров, ползущих как муравьи по останкам совершенного нового вида. Вся конструкция раскачивалась и дрожала, пока мы быстро поднимались по ее фасаду, но другого пути, кроме как лезть наверх, не было.

Меня обогнал какой-то раптор и резко выбросил вперед свою лапищу в надежде полоснуть когтями, но я подпрыгнул в воздух, в последний момент зацепился хвостом за деревянную балку, раскачался и приземлился с другой стороны. Я снова полез вверх, не обращая внимания на суматоху вокруг.

Наконец я очутился на массивном черепе Фрэнка, причем его морда была длиннее, чем все мое тело; голова «динозавра» не очень надежно была прикреплена к длинной дрожащей шее. Через несколько секунд двое прогрессистов — трицератопс и тот надоедливый раптор, — которые решили не отступать, уже ползли по позвоночнику Фрэнка в моем направлении.

Я посмотрел вниз в поисках выхода. Может, повиснуть на его носу, раскачаться, ухватиться за зубы... Но от этого плана я отказался, увидев, что по другой стороне лесов быстро поднимается еще один отряд динозавров. С левой стороны моего появления ждал орнитомим в паре с мелким стегозавром, а с правой — ти-рекс.

Они приближались.

Мне действительно некуда было деться. И даже спонтанная спячка в этот раз не поможет мне выбраться. Сейчас, когда смерть была неизбежна, мне было очень жаль, что я умру не на улице, не на свежем воздухе, что не смогу вдохнуть в последний раз сладкие запахи природы, но если рай хоть в чем-то соответствует моим ожиданиям, то это будут джунгли, мягкая земля, ложе из листьев папоротника, в котором можно лежать по вечерам и любоваться звездами.

Надеюсь, что и Эрни попадет туда, но немного погодя.

Внезапно за закрытыми дверьми раздался какой-то грохот, и на мгновение все замерли. Снова что-то гроыхнуло, словно началось землетрясение, и преследовавшие меня динозавры в недоумении вытаращили глаза, на минуту прекратив наступление. Этот шум разбудил и во мне любопытство, да и надежды тоже. Внезапно в зале началась неразбериха,

поскольку двери с громким стуком выбили и какие-то фигуры ворвались внутрь, словно ураган. К нам на помощь подросла кавалерия.

— Прости, что опоздали, дорогой, — крикнула Джул, одетая в свой лучший вечерний наряд, — но Мэрилин нужно было уложить волосы.

Мисс Монро кокетливо хихикнула, а потом жеманно обратилась ко мне:

— Но волосы — это же моя гордость, — она надула губки, слегка перебарщивая.

Джул гордо возвышалась в центре зала, а с обеих сторон ее окружали самые красивые лос-анджелесские динозавры-трансвеститы, которых только можно увидеть в одном месте. Прически уложены волосок к волоску, ногти безупречно подпилены, одежда сидит идеально. Это было целое созвездие звезд, каждая — желанная дива, все в них было совершенно — от идеального цвета кожи до эротичных родинок. Они были прекрасны, как и должно было быть, ведь «дамы» отдали большие бабки за эти костюмы.

Улыбнувшись своей фирменной улыбочкой, от которой и сам черт бы покраснел, Джул подняла изящную точеную ручку и сладким голосом призвала:

— Покажите им, девочки!

Бетти Мидлер бросилась в гущу прогрессистов, которые были слишком удивлены тем, что на них напала суперзвезда, чтобы ответить ей тем же. Она аккуратно закатала фальшивую кожу левой ноги на своем костюме, чтобы у Божественной мисс М был доступ к мускулистой ноге и острым когтям, скрытым под латексом. Она повернулась вокруг своей оси, выставив вытянутую ногу, и уложила троих нападавших стопкой друг на дружку; как только с ними было покончено, она ринулась к следующей группе несчастных.

Мне на выручку уже подросли Джейн Мэнсфилд и Грета Гарбо, обе просто сногшибательные, элегантные, каждая — образец сокрушительной боевой мощи. Раптора и стегозавра я взял на себя, молотил их куда ни попадя, глядя, как две секс-бомбы быстро расправляются с остальными прогрессистами, полезшими за мной на леса. В какой-то момент у Джейн слетел парик, и она завизжала от злости, разорвав на части виновного в случившемся ти-рекса, прежде чем снова закрепить на голове копну длинных платиновых волос.

Я перепрыгнул на шею Фрэнка, чтобы драться в паре с Гретой против двух диплодоков, которые намеривались нами поужинать, и тут по залу пронесся раскатистый рев. Внизу по мраморному полу динозавры катались клубком, брызги крови летели во всех направлениях. Я различил очертания разъяренного диплодока — и тут Рааль ухватился за ногу Фрэнка и полез вверх. Он смотрел мне прямо в глаза, и стало совершенно очевидно, куда именно он направляется.

Наши подруги ничем не могли помочь, поскольку были заняты в другой схватке, избивая оставшихся прогрессистов, пока те не сдавались. Я огляделся, пытаюсь отыскать путь к отступлению, но увы. Если я прыгну отсюда, то велика вероятность сломать себе что-нибудь при падении. Эх, может, если бы я посетил на острове занятие по прыжкам, то все было бы в порядке, да, к несчастью, мне в тот день пришлось сбежать с урока.

— Ты... не сможешь... остановить нас... — пыхтел Рааль, с трудом залезая на платформу, кровь тонкой струйкой текла из его пасти. При каждом вдохе и выдохе в его груди что-то булькало, верный признак повреждения внутренних органов, но, по-видимому, и это не лишило его сил. — Ты не сможешь остановить Прогресс.

— Да, так говорят, — заметил я. — А еще есть мнение, что не стоит там срать, где ляжешь спать!

Краткое его замешательство — все, что мне было нужно, чтобы нанести удар первым. Я отклонился назад, расположив хвост под нужным углом, чтобы амортизировать удар, а затем прыгнул ногами вперед, позволив острым когтям, данным мне матушкой-природой, сделать за меня всю работу. Но Рааль и сам освоил пару трюков, и хотя гены диплодока не предоставляют своему обладателю столько смертоносного оружия, как ДНК раптора, но то, что он хорошо освоил искусство убивать, очевидно. С удивительной быстротой Рааль увернулся, втянул голову в плечи, как напуганная черепаха, и кинулся на меня головой

вперед. Мы, сцепившись, полетели было вниз, но ухватились за крепкий позвоночник Фрэнка, дабы остановить падение.

Мне удалось вскарабкаться обратно на шею и снова перепрыгнуть на длинную морду ископаемого динозавра. Я стоял там в ожидании атаки, размышляя, что, черт побери, буду делать, если он снова набросится на меня. Вместе с каждым вдохом я ощущал, как в бок впивается пчела. Кажется, у меня сломаны ребра.

А на полу тем временем динозавры катались во всех направлениях, стены были заляпаны всеми видами физиологических жидкостей, бесценные произведения искусства определенно получили новое определение — бесценные как не имеющие никакой ценности. И каким-то образом один из поединков закончился тем, что кто-то из противников случайно нажал очень опасную кнопку — внизу открылась огненная яма.

— Эрни! — крикнул я. — Барбара, Лиза, Джул, кто-нибудь!

Но все они были слишком поглощены собственной битвой — и, кстати, очень неплохо справлялись, — чтобы кинуться мне на выручку. Но даже если бы они прохладелись без дела, им потребовалось бы время, чтобы взобраться на Фрэнка и прийти мне на помощь.

А Рааль тем временем приближался ко мне.

У него был сильный аромат, сильнее, чем у Цирцеи, целая цистерна парфюма «Арамис» по сравнению с ее едва уловимым запахом сосновой хвои, и первой моей мыслью было «Прыгай, Винсент, прыгай, и все будет кончено, вот так легко...»

Я посмотрел вниз, огненная яма манила меня, а ее очистительное пламя ожидало моего прибытия.

Но я через многое прошел за последнюю неделю, чтобы понять, что если бы я и правда сказал себе такое, то наверняка услышал бы сарказм в собственных словах. Я отгонял от себя голос Рааля, который промывал мне мозги своим мощным ароматом, как из шланга, пытался преодолеть его влияние и уверенно стоять на ногах, подготовившись к последнему решающему бою и последним секундам на Земле. Но если я и упаду вниз, то и Прогресс падет вместе со мной.

Рааль сгруппировался, по его подбородку с одной стороны текла слюна, и он приготовился покончить с этим спектаклем. В его продолговатом мозгу уже не осталось ни одной мысли, я понял, что он уже во власти инстинктов, поскольку внезапно перешел на следующую ступень Прогресса, превратившись в настоящего первобытного динозавра. Он сейчас был в большей степени диплодом, чем я когда-нибудь стану раптором. Короче, я попал.

Сначала я ощутил удар, словно мне в живот врезался стальной шар для сноса зданий, а затем из солнечного сплетения во все стороны мгновенно растеклась боль, и я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я с бешеной скоростью отлетел назад, прямо как цирковой артист, только вот без трапеции, Рааль глубоко вдавил свою башку в мой живот, он толкал меня, отпихивая прямо к краю первого позвонка гигантского скелета.

Когти Рааля впивались в мою кожу, а мои собственные руки были заняты тем, что все время защищали уязвимый низ живота, но вскоре силы меня покинут, и мои внутренности размажутся по полу. Рааль сгруппировался еще больше, собравшись в кулак, поджав задние лапы, при этом он не переставал работать передними, выпустив когти на всю длину. Из его горла вырывались уже не слова, а рычание и хрипение, когда он кусал меня за уши, за нос, за скулы.

— Эрн... Эрни! — попытался крикнуть я, но каждая успешная атака противника обрывала этот крик. Моему напарнику ни за что не услышать меня. Надеюсь, он устроит мне пышные похороны и не пустит на них журналюг.

Силы покидали мое тело через каждую пору, и хотя я пытался хлестнуть его хвостом, попасть в глаз, в ухо или любую другую незащищенную часть тела, но попросту не попадал в цель. Со злобным ревом Рааль снова ринулся в атаку, и я почти ощутил, как кровь течет у меня из живота, должно быть, он оторвал лоскут кожи и теперь собирается выдрать и кишки...

И тут к хору кипевшей вокруг борьбы присоединился еще один ужасный вопль, на секунду слившийся с ревом Рааля, а затем уже соло — это была импровизация на тему злости и предательства. Внезапно тело Рааля замерло, и этого времени как раз хватило, чтобы я вывернулся, практически вырвавшись из его лап. Но через мгновение он уже снова бросился атаковать меня...

И тут ему нанесли удар сзади, за ним последовал второй сокрушительный удар буквально сразу же, и из его рта хлынул новый ручеек крови. Он закашлялся, захрипел, задрожал всем телом, наклонился вперед — поперек спины зияла рана, — пошатнулся и свалился с края громадного позвонка...

...а с ним и Цирцея.

Я прыгнул до того, как понял, что делаю, вытянув ноги и руки на всю длину, в надежде, что я правильно прицелился и место, на которое прыгаю, достаточно крепко, чтобы выдержать силу удара. Когда я приземлился, то ухватился за край глазницы черепа Фрэнка, что было сил.

Моя нога была тяжелее, чем нужно, килограммов эдак на сто шестьдесят, как мне показалось. Я посмотрел вниз и увидел, что в мою вытянутую ногу вцепилась Цирцея, ее пальцы, все еще залитые кровью Рааля, обхватили мою зазубренную ступню, и мои когти впивались в ее тело. А за ноги Цирцеи в свою очередь ухватился Рааль, очень даже живой и чрезвычайно злой.

А под ними огненная яма взревела от радости, страстно желая получить свою порцию пищи. Запах трав налетал на меня теперь со всех сторон, это была уже не мягкая приятная смесь, обволакивающая тело и чувства, а тяжелые удары по голове, по торсу, по мозгам. Аромат Цирцеи атаковал меня то справа, то слева, и не знаю почему, то ли из-за страха, то ли из-за предвкушения чего-то, то ли из-за всего вместе, но он оглушал меня, и я не мог долго сжимать лапу.

Рааль начал ползти вверх, прямо по Цирцее, впиваясь в нее когтями, используя ее прекрасное тело просто как опору. Он шел за мной, и ему было плевать, что по дороге он уничтожает свою протезу. Из его рта не переставала идти кровь, а внизу, под ним, бушевало пламя, и тени танцевали на безумной морде Рааля.

Но меня беспокоила только Цирцея, и я хотел спасти ее, хоть с Раалем, хоть без него. Если я вытащу ее, то вытащу и его, но это неважно. Как-нибудь разберусь, всему свое время.

— Держись, — промышчал я. — Просто держись... Цирцея словно не слышала меня.

— Это было правильно, — сказала она, ее взгляд метался из стороны в сторону в ритме тустепа.⁴⁰ — Прогресс — это правильно...

Я напряг мышцы ноги, пытаюсь заставить их работать, хотя такой тяжелый вес было нелегко удержать. Я подтянулся, держась за глазницу Фрэнка, из-за чего его голова слегка наклонилась, но мне удалось приподняться не более чем на пару сантиметров. А Рааль тем временем еще выше взобрался по телу Цирцеи, его торс уже на уровне ее ног, и он двигался быстро.

— Не беспокойся об этом, — сказал я Цирцее, подтягиваясь еще на несколько сантиметров. — Просто держись крепче...

Но Цирцея покачала головой, не обращая внимания на мои слова.

— Вспомни, — шепнула она, ее тихий голос с легкостью пробивался через треск пламени и крики сражающихся динозавров. — Вспомни, как это было...

И снова мне в носшибанул запах трав, на этот раз паприка нанесла удар снизу, от чего у меня запрокинулась голова, но я успел очнуться и подняться на счете «восемь». Так же, как опохмелка помогает вправить мозги алкоголику, эта небольшая порция трав проникла в тайники моей памяти, уцепилась за события недавнего вечера и продемонстрировала их

⁴⁰ Американский бытовой танец двудольного размера, быстрого темпа (английское two-step, буквально — двойной шаг).

остальной части моего изумленного мозга:

Я лежу в номере отеля «Вестин Мауи». Входит Кала. Я очень устал, мне хочется спать, но я держусь за ниточку сознания только потому, что меня ждет замечательный секс. Что-то лепечу про свою работу, про причины нашего пребывания на Гавайях, но к тому моменту, когда Кала заканчивает прихорашиваться в ванной, я уже не понимаю, что такое стена, что — картина, что — дерево, а что — доисторическая лагуна. Когда она появляется в дверях, за ее спиной поднимается пар, и я вижу, как к кровати подходит знакомая мне самка велосипедиста, прикладывает к губам длинный безупречный палец, а потом целует меня прежде, чем я могу как-то отреагировать на этот прекрасный сюрприз.

— Люби меня, Винсент, — вздыхает Цирцея. — Люби меня.

Но вот я снова вернулся на Голливудские Холмы, и Цирцея, которая с самого начала знала, что я чувствую и почему, кивнула мне. То, что я видел, это правда. Моя маленькая гавайка все это время была рядом со мной.

— Держись, — сказал я, удваивая усилия и скрежеща зубами от напряжения. — Держись...

Но Рааль лез вверх, лез быстро, взбираясь по спине Цирцеи. Его когти оставляли на ее теле длинные кровавые следы. Он уже приготовился прыгнуть ей на плечи, а оттуда сделать последний рывок к спасению, но впервые с момента нашей встречи Цирцея была сама себе хозяйкой — себе и своим чувствам.

Прекрасная рапторша покачала головой, посмотрела мне прямо в глаза, и этот взгляд проник в самое сердце.

— Пришло мое время встретиться с предками, Винсент. Пришло время стать настоящим динозавром.

И когда Рааль приготовился к финальному прыжку, напряг мускулы для последнего смертельного нападения на вашего покорного слугу, Цирцея разжала руки. Просто взяла и разжала их. Падение было быстрым, а пламя жарким. В какой-то момент мне показалось, что я учую запах опаленного листика базилика, на долю секунды мне послышался крик певчей птицы, сгорающей в огне, но все это лишь полет фантазии. За какие-то мгновения все было кончено.

Эрни стоял рядом. Не знаю, когда он успел подняться, но он осторожно оттащил меня с края головы Фрэнка подальше от огненной ямы, облизывающейся вниз. Грета Гарбо, в миру милый булочник из Санта Моники, который в каждый мой приезд бесплатно угощает меня плюшками со смешным названием «Медвежьи лапы», тоже забралась наверх, и они с Эрни стали помогать мне спускаться.

— Все хорошо, дорогой, — сказала Грета со смешным шведским акцентом. — Все кончено.

Не совсем. Внезапно Грета крепко схватила меня за руку (да, единственный момент, когда она не хотела остаться в одиночестве), поскольку скелет начал разваливаться на части. Сначала обвалились гигантские ноги, потерявшие устойчивость из-за сотрясений, за ними быстро последовали массивные бедра и торс, болты, которыми крепились кости, вылетали наружу, падали на землю, а проволока рвалась. Мы втроем прыгнули на ближайшую стену, уцепившись за портьеру, и съехали вниз именно тогда, когда Фрэнк развалился на части и рухнул на пол, превратившись в огромную гору новеньких костей. Его череп раскололся надвое, а челюсть соскользнула в гудящую огненную яму.

Другие дамы закончили свое представление и теперь двигались самым грациозным образом, хотя и умудрились нанести своим противникам огромное количество повреждений. Лайза Миннелли прекрасно владела ударом снизу, но ее мама, Джуди Гарланд, превосходила дочку в умении отправлять соперников в нокаут. Она выбрала своей целью ти-рекса, оценила расстояние до этого малодушного монстра и, резко ударив по башке, отправила его в

далекую, но хорошо знакомую ей страну Оз.⁴¹

Бой закончился в считанные минуты, в основном зачистку оставшихся врагов проводила Барбара Стрейзенд. Без сомнения, само присутствие этой женщины действовало магическим образом, когда она, пританцовывая, кружила по залу, оставляя за собой горы тел. Она была настолько искусна, что расправлялась с врагами, не пролив ни капли крови, и любого могла уложить за пару секунд. А я еще посмеивался над ее ролью в «Повелителе приливов».

Эпилог

Последние деньки декабря. Ненавижу это время года. Рождественские праздники пришли и ушли, хорошее настроение забежало в гости на минутку, а потом со свистом и диким хохотом вылетело из окна, а значит, следующие несколько дней я буду заниматься только тем, что ездить и фотографировать неверных мужей, встречающихся с любовницами, по которым они соскучились за время празднования Рождества в семейном кругу. *О, как же здорово разъезжать в «линкольне» с камерой наперевес...*

Последние восемь месяцев я только и делал, что пытался забыть, что произошло со мной тогда на Гавайях, а зафиксировать в памяти только самые интересные и приятные моменты как можно подробнее. Периодически я буду ловить себя на том, что закрываю глаза и пытаюсь представить себе Цирцею, ее запах, те джунгли и фантастические доисторические сцены, иногда я даже буду позволять себе делать это. Буду позволять себе чувствовать легкий бриз, свежий и влажный воздух и присутствие других существ. А в другой раз я отряхну с себя эти воспоминания и пойду лучше съем конфетку.

Вся верхушка прогрессистов предстала перед Советом, а мы с Эрни дали столько письменных показаний, что озолотили десятерых судебных секретарей настолько, что они смогут послать своих детей в самые престижные университеты Америки, но, когда все закончилось, никто не захотел рассказать нам исход дела. Мы писали письма, петиции и настолько надоели всем телефонными звонками, что суд мог вынести решение нас самих заключить под стражу, но... не получили ответа.

Я был настолько расстроен из-за этой ситуации, что даже баллотировался в Совет Южной Калифорнии несколько месяцев назад, частично это было импульсивным решением, а частично — вызовом обществу, и меня выбрали представителем от рапторов. Вот уж повезло так повезло. Теперь каждый третий вторник месяца мне приходится проводить в меблированном подвале в доме Гарольда Джонсона, хотя термин «меблированный» тут не совсем подходит. У Гарольда, представителя от бронтозавров, в подвале стоят лишь старенький диванчик и кресла на двух человек, но к тому времени, как я добираюсь до его ранчо в Бербанке, миссис Ниссенберн и парень по имени Обрест уже забивают себе удобные места, а мне остается только сесть на пол или на стиральную машину. Разумеется, в тот раз, когда я уселся на эту стиральную машину, меня меньше чем через час пришлось везти в больницу и на две недели на хвост наложили систему вытяжения — даже не спрашивайте, — поэтому обычно я предпочитаю стоять. Да, это повышение, ничего не скажешь. Проблема в том, что, даже после всей этой шумихи, став вроде как влиятельным лицом, я не могу выдавить из представителей Национального Совета ни капли информации. Может, я просто должен обратиться в высшие инстанции и кое-что шепнуть им на ушко.

А прогрессисты, насколько я понимаю, все так же сильны, хотя оружие у них и конфисковали, от военных планов пришлось отказаться, а все «настоящие» динозавры были помещены в закрытые больницы, где им снова прививают человеческие навыки. Я не против того, чтобы группа существовала, большинство ребят вовсе не хотели войны, а стремились лишь лучше понять самих себя, а в этом я не вижу ничего криминального.

⁴¹ Намек на то, что настоящая Джуди Гарланд снялась в роли Дороти из «Страны Оз».

Руперту уже лучше, но улучшение наступило после шести месяцев интенсивной терапии — на этот раз с настоящим специалистом по депрограммированию, которого мы нашли по справочнику, — когда он смог смириться с тем, что для него Прогресс кончился, а вместе с ним и свободная жизнь. На Совете он отделался только парой шлепков по заднице, всего каких-то двести часов общественных работ вместе с динозаврами, страдающими синдромом Дресслера и считающими себя людьми, и, кажется, ему даже понравилась возложенная на него ответственность. Сейчас он работает у Джул и помогает ей проводить самые простые процедуры, и хорошо, что засранец учится ремеслу, пусть и такому, от которого Эрни все еще слегка не по себе. Но он же всегда чего-то искал и не мог определить свое место в этом мире, так что, несмотря на постоянную работу, я жду, когда мне сообщат, что он снова присоединился к какой-нибудь новой секте.

Я сдержал слово и не стал сдавать Стар Джозефсон в полицию, но и Минского не разочаровал. После того как были проведены исследования Муссолини и его сложного устройства — не думайте, я не в обычную лабораторию ходил, — я получил множество рисунков, диаграмм, чертежей этого липового фаллоса и принес их к самому замечательному разработчику аксессуаров из всех, кого я знаю. Через неделю у Джул уже была готова для меня почти идеальная копия Муссолини, которая не стоила мне ни цента. Джул же была настолько довольна результатом, что включила Муссолини в свой ассортимент. Через шесть часов слухи расползлись по городу, и желающие получить ее новое творение уже были расписаны на десять месяцев вперед, так что теперь я с трудом дозваниваюсь до своей подружки.

На следующий день после того, как я получил репродукцию Муссолини, я пошел к Минскому в офис, сообщил ему, что и впрямь обнаружил Стар на Гавайях, выхватил пенис у нее из кармана, а ее саму затащил в закоулок, — всегда лучше, чтобы в подобных сказках была хоть капля правды, — а потом... На этом месте я замолк, позволив воображению коротышки нарисовать ту картину, какую он сам захочет. Фантазия всегда лучше правды. Минский быстро додумал все кровавые детали, заново прикрепил Муссолини, не заподозрив, что он фальшивый, хотя первые несколько секунд меня это очень волновало, и поблагодарил за хорошо выполненную работу. Не думаю, что он будет часто попадаться нам на глаза.

Мы с Эрни относительно заняты. Слух о нашем расследовании по делу прогрессистов стал достоянием общественности, а после таких громких дел ты обычно обрастаешь клиентурой на несколько месяцев вперед. Так что мы бегали туда-сюда и почти не видели друг друга, как супруги, работающие в разные смены...

Я сидел в офисе, ковырялся с бумажками по новому делу, которое подкинул нам Тейтельбаум, и тут зашел Эрни в очень приподнятом настроении. Я думаю, это он жизни радуется, поскольку к травмам он не прикасался после нашего возвращения с Гавайев. Они снова видятся с Луизой, но как друзья. Она влюблена в своего нового мужа-олуха, и хотя нельзя сказать, что Эрни без ума от этого парня, но он терпит присутствие ти-рек-са, чтобы побыть рядом со своей единственной любовью.

— У нас новое дельце, — весело сказал он.

— Дел-то навалом, — отозвался я, — работать некому. Садись-ка, выпей и заполни что-нибудь из этих чертовых бумажек.

Я швырнул ему на стол пачку документов, и они разлетелись по поверхности.

Эрни покачал головой и пошел к шкафу.

— Нет времени, совершенно нет времени.

Теперь он не остается так часто ночевать в офисе, хотя по-прежнему хранит здесь кое-что из своих причиндалов. Я смотрел, как он вытаскивает из шкафа чемодан и плотный шерстяной пиджак.

— Ты куда-то собираешься? — поинтересовался я. — Я тебя практически не видел уже две недели.

— И увидишь только после Нового года. У меня есть шанс заработать десять штук по-быстрому и без особых хлопот, — он рассказал мне об убийстве знаменитого

нью-йоркского финансиста, которого шлепнули пару дней назад. — И семья этого Макбрайда предложила мне десять тысяч плюс накладные расходы — как ты понял, речь идет о Нью-Йорке! — и премию, если мы поймем преступника. От такого предложения я не мог отказаться.

— А нельзя отложить эту поездку на денек?

— Разумеется, можно, но...

— Слушай, — сказал я, все больше и больше ощущая себя, как нелюбимая жена. — У нас не было времени поговорить... вместе провести время. Работа — это здорово, но...

— Но что хорошего в том, чтобы только и делать, что работать?

— Именно, — сказал я, — мне всего-то и нужно несколько часов твоего времени.

Эрни остановился, взглянул на чемодан и многозначительно швырнул его обратно в шкаф, где он и приземлился с глухим стуком.

— Что за черт, — сказал он. — Слегка поразвлечься не повредит...

Я выскочил из-за стола, пока он не передумал, и схватил пальто. Эрни надел шляпу, и мы вышли из офиса, заперев за собой дверь с надписью **«Ватсон и Рубио. Частные детективы»**.

— Хочешь в кино? — спросил напарник. — В кинотеатре «Ньюарт» показывают все серии «Затерянного мира».

— Да я и так их все видел, — сказал я, когда мы спускались по лестнице. — А не хочешь сходить на представление в клуб «Шангри-Ла»?

— Так ведь его закрыли.

— Ну да. Но у Джул так хорошо пошли продажи Муссолини, что она смогла заработать денег и заново его открыть. Сегодня как раз открытие, и в шоу участвуют все девочки — Барбара, Грета, Джейн...

Эрни покачал головой.

— Не знаю, малыш... Я не особенно люблю ходить по таким местам...

— Тебе понравится, — пообещал я. — Кроме того, мы ведь можем посмотреть только первые несколько номеров. Кстати, я слышал, что Лиз Тейлор от тебя голову потеряла.

Хотите верьте, хотите нет, но мой дорогой напарник покраснел.

— Конечно, малыш, — сказал он, с трудом сдерживая смех. — Давай сходим в «Шангри-Ла», потом быстренько перекусим и снова за работу. Идет?

Мы подошли к моему новому «линкольну» — я приобрел себе опять марку 8, когда страховая компания выплатила страховку за угнанный, — и я открыл дверцу для своего напарника.

— Отлично, Эрн. Просто отлично.

Он прав — нельзя только и делать, что работать, но безудержно веселиться и прожигать жизнь тоже нельзя.

А нам с Эрни предстоит еще раскрывать до хрена всяких дел.